Министерство образования и науки Российской Федерации

ФГБОУ ВПО «Благовещенский государственный
педагогический университет»

С. А. Головин

СТАРИННЫЕ КАРТЫ МИРА, РОССИИ и СИБИРИ

Том 3

Старинные русские карты России и Сибири

Благовещенск
Издательство БГПУ
2012

ББК 63.218 + 26.17г
Г 61

Рецензенты:

Н. А. Шиндялов, д-р ист. наук, профессор;

А. А. Киреев, д-р ист. наук, профессор;

С. М. Стасюкевич, канд. ист. наук, профессор

Головин, С. А.
Г 61 **Старинные карты мира, России и Сибири**. В 3 т. Т. 3. Старинные русские карты России и Сибири / С. А. Головин. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2012. – 209 с. : ил.

ISBN 978-5-8331-0243-5 (т. 3)
ISBN 978-5-8331-0240-4

Данная монография обращена к страницам становления и развития научного знания и посвящена истории мировой и русской картографии. В представленном сочинении на основе сопоставления географическо-картографических сведений из различных исторических эпох рассматривается эволюция географического и картографического знания. При подготовке и подборке материала для монографии был использован широкий и разнообразный круг источников, как географического и картографического характера, так и историографического, биографического и библиографического содержания.

Монография состоит из трёх частей (томов), первая из которых посвящена наиболее знаменитым старинным картам мира, вторая — зарубежным старинным картографическим изображениям территории России и Сибири, третья — русским старинным картам, отображающим географическое пространство России и Сибири.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Благовещенского государственного педагогического университета

ББК 63.218 + 26.17г

ISBN 978-5-8331-0243-5 (т. 3)
ISBN 978-5-8331-0240-4

Содержание

СТАРИННЫЕ РУССКИЕ КАРТЫ РОССИИ и СИБИРИ

Том (раздел) III.

СТАРИННЫЕ РУССКИЕ КАРТЫ РОССИИ и СИБИРИ

От XVII столетия, помимо двух несохранившихся (1570–1590-е, 1627) вариантов «Большого чертежа» Московского (Русского) государства и дошедшей до нас «Книги Большому чертежу», остались различные исторические свидетельства о семи русских больши́х чертежах Сибири — 1629, 1667, двух 1672/73, 1678 (Н.Г. Спафария-Милеску), 1684/85, 1698 (С.У. Ремезова) годов. Чертёж 1629 г. не сохранился ни в оригинале, ни в копиях; о его существовании известно из кратких русских рукописных свидетельств. Оригиналы русских карт Сибири 1667, 1672/73, 1678, 1684/85 гг. не сохранились; они существуют в различных более поздних копиях. [О чертежах С.У. Ремезова, с которых фактически начинается российская картография, речь пойдёт ниже].

«Годуновская карта» Сибири

Наиболее ранней из сохранившихся (!) русских карт считается так называемый «Годуновский чертёж» Сибири («Годуновская карта»)[1] — составленный в конце 1667 г. под руководством тобольского воеводы П.И. Годунова[2] чертёж (карта) Сибири с текстами, реально (пусть и несовершенно) отразивший гидрографическую сеть Сибири и Дальнего Востока России и области расселения племён.

Да и «Годуновскую карту» (1667) лишь с большо́й натяжкой можно назвать «русской». Дело в том, что она стала известна благодаря старинным рукописным копиям, сохранившимся в Швеции, а широкую известность этот чертёж приобрёл вследствие того, что копия карты была тайно приобретена и вывезена из России шведскими дипломатами.

Оригинал чертежа 1667 г. не сохранился; автор неизвестен; карта дошла до нас в 6-ти копиях (очень плохого качества): трёх шведских, одной немецкой и двух русских (при этом русские копии — наиболее поздние). Автором русских копий является С.У. Ремезов. Они отличаются друг от друга лишь незначительными деталями, в основном в размещении надписей. Одну из этих копий С.У. Ремезов включил в свою «Хорографическую чертёжную книгу Сибири» (1697–1711). На копии данной карты заглавие (в левом нижнем углу) гласит: «[7]176 г. [1667 г.] по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича

---

[1] Багров Л.С. Карты Азиатской России. Пг., 1914. С. 10–12; Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Киев, 1906. Сер. 2. Вып. 1. Таб. XXII; Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 23–38; Гольденберг Л.А. Подлинная роспись Чертежа Сибири 1667 г. // Труды Института истории естествознания и техники. Т. 42. М., 1962; Полевой Б.П. О подлиннике «Чертёжной книги Сибири» С.У. Ремезова 1701 г. Опровержение версии о «Румянцевской копии» // Доклад института географии Сибири и Дальнего Востока. М., 1964. № 7; Полевой Б.П. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г. // Известия АН СССР. Серия географическая. М., 1966. № 4; Постников А.В. Картографирование Сибири в XVII – начале XVIII века. Семён Ульянович Ремезов и его рукописные атласы // Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году [в 2 тт.] Т. 2: Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели / Л.Н. Зинчук [и др.]. М., 2003. С. 7–19.

[2] Годуно́в Пётр Иванович (?–1670/71) — русский государственный и военный деятель, стольник (1643); из рода Годуновых; упоминается в Дворцовых книгах как чашник на свадьбе царя Алексея Михайловича (1648). С 1650 г. — в опале. Есаул из стольников в царских походах 1654–1656 гг. в ходе русско-польской войны (1651–1667) и 1656–1658 гг. в период русско-шведской войны (1656–1658). Воевода в Брянске (1658–1659). Воевода в Тобольске (май 1667 – сентябрь 1669 гг.).

Для укрепления южных границ русской Сибири запланировал строительство системы острожков и крепостей в уязвимых местах; учредил драгунские полки с целью охраны границ. Обеспечивал «сбережение государевой казны» (только за один год доходы превысили 40 тыс. руб.); способствовал слободской колонизации Сибири. Развивал винокурение, расширил посевы технических культур (лён, конопля), основал производство канатов, организовал доставку зерна в г. Мангазею по рекам и волокам, ввёл систему откупа на азартные игры. Способствовал поиску драгоценных металлов. Под его руководством был составлен «Чертёж» Сибири («Годуновская карта», 1667).

Его жёсткие административные действия и заносчивый нрав вызвали конфликт с подчинёнными ему чинами администрации и большинством населения Тобольска. В 1669 г. он был отозван из Тобольска. Через год Пётр Годунов погиб (был убит) в Свияжске во время экспедиции в верховья р. Яик (Урал) для поиска золотых и серебряных руд. (Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955; Власть в Сибири: XVI – начало XX вв. Новосибирск, 2003).

всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца збиран сей чертеж на лист в Тобольску тщанием стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи». Эта легенда (надпись) заключена в скромную рамку (картуш) ромбовидной формы, а поверху и понизу карты идут пояснения С.У. Ремезова. На второй русской копии, выполненной более тщательно и включённой Ремезовым в «Служебную чертёжную книгу» (1702–1730), название написано в форме ромба, но без рамок, а пояснения поверх карты отсутствуют.

Одна из шведских копий «Годуновской карты» (1667) попала в Швецию через Клааса Иогансена Прютца (1651–1707)[1], который, будучи при шведском посольстве в Москве в 1668–1669 гг., скопировал её 8 января 1669 г.; вторая копия была сделана главой этого же посольства Фридрихом Кронеманом.

Опекуны шведского короля Карла XI (1655–1697 гг., король — с 1660 г., самостоятелен — с 1672 г.) снарядили в 1668 г. посольство к русскому царю Алексею Михайловичу (1629–1676 гг., царь — с 1645 г.). Шведское посольство возглавлял подполковник Фридрих Кронеман /Фриц Кротман/ со свитою из 36 чел., в составе которой был кондуктор фортификации К.-И. Прютц, выполнивший вышеупомянутые копии с русской карты Сибири.

В Королевской библиотеке Стокгольма хранится рукописный дневник Прютца («Itinerarium per nonnullas Rusiae et Polonift partes; cum Apendice de peregrinatione eller En Iiyten Tractat ang Russland») о поездке в Россию, к которому приложена рукописная карта. В нижнем левом углу карты есть надпись, содержание которой аналогично легенде на копии «Годуновской карты» Ремезова. Из дневника Прютца: «Приложенную ландкарту Сибири и пограничных с нею стран я скопировал 8 января 1669 г. в Москве настолько хорошо, насколько возможно было это сделать с плохо сохранившегося оригинала, данного мне лишь на несколько часов князем Иваном Алексеевичем Воротынским (?–1679)[2], но с тем, чтобы я только просмотрел её и отнюдь не чертил». Рисунок тщательно раскрашен, а надписи на

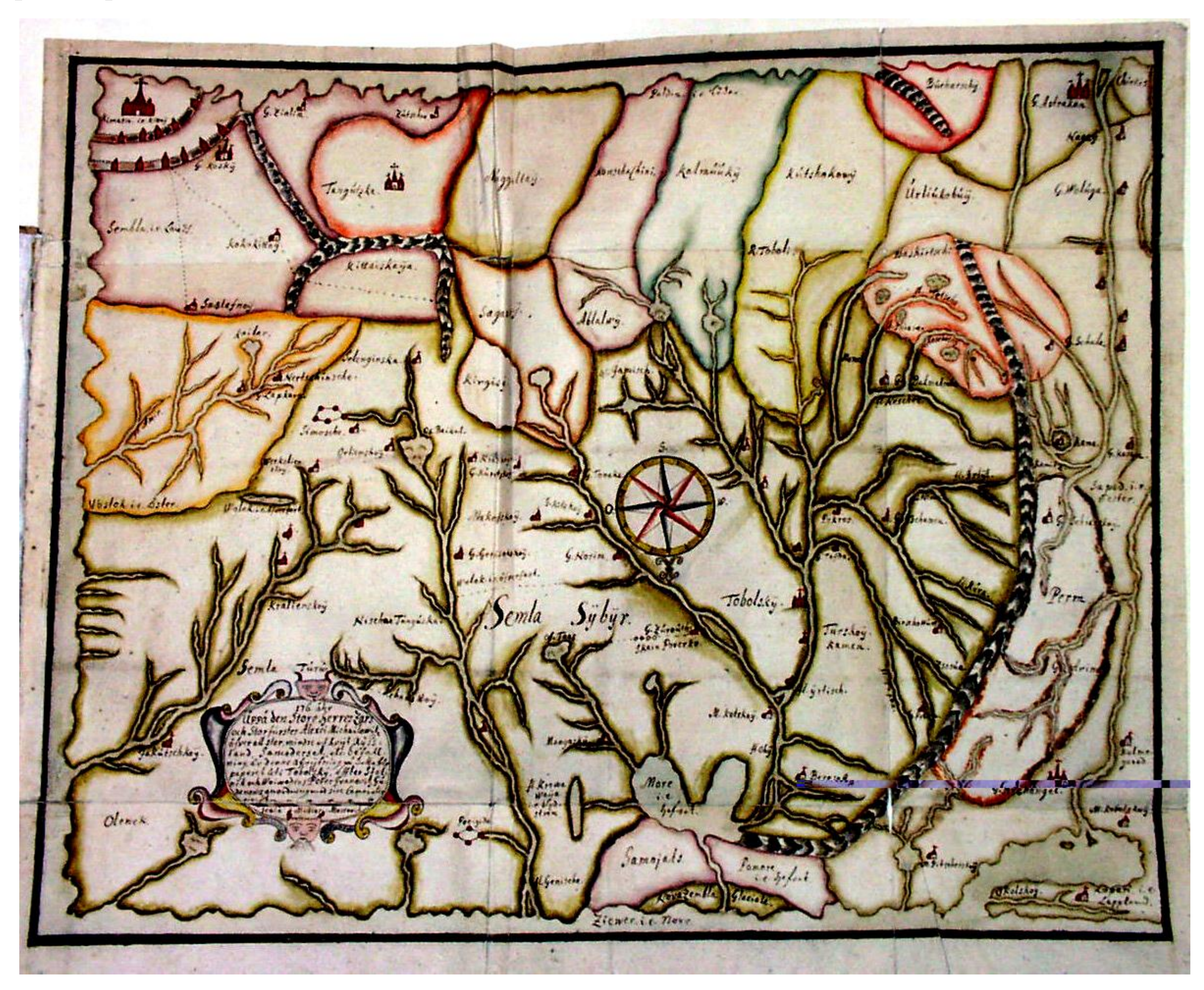
[1] Шведский офицер Клаас Иогансен Прютц (1651–1707) родился в Стокгольме, был студентом старейшего в Швеции университета Упсалы (основан в 1477 г.), в 1668 г. поступил мушкетёром в полк, расквартированный в Нарве. Вскоре был назначен гоф-юнкером при шведском генерал-губернаторе в Лифляндии, затем служил кондуктором фортификации в Риге. В 1668–1669 гг. состоял при посольстве Фридриха Кронемана /Кротмана/ в Москве; в период пребывания в России вёл дневник. Возвратившись из Москвы, в феврале 1669 г. Прютц был назначен в свиту графа К. Тотта, отправляемого послом в Варшаву. В 1673 г. он принимал участие в посольстве того же К. Тотта во Францию. В 1685 г. в чине майора был назначен комендантом замка Бромберг, в 1686 г. вышел в отставку. В отставке занимался собиранием материалов по истории Швеции и шведского права. После его смерти в Эдё (провинция Нерике) осталось несколько составленных им рукописных сборников различного содержания, бо́льшая часть которых хранится в королевской библиотеке в Стокгольме.

[2] Вороты́нский Иван Алексеевич (?–1679) — русский государственный деятель, входил в ближайшее окружение царя Алексея Михайловича, князь (из черниговских Рюриковичей), стольник (1648), боярин (1664). Его предки занимали видное положение при русском дворе с конца XV в. (вышли из Литвы, где были служилыми князьями). Как и отец (Алексей Иванович), получал самые престижные служебные назначения на дипломатических и дворцовых приёмах, в царских походах (обычно объявлялся 1-м рындой), поездках, богомольях и т.д. В 1660–1670-е гг. выполнял отдельные поручения царя, не раз возглавлял боярские комиссии для управления Москвой в отсутствие царя, неоднократно участвовал в дипломатических переговорах.

Обладал значительным состоянием и входил в число крупнейших землевладельцев: до 20 вотчин с более чем 4,6 тыс. дворов в 8 уездах. Отстроил усадьбу-резиденцию в подмосковном с. Куркино, возвёл в ней каменную церковь Владимирской Божией Матери (сохранилась); пожертвовал крупные суммы на строительство приходской церкви Троицы «в Полях» в Москве (не сохранилась). В каменных палатах его московской усадьбы на Никольской улице было до 40 парадных, жилых и иных помещений, парадное крыльцо завершалось тремя каменными шатрами с бочкой, крытой жестью. В усадьбе также находились хозяйственные и жилые строения для многочисленной дворни.

У И.А. Воротынского хранились парсу́ны (живописные портреты с элементами иконописи) шведского короля-полководца Густава II Адольфа (1594–1632 гг., король — с 1611 г.) и королевы Кристины (1626–1689 годы, королева Швеции — в 1632–1654 г., самостоятельно правила — с 1644 г., отреклась и перешла в католичество), изображения гербов, переводы «Курантов», описание свадьбы польского короля Владислава IV Вазы (1595–1648 гг., король — с 1632 г.) и прочие рукописи. С кончиной И.А. Воротынского (единственный сын стольник Михаил умер ещё при жизни отца в 1677 г.) или, по некоторым данным его внука Ивана Михайловича в 1680 г., род князей Воротынских по мужской линии пресёкся.

карту нанесены так, что юг расположен вверху, а север внизу. Иными словами, карта ориентирована на юг.

Шведская копия «Годуновской карты» Сибири (1667), скопированная в 1669 г. К.-И. Прютцем. Юг сверху

Вторая шведская копия «Годуновской карты» находится в документах посольства Кронемана, хранящихся в Государственном архиве в Стокгольме. Эта копия была снята шведским посланником Кронеманом[1] и похожа на копию Прютца, но не раскрашена. В письме из Москвы от 10 февраля 1669 г. Фридрих Кронеман по поводу карты писал: «Карту всех этих стран и Сибири до Китая, которую прислал недавно по указу Е. Вел-ва [его величества] тобольский воевода Годунов, показали и мне, и я снял копию, получив позволение продержать её у себя одну ночь».

В Государственном архиве в Стокгольме хранится третья шведская копия с «Годуновского чертежа», снятая Эриком Пальмквистом (1650/51–1675)[2] — участником другого шведского посольства в Москву (1673–1674). Для обсуждения и устранения ряда спорных вопросов, возникших между Россией и Швецией, в 1673 г. шведское правительство отправило специальное посольство в Москву в составе графа Густава Оксеншерна, барона Г.-Г. Тизенгаузена и Г.-И. фон Будберга. К посольству был прикомандирован в качестве военного агента молодой (23-летний) артиллерийский капитан на шведской службе Эрик

[1] Ф. Кронеман /Кротман/ был сыном возведённого в дворянское достоинство бюргера (горожанина) Риги Г. Деттермана. Получив чин подполковника шведской кавалерии, он поступил затем на голландскую службу, где состоял подполковником и генерал-адъютантом. Дальнейшая его судьба неизвестна.

[2] Эрик Пальмквист родился в 1650 г., получил хорошее образование, поступил на шведскую военную службу и отличился при укреплении Риги. Состоял военным атташе в шведском посольстве в Москву (1673). В 1675 г. был произведен в чин генерал-квартирмейстера, но вскоре скончался в Христианштадте.

Пальмквист, получивший задание собрать сведения о русских вооружённых силах, сделать зарисовки и планы стратегически важных городов и крепостей.

Порученные обязанности Пальмквист выполнил очень тщательно. Результатом его работы явилась рукопись под заглавием «Несколько замечаний о России, её дорогах, укреплениях, крепостях и границах во время последнего королевского посольства к московскому царю» («Nagre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren i Muscou giorde Observationer ofver Ruszland des Wager Pasz meds Fastningar des Grantzer», Anno 1674), более известная под названием «Заметки о России». Рукопись Пальмквиста была опубликована в Стокгольме только в 1893 г. (в роскошном фототипическом издании, точно воспроизводящем подлинник, но без всяких комментариев и вступительных статей)[1]; однако уже задолго до этого она была известна исследователям, посвятившим ей ряд статей. На русский язык переведены и опубликованы лишь отдельные выдержки из сочинения Эрика Пальмквиста[2].

Данная рукопись содержит 53 рисунка (выполнены пером, различного формата), 16 географических карт, планы русских городов (Новгорода, Торжка, Твери, Москвы и Пскова), пояснительный текст в виде отдельных заметок (иногда довольно длинных), приложенных к рисункам и географическим чертежам. Среди рисунков: торжественный приём шведских послов в царских палатах; казнь преступников; встреча послов на русской границе; возок знатной дамы, запряжённый шестью лошадьми. Из карт, находящихся в альбоме, четыре относятся к территории России: две отображают Каспийское (карта Волги) и Белое моря, две посвящены Сибири. Одна из них и является копией «Годуновской карты», снятой Пальмквистом в Москве.

Пояснительный текст (комментарии) в «Заметках о России» Пальмквиста выполнен в форме итинерария. «Подробное обозначение стран, городов и различных народов Московского государства вплоть до Киргизской страны, Монголии и Китая, а также расстояний между ними:

Из Москвы в Переславль — от Москвы .... 36 миль[3];
[из] Переславля в Ярославль — от Переславля ……………………. 18 миль;
[из] Ярославля в Вологду — от Ярославля ……… Населены 46 миль;
[из] Вологды в Тотьму — от Вологды ………….. русскими 50 миль;
[из] Тотьмы в Устюг — от Тотьмы………………… 50 миль;
Всего …………………………………………….. 200 миль.
[Из] Устюга в Сольвычегодск — от Устюга …………………….. 12 миль;
От Сольвычегодска начинается народ, называемый зыряне
[из] Сольвычегодска в Соликамск — от Сольвычегодска ……….. 188 миль;
В ста милях по эту сторону Соликамска другой народ, называемый пермяки
[из] Соликамска в Верхотурье — от Соликамска ………………… 50 миль;
Другой народ, называемый вогулы
[из] Верхотурья в Епанчин — от Верхотурья …………………….. 36 миль;
[из] Епанчина в Тюмень — от Епанчина …………………………. 18 миль;
Хорошо заселено другим народом — сибирскими татарами
[из] Тюмени в Тобольск — от Тобольска ……………………….. 46 миль;
Остается русским городом; направо живут татары, называемые башкиры
[из] Тобольска в Демьянский ям — от Тобольска ……………… 60 миль;
Здесь начинаются обские народы, живущие по обеим сторонам реки Оби и называемые обские остяки
[из] Демьянского в Самаровский ям — от Самарова …………….. 15 миль.
Первый город на Оби — Сургут — от устья Оби ……………………. 80 миль;

[1] Nagre widh Sidste Kongl. Ambassaden till Tzaren i Muscou giorde Observationer ofver Ruszland. Stockholm, 1893.

[2] Э. Пальмквист о Новгороде XVII в. // Новгородский исторический сборник. № 3 (13). Л., 1989.

[3] Расстояния указаны в старых русских милях; 1 старорусская миля = 7,468 км;

Другой [город] Нарым — от Сургута ……………………………… 200 миль;
Отсюда Томск остается направо
[из] Нарыма в Кетский острог — от Нарыма ………………………. 25 миль;
[Здесь] течет маленькая река, называемая Кеть; впадает в Обь. Здесь также живут остяки
[из] Кетского острога в Маковский ……………………………….. 200 миль;
[из] Маковского в Енисейск — от Маковского …………………… 20 миль;
Обширная пустынная область
[из] Енисейска в Красноярский острог — от Енисейска …………. 60 миль;
Населён русскими
[из] Красноярского острога в Киргизскую землю — от Красноярска … 80 миль;
[Здесь] обитают различные народы: татары, калмыки, киргизы, чёрные калмыки, белые калмыки, жёлтые калмыки, монголы, бухарцы, китайцы. Все эти народы и земли остаются вправо, когда подымаешься вверх по большой реке Енисею»[1].

Описанный Пальмквистом путь до Тобольска — это обыкновенный тракт (отнюдь не секретный), по которому чаще всего ездили из Москвы в Сибирь в XVII веке. Но примечательно, что указанные Пальмквистом расстояния между русскими городами (в старорусских милях) не отражают действительности (меньше реальных) и не соответствуют тем, какие привёл (в межевых верстах) немец (на шведской службе) Иоганн Филипп Кильбургер (?–1721)[2], состоявший вместе с Эриком Пальмквистом в шведском посольстве 1673–1674 гг. в Московию, в своём сочинении «О русской торговле» (1674). Иными словами, пояснения к карте, составленные Пальмквистом, не имеют ничего общего с расстояниями, указанными в русских дорожниках. В русских дорожниках расстояния по Сибирскому тракту указывались в межевых вёрстах (1 межевая верста = 2,160 км), употребляемых для межевания и определения расстояния между населёнными пунктами, и притом только от Москвы до Тобольска; далее — в днях пути (сухопутного или водного)[3]. Также в «Заметках о России» Пальмквиста совсем нет никаких сведений о Великом водном пути в Сибирь (кроме перечисления его основных пунктов — Маковского, Кетского острогов, Енисейска и др.), о Якутии и Амуре.

В своем посвящении сочинения Карлу XI (в предисловии) Пальмквист упоминает, что при снятии видов он часто подвергался опасностям; а карта Сибири якобы передана человеком, чьё имя он не может указать. «Я сам, — замечает Пальмквист далее[4], — в разных местах тайно наблюдал и рисовал, рискуя собою, а также получил за деньги некоторые сведения от русских подданных. <…> И не смог узнать от этого неприятного и трудного в обращении народа более того, что здесь помещено».

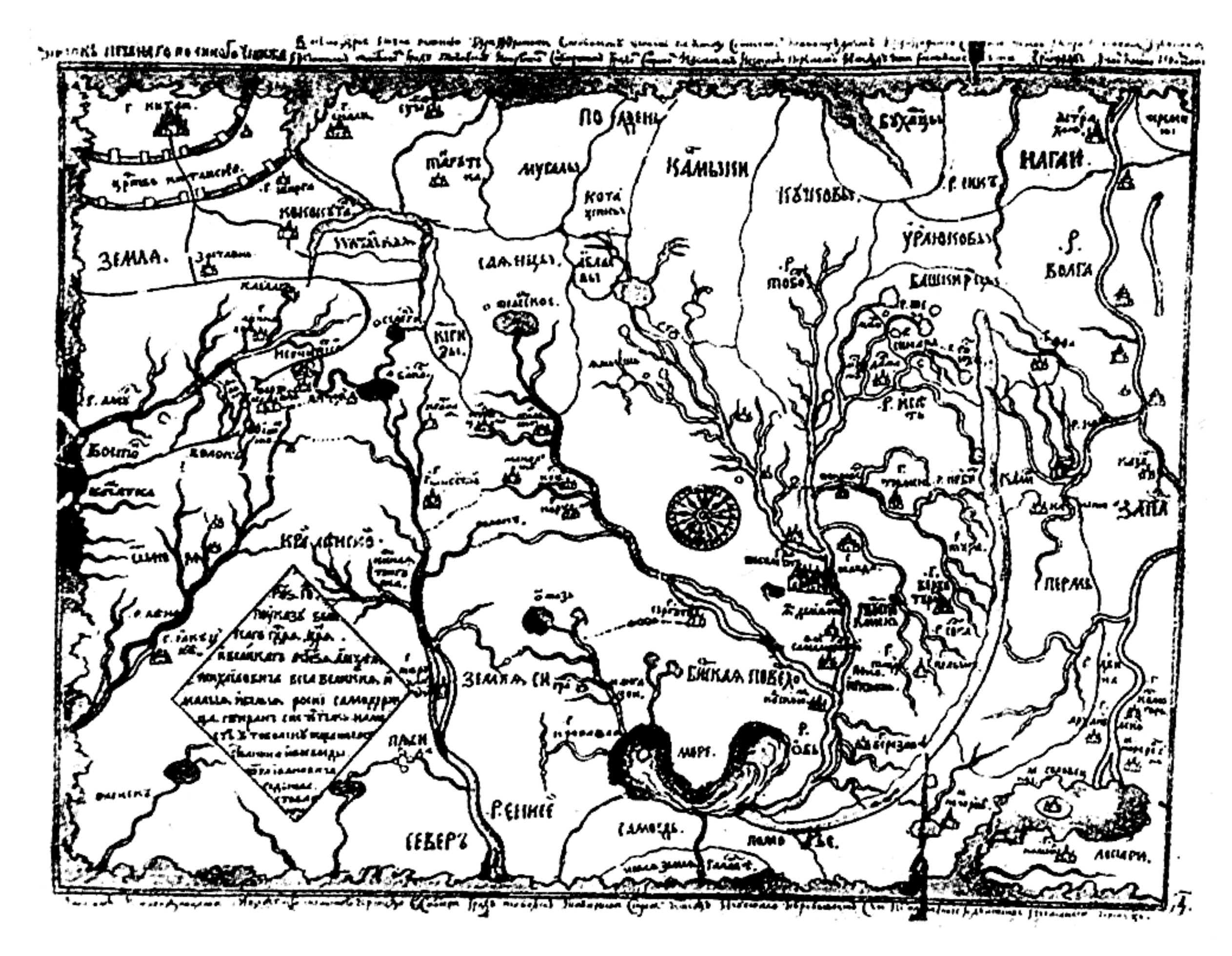
Обе карты Сибири в «Записках о России» Пальмквиста имеют очень много сходного между собою: они обе ориентированы на юг; очертания Сибири имеют прямоугольную форму; нет ни малейшего намёка на полуострова Таймыр, Чукотка (Чукотский нос) и Камчатка. Обе карты имеют мало общего с изображением Северо-Восточной Азии у европейских картографов того времени.

[1] Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Т. 1. Ч. II. Иркутск, 1936.

[2] Из сочинения Иоганна Филиппа Кильбургера (?–1721) «О русской торговле» (1674): «От Москвы до Переславля — 180 вёрст, до Ярославля — 90, до Вологды — 230, до Тотьмы — 250, до Устюга — 250, до Сольвычегодска — 60 («400 вёрст отсюда берут начало народы, которые называются пермяками»), до Соликамска — 940, до Верхотурья — 250 («эти народы называются вогуличами»); до Епанчина /Япанчина/ — 180; до Тюмени — 90 («здесь живут сибирские татары»); до Тобольска — 230 («между Тюменью и здешней местностью оставляют справа башкирских татар»). Всего вёрст 2750». (Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 202–203, 551).

[3] Титов А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 41–101; Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928. С. 103, 110–112.

[4] Цит. по: Готье Ю. Известия Пальмквиста о России // Археологические Известия и Заметки. 1899. № 3–5. С. 65–98.

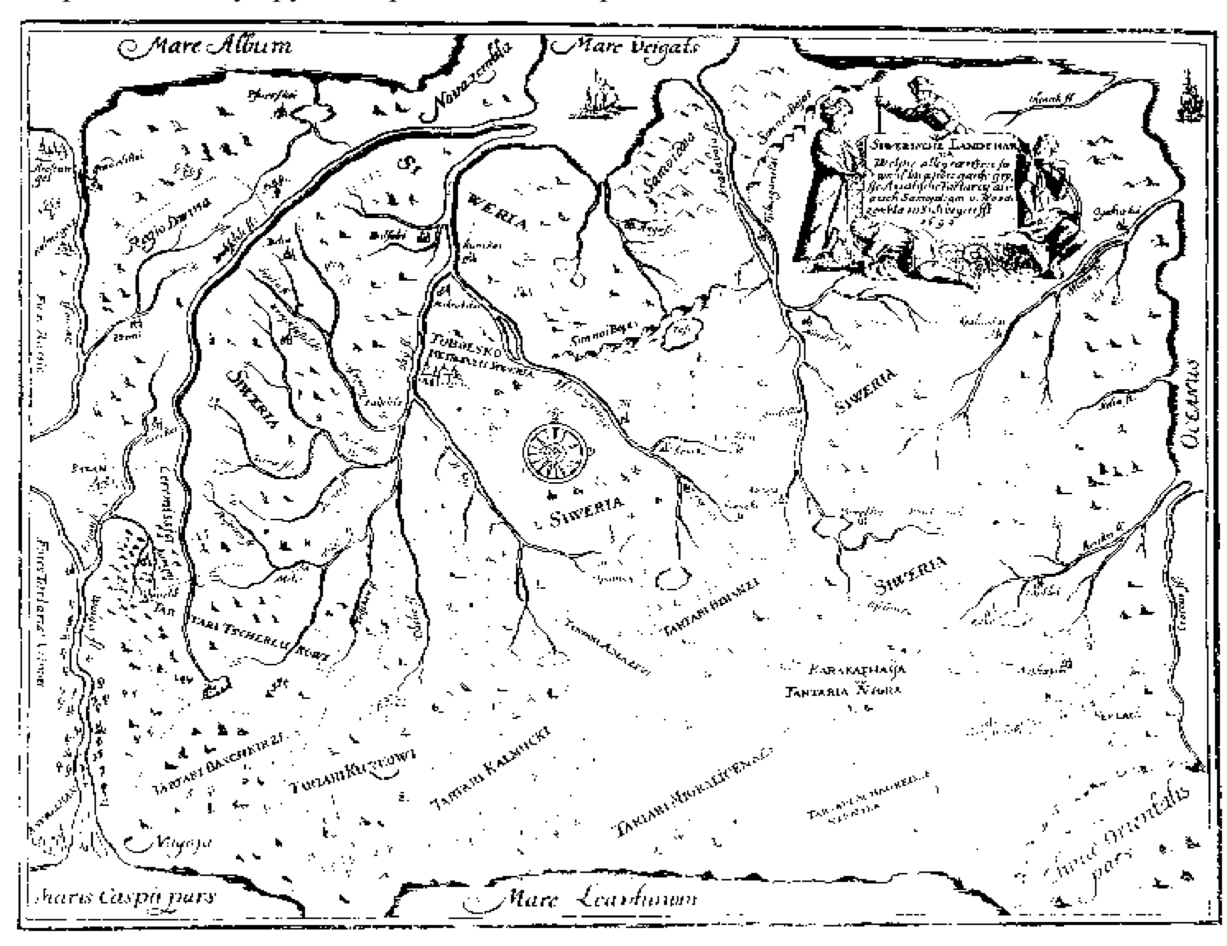
Русская копия «Годуновской карты» Сибири (1667), выполненная С.У. Ремезовым в «Хорографической чертёжной книге Сибири» (1697–1711). Юг сверху

Одна из этих карт, озаглавленная «Копия карты Сибири и части Тобольска, составленной по повелению царя» («Copia off en Char-la, dem Tzaren, ofwer Syberien meds een deel aff Tobolsky»), и есть третья (хронологически) копия «Годуновского чертежа» Сибири. Далеко не так просто решается вопрос о происхождении второй карты Сибири. Часть исследователей считает её 7-й (или 4-й шведской) сохранившейся копией «Годуновской карты». Несмотря на то, что пояснительные надписи на ней сделаны на немецком языке (на этом же языке написаны общие замечания о Сибири, составляющие приложение к этой карте), собственные имена представляют, в большинстве случаев, точную транскрипцию русских имён, что указывает на русский чертёж как на первоначальный источник при составлении этой карты. На ту же мысль наводит отмеченное выше сходство между рассматриваемой картой и «Годуновским чертежом».

Однако другая часть исследователей считает вторую карту Сибири из альбома Пальмквиста также копией русского чертежа Сибири, только не 1667 г., а 1673 г. (копией «Чертежа всей Сибири до Китайского и до Никанского царства»). Дело в том, что на этой карте Сибири из альбома Пальмквиста отражена река «Камчатка», тогда как на остальных иностранных копиях «Годуновской карты» (1667) на этом пространстве карты обозначена река «Колыма» [см. ниже].

Помимо рукописных вариантов Прютца, Кронемана, Пальмквиста и Ремезова сохранилась немецкая печатная карта Георга Адамса Шлейсинга, которая также является копией (1690) «Годуновской карты». О Г.-А. Шлейсинге сохранилось крайне мало сведений: родился в Дрездене или Мейсене около 1660 г.; изучал юриспруденцию в одном из университетов (возможно, в Йене). Его так поразила книга Олеария о Московии, что он предпринял путешествие по Восточной Европе; через Норвегию, Швецию и Финляндию добрался до Нарвы, а оттуда через Новгород до Москвы, куда и прибыл 22 апреля 1684 года.

В России Шлейсинг проживал три года (1684–1687), но неизвестно, чем он занимался в Москве и выезжал ли за её пределы. В своей книге о России он утверждает, что побывал в Сибири; однако об этом не сохранилось никаких сведений. Тем не менее в сочинениях Шлейсинга о России, изданных в Европе после его возвращения в Германию и являющихся в настоящее время библиографической редкостью, содержится много новых сведений, ранее не встречавшихся у других европейских авторов.

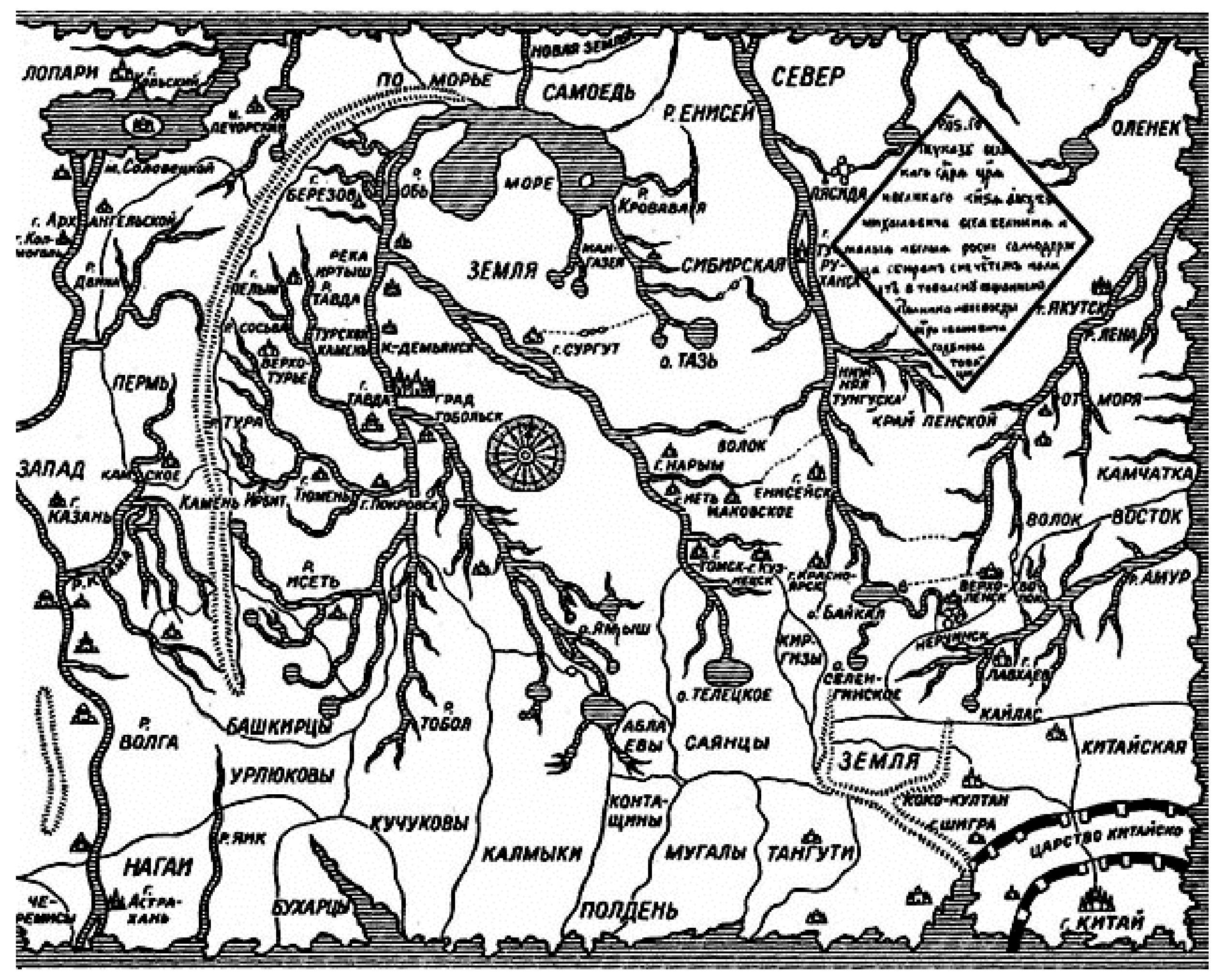
Немецкая копия «Годуновской карты» Сибири (1667), изданная в Германии в 1690 г. Г.-А. Шлейсингом под названием «Siwerische Landcharda» («Ландкарта Сибири»). Север сверху

Карта Сибири, опубликованная в сочинении Шлейсинга (1690, 1692, 1693, 1694)[1], и является ещё одной копией «Годуновского чертежа». Шлейсинг поясняет, что карта составлена «на русский лад по указу царей при содействии опытных немецких офицеров». Она отличается от копий Прютца, Кронемана и Пальмквиста тем, что надпись-заглавие на более ранних копиях карты находится в левом нижнем, а у Шлейсинга — в правом верхнем углу. Кроме того, свою карту он переработал согласно немецкой (европейской) традиции в картографии, поместив север вверху карты и опустив некоторые детали. Так, Уральские горы превратились у него в реку «Wobschti fl.». Исчезло также «Мангазейское море» (Обская и Тазовская губы); оно обозначено как «море Вейгац» (Вайгач). Шлейсинг озаглавил свою копию «Ландкарта Сибири» («Siwerische Landcharda») и отметил её 1690 годом.

Что отображено на сохранившихся копиях «Годуновской карты» Сибири? Копии Прютца, Кронемана и Ремезова примерно одного размера — 37×30 см, Пальмквист и

[1] Первое сочинение было издано Г.-А. Шлейсингом в 1668 г., ещё до его вероятной поездки в Московию, в г. Циттау под заглавием: «Anatomia Russiae deformatae. Das ist: Neu-endecktes Sibyrien». В 1690 г. он напечатал в Иене книгу «Neu-endecktes Sibyrien» и переиздал ее в 1692 г. под названием «Neu-endecktes Sieweria, worinnen die Zobeln gefangen warden, wie es anjetzo angebauet und bewohnet ist, ntbst dtsselbigen Landes abgefasseter Charta». С некоторыми изменениями это сочинение было напечатано в 1693 и 1694 гг. в виде приложения к его же изданию «Derer beyden Czaaren iu Reussland Iwan u. Peter Alexewitz nebst dero Schwester, der Princessin Sophia, bishero dreyfach gefuhrter Regimentsstab».

Шлейсинг значительно уменьшили размер своей карты. На чертеже изображена огромная территория, расположенная к востоку от Волги и Печоры, включая всю Сибирь и Дальний Восток России. Сетка меридианов и параллелей отсутствует; чертёж, как и большинство древнерусских карт, ориентирован на юг (юг — вверху). Сибирь имеет форму прямоугольника, три стороны которого (северная, восточная и южная) омываются морями; её западные границы проходят по Северной Двине (на севере) и Волге (на юге).

Современная репродукция (копия) Годуновской карты (1667). Ориентирована на север (север — вверху)

Как и на всех других русских картах того времени, её основой является система рек, по которым проходили основные транспортные и торговые пути; пунктиром обозначены волоки. На первый взгляд, картографическое изображение представляется наивным и несовершенным, но оно достаточно реалистично, пусть и схематично, передаёт основные очертания разветвлённых речных систем. Помимо крупных рек, таких как Обь, Енисей, Лена, Колыма, Амур, безымянными показаны их некоторые притоки и мелкие реки, впадающие в океан. Лишь незначительное количество из обозначенных на карте населённых пунктов подписано. [Например, на берегах Волги помещены значки 8 городов, а подписи имеют только Казань и Астрахань].

За Уральскими горами в Северный (Ледовитый) океан впадают Обь (в Тазовский залив), Енисей, Хатанга и Анабар (обе эти реки не названы), Оленёк. В Восточный (Тихий) океан на картах впадают Лена (!), три более мелкие безымянные реки и Амур. В юго-восточном (в левом верхнем) углу карты обозначена Великая Китайская стена с двойной линией стен и Богдойское царство (Цинская империя, Китай).

На «Годуновской карте» (1667) обозначены различные регионы Сибири и названы населяющие их народы; в южной (верхней) части карты показаны границы проживания отдельных племён и народов вне пределов русской Сибири. На пространстве карты от

Тобольска до Енисея помещена легенда — «Земля Сибирь», от Енисея до Восточного (Тихого) океана — «Земля Туруханская». В междуречье Оби и Енисея отмечены самоеды («Самоядцы»), северной границей ареала обитания которых выступает Ледовитый океан и Новая Земля, а южной — река «Кровавая» (на иностранных копиях). [Впоследствии Николас Витсен также ошибочно отразил реку с таким же названием на первом варианте своей знаменитой большой карты Тартарии (1687–1690)].

Сравнение копий-карт, проведённое Л.С. Багровым (исследовавшим все копии «Годуновского чертежа»), выявило разницу в количестве топонимов в различных копиях. У Ремезова — 107 названий, Прютца — 106, Кронемана — 96, Пальмквиста — 63, Шлейсинга — 75[1]. При этом на всех копиях имеются значительные расхождения в написании названий. Например, в копии Пальмквиста озёра в верхнем течении Иртыша приобрели наименования, в то время ни на одной другой копии или в тексте их нет; и т.п.

Только на ранней русской копии (1698), из двух вариантов «Годуновской карты» (1667) С.У. Ремезова, есть название реки «Камчатки». На остальных пяти копиях (из шести официально признанных копий этого чертежа): русской (Ремезова, 1702–1720-е), трёх шведских (Прютца, Кронемана, Пальмквиста) и немецкой (Шлейсинга), вместо «Камчатка» написано «Колыма», «Kolyma», «Milamo» или совсем нет надписи. [На второй карте Сибири из альбома Пальмквиста река названа «Casdatka» (Камчатка); во многом благодаря этому обстоятельству данную карту считают копией русского чертежа Сибири 1673 г., а не 1667 г.].

Здесь возможны два объяснения: либо русские к 1667 г. ещё не знали (не получили сведений) о реке Камчатке; либо русское правительство показало иностранным дипломатам (шведам) лишь то, что хотело показать, и не более, а на копии «Годуновского чертежа» (1667) Ремезова впоследствии (1698) им была сделана более поздняя поправка.

Что известно об оригинале «Годуновской карты»? Как он выглядел, несмотря на существование его копий, неизвестно. Николас Витсен в своём труде «Северная и Восточная Тартария» (1692), не разобравшись со смысловым значением русского выражения XVII в. «печатный чертёж», сообщает, что чертёж Сибири 1667 г. был зафиксирован в печатном виде (типографским способом). Н. Витсен: «…составили карту, которая была напечатана в Москве в виде гравюры на дереве, с описанием расстояний между городами».

Сразу обращает на себя внимание несоответствие в датах составления чертежа.

Отправной точкой всех гипотез служит сообщение о том, что в начале января 1667 года из Тобольска в Москву была доставлена почта, прибытие которой из Сибири дьяк Сибирского приказа засвидетельствовал своей личной подписью: «[7]176 [1667] года генваря в 3 день тобольским сыном боярским з Давидом Бурцевым». В числе этих бумаг была и карта Годунова вместе с прилагающимся к ней текстовым описанием — «Росписью», на которой помечено: «чертеж каков прислан с сею росписью к великому государю взнес окольничей Радион Матвеевич Стрешнев».

Однако С.У. Ремезов на своей копии «Годуновской карты» из «Хорографической чертёжной книге Сибири» (1697–1711) поясняет: «Список печатного[2] подлинного чертежа. В лето [7]176 [1667 г.] по указу великого государя [Алексея Михайловича] по грамоте в Тобольску учинен сей чертеж снисканием и самотрудием и географством стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова печатным тиснением граду Тобольску и окрестным сибирским градам, странам и землям и селению по рекам между ими расстояние пути…».

Таким образом, оригинал «Годуновского чертежа Сибири» (1667) ещё существовал в конце XVII столетия, и к нему была приложена «Роспись против чертежу Сибирской земле».

---

[1] Багров Л.С. История русской картографии. М., 2005. С. 219.

[2] Слово «список» в данном случае означает «копия». Словосочетания «печатный чертёж» и «печатное тиснение» отнюдь не означают, что «Годуновская карта Сибири» (1667) была отпечатана типографским способом. В России в XV–XVII вв. выражение «печатный чертёж» имело смысловое значение, аналогичное толкованию словосочетаний «печатная пошлина», «печатная мера», «печатная грамота» и т.п., то есть что-либо, заверенное официальной гербовой печатью. В другом случае С.У. Ремезов упоминает, что сам тобольский воевода П.И. Годунов этот чертёж (оригинал) «печати предаша». Иными словами, в России XVII столетия выражение «печатный чертёж» означало — рукописный чертёж, заверенный (скреплённый) гербовой печатью.

[Все сохранившиеся «Росписи» — чрезвычайно важные документы для своего времени (помимо их исторической ценности), так как они являлись текстовым приложением к русским картам XV–XVII в., дополняющим и расшифровывающим географическое изображение; вместе с чертежом они составляли единый документ].

В «Росписи против чертежу Сибирской земле», напоминающей по своему характеру «Книгу Большого чертежа», приводятся сведения об источниках при составлении чертежа: «збиран в Тобольске в 1667 г. за свидетельством всяких чинов людей, которые в сибирских во всех городах и острогах хто и где бывал и городок и остроги и урочища и дороги и земли знают подлинно… также по свидетельству проезжих бухарцов и служилых татар».

В основной части описания перечислены города, слободы, крепости, зимовья, реки с их притоками; указаны расстояния между населёнными пунктами в верстах и днях пути; упоминается о соседних странах и населяющих их народах.

Доскональность географических сведений в этой «Росписи…» проиллюстрируем следующими небольшими выдержками из неё: «...от Тобольска ж вниз по реке Иртыше мимо Демьянских ям до Самаровского яму дощаником ходу 2 недели, а от Самаровского яму вниз же до устья Иртыша реки ходу полднища. А от устья Иртыша реки вверх по реке Обе до Сургута ходят дней по 9, а от Сургута до Нарыму ходят недели по 3 и 4... От Якуцкого острогу по Лене ж реке вниз до моря ходу 3 недели. И промеж Леною и Киренкою реками монастырь да погост, а промеж монастырем и погостом 3 версты... А от Ушуры реки по Амуру живут даурские люди, и городки у них во многих местах построены, и яровой всякой хлеб сеют, и яблоки, и груши, и арбузы, и дыни, и огорцы, и всякий русский овощь по Амуру родитца. А от устья Хамуна реки вниз же по Амуру-реки до моря до Гилянские земли ходу 2 недели...».

«От Тобольска ж вверх по Тоболу реке до острожку на усть Тарханки реке 120 верст, на которые места приход воинским людям кучумовым внучатам с калмыки быть драгуном роте... А от Елуторские слободы по Исете реке до Исецкого острогу быть драгуном роте... а по сказке Доматова монастыря старцев, что де у них драгун не надобно, потому что де монастырь их далеко за реки и за озеры, и за болоты и воинским людем проходу на монастырь не бывало и ныне не будет...». И так далее...

Каждый из 22-х разделов «Росписи…» соответствует отдельной карте. По мнению Б.П. Полевого (1966)[1], чертёж Сибири 1667 г. являлся частью большого собрания карт, которые составляли многолистный географический свод (первый атлас Сибири), а «Роспись» — его описанием. «И пребывает сей первоначальный Годуновский печатный чертёж с [7]176 [1667] года и по нынешний [7]205-й год [1696] без прилогов селищ и волостей и немирных землиц», — отмечает Семен Ремезов. Иными словами, «Годуновская карта» существовала с приложениями («прилогами») — серией региональных чертежей, а сам общий чертёж Сибири был частью многолистного географического документа («Чертёжной книги Сибири») и являлся обзорной картой-схемой, отражающей расположение Сибири относительно двух океанов. Возможно, общий схематичный чертёж Сибири (1667) служил в качестве оформления титульного листа первого русского рукописного атласа Сибири. У региональных же чертежей было иное назначение.

Здесь необходимо отметить, что «Роспись против чертежу Сибирской земле» стала известной в историографии раньше, чем сохранившиеся копии «Годуновской карты». Оригинал «Росписи…»[2] был найден во второй половине XIX в. русским историком-архивистом, большим знатоком истории Сибири Н.Н. Оглоблиным (1852–1911/12). [В своих работах Н.Н. Оглоблин отмечал, что в делах Сибирского приказа ему встречались указания (но не сами карты) на сотни (!) чертежей уездов, городов, волостей, речных систем, выполненных в виде региональных карт].

[1] Полевой Б.П. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири, 1667 г. // Известия АН СССР. Серия географическая. 1966. № 4. С. 123–132.

[2] Гольденберг Л.А. Подлинная роспись чертежа Сибири 1667 г. // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. 42. Вып. 3. М., 1962.

Шведские копии (Прютца и Кронемана) «Годуновской карты» (1667) были опубликованы А.-Э. Норденшельдом в 1887 г. в Стокгольме[1] и 1889 г. в Петербурге[2], в России шведский вариант копии Пальмквиста был издан в 1890 г. в Москве А.А. Титовым[3], немецкая копия Шлейсинга стала известна лишь в начале XX века[4], а русские копии изданы в Петрограде только в 1914 г. Л.С. Багровым (1881–1957) во вводной части атласа «Азиатская часть России»[5], после того как он обнаружил и идентифицировал их в атласах С.У. Ремезова, хранившихся то время в Крыму, в библиотеке Воронцовского дворца (в коллекции Воронцовых-Дашковых) и в собрании Археографической Комиссии в Петербурге[6]. Однако широкую известность русские копии «Годуновской карты», выполненные С.У. Ремезовым, получили только после издания в 1958 г. Л.С. Багровым (в эмиграции; уже после его смерти) фототипического издания «Хорографической чертёжной книги Сибири»[7].

Когда примерно в одно и то же время (конец XIX – начало XX вв.) были найдены в нескольких вариантах, в разных странах и на различных языках (шведском, немецком, русском) копии «Годуновской карты» и их сравнили с «Росписью», в исследовательском мире наступило разочарование. Копии не оправдали ожиданий, оказались маловыразительными, схематичными чертежами, значительно уступающими по своей содержательности текстовому приложению.

На картах не оказалось не только многих мелких перечисленных в «Росписи» объектов, но даже некоторых крупных населённых пунктов. Не было и обозначений, «где меж слобод Тобольского и Верхотурского уездов построить какие крепости»[8]. Не отмечен открытый путь в восточные страны и «сколько ж водами до Китая ходу». Не использована «азбука по чему знать городы, и остроги, и слободы, и реки, и озера, и волости, и зимовья, и кочевья» (то есть система условных обозначений).

Вывод: иностранцам показали только то, что хотели показать, и не более! А именно — упрощённый эскиз, сделанный лишь для того, чтобы дать общее представление о Сибири, но без малейшего описания истинных расстояний и торговых путей на Восток.

В Московском государстве контроль над сбором сведений и описанием проведанных «землиц» был весьма строгим. Из Москвы требовали отчётов и чертежей с воевод, а те — с руководителей отрядов, снабжая их при отправке в дальние походы разработанными (каждый раз специально) инструкциями — «наказными памятями». В воеводских канцеляриях частные чертежи служилых людей, изображавшие вновь открытые земли, пути по рекам и т.п., нередко сводились в чертежи городов с относящимися к ним округами; эти сводные чертежи высылались в центральные приказы. Потребность в общих и региональных картах была настолько велика, что их составление предписывалось специальными правительственными указами.

---

[1] Nordenskiöld A.E. Periplus. An Essay on the Early History of Charts and Sailing Directions. Translated from the Swedish original by Francis A. Bather. With numerous reproductions of old charts and maps. Originally Published in Stockholm, 1897. Repr. Martino Pub., 2003. Таб. XXXVI.

[2] Норденшельд А.Э. Первая карта Северной Азии, основанная на действительных наблюдениях // Записки Военно-топографического отдела Главного Штаба. Ч. 44. СПб., 1889. С. 1–11.

[3] Чертёж всей Сибири, збиранной в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича // Титов А. Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 25–26.

[4] Кордт В.А. Материалы к истории русской картографии. 2-я серия. Вып. 1. Киев, 1906. С. 23–26.

[5] Багров Л.С. Карты Азиатской России. Пг. 1914. С. 11.

[6] В настоящий момент «Хорографическая чертёжная книга Сибири» (1697–1711) С.У. Ремезова хранится в Гуфтоновской библиотеке Гарвардского университета (США) в составе коллекции старинных карт Л.С. Багрова. «Служебная чертёжная книга» (1702–1730) хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Петербурге (Россия).

[7] The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile with an introduction by Leo Bagrow / Imago Mundi, A review jf early Cartography. Founded by Leo Bagrow >Supplement I. S. Gravenhage, 1958.

[8] Полное название «Росписи…»: «Роспись против чертежу... Сибирской земле, городам и острогам, и слободам, и где меж слобод Тобольского и Верхотурского уездов построить какие крепости... и сколько где у крепостей... посадить драгун».

И в соответствии с традициями того времени, географические карты в России являлись государственным секретом. Русской картографии с момента её зарождения были свойственны две особенности: реальный, «полевой» («водный») характер исходных материалов и государственная направленность картографической деятельности. Русские карты XVI–XVII вв. не служили, как это было уже принято в Европе того времени, предметом открытой (законной) торговли и коммерческого интереса, а являлись государственным достоянием (собственностью). Русские чертежи, привозимые из далёких походов, содержали не только географические сведения об открытых землях: в них содержалась информация о действительной или возможной мощи возможного соперника, его политическом, экономическом и военном потенциале.

Иностранцы же, посетившие Московию в XVII столетии, всеми способами стремились добыть подобные сведения о России и её соседях. Известно, что некий курляндский подданный Рейтенфельс предлагал Ватикану за соответствующую плату продать сведения о землях к востоку от Урала при условии соблюдения строжайшей тайны. А орден иезуитов даже разработал специальную письменную инструкцию, которой снабжали отправляющихся в Московию европейцев, чтобы те выведывали сведения о русских путях в страны Востока («с осторожностью, как бы мимоходом, вылавливать новости сетью хитрости, чтобы не привлечь внимание московитов»). Сохранилось письмо британского посла члену правительства Англии, просившего держать в строжайшей тайне вывезенную им русскую карту, — как бы виновному не пришлось «отбывать наказание в указанных местах». Датский посол в России Гильдебрант фон Горн в начале 1680-х гг. сумел получить русскую рукопись «Повествования о Сибири» (1680) Юрия Крижанича /Крижанчича/ (1617/18–1683)[1] и в 1684 г. составил донесение своему правительству об Амуре, Иркутске, Селенгинске, Нерчинске.

Интерес же шведов к Сибири легко объясним, если вспомнить, что незадолго до составления «Годуновской карты» (1667) в Швеции объявился русский перебежчик (с 1664

---

[1] Крижа́нич Юрий /хорв. Juraj Križanić, рус. Крижанчич/ (1617/18–1683) — хорватский учёный-энциклопедист (богослов-философ, писатель, лингвист, историк, этнограф); священник-миссионер, выступавший за унию (объединение) православной и католической церквей и за единство славянских народов (считается «отцом-основателем» идеи панславизма).

Обучался в католической семинарии в Загребе, готовившей священников-униатов; в семинарии в Вене; потом изучал богословие и юриспруденцию в Болонском университете. Затем Крижанич был священником-миссионером, состоя на службе ватиканской конгрегации пропаганды веры. Много путешествовал по Европе (Вена, Варшава и др.). Владея в совершенстве хорватским, немецким, латинским и итальянским языками, он в 1640 г. поселился в Риме, где поступил в греческий коллегиум св. Анастасия, специально учреждённый Ватиканом для пропаганды унии среди последователей православия. В 1642 г. защитил докторскую диссертацию в Риме, тогда же был посвящён в сан загребского каноника.

Целью Крижанича было собрать все важнейшие сочинения «схизматиков» (православных богословов), выступавших против догматов католицизма (так называемую «Всеобщую библиотеку схизматиков»). В ходе этого предприятия Крижанич понял необходимость знания русского языка, так как значительная часть богословских сочинений против идеи унии были написаны на кириллице. В 1658 г. в Вене Крижанич встретился с московским посланником Яковом Лихарёвым, который набирал иноземцев, желавших поступить на царскую службу, обещая им царское жалованье, «какого у них и на уме нет». Крижанич сам явился к русским послам с предложением своей службы царю.

Прибыв в Москву в 1659 г., он в январе 1661 г. был обвинён в поддержке униатов и отправлен в ссылку в Тобольск, где провёл 16 лет. В Тобольске Крижанич написал свои основные труды: «Политика», «О божественном Провидении», «Толкование исторических пророчеств», «О святом крещении». В сочинении «Грамматическое изыскание о русском языке» («Грамматично изказанье об руском езику», 1666) высказал идею всеславянского языка. «Повествование о Сибири» («История о Сибири») Ю. Крижанича (1680) было опубликовано в латинском оригинале и в русском переводе в 1890 г. в Москве А.А. Титовым в сборнике сибирских летописей «Сибирь в XVII веке» (с. 115–216).

После смерти в 1676 г. царя Алексея Михайловича Крижанич получил прощение и разрешение вернуться в Москву, а затем и выехать из России. С 1676 г. жил в Польше, вступил в орден иезуитов. Погиб 12 сентября 1683 г. под Веной в битве с турками-османами, участвуя в военном походе польского короля Яна III Собеского (1624–1696 гг., король [избран] — с 1674 г.).

Сочинения Ю. Крижанича: Собрание сочинений. М., 1891–1893. Вып. 1–3; Политика. М., 1965.

года), бывший подьячий Посольского приказа Григорий Карпович Котошихин[1] (1630–1667). Поступивший на шведскую службу (в 1666 г.) Г.К. Котошихин сообщил шведскому

[1] Котоши́хин Григорий Карпович (1630–1667) — подьячий Посольского приказа, перебежчик (изменник), писатель. Сын монастырского казначея, ок. 1645 г. поступил писцом в Посольский приказ; ок. 1658 года произведён в подьячие. В 1658 г. состоял при русском посольстве, которое вело переговоры со шведами в Валиссари, недалеко от Нарвы, а затем в Пюхестекулэ. В 1659–1660 гг. находился при русском посольстве в Дерпте (Тарту); в апреле 1660 г. подвергся наказанию за описку в царском титуле в одной из грамот, но это не оказало никакого неблагоприятного влияния на его карьеру. В том же (1660) году Котошихин дважды (9 октября и 11 декабря) ездил из Дерпта в Ревель (Таллин) с царской грамотой к находившемуся там шведскому посольству. В 1661 г. присутствовал при подписании Кардисского мира со Швецией. В его отсутствие в Москве его отец был обвинён (по словам Котошихина, несправедливо) в растрате незначительной суммы из монастырской казны. За эту растрату дом и всё имущество Котошихиных были конфискованы.

Осенью 1661 г. Котошихин ездил с письмом царя Алексея Михайловича к шведскому королю Карлу XI. Летом 1662 г. был очевидцем восстания в Москве. Весной 1664 г. Котошихин был послан в войска князя Я.К. Черкасского для ведения канцелярских дел, но в августе этого же года бежал за границу, объясняя это нежеланием писать по принуждению князя Ю.А. Долгорукова (?–1682), сменившего князя Я.К. Черкасского (?–1666) на посту командующего, донос на последнего.

Однако сохранились свидетельства, что уже в 1663 г., за год до бегства в Польшу и Швецию, Котошихин стал оказывать услуги шведскому эмиссару в Москве Адольфу Эберсу, который вёл в русской столице переговоры об определении взаимных денежных претензий. В первой половине июля 1663 г. Котошихин передал Эберсу секретную инструкцию, в которой сообщался перечень уступок, на которые готовы пойти русские дипломаты в ходе переговоров. [При донесении Эберса в шведском архиве от 22 июля 1663 г. находится перевод сообщённой ему Котошихиным инструкции]. За выдачу «посольского наказа» Котошихин получил 40 руб. [Для сравнения: в 1661 г. годовой оклад Котошихина на русской службе был повышен с 13 до 19 руб.].

После побега за границу первоначально Котошихин был принят на службу к литовскому канцлеру Пацу, но недовольный назначенным ему жалованием (100 руб. в год) затем бежал в Силезию, где познакомился с также бежавшим из Москвы в 1660 г. Воином Ординым-Нащокиным, сыном известного русского дипломата А.Г. Ордин-Нащокина (?–1680).

Из Силезии, через Пруссию и Любек, Котошихин пробрался в Нарву, где 4 октября 1665 г. подал находившемуся в Нарве ингерманландскому губернатору Якобу Таубе прошение о поступлении на шведскую службу. Таубе, знавший Котошихина ещё с его поездки в Стокгольм, немедленно послал в шведскую столицу извещение о просьбе Котошихина и, не ожидая ответа, оказал последнему помощь деньгами. Прошение Котошихина было рассмотрено в регентском совете 16 ноября 1665 г., а 24 ноября этого года было принято решение выдать 200 риксталеров русскому перебежчику и привезти его в Стокгольм, как «человека, хорошо знающего русское государство и изъявляющего готовность сделать разные полезные сообщения». Между тем о пребывании Котошихина в Нарве стало известно новгородскому воеводе князю В.Г. Ромодановскому /Большому/ и он 11 декабря 1665 г. безрезультатно потребовал от Таубе его выдачи. В Нарве Таубе получил приказ из Стокгольма о Котошихине 9 января 1666 г.; уже 5 февраля 1666 г. последний прибыл в Стокгольм; 28-го марта 1666 г., после того как Котошихин подал два прошения на имя короля, он был принят на службу, с жалованьем в 150 талеров в год. [После составления труда Котошихина о России его жалованье было удвоено]. В Швеции Котошихин принял протестантство.

За убийство в драке (ударом толедского кинжала) в ночь с 8 на 9 сентября 1667 г. хозяина дома, в котором он жил в Стокгольме, переводчика русского языка Анастасиуса /Анастазиуса/, возникшей вследствие того, что последний приревновал к русскому перебежчику свою жену, в начале ноября 1667 г. Котошихин был казнён в южном предместье шведской столицы. Его тело было анатомировано Олафом Рудбеком, а кости хранились в музее университета Упсалы, по крайней мере, до 1682 года. «Достопочтенный Олаф Рудбек [шведский учёный-географ того времени] выварил бренные останки изменника в котле, нанизал кости Котошихина на медную проволоку и выставил Гришкин скелет как экспонат в зале университетского музея [Упсалы]».

В 1666–1667 гг. беглый подьячий Котошихин, причисленный к чиновникам шведского Государственного архива, выполнил срочный заказ государственного канцлера (риксканцлера) Швеции (1660–1679), фактического руководителя регентского совета (1660–1672) при юном короле Карле XI, Магнуса Габриэля де ла Гарди Младшего /de la Gardie, Делагарди/ (1622–1688) и составил сочинение по истории России XVII в. — «Описание Московского государства».

В этом труде (13 глав, 235 статей-параграфов) подробно охарактеризована система приказов: их организация, функции ведомств, обязанности лиц, ведающих приказами и др. (глава 7, самая обширная); приведены сведения о царской фамилии, служилых людях, дипломатических отношениях с различными государствами (главы 1–5); о дворцовом хозяйстве (гл. 6); об областном управлении и военных делах (гл. 8–9), о торговых людях и царской торговле (гл. 10, 12), о крестьянах (гл. 11) и нравах народа (гл. 13), о Московском восстании (1662).

правительству множество сведений о Московии, имевших в те времена в России статус государственной тайны.

Не раз под любым благовидным предлогом иностранные торговые представители и дипломатические посланники просили пропустить их посмотреть Сибирь или хотя бы проехать через неё в страны Востока. И, как правило, получали твёрдый отказ: «Русским людям изъян будет». Ещё в 1619 г. был принят царский указ: «Чтобы немецкие люди [иностранцы] в Мангазею отнюдь дороги не проискивали, а будет кто с немецкими людьми ездити или в Мангазею дорогу учнет указывати, и тем людям быти от нас в великой опале и в смертной казни».

Незадолго до этого первые русские правители из династии Романовых одержали победу в многолетней кровопролитной борьбе за русский престол и наивностью вкупе с доверчивостью не отличались. Как же всё это увязать с их с верой (неоправданной!) в порядочность чужеземных «гостей»? Ведь они же сами отдавали важнейшую стратегическую карту в руки шведам, наивно полагая, что просьба продержать её у себя одну ночь, но отнюдь не счерчивать, непременно будет выполнена. И показывали её, кстати, не просто иностранцам, а дипломатам той страны, чей претендент ещё недавно выступал их конкурентом в борьбе за русский престол и с которой возникали постоянные территориальные споры.

В прекрасно разработанной к тому времени науке шпионажа то, что проделали представители русского правительства со шведскими дипломатами, называется дезинформацией. Показывая «по секрету» столь «куцую» карту, московское правительство заявляло в Европе о мощи своего государства и о приоритете России на открытые земли Сибири. Косвенно этот вывод подтверждает и указание «Росписи», что ей соответствует слово в слово текст на карте, заключенный в круги — «клеймы» (картуши). На обнаруженных копиях «Годуновского чертежа» круглых «клейм» нет. Здесь же отметим, что, когда в начале XVIII в. в Европе были опубликованы реальные карты Сибири, они вызвали

Описывая деятельность Сибирского приказа, Котошихин приводит ошеломительные для шведов данные: Сибирь обеспечивала государственной («государевой») казне годовой доход в 600 тыс. рублей золотом! [По ценам того времени — грандиозная сумма]. В своём отчёте шведскому правительству Котошихин сообщает о том, что сибирские меха, кречеты и соколы, живые звери идут на подарки в Англию, Данию, Персию; приводит факты о русской торговле с иностранцами в Архангельске, упоминает о «большом хане за Сибирью» (цинском императоре). Недаром шведский переводчик сочинений Котошихина, отмечая его службу в Посольском приказе, отмечает: «Это коллегия [Посольский приказ], в которой сохраняются все государственные древности и тайны».

Сведения из отчёта Котошихина точны, большинство их подтверждается сохранившимися источниками XVII в.; сочинение написано языком приказного человека, близким к живой народной речи. Следует учитывать, что его труд составлен по заказу шведского правительства и некоторые его оценки о России тенденциозны.

Сочинение Котошихина в 1669 г. было переведено на шведский язык; с этого перевода в XVII веке в Швеции было снято несколько копий. В этом же столетии оригинальная (на русском языке) рукопись Котошихина находилась у шведского учёного Юхана Габриеля Спарвенфельда (1655–1727), жившего в 1684–1687 гг. в России и изучавшего в тот период русский язык. На русской рукописи Котошихина сохранилась пометка, сделанная рукой Спарвенфельда, в которой последний ошибочно назвал автора «Кошихиным», не заметив двух букв, поставленных под титлом. От Спарвенфельда рукопись перешла в библиотеку университета Упсалы, где находится и поныне.

О сочинении Котошихина в России первым узнал (ок. 1835–1837 гг.) русский археограф, участник Комиссий по составлению законов в царствования Александра I и Николая I, часто бывавший за границей и осматривавший там архивы и библиотеки для сбора сведений по истории России А.И. Тургенев (1785–1846), который доложил об этом императору Николаю I. В 1837 г. профессор русского языка и литературы Гельсингфорского (Хельсинского) университета С.В. Соловьев (?–1875) нашёл шведский перевод сочинения Котошихина в государственном архиве Швеции (в Стокгольме), а в 1838 г. им был найден в библиотеке Упсальского университета и русский оригинал.

В Российской империи сочинение Г. Котошихина было четырежды издано Археографической комиссией под названием «О России в царствование царя Алексея Михайловича» (1840, 1859, 1884, 1906). (О Котошихине см.: Маркевич А.И. Г.К. Котошихин и его сочинение о Московском государстве во [второй] половине XVII века. Одесса, 1895).

сомнение в европейском научном мире: уж не умышленно ли русские удлиняют на картах свои границы с целью запугать другие страны?

Именно такова история появления русского чертежа Сибири (1667), выполненного под руководством[1] тобольского (сибирского) воеводы Петра Годунова. [Помимо «Чертежа» Сибири, по инициативе П.И. Годунова в Тобольске в 1668–1669 гг., на основе полученных от разных купцов и путешественников сведений, была составлена «Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индеи»[2]. В этом сочинении, впервые опубликованном в Петербурге в 1899 г., содержится разнообразная информация о государственном устройстве, религии, обычаях, торговле, армии и средствах обороны Цинской империи. Индии же посвящено всего несколько строк].

К сожалению, остаётся загадкой ответ на главный вопрос: где оригинал этой карты, как и многих других русских карт, от которых не сохранилось даже копий?

Чертежи Сибири 1672/73 г.

Фактически в каждом новейшем сочинении по истории российской картографии упоминается так называемый «Чертёж Сибири» (1672/73). Но в каждом отдельном случае под этим чертежом понимаются две совершенно разные карты: «Чертёж всей Сибири до Китайского царства и Ника[н]ского», составленный по приказу тобольского (сибирского) воеводы (1670–1673) князя Ивана Борисовича Репнина (?–1697) драгунским капитаном Степаном Поляковым, и так называемая этнографическая карта Сибири, выполненная по указанию тобольского (сибирского) митрополита Корнилия Хутынского. Иными словами, существовало два чертежа Сибири (1672/73).

Оригиналы чертежей Сибири 1672/73 г., как и аналогичных карт 1627 и 1667 гг., неизвестны; соответственно и загадок они оставили не меньше предыдущих русских карт территории Сибири.

Прежде всего, отметим, что до сих пор в историографии наличествует разнобой в датировке составления этих чертежей — 1672 или 1673 год? Это несоответствие объясняется просто: карты были составлены по русскому календарю «в 7181 году[3] от сотворения мира», то есть в году, который начался 1 сентября 1672 г. и закончился 31 августа 1673 года. [В большинстве европейских стран новый год тогда уже отсчитывали с 1 января, в России — с 1 сентября, в Англии — с 1 марта].

Как и о «Годуновской карте» (1667), о чертежах Сибири 1672/73 г. в научном мире стало известно ранее, чем были обнаружены более поздние копии этих карт.

В 1882 г. в Петербурге в «Записках Русского Географического общества» была опубликована небольшая заметка о том, что общий чертёж Сибири, преимущественно восточной её части — «Енисейску и Селенгинскому и иным острогам и Даурам, и Мугалам, и Китайскому, и Никанскому государству», — был составлен «сыном боярским драгунского строю капитаном Степаном Васильевым сыном Поляковым в 1673 [1672/73] году, и про тот чертеж <…> он, Степан, в Сибирском приказе сказал: делал он тот чертеж едучи из Тобольска к Москве на дороге на Чюсовой в Строгонове городке подлинной сам, для того что в Селенгинском остроге [куда он прибыл в ноябре 1672 г. и где пребывал ещё в январе 1673 г.] и в Енисейску иконников [чертёжников] не было, писать некому. А в Тобольске он того чертежа не делал для того, что посылки себе к Москве не чаял. И тот чертеж подал он в Сибирском приказе с тем Селенгинским чертежем и статейным списком для того, что он,

[1] Л.С. Багров высказывал мнение, что в создании «Годуновского чертежа» Сибири (1667) непосредственное участие принимал Ульян Ремезов, отец Семёна Ремезова. Ещё раньше У. Ремезов составлял чертёж местности «от речки Серебрянки вверх по Ишиму… до Орлова городища» и возглавлял несколько экспедиций для «досмотру земель и соляных озер, устройства новых пашен». Однако сам Семён Ремезов ничего не сообщает об участии своего отца в создании карты.

[2] Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи / Предисловие и комментарии С.О. Долгова. СПб., 1899.

[3] По русскому календарю, принятому Русской православной церковью, от Сотворения Мира до Рождества Христова (рождения Христа, новой эры) прошло 5509 лет.

Степан, в тех местех бывал». [Сохранились сведения об использовании С.В. Поляковым при корректировке карты записок («сказок») Семёна Дежнева].

На основании указа Посольского приказа от 13 июля 1674 г. «тобольский сын боярский» капитан С.В. Поляков был отправлен 15 июля 1674 г. из Сибирского приказа в Посольский вместе с двумя чертежами и «списком с доезду» его Селенгинского острога. Все эти материалы требовались «к отпуску в Китайское государство переводчика Николая Спафария»[1].

Карта Сибири (1672/73), или «Чертёж всей Сибири до Китайского царства и Ника[н]ского», впервые была издана в 1914 г. в Петрограде Л.С. Багровым (1881–1957) в водной части атласа «Карты Азиатской России» по копии, хранившейся в бывшем Военно-Учёном архиве[2]. Этот экземпляр карты Сибири 1672/73 г. является копией чертежа С.В.Полякова и выполнен чертёжником Разрядного приказа Леонтием Климшиным /Книшиным/, который также является автором «Чертежа украинским и черкасским городам» (1670-е)[3]. [О Леонтии Климшине сохранилось известие от начала 1675 г. о том, что «бывает он в украинных во многих городех для чертежного дела разоренных мест, да и в Разряде чертежные дела он же делает»[4]].

Впоследствии в Швеции, в библиотеке Упсальского университета, Л.С. Багровым были найдены шведские копии чертежа Сибири (1672/73), выполненные Эриком Пальмквистом, членом шведского посольства в Москве (1673–1674), и Юханом /Иоганном/ Спарвенфельдом в период его пребывания в русской столице (1684–1687). Копия чертежа Сибири Спарвенфельда была опубликована Л.С. Багровым в IV томе научного журнала по истории картографии «Imago Mundi» (им же основанного в 1935 г.) за 1947 г., вышедшем в свет в 1948 г. в Стокгольме. К шведским копиям общего чертежа Сибири (1672/73) приложен общий для них сопроводительный текст: «На западноевропейских картах [Сибири] Эрика Пальмквиста [1674] и Иоганна Спарвенфельда [1687] использованы русские картографические сведения 60–70-х годов XVII века».

«Чертёж всей Сибири до Китайского царства и Ника[н]ского» (1672/73) с точки зрения картографического изображения имеет много общего с «Годуновской картой» (1667). Топографические отличия между ними состоят только в несколько более детальном показе на чертеже (1672/73) районов к востоку от Тобольска.

---

[1] Записки Русского географического общества. Отделение этнографии. Т. Х. Вып. 1. СПб., 1882. С.158–164.

[2] Багров Л.С. Карты Азиатской России. Пг., 1914. С. 13.

[3] «Чертёж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма» был найден Л.С. Багровым в Стокгольме в Шведском государственном архиве и в 1923 г. напечатан в Берлине во II-м томе «Трудов русских учёных за границей» (повторно в 1935 г. в Берлине в I-м томе «Anecdota Cartographica»). В России (СССР) этот чертёж был впервые опубликован в 1943 г. в Москве в исторической части труда К.А. Салищева «Основы картоведения» (повторно во втором издании в 1948 г.). Также этот чертёж вошёл в I-й том «Очерков по истории русского землеведения» М.С. Боднарского, опубликованных в 1947 г. в Москве. До сих пор точно не установлено, кто и когда вывез этот чертёж из России: Пальмквист (1673) или Спарвенфельд (1684–1687). Русский оригинал датируется началом 1670-х гг.

Одновременно с «Чертежом украинским и черкасским городам» Л.С. Багров опубликовал карту Каспийского моря с надписями на голландском и русском языках. Эта карта впервые была издана в сочинении О. Даппера /O. Dapper/ «Beschrijving des Königryks van Persie», вышедшем в 1672 г. Амстердаме. Та же карта помещена в атласе фон Кейлена (1721). Об этой карте Н. Витсен в своей книге «Северная и Восточная Тартария» (1692) сообщал, что по распоряжению царя Алексея Михайловича Каспийское море и Волга с её устьями были «положены на карту». Оригинал этой карты до нас не дошёл, но копия была снята Витсеном в 1665 г. и в 1672 г. воспроизведена в книге Даппера. Эта же карта была скопирована в Москве в 1673 г. Эриком Пальмквистом и опубликована А.-Э. Норденшельдом в его атласе «Периплы» (1897). [Witsen N. Noord en Oost Tartarya. Amsterdam, 1692 (предисловие, с. 4, ненумерованная); Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. 2-е изд. М.; Л., 1949. С. 273–275; Андреев А.И. Чертежи и карты России XVII века, найденные в послевоенные годы // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков: Труды Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Вып. 2. М.; Л., 1960].

[4] Михайловский И.Н. Очерк жизни и службы Николая Спафария в Москве. Киев, 1895. С. 11.

Заглавие карты («…до Китайского царства и Ника[н]ского») весьма точно передаёт её предназначение: на чертеже крупной пунктирной линией выделена южная и восточная граница русской Сибири. У юго-восточных пределов русской Сибири, на северных территориях Цинской империи помещены два огромных значка яркого (красно-жёлтого) цвета, олицетворяющих западный проход в Великой Китайской стене («Западные Ворота в Поднебесную империю») и столицу (Пекин). Примечательно, что данная яркая красно-жёлтая окраска присутствует на карте ещё только в трёх местах: при отображении Енисейска, Красноярска и Якутска, но обозначения этих городов-острогов менее крупные.

«Чертёж всей Сибири до Китайского царства и Ника[н]ского» (1672/73). Юг сверху

На «Чертеже всей Сибири до Китайского царства и Ника[н]ского» (1672/73) подробно показана речная система Амура. Русско-китайская граница проведена согласно политической обстановке того времени: она проходит по Великой Китайской стене (на юге), затем вдоль побережья Тихого океана (на востоке) и далее по Становым хребту и нагорью (на севере) до Забайкалья. Иными словами, Северное и Южное Приамурье отображены как «ничейная земля», как буферная зона между Русским государством и Цинской империей, как сфера влияния обеих держав.

Также примечательно, что на этом чертеже Сибири (1672/73) восточные границы Московии не совпадают с географическими пределами Евразии и проходят вдоль побережья Тихого океана до Северного Ледовитого океана. На карте нет ни малейшего намёка на Чукотский и Камчатский полуостров, но отображена река Камчатка. На русской копии она никак не наименована, а на шведских названа «Casdatka» (на копии Пальмквиста 1674 г.) и «Camsatka» (на копии Спарвенфельда 1687 г.). Это также одна из загадок «Чертежа всей Сибири до Китайского царства и Ника[н]ского» (1672/73).

Дело в том, что сохранилось составленное к чертежу Сибири (1672/73) пояснительное описание — «Список с чертежа Сибирские земли», являющееся переработкой «Росписи…» к «Годуновской карте» (1667). [Текст в нём разделен на восемь частей (граней)].

В описании к новому изданию чертежа Сибири (1672/73) чётко сообщается: «А от устья Колымы-реки и кругом земли мимо устьев рек Ковычи и Нанаборы и Ильи и Дури до

каменной преграды, как бывает, что льды перепустят и до того камени парусом добегают об одно лето, а как льды не пустят и по 3 года не доходят. А через тот камень ходу день; а как на него человек взойдет, и он оба моря видит — Ленское и Амурское; а перешед через камень, приходит на реку Анадырь и тут промышляет кость рыбью. А на той земле живут гилянские люди; а противо устья Камчатки вышел из моря столп каменный, высок без меры, а на нем никто не бывал. А которые реки в гиляндской земле, и тем рекам имена подписаны. А в реке Анадыру есть два волока к реке Ламе да на реку Блудную, а Лама-река пала в Амурское море, а Блудная пала в Колыму-реку, а Колыма в Ленское море; а меж рек Нанаборы и Ковычи протянулся в море нос каменный, и тот нос насилу обходят»[1].

Вероятно, С.В. Поляков, составляя свою карту в спешке (в дороге) для русского посольства Н.Г. Спафария в Китай на основе другого русского источника, подробно отразил на своём чертеже только те территории, которые непосредственно были связаны с путями в Цинскую империю. [Например, Б.П. Полевой объяснял такое устаревшее обозначение восточных границ Русского государства и отсутствие на русской копии чертежа Сибири 1672/73 г. обозначения топонима “Камчатка” «небрежностью русского копииста», то есть Леонтия Климшина].

Тем более, что «Земля Камчадальская» (без выделения полуострова) отражена на другом знаменитом русском чертеже — так называемой этнографической карте Сибири (1672/73). Оригинал этой карты Сибири 1672/73 г. также не сохранился; она известна по красочной копии из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701) С.У. Ремезова, которая в его атласе (лист 23) была опубликована под заглавием «Чертёж и сходство наличие всей Сибири Тобольского города и всех розных городов и жилищ и степей» (1701)[2].

В 1890 г. русский историк-краевед и археограф А.А. Титов (1844–1911) опубликовал список «Книги Большому чертежу» Тобольской редакции, который хранится в его собрании (№ 2259/4171) в краеведческом музее в Ростове Великом. [При характеристике Сибири ранние варианты «Книги Большому чертежу» ограничиваются лишь описанием бассейна Оби Великой: реальными сведениями ко времени их составления (конец XVI в.); но постепенно информация накапливалась и добавлялась в последующие списки «Книги Большому чертежу»].

Эта редакция была составлена в 1672/73 г. в Тобольске по распоряжению тобольского (сибирского) митрополита Корнилия Хутынского (?–1677/1678)[3]. В данной редакции основная часть «Книги Большому чертежу» никаким изменениям (дополнениям и сокращениям) не подверглась, однако обычное предисловие было заменено новым, содержащим подробные сведения о Сибири и о сопредельных с ней странах. Это было сделано ввиду того, что «тоболян [русских жителей Сибири] не удовлетворял объём сведений “Книги Большому чертежу” по Сибири, ибо они располагали значительно бóльшими сведениями». Сведения о Сибири в предисловии тобольской редакции «Книги…» совпадают с содержанием «Росписи против чертежу Сибирской земле» (1667) и «Списка с чертежа Сибирской земли» (1672/73). Однако последний (опубликованный А.А. Титовым[4]) не является точной копией «Росписи…» вследствие иного расположения материала.

---

[1] Титов А.А. Сибирь в XVII веке. М., 1890.

[2] Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. М., 2003. Т. 1. Лист 23.

[3] Корни́лий Хуты́нский, митрополит Сибирский /Тобольский/ (?–1677/78) — иерарх Русской православной церкви (РПЦ); из келарей Ферапонтовой пустыни (?). В 1646–1661 гг. — игумен Спасо-Преображенского монастыря в Арзамасе; в 1662–1664 гг. — архимандрит Новгородского Хутынского Варлаамиева монастыря. В июле 1664 г. он был хиротонисан (рукоположен) в епископа Сибирского и Тобольского с возведением в сан архиепископа. Прибыл в Тобольск в феврале 1665 г.; в 1668 г. вызван в Москву, где 25 мая был возведён в сан митрополита (Сибирского). По его грамоте основан монастырь Вознесения в Иркутском остроге. В архиерейскую ризницу оставил богатые вклады; за несколько месяцев до кончины принял схиму. Скончался в декабре 1678 г. (по другим источникам, в декабре 1677 г.). Погребён в Тобольском соборном храме.

[4] Тито́в Андрей Александрович (1844–1911) — русский историк-краевед, археограф, палеограф, этнограф; предприниматель. Из старинной купеческой фамилии; получил домашнее образование. Женат на

В предисловии тобольской редакции «Книги Большому чертежу» сообщается: «По благословению великого господина преосвященного Корнилия митрополита Сибирского и Тобольского написан сей стол [карта на столешнице] в царствующем граде Тобольске в дом [храм] Софеи премудрости Божий. А писан чертеж государства Московского царства и всея Русския земли и иных многих государьств. Меру землям и расстояния с восточныя страны от царьства Китайского и реки Лены на западные страныдо Киива и Литовскыя земли, и от Царяграда, а с полуденны страны от Хвалымского [Каспийского] моря от царьства Астраханского и Пере на север страны Соловецкого моря и Мангазеиской. Писан лета 7181-го [1672/73] году июня в 24 день»[1].

Известно что карта Сибири, нанесённая на кедровую доску, имелась и в резиденции сибирского (тобольского) митрополита в 1692–1700 гг. Игнатия Римского-Корсакова

дочери крупного ярославского купца Надежде Александровне Вахромеевой; они воспитывали пятерых родных детей (4 дочери и сын) и приёмную дочь Александру (с 1861 г.). В деловых кругах дореволюционной России Титов пользовался широкой известностью как преуспевающий коммерсант. В возрасте 22-х лет он наследовал от своего деда торговое мануфактурное дело, расширил его и в 1883 г., в компаньонстве со своим служащим, учредил торговый дом «А. Титов и Ф. Малоземов». Создал и сделал процветающим страховое противопожарное общество (1876). Купил разрушенное дворянское имение и превратил его в прибыльное предприятие. С привлечением капиталов своих родных учредил в Ростове цикорное производство под торговой маркой «И. Вахромеев и К°». Член учётного комитета Ярославского отделения Государственного банка, Ярославской биржи и Ярмарочного биржевого комитета по Нижегородской ярмарке.

С 1872 г. постоянно избирался гласным Ростовской городской думы, в 1874–1904 гг. — гласным Ростовсого уездного и Ярославского губернского земств. В 1878–1881 гг. — председатель Ростовской уездной земской управы. Состоял членом многих благотворительных обществ (около 20-ти).

В 1880–1890-е гг. активно содействовал восстановлению исторических памятников Ростова Великого: при его участии проводилась реставрация Ростовского Кремля; выступил инициатором создания в Ростове Великом музея церковных древностей (был секретарём, затем товарищем председателя комиссии по управлению музеем).

А.А. Титов — один из наиболее известных краеведов Ярославской области (губернии); он автор более 200 статей и нескольких монографий по истории, экономике, историческим и архитектурным памятникам Ростова, других городов и уездов губернии. Член многих научных обществ, публиковался в местных («Труды Учёной архивной комиссии», «Вестник Ярославского земства») и центральных («Русский архив», «Исторический вестник») изданиях. Его перу принадлежат сочинения: «Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание» (М., 1885; отмечено большой серебряной медалью Русского археологического общества), «Деятельность ростовского земства по народному образованию и по охранению народного здравия», «Сведения о кустарных промыслах в Ростовском уезде», «Кураковщина, историко-этнографический очерк», «Юридические обычаи села Николо Перевоз, Ростовского уезда» и др.

Находясь на должности правителя дел Ярославской учёной архивной комиссии, Титов издал два выпуска трудов этой комиссии. [Также являлся сотрудником Тверской, Смоленской, Костромской учёных архивных комиссий]. Им описаны «Рукописи славянские и русские, принадлежащие действительному члену русского археологического общества И.А. Вахромееву».

Широкую известность до революции (1917) имело его книжное и рукописное собрание: небольшая коллекция славяно-русских рукописей, перешедшая по наследству от деда, к началу XX в. насчитывала уже около 5 тыс. наименований документов. Коллекции была описана и систематизирована самим собирателем (опись издана в 6 томах). Свое собрание рукописей он передал в дар Императорской публичной библиотеке (1901).

Опубликовал большое количество документов из своей коллекции: «Летопись Великоустюжская [по четырем спискам летописца Л.Я. Вологдина]» (М., 1889); «Летопись Двинская» (М., 1889); «Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку» (М., 1903); «Вкладные и кормовые книги Борисоглебского монастыря, Ростовского уезда, Ярославской губернии», «Вкладная книга Печёрского нижегородского монастыря», «Дозорные и переписные книги древнего города Ростова», «Кунгурские акты XVII века», «Угличский летописец» и др. Документы по истории Сибири («Книга Большому чертежу» тобольской редакции, «Список с чертежа Сибирской земли», «Сказание о великой реке Амур» Николая Спафария, «Повествование о Сибири» Юрия Крижанича и др.) были им изданы в 1890 г. в Москве под названием «Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях».

Сын А.А. Титова Александр (1878–1961) — заместитель министра продовольственного снабжения во Временном правительстве (1917), позже, в эмиграции — директор фармацевтического предприятия «Биотерапия».

[1] Титов А.А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 23–24.

(1630/35–1701)[1]. В 1701 г., принявший в 1696 г. схиму (монашество) бывший дьяк А.И.Городецкий, описывая имущество митрополита, отмечал, что в «крестовой палате» его дома наряду с другой мебелью имелся стол: «…писан красками, столешница кедровая, на ней писан чертёж Сибирской земли». Во время пожара, случившегося в том же (1701) году, стол сгорел, но столешницу (поверхность стола из цельной широкой доски или из склеенных кусков древесины) с картой спасли. Дальнейшая её судьба неизвестна.

Кем изготовлена эта несохранившаяся карта — неизвестно. Этнографический чертёж Сибири (1672/73), отражающий области расселения племён и народов, был воспроизведён С.У. Ремезовым, который поместил его последним среди 23-х карт «Чертёжной книги Сибири» (1699–1701). Здесь необходимо отметить, что в истории мировой картографии первой этнографической картой считается карта «Новой Трансильвании» Алексиса Хуберта Жайо /Жейо, Alexis Hubert Jaillot/, изданная в 1696 г. в Париже[2].

Этнографическую карту русской Сибири и граничащих с ней стран (1672/73) предваряет пояснительный текст: «Надписание во ординских землях. Сей чертеж наличие земель написания между рек и урочищ границы, и межи соседних всех Сибирских городов, судоходство по рекам, городов и иноземных волостей и кочевых орд коемуждо [каждому] роду и языку. Покое [Также] урочище с соседними владение земли своей в предки от ниво и своих жилищ сродных границ…».

Картуш с титульным заглавием карты и её выходными данными, традиционный для европейской картографии того времени, на этом русском чертеже Сибири отсутствует. [Косвенное свидетельство наличия к нему текстового приложения]. Вместо него в центре карты помещена наиболее пространная легенда, выполненная киноварью (красным цветом): «ВЕЛИКАЯ ТАРТАРИЯ высокого холма и в ней [территории] внутренней Сибири, а в ней Грады Славные: град ТОБОЛЕСК со многими уезды, Тара, Тюмень, Туринеск с великими ясашными Татарскими Городками и волостями». Остальные надписи на карте выполнены чернилами двух цветов — чёрным и коричневым.

Карта по русской традиции ориентирована на юг (юг сверху). Различные области расселения народов (этносов) выделены цветовой гаммой: белым, жёлтым, серым, коричневым (красным), тёмно-коричневым и светло-коричневым цветом.

Реки проведены тонкими чёрными линиями, горы (хребты) — толстыми жёлтыми линиями с белой каймой, озёра изображены в виде «чёрных пятен», моря и океана показаны серым цветом.

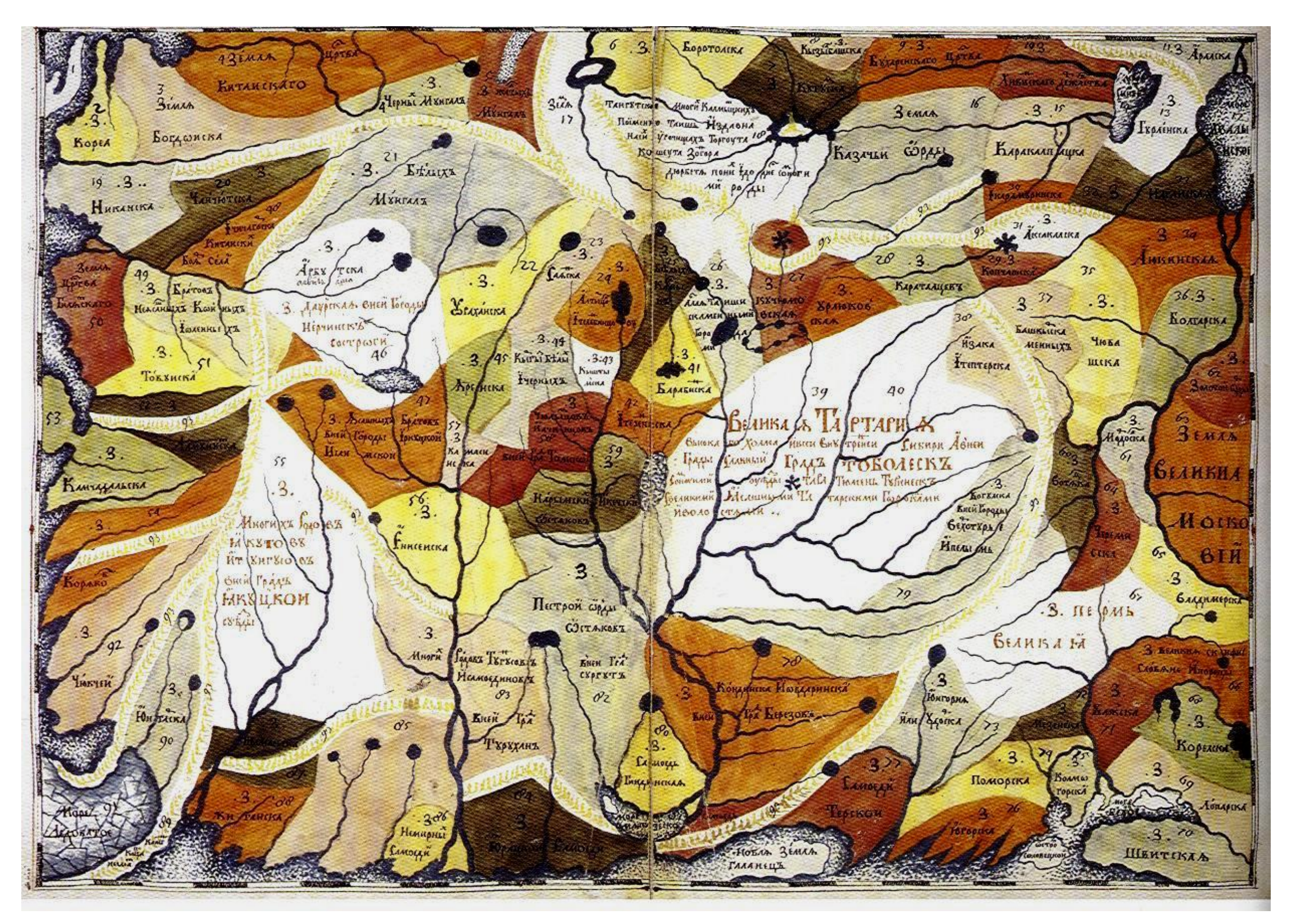
[1] Игнатий Римский-Корсаков /в миру Иван Степанович/ (1630/35–1701) — иерарх Русской православной церкви, митрополит Сибирский (Тобольский). Из дворянского рода Римских-Корсаковых, был стольником царя Алексея Михайловича. В 1677 г. принял постриг в Соловецком монастыре. В 1677–1680 гг. — экклесиарх (ключарь, уставщик) в данном монастыре. В 1680–1683 гг. — управляющий Моргулевской пустынью (пребывал на Соловецком подворье в Москве). В 1683–1685 гг. — архимандрит Спасского Ярославского монастыря. В 1685–1692 гг. — архимандрит Новоспасского монастыря в Москве.

В 1687 г. по поручению патриарха Иоакима «увещевал» («уговаривал») раскольников в Костроме и Кинешме. Написанные им в это время «Историческое известие о увещании раскольников в 1687 г. в уездах Костромском и Кинешемском» и его другие послания к раскольникам — ценный источник по истории раскола в РПЦ («Окружные пастырские послания в обличение сибирских еретиков и раскольников» и др.). В 1689 г. участвовал в «увещевании» духовного писателя Сильвестра Медведева (1641–1691), арестованного по обвинению в участии в заговоре судьи (начальника) Стрелецкого приказа Ф. Шакловитого (?–1689) и казнённого (обезглавленного) два года спустя.

В церковной жизни своего времени Игнатий играл видную политическую роль; принадлежал к старорусской партии, противившейся нововведениям Петра I и боровшейся против возрастающего влияния иностранцев во всех вопросах жизни русского общества. Этим объясняется его удаление из Москвы в почётную ссылку: 3 апреля 1692 г. он был хиротонисан патриархом Адрианом в епископа Сибирского и Тобольского с возведением в сан митрополита. В Сибири закладывал новые церкви, обличал раскольников (протопопа Аввакума и казанского чернеца Иосифа Истомина).

В 1700 г. сошёл с ума («повредися в уме») и был уволен по болезни на покой в Чудов монастырь (Москва), а затем переведён в Симонов монастырь (Москва), где и скончался 13 мая 1701 года.

[2] Alexis Hubert Jaillot. Nove Transilvanione principatus Tabula, ad Usum Serenissimi Burgundioe Ducis: Principauté de Transilvanie divisée en cinq nations, subdivisée en quartiers et comtes. Paris, 1696.

«Карта Сибири до Китайского государства, составленная в Тобольске в 1673 Метрополитом Сибири Корнелиусом» (из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701) Семёна Ульяновича Ремезова; лист 23)

Это первая русская историко-этнографическая карта, так как на ней не обозначены фактически никакие топонимы, кроме наименований областей расселения различных племён. Названия гор, рек, озёр и океанов на карте отсутствуют. Исключение составляют только моря: «Хвалынское» (Каспийское), «Синее» (Аральское), «Белое», «Ледовитое» (море Лаптевых и Восточно-Сибирское море), «Мангазейское» (Обская губа), а также «Камень, конца не имеет» (Верхоянский хребет), и два из трёх отражённых на карте архипелага — Соловецкие острова и Новая Земля (Японские острова безымянны).

На карте также совершенно не отражены пути сообщения и дороги; города и остроги — Тобольск, Тюмень, Березов, Сургут, Туруханск, Якутск («град Якуцкой орды»), Иркутск, Илимск, Нерчинск — названы в тексте на карте, но не обозначены.

Бо́льшая часть (⅔ от общего количества топонимов) обозначений на карте соответствует названиям народов (этносов), обитающих на указанной территории. Например, «З. Чювашска» — земля Чувашская, «З. Камчадалска» — земля Камчадальская и т.п. Другая группа топонимов (⅓) соответствует названиям территорий (регионов) или государств: «З. Енисейска» — земля Енисейская, «Земля Великой Московии» и т.д.

Каждая отмеченная на карте область-территория («земля») пронумерована арабскими цифрами. Нумерация начинается с юго-востока (левый верхний угол карты) и идёт в виде горизонтальной змейки (один ряд — слева направо, другой — справа налево, следующий — слева направо, …, всего 6 относительно горизонтальных рядов). Под цифрой «1» обозначены (безымянные на карте) — «Японские острова»; «2» — «З. Корея», «3» — «Земля Богдойская»; «4» — «Земля царства Китайского»; «4» (проставлена на карте дважды) — «З.Чёрных мунгал»; «5» — «З. Жёлтых мунгал»; …; «21» — «З. Белых мунгал»; …; «92» — «З. Чюкчей»; и последней на карте арабской цифрой «93» обозначаются все горные хребты (безымянные на карте) Восточной Сибири и Дальнего Востока России. Наличие порядковой

нумерации на данной карте прямо свидетельствует о существовании к ней текстового приложения — «Росписи».

Западные (европейские) границы карты ограничены течением реки Волги, впадающей в «Хвалынское [Каспийское] море» (правый верхний угол). К северо-западу от среднего течения Волги, на её правобережье, помещена легенда — «ЗЕМЛЯ ВЕЛИКОЙ МОСКОВИИ», к юго-западу — «З. Золотой Орды». На левобережье Волги помещены с юга на север (сверху вниз): «З. Ногаев», «З. Аюкинская» (калмыков), «З. Булгарская», «З.Чувашская» (чуть восточнее от неё — «З. Башкирская»), «З. Черемисская».

На северо-западе карты (правый нижний угол), к северу (вниз) от «З. Владимирской», отмечены «З. Великой Скифии» (ниже пометка «Словене ижорцы»), «З. Корелская», «З.Лопарская» и «З. Швитская» (Швеция), отделённая Белым морем от «З. Холмогорской» и «З. Поморской». К югу от русского Поморья показана «З. Мезенская» и «З. Пермь Великая». Прибрежная полоса Поморья обозначена как «З. Югорская», показана река Югорка (Печора), к востоку от которой (на левобережье Оби в районе её нижнего течения) отмечены «З.Самоедов Терскои» и «З. Кондинская, в ней град Березов». В центральной северной (нижней) части карты отображены Новая Земля и северные отроги Уральского хребта.

В южной (верхней) части карты к востоку (влево) от Каспийского (Хвалынского) моря отражено Аральское (Синее) море (к югу от него отмечена «Земля Аралская»), с впадающими в него Амударьёй и Сырдарьёй. В пределах бассейнов последних помещены земли Хивинского и Бухарского царств. К северу от них «З. Каракалпакская» и «Земля Казачей Орды»!

Центральную часть карты (Западная Сибирь) занимает весьма обширный бассейн Оби с её многочисленными притоками. В районе Тобола и Иртыша помещена надпись, цитируемая выше — «ВЕЛИКАЯ ТАРТАРИЯ…».

К востоку от Оби (левый нижний угол карты) показаны Енисей, Лена и другие крупные реки (с притоками) Восточной Сибири. Все крупные реки на карте — Волга, Обь, Иртыш, Тобол, Енисей, Лена, Амур — не имеют названий.

Между Обью и Енисеем на чертеже расположены (с севера на юг, снизу вверх): «З.Юрацких Самоедов», «З. Гиндинских самоедов», «Земля многих родов тунгусов и самоедов, в ней град Туруханск», «З. Пёстрой Орды остяков, в ней град Сургут», «З.Нарымских остяков», «З. Чюлымцев и Ачинцев, в ней град Томск»; «З. Алтыцо» (Алтай), на которой отмечено большое безымянное озеро (Телецкое, Золотое), из которого берёт свои начала главный исток Оби!

Между Енисеем и Леной на карте помещены (с севера на юг, снизу вверх, от Северного Ледовитого океана) «З. Немирных самоедов» (правобережье Енисея в районе его нижнего течения) и «З. Жиганская» (левобережье Лены в районе её нижнего течения), «Земля Енисейская», «Земля Ясашных Бра́тов, в ней Городы Иркуцкий и Илимский» и «З.Камасинская» (Хакасия); безымянный Байкал, расположенный несколько севернее, чем в действительности.

К востоку от Лены показаны (с севера на юг, снизу вверх): «Море Ледовитое», «З.Юнтайская» (земля Юкагирская), «З. Чюкчей», «З. Коряков» и «З. Камчадальская» (все вдоль побережья Северного Ледовитого и Тихого океанов); на внутриматериковой части, пересекая всю территорию Восточной Якутии, помещена пояснительная надпись: «Земля многих родов Якутов и Тунгусов, в ней град Якуцкой орды».

В юго-восточной части карты (левый верхний угол) представлены северо-восточные районы Дальнего Востока. Центральное место в этой части карты занимает безымянный Амур, в бассейне которого показаны (также не наименованные) три его северных и два южных притока.

Точно отображены истоки Амура в виде слияния двух рек (Шилки и Аргуни); территория в бассейне более южной из них обозначена как «З. Аргутская». К северу от Шилки и в верховьях Амура помещена легенда: «З. Даурская, в ней Городы Нерчинск и Остроги». Территория Среднего Приамурья (юг Амурской области и Хабаровского края)

обозначена как «З. Неясашных Бра́тов, Конных и Оленных», северные районы этих регионов — как «З. Токуйская»; территория Нижнего Приамурья (район Комсомольска-на-Амуре и Николаевска-на-Амуре) — как «Земля Гилякского царства».

К югу от Амура на карте показаны (с востока на запад, слева направо) «Земля Никанская» (современное российское Приморье) и южнее неё «З. Корея»; «З.Чайчютская» и «З. Чапчютская и Чичагосская, в ней Китайские Большие Сёла» (Северная Маньчжурия), «Земля Богдойская» (Южная Маньчжурия).

Южнее этих территорий отражены (с востока на запад, слева направо) «Земля Китайского царства», границы которого едва выходят за северный берег Хуанхэ; «З.Чёрных Мунгал» и «З. Желтых Мунгал», севернее них, у южных истоков Аргуни, обозначена «З.Белых Мунгал».

«Роспись» (текстовое приложение) к «Чертёжу и сходство наличие всей Сибири Тобольского города и всех розных городов и жилищ и степей» (1701) С.У. Ремезова (к этнографической карте Сибири 1672/73 г.)[1]

1.	Япония [острова обозначены, но никак не наименованы]	47.	Земля ясачных («ясашных») Бра́тов, в ней города Иркутский и Илимский
2.	Земля Корея	48.	Земля Чичагосская («Чичагоска»), в ней Китайские Большие Сёла [Северная Маньчжурия]
3.	Земля Богдойская [Южная Маньчжурия]	49.	Земля не ясачных («неясашных») Бра́тов, конных и оленных
4.	Земля Китайского царства	50.	Земля царства Гилят[к]ского
4.[2]	Земля Чёрных монголов («Му́нгал»)	51.	Земля То́куйская
5.	Земля Жёлтых монголов («Му́нгал»)	52.	Земля Ламунутская [Ламская]
6.	Земля Боротолская («Боротолска»)	53.	Земля Камчатская («Камчадальска»)
7.	Земля Кутумская	54.	Земля Коряков
8.	Земля Кызылбашская	55.	Земля многих родов Якутов и Тунгусов, в ней грады Якутской Орды
9.	Земля Бухарского царства	56.	Земля Енисейская
10.	Земля Хивинского державства	57.	Земля Камасинская
11.	Земля Аральская	58.	Земля Чулымцев и Ачинцев, в ней град Томский
12.	Море Хвалынское [Каспийское]	59.	Земля Нарымских и Кетских Остяков
13.	Земля Гурле́нская	60.	Земля Вотяцкая [Вятская земля, Вотская земля, Удмуртия]
14.	Море Синее [Аральское]	61.	Земля Мордовская
15.	Земля Каракалпакская	62.	Земля Золотой Орды
16.	Земля Казачьй Орды	63.	Земля ВЕЛИКОЙ МОСКОВИИ
17.	Земля Тангутская и многих	64.	Земля Черемисская [Мари-Эл]
18.	Калмыцких родов	65.	Земля Владимирская
19.	Земля Никанская [современное российское Приморье]	66.	Земля Великой Скифии, Славяне Ижорцы («Сло́вене Ипорецы»)
20.	Земля Чапчютская («Чапчютска») [Северная Маньчжурия]	67.	Земля ПЕРМЬ ВЕЛИКАЯ
21.	Земля Белых монголов («Му́нгал»)	68.	Земля Карельская
22.	Земля Ураха́нская [Тува]	69.	Земля Ло́парская

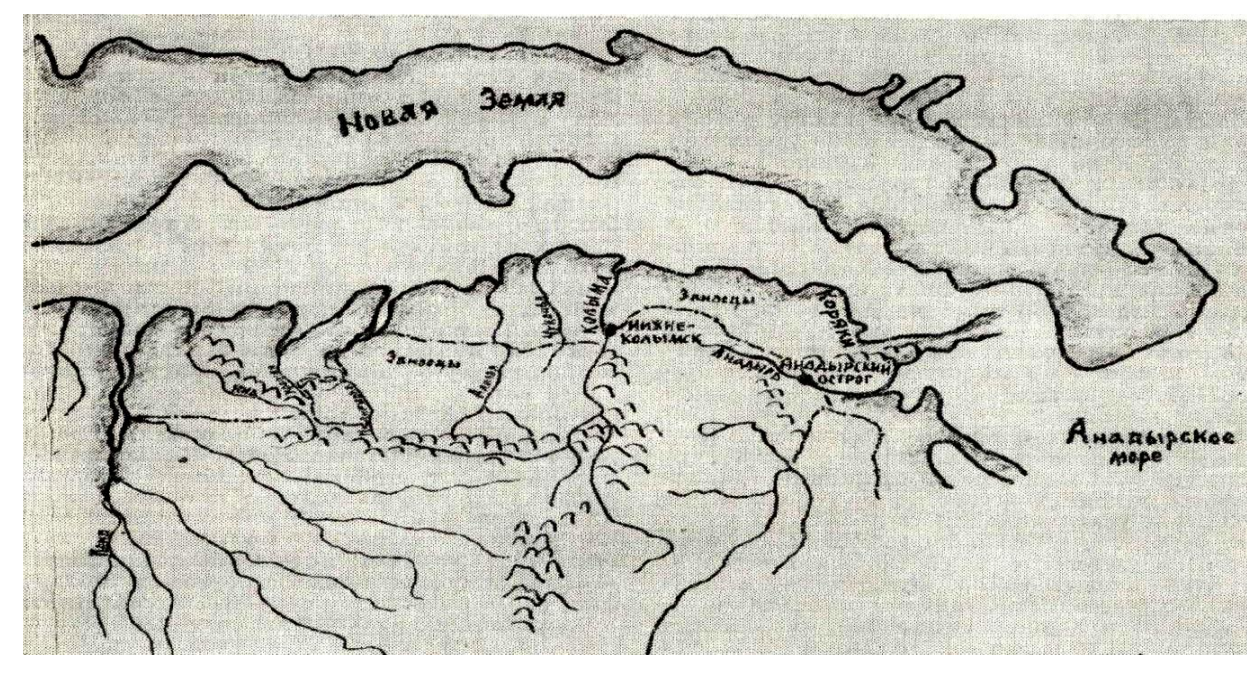
[1] Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. М., 2003. Т. 2. С. 143–144.

[2] Цифра «4» приведена на карте дважды.

23. Земля Саянская
24. Земля Алтай («Алтыцо») и телебинцев
25. Земля Белых калмыков («Калмык»)
26. Земля Алая Тайши с каменными городами [владения Аблай-хана — тайши калмыков]
27. Земля Кучюмовская и Земля Урлюковская
28. Земля Караталцев
29. Земля Копчашская
30. Земля Карамуринская
31. Земля Аксакальская [к северо-востоку от Аральского (Синего) моря]
32–33. Земля Ногайская
34. Земля Аюкинская [на левобережье нижней Волги; Аюка — знаменитый хан калмыков (ойратов)]
35. Земля Чувашская («Чювашска»)
36. Земля Булгарская («Болгарска»)
37–38. Земля Башкирская и закаменных Тептерей («Тептерска»)
39–40. «ВЕЛИКАЯ ТАРТАРИЯ…» [титульное заглавие карты]
41. Земля Барабинская
42. Земля Тереннская («Теренска»)
43. Земля Кыштымская
44. Земля Киргизов («Кыргыз») Белых и Чёрных [енисейские киргизы]
45. Земля Яренская
46. Земля Арбутская и Земля Даурская, в ней города Нерчинские с острогами [Забайкалье]
70. Земля Шведская («Швитская»)
71. Земля Важская [левобережье среднего течения Северной Двины]
72. Земля Мезенская
73. Земля Югория или Удорская [в бассейне верхнего и среднего течения Печоры]
74. Земля Поморская
75. Земля Холмогорская («Колмогорска»)
76. Земля Югорская [прибрежная часть междуречья Северной Двины и Печоры]
77. Земля Самоедов Терских [правобережье нижнего течения Печоры]
78. Земля Кондинская и Обдорская («Обдоринска»), в ней град Березов
79. Земля Вогульская, в ней города Верхотурье и Пелым
80. Земля Самоедов Гиндинских
81. Море Мангазейское [Обская губа]
82. Земля Пёстрой [Пегой] Орды Остяков, в ней град Сургут
83. Земля многих родов Тунгусов и Самоедов, в ней град Туруханск
84. Земля Юрацких Самоедов
85. — [легенда-топоним отсутствует]
86. Земля немирных Самоедов
87. Земля Шаманская
88. Земля Жиганская
89. Камень, конца не имеет (« не имать») [Верхоянский хребет]
90. Земля Юкагирская («Юнтайска»)
91. Море Ледовитое [Море Лаптевых и Восточно-Сибирское море]
92. Земля Чукчей
93. Эта цифра присвоена всем горным отрогам, которые, как и реки, на карте безымянны (за исключением Верхоянского хребта)

Чертежи Сибири 1670–1680-х гг.

Помимо больши́х карт Сибири (1627, 1667, 1672/73), в русских источниках XVII столетия сохранились многочисленные свидетельства о существовании русских чертежей отдельных территорий Сибири, составленных по итогам казачьих экспедиций. В ходе и по итогам русских экспедиций их руководители (Пётр Бекетов, Иван Москвитин, Максим Перфильев, Семён Дежнёв, Михаил Стадухин, Василий Поярков, Ерофей Хабаров и мн. др.) составляли и предоставляли местным воеводам и в Сибирский приказ отчёты («скаски»), к которым в обязательном порядке прилагался чертёж маршрута экспедиции. Доклады-отчёты русских землепроходцев XVII в. в своём большинстве сохранились, а вот их карты до нас не дошли.

Фрагмент старинной русской географической карты XVII в., составленной (перерисованной) Петром Миллером в начале XVIII века. [При перерисовке карты латинская транскрипция географических названий заменена русской; карта найдена М. Беловым в картохранилищах Парижа]

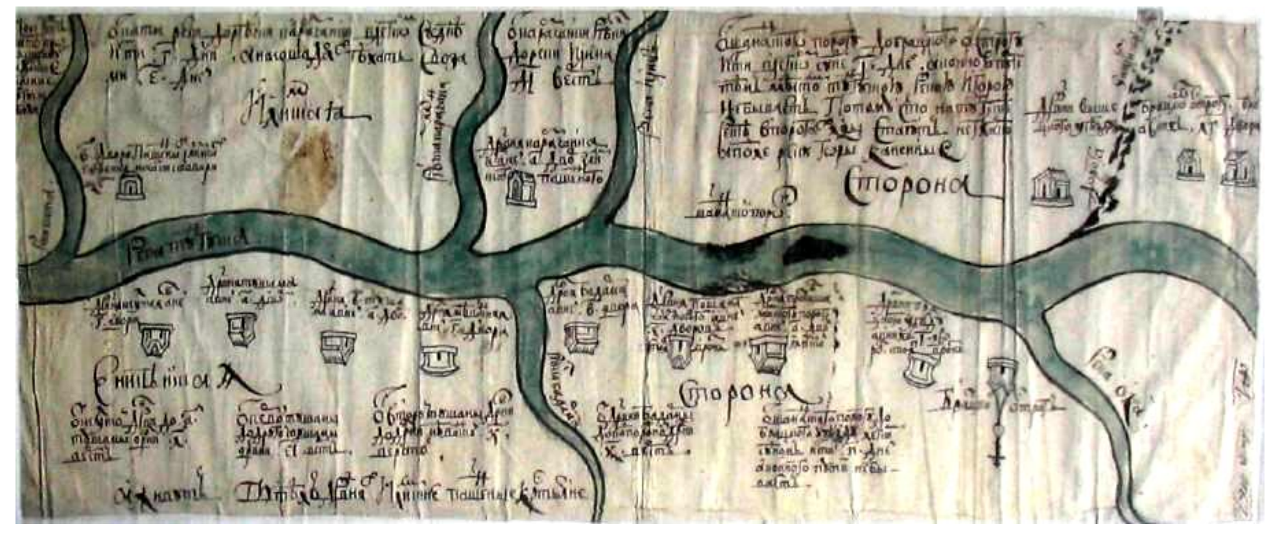

Чертёж илимского уезда. А. Галкин, Ф. Роспутин (1684)

В этом отношении характерна карта северной части России Петра Миллера, которая, хоть и составлена в начале XVIII в., является копией с какой-то неизвестной (несохранившейся) карты русских землепроходцев середины или второй половины XVII в. и отражает географические представления как раз того времени. [Например, вместе с отпиской и челобитной якутского казака Семёна Дежнёва в Москву и Якутск были посланы (уже после совершения им исторического плавания через пролив, разделяющий Евразию и Северную Америку) два чертежа (карты), выполненные якутским казаком Михаилом Стадухиным и самим Семёном Дежнёвым; эти чертежи бесследно исчезли].

Составитель карты — тульский горнозаводчик и сибирский купец Пётр Миллер, крестник Петра I. По указанию Петра I Миллер собирался предпринять (но не совершил) морское путешествие из Обской губы на восток в сторону Камчатки, для чего и составил карту, стремясь проследить конфигурацию всего северного побережья Евразии, от русского Поморья до реки Камчатки. Материалом для его работы, по-видимому, служили специально подобранные чертежи-карты землепроходцев (он имел доступ в русские картохранилища Москвы и Петербурга).

Карта Петра Миллера во многом похожа на русские карты-чертежи Сибири XVII века, для которых характерно отсутствие градусной сетки. Только на карте Петра Миллера, и больше ни на какой другой, передаётся изображение гигантской Новой Земли, которая простирается от острова Вайгач до Анадырского моря и опоясывает с севера фактически всю территорию Северной Азии. Эта огромная территория суши в Северном Ледовитом океане — отнюдь не выдумка одного Петра Миллера. Михаил Стадухин, Семён Дежнёв и другие казаки и промысловики в северной и северо-восточной части Сибири середины XVII столетия представляли себе Новую Землю в виде гигантского горного кряжа, вытянувшегося вдоль всего северного берега Азии. По мере развития картографии изображение Новой Земли на русских и европейских картах постепенно уменьшается, пока, наконец, к началу XIX в. не достигает реальных размеров.

В Швеции, где Л.С. Багровым в библиотеке Упсальского университета была найдена одна из шведских копий «Чертежа всей Сибири до Китайского царства и Ника[н]ского» (1672/73) Юхана /Иоганна/ Спарвенфельда (1687), в собрании рукописей этого шведского историка и лингвиста Багровым также были найдены карта Сибири (1689) Спарвенфельда и эскиз карты Северо-Восточной Сибири неизвестного шведского пленного (ок. 1680). Все эти карты были опубликованы Л.С. Багровым в IV томе научного журнала по истории картографии «Imago Mundi» (им же основанного в 1935 г.) за 1947 г., вышедшем в свет в 1948 г. в Стокгольме.

В той же статье Л.С. Багрова (1948), посвященной коллекции русских карт Спарвенфельда, помещены ещё два русских чертежа Сибири, более загадочного происхождения: чертёж Сибири Спафария (1678), главы русского посольства в Цинскую империю (1675–1677), и чертёж всей Сибири (1684–1685). [Эти два чертежа во второй половине XX в. хранились в собрании карт и планов Л.С. Багрова в Стокгольме; сейчас в США, куда была перевезена его коллекция].

Помимо коллекции русских карт XVII в., историческое наследие шведского языковеда, дипломата и коллекционера старинных рукописей Юхана Габриэля Спарвенфельда (1655–1727)[1] интересно ещё одним примечательным документом —

[1] Спарвенфе́льд Ю́хан Габриэ́ль /швед. Johan Gabriel Sparfwenfeldt, Sparfvenfelt, Sparwenfeld/ (1655–1727) — шведский языковед (востоковед, славист), дипломат, церемониймейстер королевского двора и коллекционер исторических документов. Родители — Юхан Спарвенфельд-старший (1618–1698) и Кристина Уггла. С детства посещал лекции в университете Упсалы (Швеция, основан в 1477 г.), где изучал право, историю и языки. В 1674 г. его дядя, адмирал Клёс Уггла, взял его в плавание в Англию. В то время шла датско-шведская война, и по пути в Англию шведский корабль, на котором плыл Юхан, был взят в плен датчанами. Как учёному, ему предоставили ряд привилегий (он мог относительно свободно перемещаться). В 1677 г. ему разрешили вернуться в Швецию.

В 1678–1682 гг. путешествовал по Европе (побывал первоначально в Нидерландах, затем во Франции и Италии и, наконец, добрался до Англии, оттуда в 1682 г. вернулся в Швецию). В 1684 г. в составе шведского посольства побывал в Москве, где оставался до 1687 г. с целью изучения славянских языков.

В 1689 г. от имени шведского короля Карла XI (1655–1697 гг. король — с 1660 г.) Спарвенфельд отправился в новое путешествие по Европе с целью найти исторические документы, которые могли бы доказать шведское происхождение готов. В январе 1690 г. он приобрёл из имущества Гаспара де Харо-Гусмана, маркиза Хелике, ранее неизвестный труд, содержащий 133 плана и вида испанских городов и крепостей, который сегодня известен как «Атлас маркиза Хелике». Это произведение не имело ничего общего с готами, но Спарвенфельд был уверен, что королю понравятся эти карты (он не ошибся). [В 1704 г. Спарвенфельд подарил все свои приобретения, совершённые в Испании (в частности, «Атлас маркиза Хелике»), Королевской библиотеке (Национальной библиотеке Швеции); в XIX веке «Атлас» был передан во вновь созданный Шведский военный архив (El Krigsarkivet), где в 2001 г. был впервые опубликован].

В июне 1692 г. Спарвенфельд получил аудиенцию у римского папы Иннокентия XII (1691–1700) и подарил ему большой латино-славянский словарь в драгоценном серебряном переплёте. В знак благодарности папа вручил Спарвенфельду ключи от Ватикана, что означало, что он получил возможность свободно посещать Ватиканский секретный архив и библиотеку. [«Секретным» этот архив называется потому, что является частным архивом Папы и ограничен для посещения]. Однако ожидаемые готские памятники среди огромного собрания книг и рукописей отсутствовали. Вместе с тем, вернувшись в Швецию в 1694 г., Спарвенфельд привёз обширное собрание старинных книг и рукописей, которые он приобрёл в Европе за свой счёт (при помощи отца).

«Плачевной речью», написанной им на русском языке в 1697 г. как надгробное слово по шведскому королю Карлу XI (1655–1697 гг., король — с 1660 г.), умершему 5 апреля 1697 года.

В 1684 г. Ю.-Г. Спарвенфельд посетил в составе шведского посольства Карла Гильденштерна Московию, где оставался до 1687 года. [В государственном архиве Швеции хранится дневник его русской поездки, написанный на шведском, французском и итальянском языках; в нём он подробно описал свое пребывание в Новгороде в марте 1684 г., в том числе приём у новгородского воеводы князя Ф.С. Урусова, а также сообщил интересные сведения о местном купце («торговом госте») Семёне Гаврилове и новгородском толмаче Илье Гитнере /Якове Гюттнере/]. За период пребывания в русской столице (1684–1687) Ю.-Г. Спарвенфельд, с помощью переводчика Посольского приказа Стахия Ивановича Гадзаловского, основательно выучил русский язык и собрал интересную коллекцию русских рукописей литературного и исторического характера. Спарвенфельду принадлежат три стихотворения на русском языке (1684, 1697, 1704), которые считаются одними из первых тонических стихотворений в русской поэзии. [Эти стихотворения были известны русскому поэту В.К. Тредиаковскому (1703–1768)].

«Плачевная речь» Ю.-Г. Спарвенфельда состоит из заглавного листа, шести страниц текста и последней, восьмой страницы, на которой помещено стихотворение, начинающееся крупным гравированным «I»; в конце речи и стихотворения помещены наборные украшения. Поминальная речь составлена на русском языке, но напечатана латиницей! Иными словами, текст на русском языке приведён в латинской транслитерации.

Редчайший экземпляр «Торжественной речи по случаю смерти Карла XI» (1697; 36,2×25,5 см) на русском языке хранится в библиотеке университета Упсалы (Швеция). Фотокопия этого издания, известного всего в двух экземплярах, подарена Упсальской университетской библиотекой Российской национальной (Государственной публичной) библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина (Петербург). Текст поминальной речи также сохранился в составе кодекса из библиотеки Упсальского университета (лл. 833–841). [Ещё один экземпляр этого сочинения хранится в Королевской библиотеке Стокгольма (Национальной библиотеке Швеции)].

Приведём текст «Плачевной речи» с титульного листа этого сочинения: «Placzewnaja recz na pogrebenie togho prez segho welemozneiszago i wysokorozdennagho knjazja i ghossudarja Karolusa odinatsetogho swidskich, gothskich i wandalskich (i proczaja) korola, slavnagho, blaghogowennagho i milostiwagho naszego ghossudaj[r][1]a, nynjeze u bogha spasennagho. Kogda jegho korolewskogo weliczestwa ot duszi ostawlennoe tjelo, s podobajuszczjusae korolewskoju scestju, i serserdecznym wsich poddannych rydaniem byst pogrebenno w Stokolnje dwatset-scetwertago nowemrja ljeta ot woploszczenia bogha slowa 1697».

Текст того же отрывка из предисловия, только написанный кириллицей, а не латиницей: «Плачевная речь на погребение того преж сего вельможнейшаго и высокорожденнаго князя и государя Каролуса одиннадцатого шведских, готских и вандальских (и прочая) короля, славнаго, благословеннаго и милостиваго нашего госудаз[р]я, ныне же у бога спасеннаго. Когда его королевского величества от души оставленное тело, с подобающей королевской честью, и сердечным всех подданных рыданием бысть погребено в Стекольне [Стокгольме] двадцать-четвертого ноября лета от воплощения бога слова 1697».

Завершается «Плачевная речь» хвалебным стихотворением на русском языке об умершем короле. Имя автора в рукописи не обозначено, но на последней строке собственно

В 1695 г. Карл XI назначил Спарвенфельда на должность младшего церемониймейстера, в 1701 г. — обер-церемониймейстера, которую он занимал до 1712 г. (после чего взял отпуск). Современники высоко ценили Спарвенфельда за его языковые навыки: он свободно говорил и писал на 14 языках. Основные труды: славяно-латинский словарь «Lexicon slavonicum» (в 4-х т., ок. 25 тыс. слов); «Vocabularium germanico-turcico-arabico-persicum».

[1] Здесь в тексте ошибка-опечатка: вместо латинской буквы «R» помещена буква «J».

поминальной речи написано: «Jstinnym Gorkogo Serdsa Finikom». Первые буквы слов напечатаны заглавными буквами, которые являются инициалами автора — Ю[хан] Г[абриэль] С[парвенфельд].

Возвращаясь к картам Сибири XVII в., изданным Л.С. Багровым в 1947–1948 гг. в IV-м томе журнале «Imago Mundi», отметим, что представленный в 1678 г. в Посольский приказ чертёж Сибири Н.Г. Спафария (1636–1708) считался давно утерянным.

В царском наказе главе русского посольства (1675–1677) в Пекин Н.Г. Спафарию, помимо прочего, предписывалось «от Тобольска по дороге до порубежного китайского города изобразити все землицы, городы и путь на чертеже» и составить подробное описание Сибири. Спафарий был опытным дипломатом и великолепно образованным для своего времени человеком, он имел представление о методах астрономо-геодезических вычислений и по пути посольства занимался астрономическими наблюдениями для определения широты с помощью специально заказанной для миссии астролябии. Помимо определения широты отдельных мест, составлялись маршрутные чертежи и географические описания. Из документов русского посольства известно, что чертёжные работы у Спафария вели Никифор Венюков и Иван Фаворов (впоследствии известный картограф Посольского приказа).

В 1678 г. в Посольский приказ Спафарием была сдана «Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольского и до самого рубежа Китайского». В этом сочинении особенно детально описаны главные реки Сибири — Иртыш, Обь, Енисей и Лена. Кроме того, к составленному Спафарием[1] описанию Китая было присоединено

[1] Спафа́рий Николай Гаврилович /Миле́ску Николае Спэтарул, Spatar Nicolas Milescu, Nicolaus Spatarius Moldavolacone baron et olim generalis Walachiae/ (1636–1708) — молдавско-русский дипломат второй половины XVII в., писатель. Его родители, родственники молдавского господаря Александра Дуки, были знатны и богаты. Родовое имение рода Милеску — Милешт — находилось в дистике Молдавии Веслуй. Образование получил в Славяно-греко-латинской академии в Яссах, затем в Константинополе, где изучал древнегреческий, латинский, арабский, турецкий, новогреческий, славянский, русский и итальянский языки и ознакомился с богословием, философией, историей и литературой. Для довершения образования совершил путешествие в Италию.

В 1653–1664 гг. находился на службе молдавских господарей: Василия Лупу (1634–1653), Георгия Стефана (1653–1658) и Стефаницы (с 1659 г.), и валашских господарей, подчинённых Османской империи. Частая смена молдавских господарей до поры не сказывалась на высоком служебном положении Спафария (занимал пост «великого спафария» — командующего наёмными войсками). Однако после неудавшегося дворцового переворота, в котором Спафарий принял участие, он был вынужден покинуть Молдавию. Спафарий написал письмо, свёрнутое и вложенное в выдолбленную палку, и переслал его воеводе Константину Бессарабу-Старому, предлагая тому низложить господаря Стефаницу (с 1659 г.). Но Константин Бессараб переслал письмо Спафария Стефанице, который за измену приказал палачу, в своём присутствии и своим ножом, отрезать Спафарию нос, чем, согласно обычному праву Молдавии, навсегда лишил его возможности стать господарём.

Опозоренный Спафарий покинул Молдавию и перешёл на службу к господарю Валахии Григорию Гике, который назначил его своим представителем в Константинополе, где он перевёл на румынский язык Библию. В 1664 г., во время войны поляков с турками, валашский господарь задумал перейти на сторону Польши. Спафарий, узнав об этом, доложил султану, и господарь потерял престол. Его преемник, однако, настоял на удалении Спафария из Константинополя, и последнему пришлось искать покровительства курфюрста бранденбургского Фридриха-Вильгельма Гогенцоллерна (1620–1688 гг., курфюрст — с 1640 г.). В Бранденбурге немецкие доктора подлечили изуродованный нос Спафария, в результате чего его увечья стали почти незаметны.

Но польское правительство не забыло предательства Спафарием валашского господаря и добилось его изгнания из курфюрства (из Бранденбурга). Временно он нашёл пристанище у бывшего господаря Молдавии и своего друга Георгия Стефана /Стефане Георгице/, жившего в Штетине (Щецине) и старавшегося путём дипломатических переговоров возвратить себе престол. Для поддержания своих притязаний он послал Спафария к шведскому королевскому двору в Стокгольм. В 1668 г., после смерти Георгия Стефана в этом же году, Спафарий ненадолго посетил Молдавию, а из неё выехал в Константинополь, где встретился с Досифеем, патриархом Иерусалимским, которого знал ещё с молодости. Досифей и направил Спафария в Россию.

В 1671 г. Спафарий переселился в Россию, где стал переводчиком Посольского приказа (1672). Первоначально русское правительство отнеслось к Спафарию с крайним недоверием. Но ему удалось заручиться покровительством боярина А.С. Матвеева (1625–1682) и князя В.В. Голицына (1643–1714). На этой должности он составил славяно-греко-латинский словарь и написал несколько богословско-этических сочинений.

отдельное описание Амура (один из его вариантов широко известен под названием «Сказание о великой реке Амур»[1]). Тогда же в Посольский приказ был представлен и новый общий чертёж Сибири[2].

Маршрутные чертежи русского посольства не сохранились (не найдены), обнаружена лишь общая карта Сибири Спафария (1678)[3].

В своей статье (1948) о картах Сибири из коллекции Спарвенфельда («Sparvenfeld's Map of Siberia») Л.С. Багров отмечает, что чертёж Спафария найден им в Германии. Об этом свидетельствуют имеющиеся на чертеже три печати-штампа: двух берлинских библиотек и одного института («Koenigl. Kartograph. Institut Berlin»). Как этот чертёж оказался в Германии, а впоследствии у него в Стокгольме, Л.С. Багров ничего не сообщает. В своей статье «Первые русские карты Сибири и их влияние на западноевропейскую картографию Северо-Восточной Азии» (1952), опубликованной в IX-м томе «Imago Mundi», он только пишет, что «ни оригинал, ни копия чертежа Спафария не сохранились в русских архивах.

В феврале 1673 г. Спафарий, по предложению главы (судьи) Посольского приказа (1671–1676) боярина А.С. Матвеева, был назначен главой полномочного русского посольства (1675–1677) в Пекин. Он выехал из Москвы в звании посланника, но с приказом в случае необходимости именоваться послом (при себе он имел соответствующие грамоты). В задачу Спафария входило установление регулярных дипломатических и торговых отношений с Цинской империей, а также поиски наиболее удобных путей в Китай для посольств и торговых караванов. В грамоте на имя богдыхана, после полных титулов государей, шли предложения дружбы, переписки и обмена посольствами. В наказе царя русскому послу повелевалось: переговорить о языках грамот (I ст.), о титулах (II, III), об освобождении за выкуп русских пленных (IV), о китайском посольстве (V), о вывозе из Китая серебра, драгоценных камней, шёлка и других местных ценностей в обмен на русские (VI), о водном пути в Китай (VII). Также Спафарию поручалось: нанять мастеров для постройки каменных мостов (VIII), вызвать китайских купцов в Россию (IX), послать двух боярских детей из Пекина для отыскания пути чрез Астрахань в Россию (X), просить о переводе четырёх, присланных ранее в Россию китайских грамот (XI), о свободе торга (XII), об указании кратчайшего пути в Россию (XIII) и о принятии всех статей без исключения. Русское посольство в качестве подарков для богдыхана везло меха соболей, чёрных лисиц, сукна, янтарь, зеркала, «рыбий зуб» (всего на 800 руб.). Поводом для снаряжения русского посольства Спафария явились русско-китайские пограничные разногласия из-за перешедшего в русское подданство в 1667 г. «тунгузского племени князца Гантимура».

Готовясь к отъезду в Пекин, Н.Г. Спафарий внимательно изучал сведения русских землепроходцев и иностранных миссий о Китае. Тогда же им была составлена выписка о рубежах Китая. Весной 1676 г. Спафарий прибыл в Пекин, где вёл переговоры с цинскими дипломатами с мая по сентябрь 1676 года. Маньчжуры, готовившиеся к нападению на русские владения в Приамурье, отклонили предложение русского посла об установлении добрососедских отношений. Спафарий собрал информацию о нестабильности внутреннего положения в Китае, недавно покоренного маньчжурами, о настроениях кочевых народов Восточной Азии. Спафарий был принят цинским императором без выполнения унизительного церемониала *коутоу,* его длительные переговоры в Пекине способствовали взаимному ознакомлению сторон.

По итогам посольства Спафарий составил несколько сочинений, которые являются одними из первых в России описаний Китая. Его основной труд «Описание... Азии...» был составлен на основании переводов сочинений миссионеров-католиков о Китае, а также собственных наблюдений. «Описание... Азии…» и сейчас не утратило своего познавательного значения, так как отражает историческую картину Цинской империи того времени.

Участник Азовского похода 1695 года.

Сочинения: Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // Записки Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб., 1882. Т. X. Вып. I; Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции / А.И. Яцимирский и Н.Ф. Катанов. Казань, 1910 [к этому сочинению Спафарий приложил «Описание Амура» и «Татарскую книжицу», описывающую покорение Китая маньчжурами]; Статейный список посольства Н. Спафария в Китае (1675–1678 гг.) / Ю.В. Арсеньев. СПб., 1906; Милеску-Спафарий Н. Сибирь и Китай. Кишинёв, 1960.

[1] Титов А.А. Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 107–113.

[2] Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М.; Л., 1949. С. 127–164.

[3] Полевой Б.П. Новое о «Большом Чертеже» посольства Н.Г. Спафария // Известия АН СССР. Серия географическая. 1969. № 1. С. 115–124; Полевой Б.П. Сибирская картография XVII в. и проблема «Большого чертежа» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976. С. 213–227.

Рукописная копия попала, однако, в мои руки (она находится в моем собрании и воспроизведена в моей статье о Спарвенфельде в “Imago Mundi”, IV, после стр. 68)».

В связи с картой Спафария (1678) необходимо заметить, что в VIII-м и IX-м выпусках «Imago Mundi», изданных в 1952 и 1953 гг., были опубликованы ещё две карты, непосредственно связанные с территорией Сибири, — бельгийского иезуита Антония Томаса, которые он прислал в 1690 г. в Рим из Пекина и на коих была отражена дорога через Сибирь в Китай.

Орден иезуитов, ко второй половине XVII столетия прочно утвердившийся в Китае, активно отыскивал более удобные пути и средства для достижения территории Цинской империи. Когда русское посольство Спафария отправлялось в Китай, к нему хотели присоединиться иезуиты, но им вежливо, но настойчиво отказали. Путь через Московское государство не был совершенно закрыт для ордена, поскольку московское правительство открыло для иезуитов путь через свои границы в Персию и Турцию. Несмотря на это иезуиты сосредоточили своё внимание на пути через Сибирь, который вёл в северные провинции Китая и прямо в Пекин, где иезуитская миссия уже играла в то время важную и влиятельную роль.

Миссия иезуитов была образована в Москве в 1680-е гг.: им было разрешено иметь двух священников, которые должны были обслуживать религиозные нужды католиков в Москве. Этот факт был хорошо известен иезуитам, жившим в Китае, и послужил основанием для постановки вопроса внутри ордена о возможности и необходимости использования пути через Сибирь на благо иезуитов: для получения почты и проезда по этому пути их миссионеров.

По итогам переписки руководителя иезуитской миссии в Цинской империи Фердинанда Вербиста (1623–1688) с генералом иезуитского ордена Гонзалесом, чешскому резиденту ордена Г. Давиду, находившемуся в Москве с 1685 г., было дано поручение подробно разузнать про Сибирскую дорогу из Москвы в Китай.

Давид заинтересовался прежде всего правильностью описания пути, которое было ему прислано из Рима, а туда прибыло из Пекина, от Вербиста, который, в свою очередь, получил его будто бы от Спафария. В присланном из Рима описании Сибирского пути оказалось много неточностей; для исправления их Давид обратился в Москве к тому же Спафарию, от которого получил материал для карты Сибирского пути в Цинскую империю. В конце мая 1689 г. Давид послал эту карту в Рим.

Карта Давида до сих пор не найдена; однако в сохранившемся сопроводительном письме от 31 мая 1689 г. Давид указывает отдельные пункты пути из Москвы в Пекин. Весьма примечательно, что на карте Спафария (1678) дорога в Китай в некоторых пунктах не совпадает точно с маршрутом, указанным в письме Давида. Вероятно, Спафарий, наученный предыдущим жизненным опытом, поступил здесь так же, как он уже делал неоднократно: сообщил неполные и частично неточные сведения.

На основе каких источников составлены обе карты Томаса (1690), ведь последний никогда не был в Москве? Исследовавший деятельность чешских иезуитов XVII века в сфере географии и картографии русский историк А.В. Флоровский (1884–1968)[1], в начале 1920-х годов эмигрировавший из России и долгое время живший в Праге, считал, что основным источником сведений о Сибири для иезуитов был всё тот же Спафарий. С материалами о пребывании Спафария в Китае Антоний Томас мог познакомиться в архиве Ф. Вербиста; последний неоднократно встречался со Спафарием в 1676–1677 гг., и не только на официальных приёмах. [В 1856 г. в Парижской королевской библиотеке были открыты копии сочинений Н.Г. Спафария о его путешествии в Китай, выполненные Юханом Спарвефельдом в период его пребывания в Москве (1684–1687)]. Или же, весьма возможно, при изготовлении своих карт («Tabula geographica Orientis... in quo demonstrantur et iam Itinera

[1] Флоровский А.В. Česti jesuité na Rusi. Iesuité české provincie a Slovansky vychod. Praha, 1941; Ein Tschechischer Jesuit unter der Asowscher Kalmucen in Jahre 1700. Archiv Orientalni, Jg. 12, № 3–4. C. 162–188. Табл. XV–XXVII.

in Chinam ex Moschowia, Persia et Mogor» и «Tartaria Imago») Томас использовал неизвестную до сих пор карту Давида, выполненную в конце 1680-х гг. на основе сведений Спафария[1].

Что же касается общего чертежа Сибири 1684–1685 гг., опубликованного IV-м томе журнала «Imago Mundi» (1947–1948), то в пояснительном тексте к нему сказано, что это его копия С.У. Ремезова (1687), помещённая в одном из его (из 3-х) атласов. Этот атлас (наиболее объёмный) С.У. Ремезова, который Л.С. Багров именует «Описание Сибири, начатое С.У. Ремезовым в сентябре 1696 г.», был вывезен им в 1919 г. из России в эмиграцию. [В других своих работах Л.С. Багров именует этот атлас С.У. Ремезова «Малой чертёжной книгой Сибири»]. Долгое время этот атлас, сейчас известный как «Хорографическая чертёжная книга Сибири» (1697–1711) С.У. Ремезова, находился в Берлине, где жил в последние годы перед занятием немецкой столицы советскими войсками (1945) Л.С. Багров. Затем он хранился в собрании карт и планов Л.С. Багрова в Стокгольме. В настоящий момент «Хорографическая чертёжная книга Сибири» (1697–1711) С.У.Ремезова хранится в Гуфтоновской библиотеке Гарвардского университета (США) в составе коллекции старинных карт Л.С. Багрова.

О чертеже Сибири 1684–1685 г. из «Хорографической чертёжной книги Сибири» (1697–1711) С.У. Ремезова известно из бумаг Г.-Ф. Миллера, где сообщается, что «на листе 160-м [этого атласа], в главе 64-й» находился чертёж, который «Во [7]192 [1683/84] и [719]3-м [1684/85] годех чертеж в дополнение прежнему, кои писан во [7]176-м [1667/68] году про знание жилья»[2].

Чертёж Сибири 1684–1685 гг.[3] является наиболее ранним из общих картографических изображений, на которых нанесены контуры полуострова Чукотка и Чаунской губы (залива у берегов Восточно-Сибирского моря). Также на этом чертеже проглядываются первые признаки на очертания полуострова Камчатка. В сопроводительном тексте к карте сообщается: «Слева у края карты и на врезке нанесена река Камчатка впервые на безымянном большом полуострове».

В статье «Приоритет открытия Амура, Татарского залива и острова Сахалина», изданной[4] в Берлине на немецком языке в 1931 г. в сборнике «Iamato» и на русском языке в 1932 г. в сборнике «Статьи и материалы по чтению в Кружке любителей русской старины», Л.С. Багров также опубликовал чертёж р. Амура казачьего головы и албазинского воеводы (1686–1690) А.И. Бейтона (ок. 1627–1699)[5]. В 1955 г. в XII-м томе «Imago Mundi» Л.С.Багров

[1] Сведения о картографической деятельности иезуитов в 1680-е гг. взяты из статьи А.В. Флоровского «Maps of the Siberian Route of the Belgian Iesuit A. Thomas (1690)», опубликованной в 1951 г. VIII-м томе журнала по истории картографии «Imago Mundi» (с. 103–108).

[2] Архив Российской академии наук (ААН). Ф. 21. Оп. 5. № 387. Л. 58– 69 об.; Миллер Г.-Ф. Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах морей, кои с Россией граничат. Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1761, ноябрь–декабрь.

[3] Оба чертежа — чертёж Сибири Н.Г. Спафария (1678) и общий чертёж Сибири (1684–1685) — в российской историографии были опубликованы в 1955 г. в Москве М.И. Беловым во втором издании его книги «Семён Дежнёв» (с. 116–119).

[4] Iamato. Berlin, 1931. S. 75–90, 134–143; Статьи и материалы по чтению в Кружке любителей русской старины. Берлин, 1932. С. 3–21. В российской (советской) историографии чертёж был опубликован (по копии из статьи Багрова): Белов М.И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. I. М., 1956. С. 160.

[5] Бе́йтон Афанасий Иванович, фон (ок. 1627–1699) — енисейский сын боярский, казачий голова, албазинский воевода (1686–1690). Выходец из Германии: из г. Бейтен /Нижнего Бейтена/ (Beuthen) в Верхней Силезии, главного города княжества Кролат-Бейтен. В начале 1650-х гг. поступил на военную русскую службу, участвовал в войне с Речью Посполитой (1654–1667), затем направлен на службу в Сибирь. В 1685 г. командовал полком, посланным для обороны Даурии (Забайкалья и Приамурья). Непосредственный участник, а после гибели в сентябре 1686 г. воеводы А. Толбузина, руководитель обороны Албазинского острога во время его второй осады (1686–1687) маньчжурами. После заключения Нерчинского договора (1689) с 66 албазинцами покинул острог и прибыл в Нерчинск в августе 1690 г. С 1691 г. — казачий полковник в Иркутске, с 1696 г. — приказчик Удинского острога Его потомки жили вблизи Нижнеудинска в деревне Бейтоновой Балаганского уезда.

вновь воспроизвёл чертёж Амура «даурского полковника Афанасия Иванова сына Байдона [Бейтона]», который ещё в начале XX века хранился в архивных фондах Сибирского приказа[1]. Чертёж Афанасия Бейтона датируется временем его службы на Амуре (1686–1690).

Особняком в русском картографическом наследии XVII столетия стоит карта Сибири А.А. Виниуса, найденная в 1939 г. А.И. Андреевым среди рукописных чертежей «Служебной чертёжной книги Сибири» (1702–1720-е) С.У. Ремезова, которая им датируется 1689 годом. Карта составлена по правилам европейской картографической техники того времени; её отличительной чертой является наличие на ней градусной сетки, которой нет ни на одном русском чертеже XVII века[2].

Семён Ульянович Ремезов

XVII столетие проявляет интересную источниковедческую закономерность: чем дальше от Москвы (и не только на запад, но и на восток), тем обнаруживается бóльшее количество сохранившихся старинных географических карт о территории России в XV–XVII веках. [Читателя не должно смущать то обстоятельство, что большинство старинных карт в современной России сосредоточено в Москве и Петербурге; туда они попали (были собраны) только в XVIII–XX вв.; а часть снова вывезены из России в 1917–1930-е гг. и сейчас хранятся в различных научных и культурных учреждениях стран Западной Европы и США]. В этом отношении характерно картографическое наследие русского картографа, географа, этнографа и историка Сибири; тобольского сына боярского (с 1682 г.) и тобольского (сибирского) дворянина (с 1712 г.) — Семёна Ульяновича Ре́мезова (1642 – после 1720)[3].

Первым из Ремезовых в Тобольск, в «стольный град» Сибири, 2 декабря 1628 г. прибыл дед Семёна — Моисей /Мосей/ Лукьянов Ремезов Меньшой (?–1647). Незвестно за какую-то провинность он был выслан из Москвы. В Тобольске Моисей сразу получил высший чин сибирского казачества: сына боярского с двойным годовым жалованьем в 20 рублей, 20 четей[4] ржи, 20 четей овса и 3 пуда соли. [В те времена двойное жалованье утверждалось лишь по специальному решению Москвы]. В 1640–1641 гг. Моисей Ремезов ездил к джунгарскому (ойратскому) правителю (контайше) с дипломатическим поручением: доставил последнему от тобольского воеводы богатые подарки — серебряную посуду, сукна, шёлковую материю и др. Взамен контайша должен был положить конец грабежам на юге русской Сибири. В 1647 г. во время поездки в Москву Моисей Ремезов умер.

---

[1] Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1–4. М., 1895–1901; Ч. 4. С. 114–115; Ч. 3. С. 202, 346.

[2] Побробнее о малоизвестных русских чертежах Сибири и её территорий XVII – начала XVIII вв. см.: Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. I (XVII век). Л., 1940. С. 77–84; Андреев А.И. Первые русские карты Сибири // Глобус. М.; Л., 1939. С. 307–312; Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII – первая половина XVIII вв. – М., 1950. Главы II–III (А.В. Ефимов); Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. Сборник документов / Вводная статья А.В. Ефимова. – М., 1951.

[3] Оглоблин Н.Н. Источники «Чертёжной книги Сибири» Семёна Ремезова // Библиограф. 1891. № 1; Оглоблин Н.Н. К биографии С. Ремезова // Библиограф. 1892. № 10–11; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. – М.–Л., 1960; Полевой Б.П. Семён Ремезов и Владимир Атласов (к уточнению датировки ранних чертежей Камчатки) // Известия АН СССР. Серия географическая. 1965. № 6; Полевой Б.П. Сибирская картография и проблема «Большого чертежа» // Страны и народы Востока. 1976. Вып. XVIII; Гольденберг Л.А. С.У. Ремезов — сибирский картограф и географ (1642 – после 1720). М., 1965; Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской. Жизнь и труды Семёна Ремезова. Магадан, 1990; Bagrow L.S. Remezov — a Siberian cartographer // Imago Mundi. 1954. Vol. 11.

[4] Четь /че́тверть/ — старорусская мера измерения, равная четвёртой доле чего-либо; использовалась как мера длины, мера земельной площади и мера сыпучих тел, особенно хлеба (зерна). Как мера сыпучих тел четь составляла ¼ часть старинной кади, или 2 осьмины, или 8 четвериков, или 64 гарнца. 1 четь = 2,099 гектолитра; 1 гектолитр = 100 литрам, то есть 1 четь = 209,9 л.

В XVII в. на Руси четь, как мера сыпучих тел, приравнивалась к 9,5 пудов пшеницы, 6 пудам ржи, 7 пудам ячменя, 6 пудам овса [1 пуд = 16,3 кг]. В.И. Даль (1801–1872) в своём «Толковом словаре живого великорусского языка» (т. I–IV, 1861–1867) пишет, что 9-ти пудам ржи (в зависимости от качества зерна) равнялась так называемая казённая (государственная) четь, тогда как в коммерческой торговле хлебом использовалась так называемая нижегородская четь, составлявшая 24 пуда ржи.

Вместо него на государеву службу был принят («повёрстан») его сын Ульян /Юлиан/ Ремезов (?–1689). Известно, что он умел выполнять географические чертежи и успешно справлялся со всеми поручениями, которые ему поручали тобольские воеводы (был-де он «сниска телен и хитр в делах»).

В 1664 г. Ульян Ремезов возглавлял экспедицию вверх по реке Ишим (левому притоку Иртыша), направленную для «досмотра земли и поиска соляных озёр». Поход завершился весьма успешно: были найдены два соляных озера, подысканы места под пашню для русских переселенцев, выбрано место для строительства будущего острога. После похода Ульян представил географический чертёж маршрута экспедиции. В 1665 г. Ульян Ремезов вновь нашёл на Ишиме соляные озёра и пригодные для пашни места. [В XVII в. на Руси ощущалась острая нехватка соли: она ценилась очень дорого, и поиск новых соляных залежей считался «важным государевым делом»]. В 1666 г. Ульян Ремезов в качестве сборщика налогов собирал в Пелыме у крестьян хлеб на государевы нужды.

После прибытия в Тобольск в мае 1667 г. новый сибирский воевода (1667–1669) Пётр Иванович Годунов (?–1670/71) сразу обратился ко всем тобольским служилым людям с призывом высказывать предложения по вопросу выявления новых источников доходов для государевой казны. Ульян Ремезов 3 сентября 1667 г. подал воеводе челобитную, в которой советовал не отправлять больше из Тобольска на Ишим тобольских казаков на «годовалую службу», а поселить там служилых людей на «вечное житьё» и вместо денежного и соляного жалованья выделить им пашни. После подачи челобитной Ульян Ремезов попал в число доверенных приближённых правителя Сибири.

В апреле 1668 г. Ульян Ремезов был вновь направлен из Тобольска на Ишим. Выданная ему «наказная память» (инструкция) гласила: «За прежние и за нынешние службы и за работу и за радение <…> велено ему, Ульяну, в Ишимском острожке на порозжей земле строить и крестьян и беломестных казаков прибирать изо всяких чинов и из вольных гулящих людей». Сам Ульян был назначен главным управителем тех мест — приказным Ишимского, Тебендинского и Коурдацкого острожков.

На Ишиме Ульян Ремезов успешно прослужил два года. Однако в сентябре 1669 г. Пётр Годунов был смещён с должности тобольского (сибирского) воеводы, а все его ближайшие помощники были направлены в ссылку. Ульян Ремезов был сослан в далёкий, даже по сибирским меркам, Березов. [Впоследствии Семён Ремезов располагал подробным чертежом низовьев Оби: либо он сам там бывал у отца, либо этот чертёж был выполнен Ульяном Ремезовым].

Достоверно известно, что на момент ссылки отца (1669) Семён Ремезов ещё не состоял на государственной службе. Чем именно он занимался в молодые годы — точно неведомо; видимо, жил как простой тобольский посадский человек (горожанин). Согласно автобиографии Семёна Ремезова, сохранившейся в «Служебной чертёжной книге», в его семье с детства приучали к чтению книг; он сам получил домашнее образование, его учителями были пленные поляки и ссыльные украинцы.

В 1676 г. 34-летний Семён Ремезов женился на некоей 21-летней Евфимии Митрофановне. От этого брака у Семёна Ремезова было три сына, ставших впоследствии помощниками отца в его творческой деятельности, — Леонтий (род. в 1677 г.), Семён (1679), Иван (1681), и дочь Мария (год рождения неизвестен). [В историографии нередко ошибочно сообщается о четырёх сыновьях Семёна Ремезова; однако четвёртый из младших Ремезовых, Афанасий, приходился Семёну не сыном, а племянником].

Также неизвестно, в каком году Семён Ремезов подал прошение о принятии («поверстании») его на государеву службу «по заслугам отца и деда» прямо в высший казачий чин — «сыновья боярские». Известно лишь, что «челобитная была уважена» только в 1682 г.: тобольский воевода князь А.А. Голицын приказал («приговорил») Семёну Ульянову Ремезову, «невёрстанному сыну боярскому <…> быть в детях боярских» вместо убитого в бою Петра Заболоцкого, с годовым жалованьем 7 руб., 7 четей ржи, 7 четей овса, 2 пуда соли.

Находясь на государственной службе в 1682–1696 гг. С.У. Ремезов посылался сибирскими воеводами в самые различные части обширной территории Западной Сибири и Урала, которая была подвластна тобольским воеводам. Выполняя различные наказы тобольских воевод, он выступал в роли ясачного сборщика, взимал хлебные налоги и оброк, следил за рыбными промыслами, совершал объезды и даже участвовал в военных походах. Во многих сочинениях Семёна Ремезова присутствует афоризм, сравнивавший служебные командировки с полётом стрелы и ставший фактическим девизом семьи Ремезовых: «*Во все страны летяч[щ]ая стрела — тоболян езда*».

Семён Ремезов — составитель планов и описаний Тобольска и одноимённого уезда (1683–1710). Наиболее ранний из известных чертежей Семёна Ремезова (1683) — именно чертёж города Тобольска.

В 1683–1684 гг. он принял участие в проведении переписи драгун, казаков и тяглового населения Тобольска и в составлении списков острогов и слобод, входящих в состав Тобольского воеводства, с указанием их расстояния до стольного града Сибири, числа сосредоточенных в них служилых людей и имеющегося там вооружения. В феврале 1684 г. Семён Ремезов представил новый дополнительный (окончательный) список 34 острогов Тобольского уезда с данными об их служилых людях и количестве наличного оружия.

Летом 1686 г. С.У. Ремезов создаёт ещё один чертёж города Тобольска, а 18 июня 1687 г. завершает работу над новым чертежом Сибири. За основу он взял карту 1667 г., на которую поместил весьма насыщенную «нагрузку» (свыше 600 географических названий!). В 1688–1689 гг. Семён составил («написал») новый подробный чертёж тобольского земляного городового вала. Именно к этому времени в Тобольске за Семёном Ремезовым закрепилась репутация настоящего мастера чертёжного (картографического) дела.

В феврале–мае 1690 г. С.У. Ремезов впервые побывал в Москве. С группой бывалых казаков ему поручили доставить в столицу различные документы Тобольска: окладные книги, сметный список и прочее. Подробности первого пребывания Ремезова в русской столице неизвестны; сохранились лишь краткие записи о выдаче прибывшим из Тобольска казакам тех или иных сумм на расходы.

После возвращения из Москвы в Тобольск Семён Ремезов в 1691 г. был отправлен за реку Ишим, в земли «Казачьей орды» (территория современного Казахстана). Поход оказался нелёгким и неудачным: в пути Ремезов потерял лошадей, и ему с превеликим трудом удалось вернуться в Тобольск.

В дальнейшем полученные в этом военном походе на юг от Тобольска сведения, а также подробные расспросы в 1696 г. Семёном Ремезовым тобольского казака Фёдора Скибина, побывшего в этом же году в Хиве и Бухаре и подавшего о пребывании там статейный список, послужили основой для создания настенного чертежа всей «Казачьей орды» и «Бухарии». Этот чертёж (3×2 аршина[1], на бязи[2], сохранилась только его копия), начерченный в 1696–1697 гг. и увезённый из Тобольска в Москву 20 марта 1697 г. сыном боярским А. Денисовым, был выполнен именно Семёном Ремезовым, а не Фёдором Скибиным.

Впоследствии Семён Ремезов, сам отлично знавший течение Тобола, Иртыша, Ишима, а также на основе изучения документов экспедиции Фёдора Скибина (1696), составил ещё три карты, отображающие земли к югу от территории русской Сибири. Одна воспроизводила территорию к юго-западу от Западной Сибири до Амударьи, Сырдарьи и Каспийского моря. Две другие, озаглавленные «Чертёж земли всей безводной и малопроходной каменной степи»[3] и «Чертёж всех с камней потоки рек имены наличия

---

[1] Арши́н — старорусская мера длина, равная 16 вершкам, или 71,12 см.

[2] Бязь (араб.) — хлопчатобумажная плотная ткань, в которой нити основы тоньше, чем нити утка́. Белёную бязь обычно называют полотном.

[3] «Чертежу земли всей безводной и малопроходной каменной степи» (1696–1697) Семёна Ремезова из его «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701) предшествует следующий текст (лист 20):

снискательно бывальцы и уроженцы», изображали огромную территорию от верховьев Енисея (на востоке) до Аральского («Море Аралско») и Каспийского («Море Хвалынско») морей (на западе). Пространство этих чертежей на юге захватывало земли «Казачьей Орды» (казахские степи), Бухару и Хиву, калмыцкие кочевья; на юго-западе — территорию Алтая, Монголии (верхнее течение реки Селенги) и Северного Китая (показаны истоки «Китайской реки Керга» — Хуанхэ). [Столь длинные, заковыристые, невыразительные и трудно запоминающиеся названия характерны для всех чертежей Семёна Ремезова: здесь отразилось влияние старинной русской православной церковно-книжной традиции].

В 1696 г. С.У. Ремезов, к этому времени зарекомендовавший себя и прекрасным художником (расписал часовню для водосвятия на берегу Иртыша), по распоряжению Сибирского приказа был привлечён к составлению чертежей Сибири. Бывший с 1694/95 г. дьяком Сибирского приказа (с 1697 г. — его глава) А.А. Виниус (1641–1717) порекомендовал главе (судье) Сибирского приказа боярину князю Ивану Борисовичу Репнину (?–1697), в прошлом тобольскому воеводе (1670–1673), приступить по всей Сибири к составлению новых географических чертежей. Идею поддержал царь Пётр I.

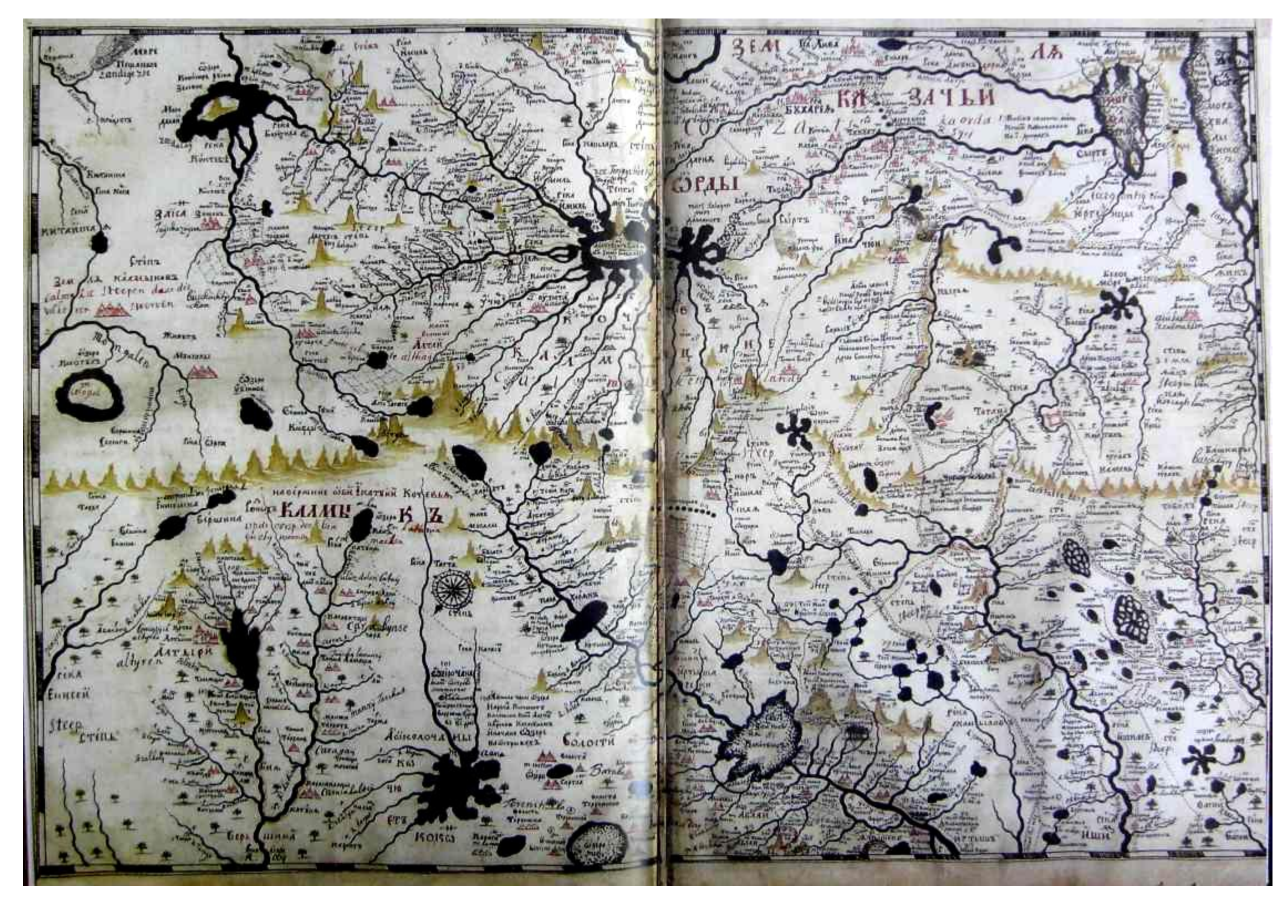
В Москве Боярская Дума на своём заседании 10 января 1695/96 г. обсудила этот вопрос и постановила («приговорила»): во всех воеводствах Сибири составить подробные настенные чертежи на холстине (размером 3×2 аршина), а также «написать чертёж всей Сибири на холсте с показанием в оном городов, селений, народов и расстояний между урочищами» (3×4 аршина). Чертежи надлежало изготовить «мерою в длину трёх аршин, в ширину двух аршин, самым добрым мастерством, а большой всей Сибири чертёж сделать в вышину трёх аршин, поперёк четырёх аршин».

«Боярский приговор» был отражён в указе Сибирского приказа от 10 января 1695/96 г. («7204 г. от сотворения мира»), в котором наказывалось «...всем сибирским городам и с уезды <...> написать чертежи, <...> а в Тоболску велеть сделать доброму и искусному мастеру чертеж всей Сибири и подписать внизу от которого и до которого города, сколько вёрст или дней ходу, и уезды всякому городу определить, и описать в котором месте какие народы кочуют и живут, также с которой стороны к порубежным местам какие народы подошли, <...> а сделав те чертежи, велеть прислать в Сибирский приказ безо всякого мотчанья [промедления]»[1]. [На этот «боярский приговор» обратил внимание А.С. Пушкин (1799–1837), отбирая материалы для своей «Истории Петра Великого»].

«По указанной грамоте Великого Государя велено в Тобольске тобольскому сыну боярскому Семёну Ремезову в 1696 году 17 апреля написать [чертёж] Степи от Тобольска до Казачьей орды, и до Бухареи большей, и до Хивы, до Еика и до Астрахани. Куды ближе и сколь далеко днями в днях пути сухим и водным, летом и зимою. [Описать] реки и числом и величиною. И корм людем и скоту безскудный [был] бы. И переправы переходы б. И каменные горы проходные б и урочища ведомыя. И всему учинить наличной Чертёж трёх аршин длины и двух аршин поперёк, и подписать Именно.

И по вышеписанному Указу Великого Государя, Семён Ремезов подобно сему написал на белой в[б]язи наличной Чертёж во время с 17 апреля [1696] по 3 марта 1697 года Тобольского Города и иных Городов всяких чинов людей, старожилов, ведомцов, бывалцов, выходцов и полонянников, русских и иноземцев, бухар и тотар, и калмыков, и новокрещённых от Тобольска. Про дороги по Указу допрашивал, выведывал и записывал о немирных владелцов земли и всякие урочища, реки, речки и озера, и каменные горы, и пески и меж ими расстояния пути на конях и водою чрез Адбашской острог от Тобольска по Ваге реке и волоком чрез Имезские болота, и по Ишиму, и чрез Ишим до верхних бродов по обеим сторонам рек Вагаю и Ишим. И вверх по Тоболу слободами и башкирскою дорогою по вершинам рек Алабуги, Караталов и Торгаев, чрез Камень [Уральские горы], а дальше Каменем и степью до Казачьей орды по направлению на реку Сырт до города Тевтиханова Туркустана, указав пути до Ордынских жилищь пристойный для прохода с ратными людьми скорым и в молчании средним и тяжёлым ходом, зимними и летними днями, а также верстами конными и обозом, кормлёными местами людем и скоту, по рекам и урочищам сухим путем, каменным, а не водным, и до которого урочища сколько ходу. К тому же славный Алтай Камень имущему верх досязати выше облак и путь имущему косогоры возхождения вверх неделю, також и низхождение неделю безводно. Искони богом создан в основании главою всех великих рек Иртыша, Оби, Енисею, Селенги, китайской Керги и индейского Ганга. И калмытски в наличии многих рек и путь до Китая и всю степь с [её] городами и с кочевьями немирных жителей иже прежде мало ведомых. Написано в свидетельстве подлинно и подписано».

[1] ПСЗРИ. Т. 3. № 1532.

«Чертёж земли всей безводной и малопроходной степи» (1696–1697) из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701; лист 20) С.У. Ремезова. Ориентирован на юг (юг сверху)

Иными словами, властям в Тобольске поручалось одновременно составить не только чертёж Тобольского воеводства (Тобольска с уездами), но и карту всей Сибири («описание сибирских и порубежных народов»). Для выполнения столь важной работы в Тобольске необходимо было найти «доброго и искусного мастера»; выбор пал на многоопытного Семёна Ремезова. Для получения недостающих сведений в конце октября 1696 г. он выехал из Тобольска на запад с целью составления («написания») подробных путевых чертежей («с урочищи») Исети, Нипы, Пышмы, Тобола, Мияса, Туры, Танды и других рек Западной Сибири и Урала.

Местным властям было приказано оказывать С.У. Ремезову всяческое содействие. Воеводский наказ гласил: «Вы, прикащики и слободчики, давайте ему, Семену, где ему чертеж делать, постоялый двор и свеч и чернил и для указывания всяких урочищ старожилов, беломестных казаков и крестьян <…> и в той описи никакой помешки ему не чинить. <…> И всякие урочища и озера и речки и всякие угодья указать и давать ему от слободы до слободы для розсылки и в Тобольск для посылки с отписки беломестных казаков, чтоб никакой остановки в том деле не учинилось».

Одновременно с работой над «Чертежом части Сибири» (1696–1697) Семён Ремезов участвовал в 1697–1698 гг. в составлении плана реконструкции Тобольска. Стольный град Сибири, основанный в 1587 г., за первые сто лет своего существования неоднократно и сильно горел. Множество раз выгорали целые кварталы. Элементарные противопожарные меры (полный запрет пользоваться огнём летом, обязательное хранение бочек с водой и пр.) не приносили ощутимых результатов. Поэтому местные власти пришли к выводу, что центр города следует выстроить из камня. В апреле 1683 г. в Тобольске заложили первое каменное здание: на месте сгоревшей деревянной церкви было решено возвести каменный Софийский собор с каменной же оградой. Впервые в Сибири его стали строить по заранее заготовленному чертежу. Предполагалось, что новый храм станет копией Вознесенской церкви в Москве. Однако в ходе строительства были внесены некоторые исправления:

отделку стен сделали более простой, а вместо шлемовидных куполов воздвигли луковичные. Строительство собора было закончено в 1686 г. (уцелел до наших дней).

В мае 1697 г. Сибирский приказ предписал во избежание пожаров всю центральную часть Тобольска сделать каменной. Тобольским властям было приказано разработать подробный план перестройки центра города и составить смету возможных расходов. Подсчёты в Тобольске были закончены в мае 1698 г., а в июне того же года Ремезову с сыном Семёном-младшим было приказано выехать в Москву для утверждения проектов реконструкции Тобольска, а заодно и «для учения в Оружейную палату к делу строения». [«Ученику» тогда уже исполнилось 57 лет].

В начале августа 1698 г. Ремезов с сыном прибыли в Москву и поселились в богатом доме последнего тобольского (сибирского) воеводы (1697–1709/10) князя М.Я. Черкасского (?–1712). В период второго пребывания в Москве С.У. Ремезов пробыл в столице четыре месяца. За это время он утвердил проект реконструкции Тобольска, познакомился с картографическим материалом архива Сибирского приказа и с гравюрами и литературой по западноевропейской архитектуре, учился в Оружейной палате градостроительству из камня («строению каменных дел», «как сваи бить и глину разминать и на гору известь и камень, воду и иные припасы втаскивать»). И, конечно, создал уникальное полотно — большу́ю настенную карту «Чертёж всех сибирских градов и земель» или «Чертёж всей Сибири (1698).

«Чертёж всех сибирских градов и земель» (Москва, 1698) из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701; лист 21) С.У. Ремезова. Ориентирован на юг (юг сверху)

К приезду Ремезовых в Москву (1698) в Сибирском приказе у Виниуса скопилось 18 сводных настенных чертежей различных воеводств Сибири, выполненных на местах различными мастерами-чертёжниками и иконниками. Чертёж Тюмени, например, был изготовлен иконником Максимом Стрекаловским. «Чертёж земли Якутцкого города» создавался при участии служилого человека Максима Мухоплева. [Николас Витсен почему-то именует его «графом Максимилианом Мухоплетиусом»]. В архиве Сибирского приказа

также содержались чертежи, составленные в Иркутске, Енисейске, Томске, Таре и других городах Сибири. Виниус поручил Ремезовым срочно отобрать важнейшие географические данные с привезённых в Москву сибирских чертежей и затем на одном полотне отобразить все города и остроги Сибири.

Ремезовы спешно сняли с них копии («переводы»), но в меньшем масштабе («в меру убравши по компасу церкильным розмером»), и на основе этих копий приступили к созданию общего большого «Чертежа всей Сибири» (1698). Работа была выполнена быстро: уже 26 октября 1698 г. дьяк Сибирского приказа А. Парфёнов распорядился выдать Семёну Ремезову «за ево работу, что он делал чертеж всей Сибирской стране, денег пять рублев».

Фактически же осенью 1698 г. в Москве Ремезов с сыном Семёном изготовили не один, а два общих чертежа всей Сибири, идентичных по содержанию: один — на белой китайке[1] (4×2 аршина), другой — на лощёной бязи (4×3 аршина) для царя. Копию с меньшего по размеру общего чертежа Сибири, как и копии с городовых (уездных) сибирских чертежей, Ремезов взял с собой в Тобольск при отъезде туда в декабре 1698 г.

Официально отец и сын Ремезовы передали руководителям Сибирского приказа готовый большой настенный «Чертёж всей Сибири» 18 ноября 1698 года. Видимо, бóльший по размеру «Чертёж всей Сибири» (3×4 аршина) — это и есть то полотно (213×277 см), которое теперь находится в постоянной экспозиции Петровской галереи Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). Длительное время оно хранилось в петровском Екатерингофском дворце, где висело на стене. Одна из легенд об этом полотне гласит, что будто бы по нему Пётр I экзаменовал своих офицеров. В 1907 г. этот чертёж, с согласия Николая II, был передан в Русское Географическое общество, а затем таинственно исчез на несколько десятилетий, пока не был случайно обнаружен — уже после окончания II-й мировой (1939–1945) и Великой Отечественной (1941–1945) войн — в одном из шкафов общества: он мирно покоился в специально для него сделанном ящике.

В декабре 1698 г. С.У. Ремезов, главный автор проекта перестройки Тобольского Кремля, был официально назначен Сибирским приказом руководителем строительных работ. Вместе с сыном он выехал в Тобольск, до которого добрался необычайно быстро — к 1 января 1699 года.

Проектированием и строительством каменного Кремля в Тобольске и первых каменных административных зданий по заранее заготовленным чертежам Ремезов занимался в 1698–1706 годах. В торжественной обстановке под пение церковного хора 9 мая 1700 г. состоялась официальная закладка приказной палаты. Здание палаты не дошло до наших дней, но сохранились рисунки Семёна Ремезова. Приказная палата представляла собой прямоугольное каменное строение (47×17 м, высота — 15 м). Её первый этаж отводился под кладовые для хранения «казны» — пушнины, хлеба и соли. На втором этаже находились присутственные помещения; там же располагалась открытая галерея («гульбище») с колоннами (она была выполнена по рисунку в одной из книг по французской архитектуре, полученной Ремезовым в Москве). Здание венчала тёсовая двускатная крыша, украшенная своеобразными бочкообразными чердачными помещениями. Узенькие оконницы поблёскивали слюдой в свинцовой облатке. Над главным входом красовался большой герб города Тобольска.

Ещё 18 ноября 1698 г. А.А. Виниус, принимая от С.У. Ремезова большой настенный «Чертёж всей Сибири», дал ему наказ по возвращении в Тобольск составить чертёжную книгу всей Сибири и включить в неё копии «с привезённых к Москве с сибирских городовых чертежей». В итоге был создан атлас особой структуры («Чертёжная книга Сибири», 1698–1701): уже не с традиционными для XVII века схемами отдельных путей, а с общими изображениями территорий воеводств, которые по внешнему виду и содержанию в бóльшей

[1] Китáйка — название простой хлопчатобумажной ткани, изначально мутно-жёлтого цвета, завозимой в XVII веке в Россию из Китая. В отличие от камчáтки /камкú/ — шёлковой (камчатой) китайской ткани — китайка стоила на рынке значительно дешевле.

мере соответствовали европейским картам, чем традиционные русские локальные путевые чертежи.

В сентябре 1699 г. А.А. Виниус направил тобольским властям напоминание о своём задании. Однако каменное строительство в городе шло полным ходом, что отнимало время Ремезовых от работы над составлением атласа. Атлас был закончен лишь к 1 января 1701 г., но уже вскоре выяснилось, что в него требуются внести некоторые поправки и уточнения. Только осенью 1701 г. Семён Ремезов решил отправить завершённый картографический труд с казаками, которые повезли в Москву «ясачную казну». Между тем терпение Виниуса лопнуло, и он в ноябре 1701 г. послал тобольским воеводам приказание немедленно прислать в Москву Семёна Ремезова с его атласом.

«Товарищ» (заместитель) тобольского воеводы, его сын князь А.М. Черкасский (1680–1742) 14 января 1702 г. учинил допрос С.У. Ремезову — почему-де он не выполнил наказ главы Сибирского приказа. Ремезов ответил, что давно всё отправлено в Москву. В ответ ему поставили на вид то, что об этом он своевременно не доложил воеводам. Ремезов оправдался «забвением от недоумения».

С полученной из Тобольска «Чертёжной книгой Сибири» (1698–1701) А.А. Виниус с научной точки зрения обращался достаточно вольно: на ней сохранились пометки, сделанные им и его помощниками. Из этих пометок следует, что в Москве этот атлас готовился к изданию и к нему составлялся особый географический указатель, но задуманное так и не было доведено до конца. Также в атласе некоторые названия географических объектов переведены на голландский язык (в это же время Виниус занимался составлением голландско-русского словаря). Тогда же он по указанию Петра I посылал новейшие географические сведения в Амстердам Николасу Витсену, который собирался переиздать свою книгу «Северная и Восточная Тартария» (1692, 1705) и намеревался составить новую бóльшýю карту Сибири.

После начала Северной войны (1700–1721), в конце июня 1702 г. А.А. Виниус, уже находившийся в опале, выехал из Москвы на восток с целью увеличения производства пушек на литейных заводах Урала и Сибири. На Урале, на реке Каменке (приток Исети), в сентябре 1699 г. был основан подобный завод (принадлежавший тобольскому воеводе князю М.Я.Черкасскому), который отливал мало пушек. Виниус решил резко увеличить их производство.

В Тобольске Виниус вновь встретился с 60-летним Ремезовым и привлёк его к решению порученной ему Петром I задачи. Царским указом от 9 января 1703 г. город Кунгур передавался в ведение Сибирского приказа с подчинением Верхотурью. Кунгурскому воеводе А.И. Калитину повелевалось организовать поиск руд и строительство нового завода в Кунгурском уезде («дабы в Московском государстве железом и медью и селитрою, и серою горячею удовольствоваться без постороннего привозу из иных стран»).

В феврале 1703 г. из Москвы в Тобольск пришла грамота о посылке Семёна Ремезова в Верхотурье и Кунгур. Данная ему инструкция-наказ определяла: «И ехать тебе в Кунгурский уезд и зделать всему Кунгурскому уезду, селам и деревням и рекам чертеж исправной с розмером подлинным для удобного железу и иным статьям к Каме реке привозу и описать как тот Кунгурский уезд с Сибирскими и с Уфимским сошлись, и которая река отколь взялась и в которую сторону и куды впала и мочно ль какими судами по ней ходить и суды на ней делать, много ль которою рекою будет ходу лехкими и тяжелыми судами и где пороги».

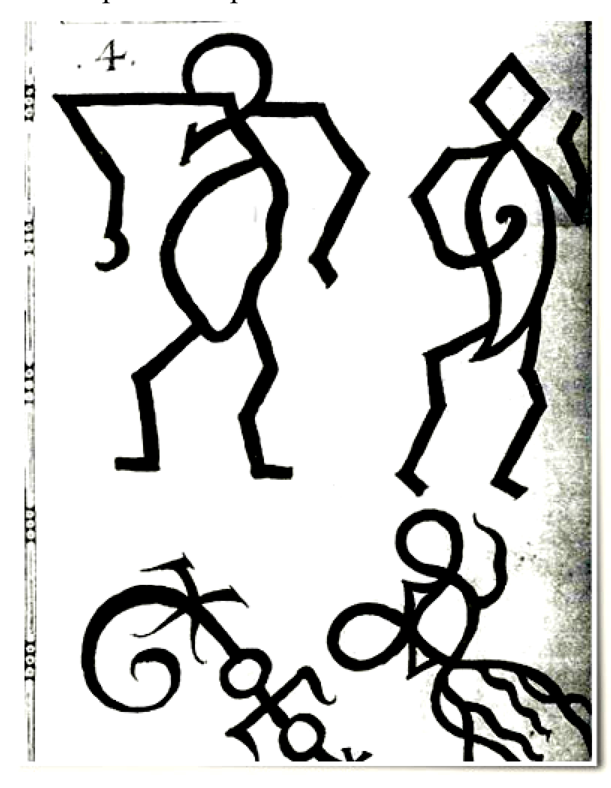
В своё распоряжение С.У. Ремезов получил в Кунгуре[1] двух проводников («вожей»), подводы, бумагу, чернила и двух казаков для охраны («обережи»). 12 апреля 1703 г. Ремезов с сыном Леонтием выехали из Тобольска «по последнему санному вешнему пути со льдом». Поездка оказалась крайне тяжелой («многожды был при смерти и тонул»); несмотря на это,

[1] Кунгýр — город в Пермской области РФ, в месте впадения р. Ирень в р. Сылва. Острог основан в 1668 году, с 1781 г. — город.

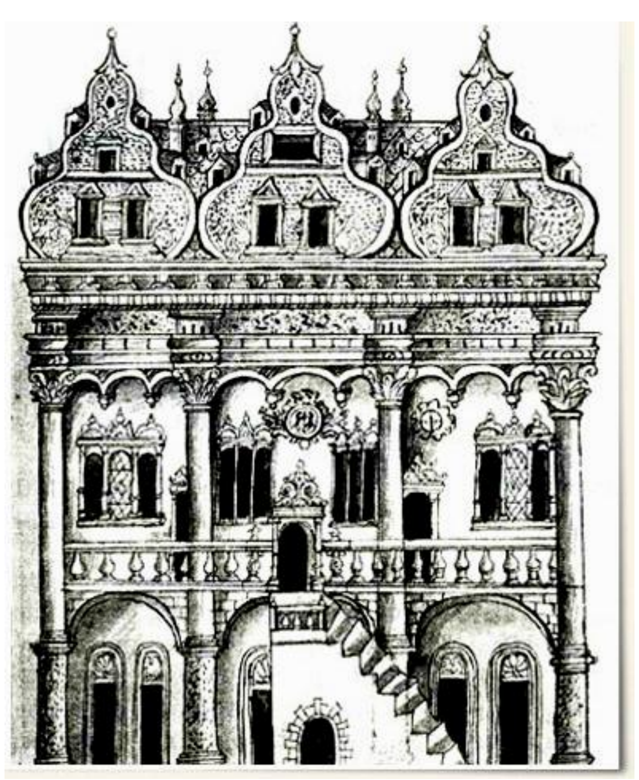
уже 27 апреля 1703 г. Ремезовы добрались до Кунгура, где обнаружили ценнейшую Кунгурскую летопись по истории Сибири.

8 июля 1703 г. С.У. Ремезов официально сообщил верхотурскому воеводе об успешном окончании всех чертёжных работ. По итогам этой поездки он составил два чертежа: города Кунгура с посадом и всего Кунгурского уезда («рек и урочищ для удобного провозу всяких припасов и сходство многих рек и меж ими гор и которые реки впали в Сибирскую сторону и вкруг устьем в Каму реку и на них жилья сел и деревни и татарские юрты мордвы и черемис и с окольними х Кунгурскому городу принадлежащими соседи и которые кунгурские жители всяких чинов люди между соседы грани и межи и урочища почитают с Верхотурьем, с Уфою, с Осою, со Строгановыми селы вкруг своей уезд»). Последний чертёж был выполнен на нескольких листах.

После командировки в Кунгур Ремезов выехал на Каменский завод, где выполнил ряд чертежей и рисунков — пушек и мортир, различных видов брусчатого, полосового и прутового железа для пушечных лафетов и колёс. На своих рисунках Ремезов также подробно воссоздал картину доменного производства металла и изготовления селитры. В этом отношении Семён Ремезов является одним из основоположников инженерной графики в Сибири и на Урале.

Фрагмент «Чудцкого письма» с «Ирбитского писаного камня»

Фрагмент фасада Приказной палаты Тобольска, построенной по проекту С.У. Ремезова

В этот же период своей творческой деятельности Ремезов принимал личное участие в поисках полезных ископаемых и в осмотре некоторых археологических памятников, например, петроглифов на реке Ирбит у деревни Писанец. В этом районе расположен так называемый «Ирбитский писаный камень» — скала из светлого известняка, на которой красной краской нанесены таинственные надписи или рисунки, которые С.У. Ремезов назвал «древних лет чюдцкое письмо». В ходе поездки к «Ирбитскому писаному камню» Ремезов с сыном Леонтием копируют эти древние изображения и объединяют 4 рисунка в сюжет «Тавры, снятые с каменей».

После возвращения в Тобольск С.У. Ремезов участвовал в дальнейшем поиске «селитрянных земель» и устройстве порохового завода.

Однако его покровитель Андрей Виниус, попавший в царскую опалу ещё в 1701 г., в конце 1703 г. вообще был отстранён от управления Сибирским приказом и от выполнения

других государственных функций. Новые руководители Сибирского приказа уже не нуждались в картографических услугах Семёна Ремезова.

После 1703 г. С.У. Ремезов продолжал трудиться в Тобольске: он строил внушительное здание Гостинного двора, законченное в 1706 году. Историк сибирской архитектуры В.И. Кочедамов приводит описание этого сооружения: «Гостиный двор, окружённый мощными стенами с башнями на углах, был надёжно защищён от врагов и огня. Внутрь двора вели двое ворот с часовней над западными и таможней над восточными. С южной и северной стороны двор имел двухъярусную аркаду, за которой располагались лавки — 30 в верхнем и 35 в нижнем этажах, а под ними склады. На галерею вели наружные открытые лестницы. Крепостной облик Гостиному двору придавали башни с машикулями[1] и маленькие окна, прорезавшие гладь стены». Гостиный двор в Тобольске в несколько искажённом виде дошёл до нашего времени.

В 1709 г. до властей Тобольска дошли тревожные слухи, что со стороны Башкирии и Казахстана готовится нападение кочевников («немирных людей»). В связи с этим было решено в нижнем посаде Тобольска срочно возвести оборонительный земляной вал, подобный тому, который был создан в 1707–1708 гг. при укреплении Московского Кремля и Китай-города. Строить тобольский земляной вал поручили Семёну Ремезову. В 1709 г. Ремезов начал составлять подробный план тобольского нижнего посада («подола»), но земляной вал так и не пришлось строить, так как угроза нападения кочевников вскоре исчезла.

В 1710 г. С.У. Ремезов принял участие в переписи населения города Тобольска. В переписной книге города Тобольска 1710 г. содержится следующая запись: «Двор[2] купленой сына боярского Семена Ульянова сына Ремезова.

Иконник сказал о себе шестьдесят семь [67] лет, у него жена Ефимья, Митрофанова дочь — пятидесяти пяти [55] лет, сын Леонтей тритцати трех [33] лет, сын боярской же, у него — жена Варвара, Васильева дочь, тритцати [30] лет. У него, Леонтья, дети: Алексей семи [7], Леонтей пяти [5] лет, Фёдор [одного] году.

У него ж, Семёна, сын Семён, сын боярской же, дватцати семи [27] лет, у него жена Ульяна, Григорьева дочь, дватцати пяти [25] лет, сын Никифор полугоду.

У него ж, Семёна, дети: Иван, сын боярской же, дватцати шти [26] лет, а ныне он в сибирских низовых городех, Пётр, четырнатцати лет [14], дочь Марья, девка дватцати [20] лет.

У него ж, Семёна, приданая женка остяцкой породы Анна Ивановна, тритцати лет [30], у ней дочь Ирина — [одного] году.

Государева жалованья им: Семёну денег одиннатцать рублев, хлеба ржи пять [5] четвертей с осьминою и з двумя четверики, овса тож число, соли три пуда, а детям его, Леонтью, Семену, Ивану, денег по семи рублев, хлеба ржи по четыре четверти, овса тож число, соли по два пуда, человеку»[3].

В 1712 г. С.У. Ремезов проводил перепись в Тюменском уезде: составлял списки жителей, выяснял их возраст и родственные отношения, проверял размеры дворов и пашни, уточнял размеры податей и прочее. [Перепись дворов 1710–1712 гг. в России, как впоследствии и подушная перепись 1718–1724 гг. (1-я ревизия, не фиксировала женщин), преследовала фискальные цели: Северная война (1700–1721) продолжалась, и правительству необходимо было выявить новые объекты обложения и новых налогоплательщиков].

В начале 1713 г. услугами семьи Ремезовых для украшения своего особняка воспользовался сибирский губернатор (1708–1719 гг., к выполнению обязанностей

---

[1] Машикули́ (франц. mâchicoulis) — навесные бойницы, расположенные в верхних частях стен и башен средневековых укреплений. Позднее элемент архитектурного декора.

[2] Установлено местоположение дома («двора») Семёна Ремезова в Тобольске: на Мостовой Знаменской улице между Соболевым и Кузнецовым переулками.

[3] Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской. Жизнь и труды Семёна Ремезова. Магадан, 1990.

приступил в 1711 г.) князь М.П. Гагарин (1658–1721)[1], который вёл в Тобольске роскошный образ жизни. Уже к началу июня 1713 г. Ремезов с сыновьями изготовили целых 18 картин-полотен, среди которых было несколько портретов («парсунов»). Столь быстрое выполнение заказа было обусловлено наличием у Ремезовых немалого числа помощников. В челобитной с просьбой заплатить за произведённые в губернаторском доме работы перечисляются три группы живописцев: «которые малюют наготово», «которые подмалёвывают» и «которые краски трут». К сожалению, все эти картины, выполненные под руководством С.У. Ремезова, не найдены до сих пор (не сохранились). После следствия и суда (1719–1721) над сибирским губернатором М.П. Гагариным, он был казнён за расхищение государственной казны, взяточничество и прочие преступления, а его имущество конфисковано. С тех пор судьба этих картин Ремезовых неизвестна.

В 1714–1717 гг. С.У. Ремезов руководил возведением южных ворот Кремля Тобольска. Ранее здесь стояли деревянные Софийские ворота; на их месте Ремезов и решил поставить каменные «Дмитриевские ворота». Такое название было выбрано в память главной победы атамана Ермака над сибирским ханом Кучумом, одержанной 21 октября 1581 г. в день святого Дмитрия — победы, которая положила начало присоединению Сибири к

---

[1] Гага́рин Матвей Петрович (1658–1721) — русский государственный деятель, из 4-й ветви княжеского рода Гагариных (Рюриковичи, родословную возводят к князю М.И. Стародубскому-Голибесовскому по прозвищу Гагара). Род князей Гагариных был внесён в 5-ю часть дворянских родословных книг многих центральных губерний России.

М.П. Гагарин — стольник (1686), 2-й (по объёму властных полномочий) воевода в Иркутске (1691–1693, первый воевода — его старший брат Иван), воевода в Нерчинске (1693–1694). Вместе с родным старшим братом Иваном и двоюродным братом Иваном Михайловичем Гагариными был замешан в торговых махинациях и взяточничестве: в 1690–1695 гг. московским «сыщиком» Ф.Р. Качановым было проведено следствие в Енисейске. У Матвея (воевода в Нерчинске) и у его двоюродного брата Ивана Михайловича (воевода в Якутске) было конфисковано имущество, которое они везли из Сибири, и наложена «пеня» (штраф) в огромном размере (более 13 тыс. руб.).

В 1701–1707 гг. М.П. Гагарин руководил постройкой шлюзов и каналов между Волгой и Доном в районе Тулы, а также Вышневолоцкого канала. С 1706 г. — глава Сибирского приказа и Оружейной палаты в звании «генерал-президента и сибирского провинциального судьи». В 1707–1711 гг. — московский комендант. В 1708–1719 гг. — губернатор Сибирской губернии (к исполнению обязанностей приступил в марте 1711 г.). При нём было закончено строительство тобольского Кремля, действовало в Тобольске три школы: на архиерейском дворе, цифирная и шведских пленных. Успешно справлялся со сбором налогов и набором рекрутов, сыграл видную роль в развитии торговли и дипломатических связей с Китаем, способствовал деятельности Русской православной церкви в Сибири, член Верховного суда по делу царевича Алексея (1718). Состоял в активной лично-служебной переписке с Петром I. Губернатор посылал Петру I в Петербург дорогие подарки: китайский фарфор и ткани, драгоценные камни, 2 тыс. кедровых деревьев для императорского сада, собрание скифских золотых украшений. Гагарин фактически монополизировал в своих руках (от имени государства) разграбление золота из скифских курганов. Впоследствии эти находки стали основой Сибирской коллекции золотых вещей Петра I, хранящейся ныне в Эрмитаже.

Вновь составил крупное состояние на махинациях на торговле с Китаем. В 1714 г. обер-фискал А.Я.Нестеров выдвинул против него обвинения в махинациях. Гагарин был вызван в Москву и отдан под следствие. Однако в этом же 1714 г. следствие было прекращено. Расследование было поручено князю В.В.Долгорукову, а в Сибирь для проведения «розыска» был послан князь А.Л. Долгоруков. С кланом князей Долгоруковых русский аристократ князь М.П. Гагарин сумел «договориться» и был оправдан следствием. Однако в 1717 г. обер-фискал А.Я. Нестеров, который ранее обвинил Долгоруковых в сговоре за взятки с М.П.Гагариным, вновь обратил внимание Петра I на недоимки по сбору налогов из Сибири и на несоответствия в торговом балансе с Китаем. Вновь было начато следствие о казнокрадстве губернатора и превышении им власти. На это раз следствие вела «розыскная» канцелярия во главе с лейб-гвардии майором И.И. Дмитриевым-Мамоновым, во все уезды Сибирской губернии были направлены лейб-гвардии офицеры, сержанты и солдаты — лейб-гвардии капитан И.М. Лихарёв возглавлял сибирский филиал следствия, лейб-гвардии капитан-поручик М.П. Измайлов — якутский филиал. Фактически «сыщики»-гвардейцы лично подчинялись и непосредственно отчитывались только перед Петром I. Несмотря на следствие, Гагарин ещё некоторое время сохранял доверие царя (в 1718 г. был членом суда над царевичем Алексеем), но уже в январе 1719 г. был арестован, в феврале 1721 г. его имения конфискованы, а сам он подвергнут пыткам. 14 марта 1721 г. приговорён Сенатом к смертной казни и повешен (16 или 21 марта 1721 г.) в Санкт-Петербурге перед окнами Юстиц-коллегии в присутствии императора. На виселице тело М.П. Гагарина находилось более 8 месяцев (Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 6. С. 238, 240).

России. Через «Дмитриевские ворота» Тобольска шла дорога с нижнего посада (подола) города к его Кремлю.

Тогда же (1714–1717) была построена уже давно задуманная «Рентерея» — здание, предназначенное для хранения «государевой казны». В строительстве «Рентереи» принимали участие шведские пленные, поэтому в народе она получила название «Шведских палат». «Рентерея» (сохранилась до сих пор) имела форму вытянутого прямоугольника, состоящего из 6 одинаковых помещений, сомкнутых в единый блок и сообщающихся между собой посредством анфилады дверей. Снаружи в палату можно было войти только с торца. Несмотря на применение ряда новых черт (линейная схема, слитная композиция), палата осталась древнерусским сооружением, что нашло отражение в асимметрической комбинации большой и малой арок ворот, характерных для XVII столетия. Здание хранилища-казны в Тобольске оказалось последним творением Ремезова-зодчего. [В 1714 г. Пётр I, желая ускорить возведение новой столицы на берегах Невы (Петербурга), строжайше запретил вести каменное строительство во всех других городах России].

Последние упоминания о С.У. Ремезове в источниках относятся к 1720–1721 годам.

В переписной книге Тобольска 1720 г. содержится следующая запись: «Во дворе тоболской дворянин Семен Ульянов сын Ремезов сказал себе от роду семидесят семи [77] лет. У него сын Пётр [?, вероятно внук] двадцати семи [27] лет. У Семёна внучата: Алексей пятнадцати [15], Никифор семи [7], Яков шести [6] лет». О других сыновьях Семёна Ремезова ничего не сказано.

В период своей экспедиции по Сибири (1720–1727) с С.У. Ремезовым в Тобольске в 1721 г. встречались немецкий учёный Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–1735) и сопровождавший его в поездке по Сибири в 1721–1723 гг. шведский офицер Филипп Йохан фон Страленберг /Philipp Johan von Strahlenberg, до получения дворянства — Табберт/ (1676–1747), находившийся в русском плену (1709–1721) после битвы под Полтавой (1709). В своём дневнике Д.-Г. Мессершмидт передаёт сообщённый ему С.У. Ремезовым рассказ о палеонтологической находке последнего: в Барабинской степи (на юге Западной Сибири, в междуречье Иртыша и Оби), у солоноватого озера Большие Чаны́, был найден хорошо сохранившийся скелет огромного мамонта; войдя в середину этого скелета, Ремезов поднял над головой секиру, но так и не смог её клинком дотянуться до верхних костей.

В том же дневнике Д.-Г. Мессершмидта сообщается, что 11 мая 1721 г. его помощник Табберт /Страленберг/ посетил в Томске художника «по фамилии Ремезов, у которого видел карту Томского уезда, раскрашенную масленными красками». Мессершмидт рассказывает, что Страленберг «посмотрел карту, но не нашёл её выполненной правильно. <…> Кроме того, художник владел ценными сведениями о живущих здесь народах, почему капитан Табберт просил его сообщить некоторые из них, на что он согласился». [Возможно, здесь речь идёт об одном из сыновей С.У. Ремезова].

Литературное творчество С.У. Ремезова

С.У. Ремезов — автор сочинений «О грани и межах всей Сибири», «Уподобление Сибирские страны», «Описание Сибири» («История Сибири», Ремезовская летопись), «Переписная книга дворов и людей Тобольского уезда» [1710 г., содержит роспись Семёна Ульяновича Ремезова, который, до открытия данного источника (1892) Н.Н. Оглоблиным (1852–?)[1], ошибочно именовался Емельяновичем]. Историко-топонимические и этнографо-

---

1 Огло́блин Николай Николаевич (род. в 1852 г. – точный год смерти не установлен) — русский историк, археограф и архивист. Родился в Киеве в семье священника; окончил Киевскую духовную академию и Археологический институт в Петербурге (1880), после чего поступил архивариусом в Московский архив Министерства юстиции. В период службы в архиве Оглоблин принимал деятельное участие в разборе и описании документов XVI–XVIII веков. Разработал метод научного тематического описания, при котором в описи делалась искусственная группировка документов, объединённых каким-либо общим признаком (отраслью деятельности учреждения или формой документов). Образцами подобных описаний являются изданные Оглоблиным обозрения историко-географических материалов Разрядного приказа, а также столбцов и книг Сибирского приказа. [Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 1–4. М., 1895–1901].

географические проблемы происхождения народов Сибири рассмотрены им в сочинении «Описание о сибирских народах и граней их земель» (1697–1698), которое получило широкую известность по обширным цитатам в Черепановской летописи (составил в 1769 г. тобольский дьяк Иван Черепанов).

Только в 1963 г. выяснилось, что один из хранившихся в Тобольске «Хронографов» XVII века выполнен рукой С.У. Ремезова. В этом «Хронографе» именно им были переписаны некоторые историко-географические сочинения, например о «Турецкой и Кизылбашской земле» (современном Иране). Здесь же оказалась историческая повесть «О взятии града Азова у турских людей», переработанная, вероятно, самим Ремезовым в 1696–1697 гг., сразу же после того, как до Тобольска дошло известие о победе Петра I у Азова (1696). [Именно А.А. Виниус сделал всё возможное, чтобы эта победа не только была торжественно отмечена в Москве, но и стала бы широко известной по всей России, в частности в Сибири].

Однако центральное место в литературном наследии С.У. Ремезова занимает так называемая «Ремезовская летопись», или как её называл Г.-Ф. Миллер — «Тобольская летопись», или «Краткая Сибирская (Кунгурская[1]) летопись», изданная Археографической комиссией в 1880 г. в виде литографированного факсимиле со 154 рисунками[2] (единственная сибирская иллюстрированная летопись). [В 1849 г. в Петербурге её опубликовал, вместе с другими сибирскими летописями, П.И. Небольсин (1817–1893) в своей книге «Покорение Сибири»].

В Ремезовской летописи выделяют две части. В первой части, написанной в 1690-е гг. вместе со своими старшими сыновьями Леонтием и Семёном на основе каких-то более ранних источников, изложены события присоединения и освоения русскими Сибири (от Ермака и до 1649 г.). Во второй части, написанной после 1703 г., содержится описание Сибири начала XVIII в.

Летопись С.У. Ремезова — типичный образец ранних сибирских летописей по истории русской Сибири конца XVI–XVIII столетий. Всего известно более 40 сибирских летописей; среди них выделяют ранние и поздние[3]. К поздним относятся: «Записки к истории Сибири служащие», «Новая Сибирская история» И. Черепанова, «Летопись города Иркутска с 1652 г.» П. Пежемского, «Краткая летопись Енисейского и Туруханского краев Енисейской губернии» (1594–1893) А.И. Кытманова.

С момента появления и издания наиболее ранних из сибирских летописей (Есиповской, Строгановской, Кунгурской–Ремезовской и др.) сложность и противоречивость их содержания породили полемику между историками по вопросам их происхождения, достоверности и взаимосвязи друг с другом. Все историки единодушны в одном: основой для

Критическое отношение к научной деятельности Оглоблина со стороны директора архива Д.Я. Самоквасова вынудило его уйти в отставку (1897).

Н.Н. Оглоблин — автор трудов и публикаций по истории картографии, государственных учреждений и др., публиковавшихся в периодической печати. Сочинения: “Киевский стол” Разрядного приказа // Киевская Старина. 1886. Т. 16. № 11; К вопросу об историографе Г.-Ф. Миллере // Библиограф. 1889. № 8–9; Народная смута на Вятке из-за “кормления” воевод // Исторический Вестник. 1892. № 7; Бытовые черты XVII века // Русская Старина. 1894. № 3; и др.

Н.Н. Оглоблин — автор ряда работ по истории Сибири: «Семён Дежнёв», «Новые данные о Владимире Атласове» (М., 1888), «Смерть Семёна Дежнёва в Москве в 1673 г.» (СПб., 1891), «Две сказки Владимира Атласова об открытии Камчатки» (М., 1891), «Источники “Чертёжной книги Сибири” Семёна Ремезова» (Библиограф. 1891. № 1), «К биографии С. Ремезова» (Библиограф. 1892), «Путевые записки морехода И.М.Соловьёва» (СПб., 1892); «К биографии Владимира Атласова» (М., 1894), «Красноярский бунт 1695–1698 годов» (Журнал Министерства Народного Просвещения. 1901. № 5).

[1] Кунгурская летопись — одна из сибирских летописей, возникшая во второй половине XVII века в Прикамье. В полном виде её текст не сохранился и она известна по включениям в первоначальный текст Ремезовской летописи, которую иногда называют Краткой Кунгурской летописью.

[2] Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб., 1880; Ремезовская летопись по Мировичеву списку // Сибирские летописи. СПб., 1907.

[3] Сибирские летописи. СПб., 1907.

сохранившихся ранних сибирских летописей (раз ни одна из них не подобна другой) послужил какой-то более старинный источник. Схема развития сибирского летописания, не устранявшая и не устранившая противоречий сибирских летописей до сих пор, но ставшая традиционной, предложена С.В. Бахрушиным (1882–1955). По его мнению[1], к 1621 г. участниками походов Ермака было составлено не дошедшее до нас (!) «Написание, како приидоша в Сибирь...», а на его основе в 1622 г. был составлен Синодик Тобольского собора, который также не сохранился (!).

До сих пор нет твёрдой уверенности, какая из сохранившихся (!) сибирских летописей — Строгановская или Есиповская — является более ранней. В 1636 г. дьяк тобольского архиепископа Савва Есипов, согласуясь с указной грамотой церковного собора от 16 февраля 1636 г., составил летопись «О Сибири и о сибирском взятии» (в I-й редакции), получившую название «Есиповской». О времени составления Строгановской летописи («О взятии Сибирской земли») есть различные точки зрения: 1620–1630-е или 1668–1673 гг. Соответственно, существует как мнение о зависимости Строгановской летописи (местом составления считается Сольвычегодск или одна из вотчин Строгановых), как более поздней, от Есиповской летописи; так и противоположное суждение. Отдельно подчеркнём, что обе летописи основаны на не дошедших до нас летописных данных и материалах.

Один из рисунков Ремезовской летописи («История сибирская, рассказанная Семёном Ремезовым в картинках»)

Ремезовская летопись также значительно разнится от Строгановской и Есиповской летописей, как более подробным иногда изложением фактов, так и представлением многих событий совершенно в ином виде против того, в каком они изложены в двух первых, более старых летописях. Так, летопись Ремезова начинается данными о Ермаке с 1577 г., затем описывает его поход, начало которого автор относит к 1579 г. (году смерти Кучума!). Инициатором же похода в летописи предстаёт Ермак с казаками; М.Я. Строганов выступает в роли невольного и вынужденного поставщика припасов и оружия для дружины Ермака, под давлением уступая требованиям и даже угрозам со стороны атамана и казаков. И

[1] Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1–4. М., 1952–1959; Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 17–32.

напротив, неизвестный автор Строгановской летописи, обстоятельно излагая события начального этапа присоединения Сибири к России, выдвигает на первый план инициативу купцов Строгановых — Семёна Аникеевича (?–1609) и его племянников Максима Яковлевича (?–1620-е) и Николая Григорьевича (?–1620) — в организации похода Ермака[1].

Другую особенность Ремезовской летописи составляет её хронология. Годовые данные бóльшей частью не совпадают с датами из Строгановской летописи, но месячные даты Ремезова нередко сходны со сведениями из Строгановской летописи. Это доказывает только одно: Ремезов пользовался какими-то другими, отличными от прежних источниками.

Ремезовская летопись была открыта в Тобольске Герардом Фридрихом Миллером (1705–1783), который на её основе написал свою «Историю Сибири». «Летопись, — отмечает Г.-Ф. Миллер, — кроме того, что она настоящий подлинник, имеет ещё и сие преимущество, что в ней многие приключения обстоятельнее перед прочими летописями описаны. <…> Величиною она писана в десять наподобие нотных книг, и на каждой странице имеет по две статьи с рисунками».

С достоверностью к сведениям Ремезовской летописи относились Г.-Ф. Миллер, князь М.М. Щербатов, И.-Э. Фишер (XVIII в.), П.А. Словцов, Д.И. Иловайский (XIX в.). Скептически — Н.М. Карамзин (первый стал отрицать её значение как исторического документа); Г.И. Спасский («она обезображена неверностями и погрешностями»); П.И.Небольсин (однако он признаёт, что в «ней есть места, где он [Ремезов] ставит читателя в необходимость смотреть на предмет с иной точки зрения»). С.М. Соловьёв вообще не использовал её в своих сочинениях.

В связи с этим необходимо отметить, что Герард Фридрих Миллер опубликовал на русском языке свой труд «История Сибири»[2] (доведена до 1660-х гг.) только в 1750 г. (первый том — под названием «Описание Сибирского царства»). Второй том увидел свет лишь в отрывках, напечатанных в «Sammlung russisch. Geschichte» и «Ежемесячных Сочинениях». Миллер очень медлил с работой, и Академия наук поручила её продолжение академику И.-Э. Фишеру (1697–1771). Сочинение же последнего на немецком языке «Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russischen Waffen» (СПб., 1768; русский перевод И. Голубцова, СПб., 1774) является лишь сокращённым пересказом сочинения Миллера, как уже изданного, так и остававшегося в рукописи.

Свою же огромную коллекцию подлинников и копий документов по русской истории (так называемые «портфели Миллера») он собрал в период деятельности II-й Великой Сибирской (Камчатской) экспедиции (1733–1743). Не попав на Камчатку, Миллер объездил главнейшие пункты Западной и Восточной Сибири в пределах Березов–Усть-Каменогорск–Нерчинск–Якутск (более 30 тыс. вёрст пути), где обследовал, описал и вывез (!) часть архивных фондов более 20 городов Сибири. Среди них — материалы по истории не только Сибири (в том числе летопись С.У. Ремезова, документы о путешествиях С.И. Дежнёва и др.), но и европейской части России (о «Великой смуте» начала XVII в.). После смерти Миллера осталась коллекция автографов и рукописей (в 258 «портфелях») по истории, этнографии, статистике и промышленности России и, в частности, Сибири.

[1] В конце XX – начале XXI вв. появилась версия, согласно которой поход Ермака в Сибирь был не завоевательной, а карательной экспедицией; а Сибирь признавала владычество Москвы с XV в., задолго до похода Ермака. Русские проникали до Оби ещё в XV в., брали дань с местного населения, которое признавало московских государей за своих владык. Известно, что в 1553 г. сибирский хан Едигер /Едигей/ Тайбугида прислал в Москву двух своих посланников с подарками и обязательством платить дань русскому царю. В 1563 г. хана Едигера /Едигея/ Тайбугида сверг и убил хан Кучум, который первоначально платил дань московскому царю, а затем разорвал с ним даннические отношения. Постепенно Кучум, помимо земель по Иртышу и Тоболу, расширил свои владения до Перми, занял враждебную к Москве позицию и стал нападать на пермские земли. Тогда, по просьбе Строгановых, и был отправлен карательный отряд Ермака для усмирения непокорного вассала.

[2] Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т. 1–2 // Материалы для истории АН / Сост. С.В. Бахрушин, А.И.Андреев, Н.А. Бакланова. М.; Л., 1937–1941. Т. 6; История АН. СПб., 1890.

Картографическое наследие С.У. Ремезова

Однако в большей мере С.У. Ремезова считают «первым русским историком Сибири» не вследствие его литературных трудов, а из-за его картографического наследия. Наиболее полно картографическая деятельность Семёна Ремезова отражена в его трёх рукописных чертёжных книгах (географических атласах):

«Чертёжная книга Сибири» (1698–1701)[1] — первый русский сборник (атлас) географических карт, дошедший до нашего времени, в который вошли чертежи (карты) отдельных городов и уездов Сибири [24 листа, 23 чертежа большого формата, хранится в Российской государственной библиотеке в Москве].

«Хорографическая[2] чертёжная книга Сибири» (1697–1711) — уникальный атлас локальных чертежей отдельных уездов и рек Сибири [171 лист, 164 чертежа, хранится в Кембридже (США, штат Массачусетс) в Гуфтоновской библиотеке Гарвардского университета в составе коллекции старинных карт Л.С. Багрова].

«Служебная чертёжная книга Сибири» (1702–1720-е) — своеобразный историко-картографический архив семьи Ремезовых [116 листов, 50 чертежей, хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге]. На первой странице этого атласа имеется заглавие: «Эта служебная чертёжная книга была вычерчена Семёном Ремезовым и его детьми». Надпись сделана рукой старшего сына (Семёна), однако бóльшая часть текста этой рукописи и все рисунки были выполнены самим Ремезовым-старшим. В этот атлас-альбом вошли не только копии карт и рисунков, но и сведения о семье С.У. Ремезова (сведения об отце и деде, описание второй поездки в Москву), летопись событий в Тобольске (хронологический список тобольских воевод, епископов, губернаторов и др.), портреты русских царей, описание печатей, копии различных документов.

[В некоторых архивах содержатся ещё несколько единичных чертежей его работы на бумаге; например, чертежи отдельных рек Сибири в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Москва)].

В истории происхождения и открытия атласов Ремезовых до сих пор осталось множество загадок и неясностей. В течение 150 лет эти атласы были недоступны для исследователей, а в научном мире XVIII – первой половины XIX вв. весьма редко вспоминали имя С.У. Ремезова и его сыновей.

«Чертёжная книга Сибири» (1698–1701), как уже отмечалось выше, в конце 1701 г. была прислана С.У. Ремезовым из Тобольска в Москву начальнику (судье) Сибирского приказа А.А. Виниусу. После отставки Виниуса (1703) её следы пропадают до середины XIX века, когда стало известно, что она нашлась в составе коллекции рукописей Румянцевского музея в Петербурге[3]. Её первую краткую характеристику в 1842 г. привёл русский филолог и археограф Александр Христофорович Востоков /Остенок/ (1781–1864) в своём «Описании русских и славянских рукописей Румянцевского музеума», где опубликовал «Предисловие» Ремезова к ней (с некоторыми пропусками). [В 1824 г. А.Х. Востоков, ранее знакомый с

[1] Полное титульное название этого атласа С.У. Ремезова следующее: «Чертёжная книга Сибири — есть снискательное изображение наличие всей Сибирской стране 23 чертежей градов и сёл русских и волостей ясашных тоземец, всяких урочищ, рек, и озёр, и лесов, и степи калмыков, и немирных родов кочевых орд, с прилежащими землями соседских жилищ и городов внутренней Сибири и окраины».

[2] Хорогрáфия /орогрáфия/ (греч.) — описание области, округа, уезда, отдельного места.

[3] Румянцевский музей — собрание книг, рукописей, монет, этнографической и др. коллекций, составленное графом Н.П. Румянцевым (1754–1826) и переданное после его смерти (1826) государству. Собрания Румянцева были открыты для обозрения в 1831 г. в Петербурге и только в 1861 г. перевезены в Москву, где составили основу вновь созданного «Московского публичного музеума и Румянцевского музеума». Музей помещался в так называемом доме Пашкова, построенном в 1780-х гг. архитектором В.И. Баженовым (ныне — старое здание Российской государственной библиотеки). В 1921–1927 гг. Румянцевский музей был расформирован; библиотека в 1925 г. преобразована в Государственную библиотеку им. В.И. Ленина (РГБ).

графом Н.П. Румянцевым (1754–1826)[1], получил от последнего разрешение заняться описанием рукописей его коллекции. По завещанию графа его собрание отошло к государству, а Востоков в 1828 г. был определён старшим библиотекарем Румянцевского музея].

После этого «Чертёжной книгой Сибири» (1698–1701) заинтересовался географ и исследователь Сибири (1842–1845) А.Ф. Миддендорф (1815–1894)[2], который в 1857 г. весьма высоко оценил профессиональное мастерство её составителей. «Точность, с какою Ремезов положил на бумагу населённейшую окружность Тобольска и в том числе даже многие рукава реки Оби, тщательность, с какою показаны у него поселения по Енисею, его изображение Амурского края и тогдашнего этнографического положения Сибири — всё это даёт его атласу более значения, чем какой-нибудь археографической редкости. Скажем больше: из него, как и некоторых других старинных трудов этого рода, можно почерпнуть кое-что для улучшения даже новейших карт России».

История же появления в научном мире «Хорографической чертёжной книги Сибири» (1697–1711) и «Служебной чертёжной книги Сибири» (1702–1720-е) Ремезовых удивительным образом связана с историей семьи Миро́вичей.

---

[1] Румя́нцев Николай Петрович (1754–1826) — русский государственный деятель и дипломат, граф. Сын фельдмаршала П.А. Румянцева (1725–1796). В 1774–1776 гг., путешествуя по Европе, слушал лекции в Лейденском университете, встречался с Вольтером (1694–1778). В 1776–1781 гг. — состоял на придворной службе, камергер (1779), был близок с цесаревичем Павлом Петровичем. В 1781–1795 гг. — на дипломатической службе. В 1798–1801 гг. находился в опале у Павла I, жил за границей. В 1801 г. возвратился в Россию, с 1801 г. — член Государственного совета, сенатор. В 1801–1809 гг. — директор водных коммуникаций. В 1802–1811 гг. — министр коммерции. В 1810–1812 гг. — председатель Государственного совета, фактически возглавлял русское правительство. В 1808–1814 гг. — министр иностранных дел, с 1809 г. — канцлер. На этом посту был сторонником тесного сближения с Францией (до начала Отечественной войны 1812 г.). С 1809 г., в связи с переменой внешнеполитического курса России на сближение с Англией, наметилось охлаждение Александра I к Румянцеву. С 1812 г. — фактически отходит от государственной деятельности, с 1814 г. — в отставке. В последние годы жизни сблизился с А.А. Аракчеевым (1769–1834).

Н.П. Румянцев собрал рукописные, этнографические, нумизматические коллекции и ценную библиотеку, которые легли в основу Румянцевского музея. Объединил большу́ю группу историков и археографов в так называемый «кружок графа Румянцева»: П.М. Строев (1796–1876), К.Ф. Калайдович (1792–1832), А.Х. Востоков (1781–1864), Е.А. Болховитинов (1767–1837) и др. В 1811 г. — учредил Комиссию печатания государственных грамот и договоров для издания документов по истории России. На средства Румянцева были изданы: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (2 изд., М., 1818); «Памятники Российской словесности XII в.» (М., 1821), «Белорусский архив древних грамот» (М., 1824). Принимал участие в первых археографических поездках (1817–1818) К.Ф. Калайдовича и П.М. Строева, содействовал розыскам источников по истории России в заграничных архивах. Являлся почётным членом ряда академий и учёных обществ.

[2] Миддендо́рф Александр Фёдорович (1815–1894) — русский естествоиспытатель и путешественник. С 1845 г. — адъюнкт, с 1850 г. — экстраординарный академик, с 1852 г. — ординарный академик, с 1865 г. — почётный член Петербургской АН. С 1845 г. — член, с 1883 г. — почётный член Русского географического общества. В 1837 г. окончил Дерптский (Тартуский) университет. В 1840 г., вместе с К.М. Бэром, совершил путешествие по Кольскому полуострову.

В 1842–1845 гг. по поручению Петербургской АН совершил путешествие по Сибири: прошёл по Енисею из Красноярска до устья р. Таймыр (пересёк Таймырский полуостров), а затем из Красноярска через Иркутск и Якутск до Шантарских островов в Охотском море и далее в Приамурье. Основная цель экспедиции — изучение вечной мерзлоты, поскольку, несмотря на сведения XVIII в., в Европе в 1820–1830-х гг. этот вопрос ставился под сомнение.

С его путешествия начинается эпоха русских географических открытий второй половины XIX в.; результаты экспедиции послужили основанием для создания Русского географического общества. Отчёт Миддендорфа был для своего времени наиболее полным естественно-историческим описанием Сибири. Наряду с естественнонаучными материалами, опубликовал обширное этнографическое описание населения Таймыра, района Енисея, Якутии, Приамурья и др. (кетов, нганасан, долган, эвенков, якутов, негидальцев). Его именем названы мыс на Северном острове Новой Земли и залив на полуострове Таймыр.

В 1870 г. исследовал Барабинскую степь (низменность), в 1878 г. — Ферганскую долину (Сочинения А.Ф. Миддендорфа: Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1–2. СПб., 1860–1877; Очерки Ферганской долины. СПб., 1882).

В 1764 г. за попытку освободить из заключения содержащегося в Шлиссельбургской крепости узника № 1, свергнутого российского императора Ивана VI Антоновича, был казнён подпоручик В.Я. Мирович (1740–1764)[1], человек, которого Екатерина II назвала «сыном и внуком бунтовщиков». Его дед Иван, крупный украинский помещик и переяславский полковник, изменил Петру I и после поражения Карла XII (1709) бежал в турецкую крепость Бендеры (современная Молдавия) вместе с бывшим гетманом левобережной Украины (1687–1708) И.С. Мазепой (1644–1709), за что его сыновья были лишены имений. Его отец Яков тайно ездил в Польшу, за что и был сослан в Сибирь (где у него и родился в Тобольске в 1740 г. сын Василий). Его дядя Пётр, воспитанник Петербургской академической гимназии и личный секретарь (с 1728 г.) цесаревны Елизаветы Петровны (1709–1761 гг., императрица — с 1741 г.), был уличён в поддержании тайной связи со своим отцом Иваном и в 1732 г. сослан в Тобольск. [В опале семья Мировичей находилась до начала 1740-х гг. (до воцарения Елизаветы I): Яков Иванович в 1742/43–1749 годах (до самой смерти) был воеводой в Кузнецке; Пётр Иванович в 1744–1747 гг. — воеводой в Енисейске (в 1747 г. арестован и предан суду за взятки)].

Видимо, до 1732 г., до ссылки в Тобольск Петра Мировича, «Служебная чертёжная книга Сибири» (1702–1720-е) и «Хорографическая чертёжная книга Сибири» (1697–1711) хранились в доме наследников С.У. Ремезова и ими никто не интересовался. Оказавшись в ссылке в Тобольске, Пётр Мирович познакомился с наследниками Ремезова и, вероятно, сумел приобрести у них эти уникальные картографические произведения.

Именно после казни Василия Мировича и конфискации его мущества (1764), в том же году в личную библиотеку Екатерины II попадает «Служебная чертёжная книга Сибири» (1702–1720-е), а в библиотеку президента Российской академии княгини Е.А. Воронцовой-Дашковой (1743–1810)[2] — «Хорографическая чертёжная книга Сибири» (1697–1711). Видимо, оба атласа были конфискованы у Василия — наследника Мировичей.

---

[1] Миро́вич Василий Яковлевич (1740–1764) — подпоручик Смоленского пехотного полка, обедневший потомок знатных и некогда богатых малороссийских (украинских) дворян. Родился в Тобольске, с 1742 г. жил в Кузнецке, где его отец был воеводой. В 1760 г. поступил на службу в Нарвский пехотный полк, откуда вскоре был переведён в Смоленский пехотный полк. Дважды безуспешно обращался в Сенат с прошениями о возвращении имений деда.

Организатор неудавшегося дворцового переворота 1764 г. в России в пользу императора Ивана VI Антоновича Брауншвейг-Мекленбургского (1740–1764 гг., номинальный император в 1740–1741 гг.), внучатого племянника императрицы Анны Иоанновны (1693–1740 гг., императрица — с 1730 г.). Будучи офицером сменной караульной команды в Шлиссельбургской крепости, где содержался в заключении Иван Антонович, Мирович узнал от отставного барабанщика о тайне содержания анонимного узника № 1. Из карьерных соображений Мирович решил освободить его и возвести на престол, низложив Екатерину II (1729–1796 гг., императрица — с 1762 г.). В заговор были вовлечены поручик А. Ушаков (позднее был убит при загадочных обстоятельствах) и солдаты его команды. В ночь с 4 на 5 июля 1764 г. команда Мировича захватила крепость, арестовала коменданта и ворвалась в тюрьму, но к тому времени спавший Иван Антонович был убит офицерами внутренней стражи согласно секретной инструкции Екатерины II. Мирович сдался властям, предстал перед судом Сенатом и был казнён в Петербурге (публично обезглавлен на площади у Обжорного рынка); 3 капрала и 3 рядовых из его команды 10 раз прогнаны сквозь строй и сосланы на каторгу (По делу Мировича // Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой Русской истории XVIII–XIX вв. СПб., 1873).

[2] Да́шкова-Воронцо́ва Екатерина Романовна (1743–1810) — княгиня, русский общественный деятель, автор мемуаров. Из дворян. Дочь Р.И. Воронцова (1707–1783); воспитывалась в доме дяди, государственного канцлера, графа М.И. Воронцова (1714–1767). Получила домашнее образование, в юности увлекалась сочинениями французских писателей-просветителей (Бейль, Монтескье, Буало, Вольтер). В 1758 г. вышла замуж за князя М.И. Дашкова (1736–1764). В этом же году сблизилась с будущей императрицей Екатериной II. Активно участвовала в перевороте 28 июня 1762 г., приведшем на престол Екатерину II. Разочарование Дашковой в результатах переворота (её влияние в придворных кругах оказалось не очень прочным) и скептицизм Екатерины II при оценке роли в перевороте самой Дашковой привели к их взаимному отчуждению.

В 1765–1767 гг. Дашкова жила в Москве, в 1768 г. совершила поездку по России. В 1769–1771 и 1776–1782 гг. за границей: посетила Германию, Великобританию, Голландию, Францию, Италию, Швейцарию. В Европе встречалась с видными политическими деятелями, писателями и учёными — Адамом Смитом, Вольтером, Д. Дидро (известен её спор с Дидро [1770] о невозможности немедленной отмены крепостного права в России). По возвращении в Россию в 1783 г. была назначена директором Петербургской академии наук

Однако если «Служебная чертёжная книга Сибири» (1702–1720-е) с тех пор постоянно хранилась и хранится в Петербурге (Петрограде, Ленинграде), то «Хорографическую чертёжную книгу» (1697–1711) из России вывез в эмиграцию в 1918 г. (по другим данным, в 1919 г.) историк картографии, основатель международного журнала по истории картографии «Imago Mundi» (1935) Лев Семёнович Багров /Лéо Багрóу, Leo Bagrow/ (1881–1957).

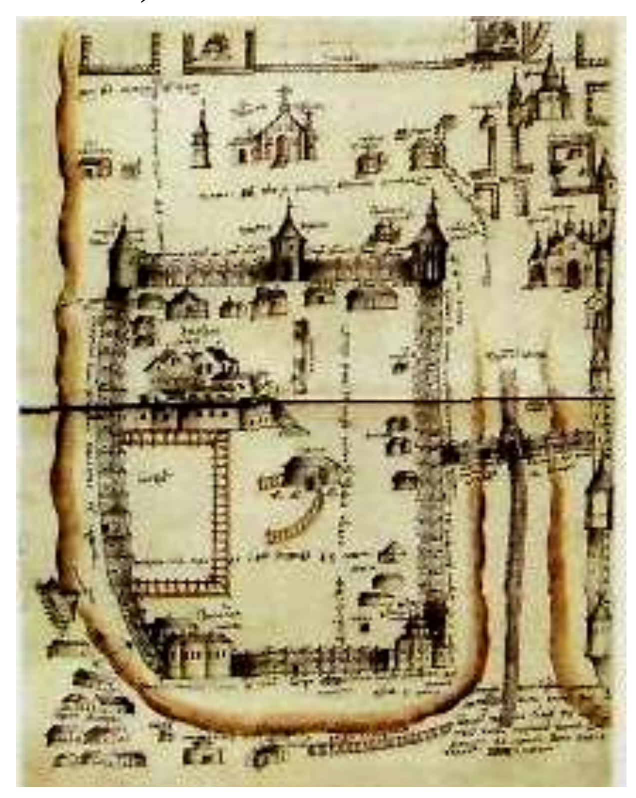

Чертёж деревянного Кремля Тобольска (не ранее 1683–1686 гг.[1]) С.У. Ремезова из «Служебной чертёжной книги Сибири» (1702–1720-е)

Титульный лист «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701) С.У. Ремезова

«Хорографическая чертёжная книга Сибири», обнаруженная на рубеже XIX–XX веков в Крыму в библиотеке Воронцовского дворца (в собрании Воронцовых-Дашковых), на момент революции в России (1917) хранилась в Петрограде в Переселенческом управлении, куда она была передана, когда последнее готовило для издания свой атлас «Карты Азиатской

(до 1794 г.) и президентом учреждённой в том же году по её предложению Российской академии для изучения русского языка. Основала в 1783 г. новое периодическое издание «Собеседник любителей российского слова»; возобновила прежние периодические научные издания и публичные чтения при Академии на русском языке по математике, физике, минералогии, естественной истории. По инициативе Дашковой Российской академией был выпущен толковый словарь русского языка («Словарь Академии Российской», 1789–1794), опубликовано собрание сочинений М.В. Ломоносова, переиздано «Описание Земли Камчатки» и др.

В 1794 г., ещё при жизни Екатерины II, удалена в своё имение Троицкое Калужской губернии. В 1796 году, после воцарения Павла I (1754–1801 гг., император — 1796 г.), получила официальную отставку и была выслана в имение Коротово Новгородской губернии. После смерти Павла I (1801) жила попеременно в Москве и Петербурге, вела обширную переписку и сотрудничала с рядом журналов.

Е.Р. Дашкова — автор ряда литературных произведений в различных жанрах (стихотворений на русском и французском языках, комедии, пьесы, либретто оперы, романа). Исторический интерес представляют её мемуары. «Записки» («Mon Histoire») Дашковой, написанные в 1804–1806 гг. на французском языке, впервые были изданы в переводе на английском языке в 1840 году. В 1859 г. они были опубликованы на французском и русском (А.И. Герценом в Лондоне) языках. «Записки» охватывают период 1744–1803 гг. и являются ярким документом эпохи дворцовых переворотов. В них содержатся сведения об этапе царствования Петра III, о воцарении Екатерины II, зарисовки московского быта середины XVIII в., характеристики известных русских [Екатерины II, Павла I, графа А.Р. Воронцова (1741–1805)] и европейских [Ж-Ж. Руссо, Д. Дидро] деятелей.

[1] На этом чертеже-плане отражён Софийский каменный собор, сооружение которого было начато в Тобольске в 1683 г. и закончено в 1686 г.

России» (1914). Археографическая комиссия Академии наук СССР в 1926–1927 гг. настойчиво разыскивала этот труд С.У. Ремезова в учреждениях, пришедших на смену Переселенческому управлению, и у бывших сотрудников этого ведомства, но поиски оказались безуспешными. Позднее, уже после окончания II-й мировой войны (1945), стало известно, что «Хорографическая чертёжная книга Сибири» находится в Стокгольме, в коллекции старинных карт Л.С. Багрова, а до этого она хранилась в Берлине, где долгое время жил, до занятия немецкой столицы советскими войсками (1945), Л.С. Багров. Сам Багров об истории появления у него «Хорографической чертёжной книги Сибири», которую он именует то «Описанием Сибири» С.У. Ремезова, то «Малой чертёжной книгой Сибири» С.У. Ремезова, фактически ничего не сообщает. Видимо, после смерти Л.С. Багрова (1957) его коллекция старинных карт в Стокгольме была выкуплена и перевезена в США, где сейчас хранится в Кембридже (штат Массачусетс) в Гуфтоновской библиотеке Гарвардского университета.

Незадолго до смерти Л.С. Багров подготовил фототипическое издание самого объёмного из трёх атласов С.У. Ремезова — «Хорографической чертёжной книги Сибири» (1697–1711), — которое было опубликовано в 1958 г. (уже после его смерти) в Гааге (Нидерланды)[1].

Чертёж града Тобольска из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701) С.У. Ремезова

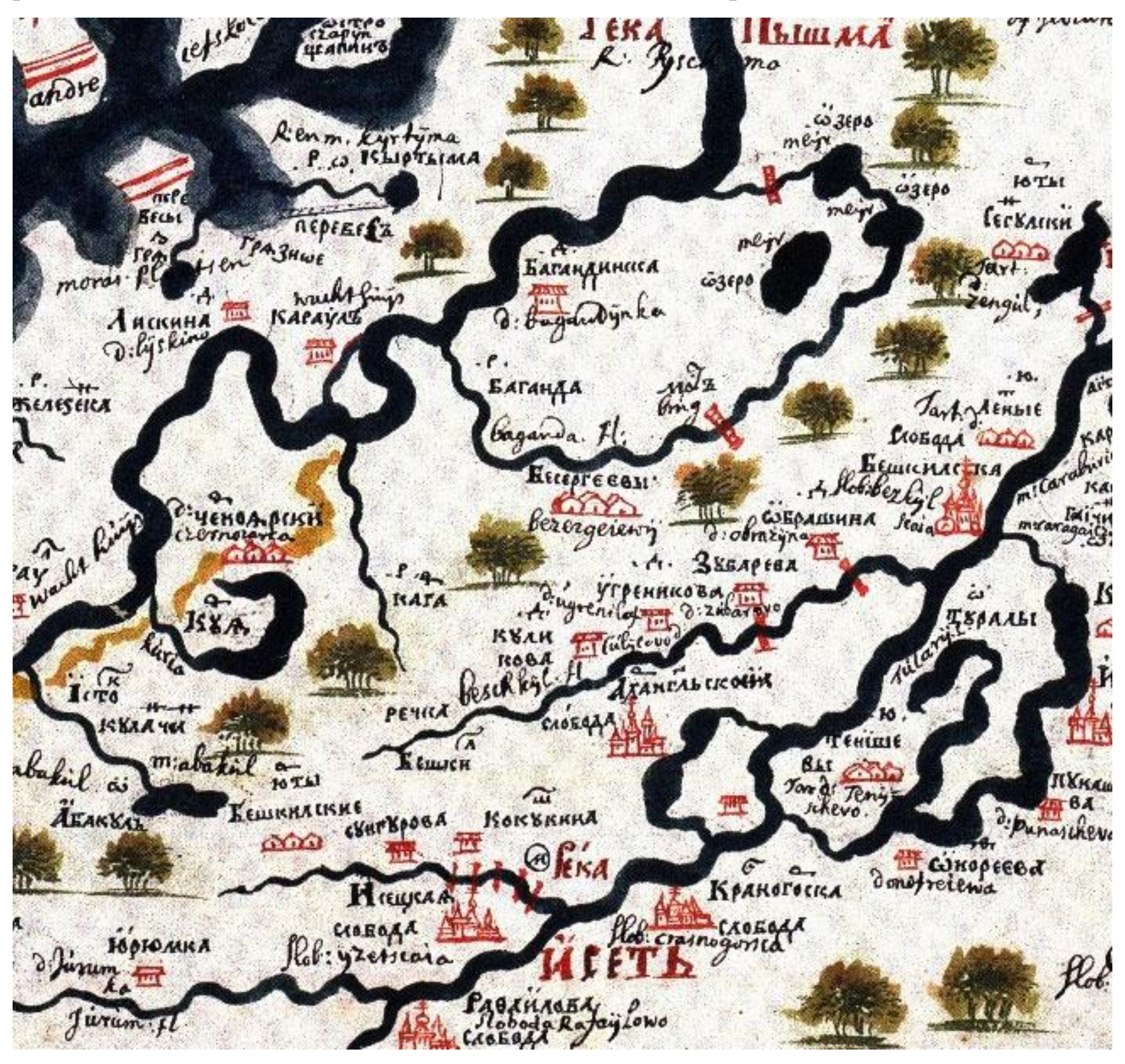
«Чертёжная книга Сибири» (1698–1701) же впервые была издана (в размере подлинника фотолитографическим способом в красках) в 1882 г. Археографической комиссией Российской академии наук к 300-летию присоединения Сибири к России[2]. [Незадолго до этого для Петербургской академии наук с подлинника была снята цветная рукописная копия, хранящаяся сейчас в библиотеке Российской академии наук в Петербурге]. Один из экземпляров издания 1882 г. хранится в историко-архитектурном

[1] The Atlas of Siberia. Supplement 1. 's Gr., 1958.

[2] Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

музее-заповеднике Тобольска, другой — в областном краеведческом музее Тюмени. В 2003 году в Москве при поддержке общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» (председатель А.Г. Елфимов) было опубликовано в двух томах факсимильное издание «Чертёжной книги Сибири»[1].

Что же касается «Служебной чертёжной книги Сибири» (1702–1720-е), то она до сих пор так и не издана в полном объёме (помимо единичных чертежей).

Фрагмент карты Тюменского уезда из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701) С.У. Ремезова, показывающий течение рек Пышма (правого притока Туры) и Исеть (левого притока Тобола). Демонстрируется в современной проекции (север сверху). В действительности карта ориентирована на восток (восток сверху)

Составление «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701), как уже отмечалось выше, явилось непосредственным следствием указа Боярской Думы и Сибирского приказа от 10 января 1696 г., согласно которому всем сибирским воеводствам предписывалось составить карты подведомственных им земель. В ноябре 1698 г. в Москве начальник (судья) Сибирского приказа А.А. Виниус предписал С.У. Ремезову, начертившему к тому времени в русской столице большу́ю общую карту всей Сибири, по приезду в Тобольск изготовить географический атлас Сибири.

[1] Чертёжная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 г. Исследования. Перевод. Комментарии. Указатели / Авторы текстов Л.Н. Зинчук, Н.Е. Котельникова, И.В.Левочкин, В.Ф. Молчанов, А.В. Постников, Ж.В. Устименко. Т. 1–2. М., 2003.

С этой целью Ремезов со старшим сыном Семёном сняли копии («переводы»), но в меньшем масштабе («в меру убравши по компасу церкильным розмером»), со сводных настенных чертежей различных воеводств Сибири, выполненных на местах различными мастерами-чертёжниками и иконниками и к этому времени уже поступивших в архив Сибирского приказа в Москве. Всего отец и сын Ремезовы, за короткий срок (четыре месяца) пребывания в Москве осенью 1698 г., изготовили около 30 копий чертежей городов и уездов, взятых ими затем в Тобольск.

В Тобольске работа С.У. Ремезова и его сыновей (Семёна, Леонтия и Ивана) над этим атласом продолжалась с 30 января 1699 г. по 1 января 1701 г.; однако после этого Ремезов-старший до сентября 1701 г. вносил в него изменения и дополнения[1].

В «Чертёжную книгу Сибири» вошли рукописные карты всех территорий Сибири и пояснительные тексты, где приводятся сведения о путях, связывающих различные поселения между собой, с указанием расстояния между ними в верстах или днях пути. Графические изображения поверхности Земли, выполненные без соблюдения строгих геометрических соотношений, постоянства масштаба по полю, без сетки координат, содержат значительную качественную информацию о местности: реках и озёрах, городах и острогах, деревнях, других поселениях, местах кочевий местных племён, принадлежности угодий, их составе, топонимах конца XVII – начала XVIII веков.

«Чертёжная книга Сибири» (1698–1701) выполнена на 24 листах александрийской бумаги, состоит из авторского предисловия («Писание до ласкового читателя») и 23-х географических карт, большинство из которых являются «городовыми чертежами». На первом листе «Чертёжной книги Сибири» расположен план города Тобольска («Чертёж града Тобольска и посадов и нагорья и подгорья с улицами»); далее — 18 карт земель, подведомственных сибирским городам или острогам от Верхотурья и Тобольска до Якутска и Нерчинска; карта земель, прилегающих к Сибири на юго-востоке и юго-западе, отражающая территорию Казахстана и Средней Азии («Чертёж земли безводной и малопроходной каменной степи», лист 20); общая карта всей Сибири под названием «Чертёж всех сибирских градов и земель» (1698, лист 21); карта Великопермского и Печорского Поморья («Чертёж вновь Великопермские и Поморские Печерские и Двинские страны до Соловецкие проливы со окресными жилищи», лист 22); этнографическая карта обитания различных народов Сибири («Чертёж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи», лист 23).

Ещё раз подчеркнём, что С.У. Ремезов не был первым картографом в Сибири, ему был известен целый ряд чертежей его предшественников (несохранившихся!), к трудам которых он, судя по его предисловию («Писанию до ласкового читателя») к «Чертёжной книге Сибири», относился несколько пренебрежительно. Насколько объективно его суждение — оценить невозможно, так как чертежи его предшественников (его источники) не сохранились. Кроме не дошедших до нас чертежей своих предшественников, Ремезов использовал и другие источники: различные писцовые, переписные, ясачные книги, статейные списки посольств, устные расспросы и отчёты («скаски») русских землепроходцев (служилых людей).

В «Чертёжной книге Сибири» из 23-х карт только 5 чертежей полностью и заново составлены Ремезовыми. Из 18 же «городовых чертежей» Сибири 17 карт (помимо чертежа земель Тобольского города) — Тарского, Тюменского, Туринского, Верхотурского, Пелымского, Березовского, Сургутского, Нарымского, Томского, Кузнецкого, Туруханского, Енисейского, Красноярского, Илимского, Якутского, Иркутского, Нерчинского городов и острогов — выполнены не Ремезовым, он лишь уменьшил их до размера «Чертёжной книги Сибири», а затем внёс в некоторые из них поправки и дополнения. Этнографическая же карта Сибири (лист 23) является копией карты Сибири 1673 г.

---

[1] Андреев А.И. Очерки то источниковедению Сибири. XVII в. Вып. 1. М.; Л., 1960. С. 109–131; Гольденбдрг Л.А. Семён Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ (1642 – после 1720 гг.). М., 1965; Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской. Жизнь и труды Семёна Ремезова. Магадан, 1990.

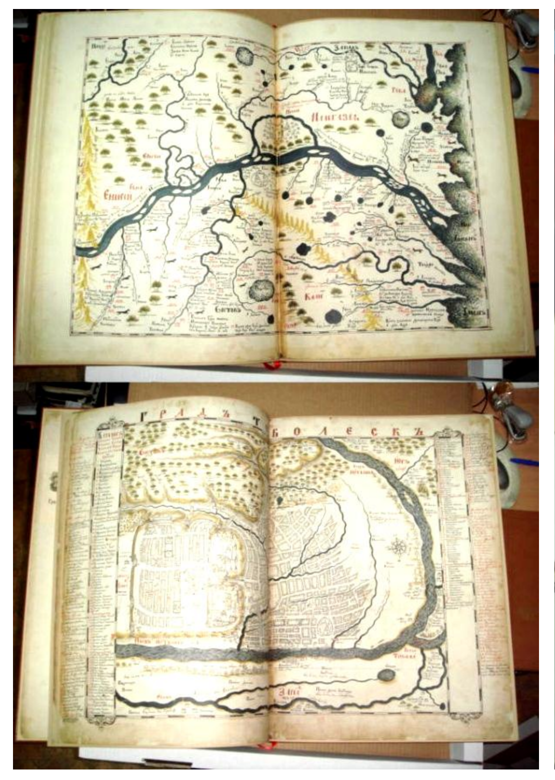
«Чертёжная книга Сибири» (1698–1701) обобщила русские географические открытия XVII столетия в Сибири, которые отражены всего на 23-х картах. Но в процессе создания этого официального (государственного) атласа многие чертежи Сибири XVII века, имевшие локальный характер, просто не вошли в его состав и были собраны Ремезовым в так называемой «Хорографической чертёжной книге Сибири» (1697–1711). Если «Чертёжную книгу Сибири» можно рассматривать как итоговый окончательный (чистовой) вариант атласа Сибири, то «Хорографическая чертёжная книга Сибири» является первичными (черновыми) топографическими материалами при его составлении.

Изображение линейного масштаба («миллиария») на одной из карт «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701)

Фрагмент одной из многочисленных карт С.У. Ремезова из «Хорографической чертёжной книги Сибири» (1702–1711), изображающих течение Иртыша. Ориентирована на запад (запад сверху)

«Чертёжная книга Сибири» (1698–1701)

Листы Ремезовской летописи

В «Хорографической чертёжной книге Сибири», помимо оригинальных карт, путевых набросков, рисунков и текста самого С.У. Ремезова, в основном собраны так называемые «чертежи с урочищи» («городовые чертежи») — подробные схемы различных территорий Сибири (воеводств, уездов), показ которых ведётся вдоль течения отдельных сибирских рек. Наибольшее число чертежей этого атласа посвящено именно крупномасштабному показу сибирских рек. Изображения некоторых крупных рек отражены в этом атласе на нескольких листах, а Иртыш представлен в «Хорографической чертёжной книге Сибири» аж на 33-х листах.

Такие чертежи выполнены в традиционной манере русских землепроходцев и картографов (чертёжников) XVI–XVII вв.: посередине листа толстой линией изображалось основное течение реки, по сторонам которой показывались произвольно деформированные «сторонние реки» (притоки) «со всякими урочищами» (приметными местами, ориентирами). Такими географическими ориентирами выступают то отдельное малое селение (зимовьё или деревня), то село или слобода, то какие-нибудь промысловые угодья, то отдельное необычное дерево или скала, ключи, бьющие из-под земли и т.п. [У Ремезова фактически ни один текст не обходится без слова «урочище»; этим термином он обозначает не только прилегающие к чему-либо земельные пространства, угодья (и не только к реке), но и любые географические объекты, характеризуюшие данную местность или течение определённой реки].

В «Хорографической чертёжной книге Сибири» (171 лист, 164 чертежа), по сравнению с «Чертёжной книгой Сибири», С. Ремезов существенно расширяет текстовую часть, добавляя к географическому описанию территорий Сибири несколько статей теоретико-мировоззренческого характера. Изложены начала астрономии и географии, приведены схемы компаса, циркуля, графического масштаба, таблица условных знаков, даны яркие определения ряду терминов (например, «хорография — описание изрядной части Земли»; «компас — сиречь матка, путь промысла пешехотцев и морехотцев» и «Солнце — мерило дней жития час»).

«Служебная чертёжная книга Сибири» (1702–1720-е) несколько отличается по содержанию и более позднему времени создания от предыдущих атласов Ремезовых, но по своей структуре она всё же больше напоминает «Хорографическую чертёжную книгу Сибири». В «Служебную чертёжную книгу Сибири» вошли копии уже известных «городовых чертежей» (1696–1699), ранние чертежи Камчатки (1700–1713) и новые карты, созданные Ремезовыми в начале XVIII века (план г. Кунгура, чертёж Кунгурского уезда и др.). Иными словами, в этом атласе не только существенно расширены географические пределы изображения Сибири (появляется Камчатка), но и шире диапазон тематики карт (от копий-реконструкций старых исторических карт до новых «современных» карт). Вероятно, часть карт из «Служебной чертёжной книги Сибири» (1702–1720-е) выполнена сыновьями и учениками С.У. Ремезова.

В «Служебной чертёжной книге Сибири», в сравнении с предыдущими атласами Ремезовых, ещё более расширена текстовая часть: в неё включено немало сведений по истории Сибири (в том числе приведён перечень всех тобольских воевод со времён Ермака до начала XVIII века). Отдельным списком перечисляются тобольские иерархи (епископы). Многих из них Ремезов-старший знал лично и приводит их отдельные характеристики. Так, архиепископа Павла (сибирский епископ в сане архиепископа — в конце 1670-х – начале 1680-х гг.) он называет «гонителем и сребролюбцем»; о митрополите Филофее Лещинском (1650–1727 гг., сибирский епископ в сане митрополита — в 1702–1711 и 1715–1721 гг.) говорит, что тот проявил «инакомыслие и всё христианство смутил»; митрополита Игнатия Римского-Корсакова (1630/35–1701 гг., сибирский епископ в сане митрополита — в 1692–1700 гг.), напротив, восхваляет «за любовь к правде» и выражает сожаление по поводу того, что он был в Москве «за слова замучен». [Перу С.У. Ремезова принадлежит фраза: «Правда во всех хранима и за сие между ими всеми великая любовь живёт»].

Среди карт «Служебной чертёжной книги Сибири» особый интерес представляют изображения полуострова Камчатка (1700–1713). Сохранилось известие, что одна из таких карт была составлена Ремезовым после «расспросов» (личной встречи) В.В. Атла́сова (1661/64–1711)[1]. На другой карте Камчатки изображение полуострова приведено уже с учётом сведений И.П. Козыревского (1680–1734)[2], который в 1711 и 1713 гг. совершил две

---

[1] Атла́сов /Отласов/ Владимир Васильевич (1661/64–1711) — русский сибирский (якутский) казак, землепроходец, покоритель и исследователь Камчатки. Из устюжских крестьян, переселившихся в Сибирь. Родился в Якутске; его отцом был казак Владимир Тимофеевич Отлас, а матерью, по-видимому, — якутка. В 1682 г. был повёрстан в казаки и тогда же определён на службу в далёкий Удской острог, откуда вернулся в Якутск только весной 1684 года. До 1689 г. собирал ясак в бассейне р. Алдан и по рр. Уда, Тугир, Амгунь (приток Амура), до 1694 г. — по рр. Индигирка, Колыма, Анадырь. В 1694 г. из похода по восточной части Чукотского полуострова доставил краткие сведения о Чукотке и Аляске. Дослужившись до пятидесятника, в 1695 г. назначен приказчиком Анадырского острога. В 1697 г. Атласов, после разведывательного похода Луки Морозко (1696), организовал экспедицию на Камчатку с отрядом из служилых и промысловых людей и ясачных юкагиров (ок. 120 чел.). В ходе похода покорил 4 корякских острожка-селения, поставил на реке Кануч крест и на реке Камчатка заложил Верхнекамчатский острог. Обложил ясаком население Камчатки. Итогом экспедиции Атласова явилось присоединение к России всего Камчатского полуострова.

Возвратившись в Якутск (1700), в начале 1701 г. с собранным ясаком и докладом ездил в Москву, где за поход на Камчатку получил чин казачьего головы в Якутске и денежное вознаграждение (100 руб.). Сибирский приказ отдал распоряжение организовать ещё одну экспедицию на Камчатку под началом Атласова. На обратном пути в Якутск Атласов был обвинён в разбое и до 1706 г. находился под следствием; после завершения дознания и его оправдания он был направлен в Якутск. В 1706 г. был вновь послан приказчиком на Камчатку с весьма широкими полномочиями («…казнить инородцев смертью, а своих подчинённых наказывать не токмо батогами, но и кнутом»). Своей деятельностью на Камчатке восстановил против себя не только местное население, но и своих подчинённых. В 1707 г. схвачен взбунтовавшимися казаками и заключён в Верхнекамчатский острог; бежал; до 1711 г. находился в Нижнекамчатском остроге. В 1711 г. за свою жестокость был убит в Нижнекамчатском остроге во время бунта казаков и служилых людей.

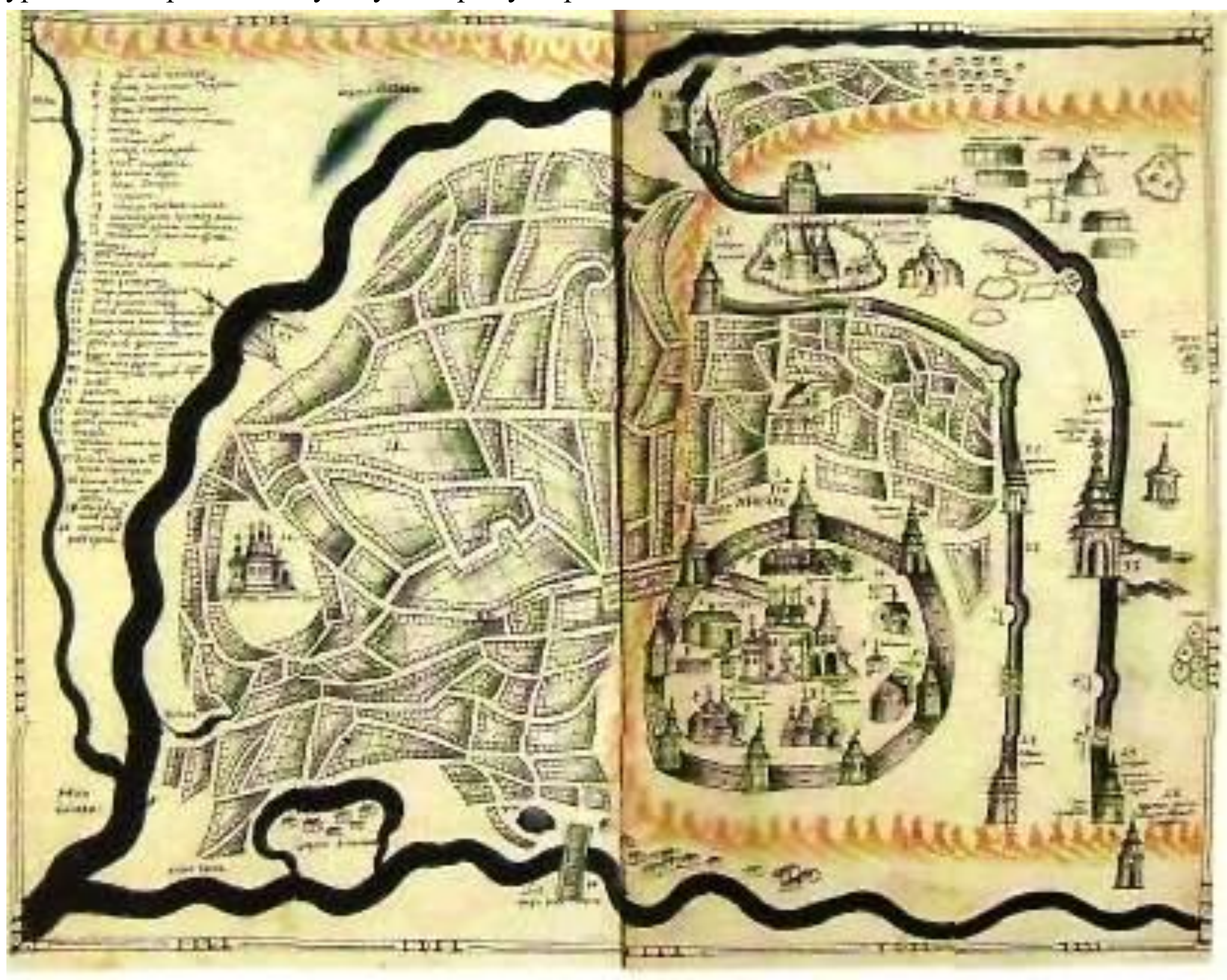
В ходе своих походов Атласов обследовал западное побережье и часть внутренних районов Камчатки; выходил на восточное побережье, пересекая полуостров. Он составил первое описание природы и населения Камчатки: до нас дошли две его «скаски» (отчёта), представленные им в Сибирский приказ. В них содержатся сведения о камчадалах (о хозяйственных занятиях, быте, верованиях, этнических особенностях) и географии полуострова (о вулканах, в т.ч. Ключевской сопке, минеральных источниках, реках, островах Курильской гряды).

Не отрицая заслуг В.В. Атласова, подчеркнём, что первые русские походы-исследования Камчатки были предприняты ещё во второй половине XVII века: Михаилом Стадухиным (1651–1657 гг., исследовал участок побережья Охотского моря от р. Пенжины на севере до р. Охоты на юге), Иваном Камчатым (1658–1660), Ф. Чукичевым (1660), плаванием Ивана Рубца с Лены на р. Камчатку (1661–1662), Иваном Ермолиным (1669–1670). Непосредственными предшественниками Атласова были анадырские казаки Л.С. Морозко /Мороско/ и И.О. Голыгин (1691–1692, 1693–1694 1695–1696), в 1690-е гг. неоднократно взимавшие ясак па Камчатке. Первое русское зимовье на полуострове было поставлено ещё в середине XVII века (Оглоблин Н.Н. Две «скаски» Владимира Атласова об открытии Камчатки // Чтения общества истории и древностей российских. Кн.3. М., 1891; Полевой Б.П. Владимир Атласов — уроженец Якутска // Полярная звезда. 1974. №3).

[2] Козыре́вский Иван Петрович (1680–1734) — русский якутский казак, землепроходец, один из первых исследователей Камчатки и Курил. Его дед был сослан в Якутск в числе пленных поляков; отец нёс службу якутского казака. С 1700 г. с отцом и братьями Козыревский неоднократно посылался якутскими воеводами на Камчатку для приведения местных жителей в русское подданство и сбора ясака. В 1708 г. его отец, Пётр Козыревский, был убит камчадалами. В 1711 г. И. Козыревский вместе с другим предводителем (вожаком) казаков Данилой Анцифоровым участвовал в бунте служилых людей, в результате которого в Нижнекамчатске был убит В.В. Атласов.

В том же 1711 г. И. Козыревский, избранный камчатскими казаками есаулом, усмиряет восставших камчадалов и строит для защиты от них Большерецкий острог. В августе 1711 г., совместно с Д.Я.Анцифоровым, по распоряжению властей совершает экспедицию на Курилы для поиска торговых путей в Японию. На вёсельных байдарках русский отряд обошёл мыс Лопатка (южную оконечность Камчатки) и спустился южнее, достигнув о. Шумшу — самого северного из островов Курильской гряды. В 1713 г. по поручению якутского воеводы Козыревский вновь совершает поход на Курилы: из Большерецка он достиг о́строва Шумшу, откуда местные айны, принявшие русское подданство, проводили его отряд до о. Парамушир. Обследовав и описав берега южной части Камчатки и двух северных островов Курильской гряды, вычислив расстояния между ними и другими островами, Козыревский составил первый «Чертёж Камчадальского Носа и морским островам» (1711–1713), на основе которого С.У. Ремезов составил карту Камчатки и Курильских

экспедиции вокруг южной оконечности Камчатки, посетив два самых северных острова Курильской гряды — Шумшу и Парамушир.

План г. Кунгура (1703) из «Служебной чертёжной книги Сибири» (1702–1720-е)

«Служебная чертёжная книга Сибири» отчётливо подчёркивает своеобразие графической манеры С.У. Ремезова, которая оказалась на стыке двух картографических эпох — традиционной, национальной, и новой, западноевропейского образца. В этой манере в данном атласе выполнены карты отдельных городов Сибири. На чертеже города Кунгура из «Служебной чертёжной книги Сибири» центр города показан в традиционной русской манере (видимый образ центра города), а его предместья — в стиле нового европейского, планово-ортогонального абстрактного изображения.

Что же характерно для картографического творчества С.У. Ремезова?

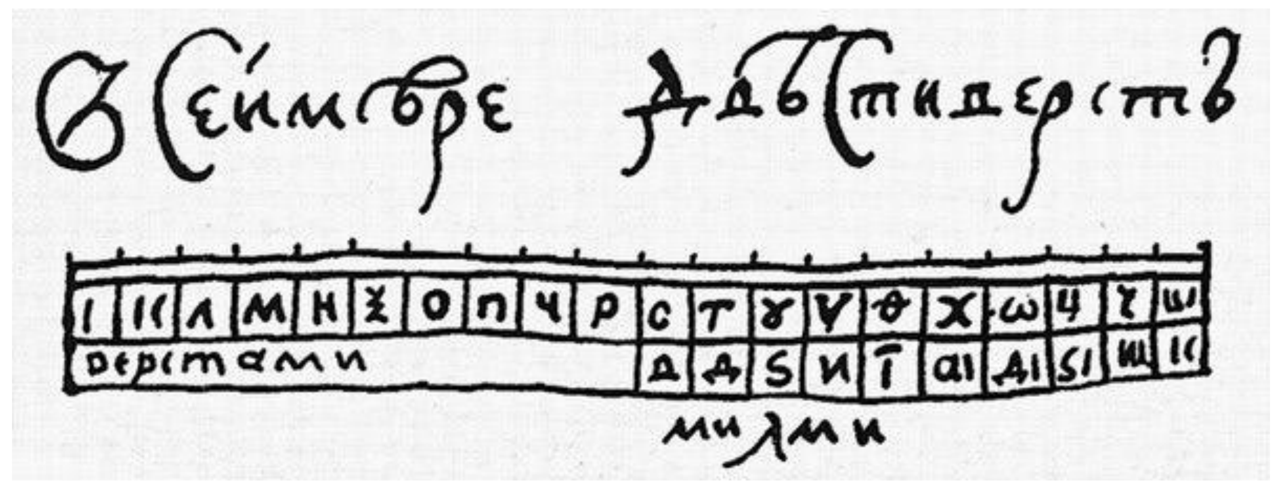
островов (1713) вплоть до о. Хоккайдо. В 1714–1716 гг. Козыревский собирал ясак на Камчатке и на северных островах Курильской гряды.

В 1717 г. построил на реке Камчатка монастырь (скит) для престарелых и раненых — Успенскую пустынь, где принял монашество (схиму) под именем «Игнатий». За «возмутительные речи» в 1720 г. был арестован и отправлен в Якутск, где архимандрит Феофан определил его строителем в Покровский монастырь, в 1721 г. — в Спасский монастырь. В 1726 г. Козыревский представил В. Берингу свой план поиска пути в Японию, но тот, готовившийся к I-й Великой Сибирской (Камчатской) экспедиции (1725–1730), отклонил его. В 1727–1728 гг. Козыревский присоединился к экспедиции А.Ф. Шестакова и на судне «Эверс» проводил гидрографические работы в низовьях р. Лена. В 1730 г. был вызван в Москву, где представил обстоятельные сведения о Камчатке и Японии. В Москве по его челобитной были выделены средства для расширения Успенского монастыря на Камчатке и христианизации камчадалов, а сам он был возведён в сан иеромонаха. Но в 1732 г., во время сборов к отъезду на Камчатку, Козыревский был арестован по сомнительному обвинению в связи с убийством Атласова (1711), лишён сана и заключён в тюрьму, где умер. Имя Козыревского увековечено в названиях мысов на островах Шумшу и Парамушир Курильской гряды и залива в Охотском море.

Карты Сибири С.У. Ремезова и поныне поражают обилием и детальностью сведений, особенно в отношении гидрографической сети, которая при отсутствии картографических сеток служила основой для построения чертежей. В сравнении с европейскими картами того времени чертежи Ремезова, несовершенные в математическом отношении, выгодно отличаются стремлением к разносторонней характеристике природных особенностей местности и включением множества различных сведений хозяйственного, этнографического и военно-политического значения.

При показе водных систем, помимо основного русла и притоков, указываются истоки и устье, ручьи и родниковые ключи, протоки-заостровки, курья, розсохи (два источника, питающие основную реку; двойное верховье реки). Такой же подробностью деталей на чертежах Ремезовых отличается показ и других элементов географического ландшафта. Помимо крупных географических объектов (рек и их притоков, островов, озёр, гор, городов) на картах Ремезова предстают: «баяра́к» — овраг, балка; «верете́я» — возвышенная сухая гряда среди болот; «лайда́» — отмель, низменный берег (в Восточной Сибири — озерко от разлива реки); «елань» — равнинное пространство; плёсы и мели, броды и перевозы, волоки, мельницы, мосты и пристани судам, колодцы, болота. Сухопутные летние и зимние дороги и волоки (наземные переходы с реки на реку) вычерчены пунктиром. Их изображение сопровождается пояснительными надписями. Например, «Борами волок ходу на оленях четыре дня, а вверх по Чюдцкое письмо, скопированное с Ирбитского писаного камня, Сосьве ходу две недели».

В качестве условных обозначений на картах («Знаки [что] по чему узнавать в чертежу») Ремезов, придерживаясь русской картографической традиции, использует буквы кириллицы: «В» — волость, «Г» — город, «З» — зимовьё, «К» — кочевье, «М» — монастырь, «О» — острог, «С» — слобода, «w» — озеро.

Отображение линейного масштаба в одном из списков «Книги Большому чертежу»

Масштабные соотношения в современном понимании на всех чертежах Ремезова отсутствуют, хотя на многих его картах нанесено изображение прямоугольной сетки и рамки с регулярной разграфкой. На некоторых даже присутствуют изображение линейного масштаба с надписью «*миллиария*» и циркуль-измеритель, как бы соединяющий картографическое изображение через линейный масштаб («церкилный розмер») с текстом прилагаемого описания протяженности дорог. Например, «Миллиария. С усть Ишима вниз поперешником тобольскому чертежу по смете до Тобольска 135 вёрст, от Тобольска до Демьянскому яму по мере 158 вёрст, от Демьянского до Самаровского яму 148 вёрст…». [Расстояния исчисляются днями пути, и только около Тобольска — верстами]. Однако это ещё не географическая сетка и на картах нет цифровых обозначений широт и долгот; нанесение на карту различных обозначений определялось не географической, а гидрографической (речной) сетью.

При создании чертежей отдельных сибирских уездов, административно подчинённых какому-либо городу, который находился, как правило, примерно в центре этой территории,

Ремезов применяет своеобразный картографический приём — «масштабного акцента». [Хотя понятие «масштаб» к чертежам С.У. Ремезова можно отнести лишь условно, на чертежах данного формата он приблизительно соответствует 1:500 тыс.]. «Масштабный акцент» — картографический приём изображения местности, при котором реки и города отображаются в 10–15 раз крупнее принятого масштаба. Этот приём позволил Ремезову нанести на чертежи комментарии (в местах изображения рек) и отразить характер застройки, основные сооружения, число башен и другие подробности из характеристики городов.

В этом отношении С.У. Ремезов не был новатором, а просто придерживался старинной русской традиции в изобразительном искусстве: выделять главное (в данном случае город-кремль и реки), нарушая соразмерность частей. Подобно этому на иконах святых изображали крупнее, чем окружающие их здания. Да и русских картографов до XVIII столетия называли даже не «чертёжниками», а «изографами». Слово «изограф» восходит по первичному смыслу к «иконописцу», или «иконнику». [Изограф не создаёт иллюзию действительности, а пытается на иконе, картине, чертеже уловить её смысл, сущность].

С точки зрения позиций современной географии карты С.У. Ремезова полны курьёзов: бóльшая их часть ориентирована на восток, некоторые — на юг, другие — на запад; чем ближе к Северному Ледовитому океану расположены отдельные территории Сибири, тем в более мелких размерах они отображены; Сибирь изображена в виде четырёхугольника; реки нанесены толщиной в 0,5–1 см; города занимают площадь в десятки квадратных километров и пр. Но для своего времени карты Ремезова имели огромное значение: возникнув из потребностей центрального управления при Петре I, они позволяли правительству планировать приблизительный расчёт времени. Тщательность, с какой наносил С.У. Ремезов (с сыновьями, учениками, помощниками) на чертежи даже мелкие факты, передаёт разностороннюю физико-географическую и историко-этнографическую характеристику отдельных территорий Сибири в конце XVII века[1].

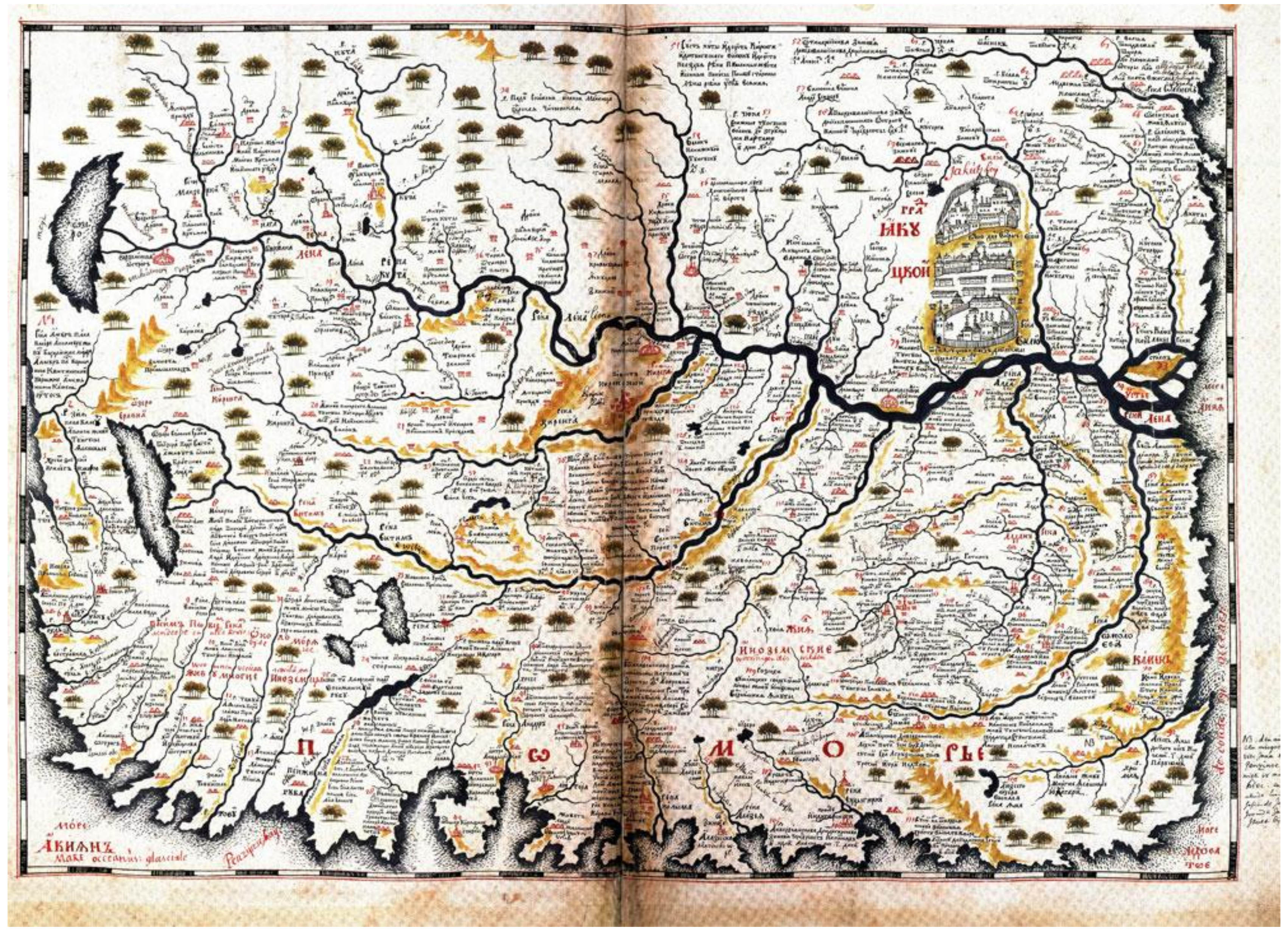
И всё-таки для начала XVIII века картография Ремезовых была уже «вчерашним днём развития науки» — их чертежи не имели математической основы и нередко неверно отображали различные географические объекты. Атласы Ремезовых отражают короткий период (конец XVII – начало XVIII вв.) перехода российской картографии от безмасштабного русского чертежа к точному метрическому изображению земной поверхности по строгим математическим правилам проектирования, с указанием азимутальной ориентировки и наличием координатной сетки.

В заключение обзора картографического творчества С.У. Ремезова приведём историческую загадку, которую он оставил своим потомкам. В левом верхнем углу его общей карты Сибири («Чертежа всех сибирских градов и земель», 1698) из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701 гг.; лист 21), вблизи устья Амура, на территории «царства Гилян[к]ского» (ареал обитания нивхов) помещена надпись о пребывании в этих местах Александра Македонского!

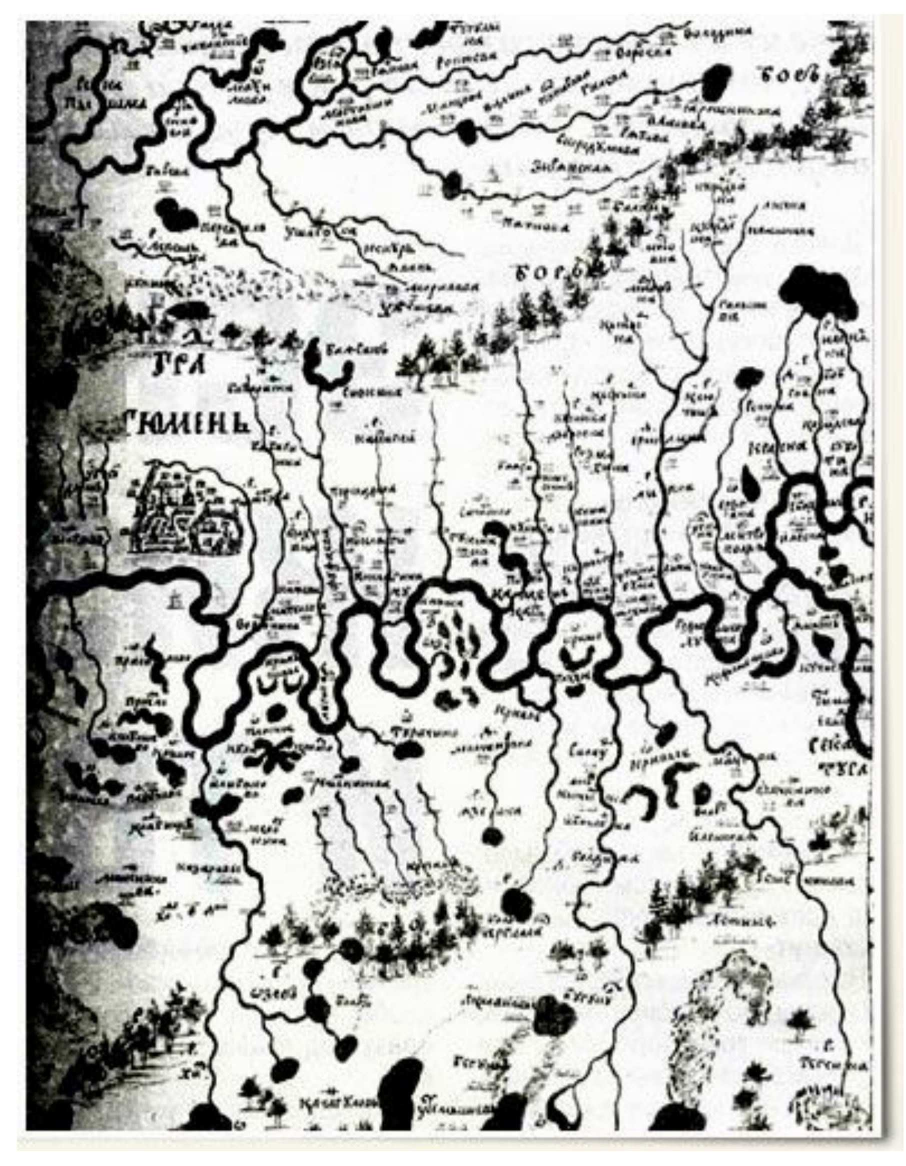
А.Ф. Миддендорф, первым обративший внимание на этот исторический казус с точки зрения традиционной версии истории, прочитал эту надпись следующим образом: «До сего места царь Александр Македонский доходил и ружьё [оружие] спрятал и колокол оставил»[2]. Однако то слово в этой легенде на карте, которое А.Ф. Миддендорф прочёл как «ружьё» и, соответственно, трактовал по смыслу как «оружие», на карте Ремезова написано крайне неразборчиво, даже с точки зрения правил старинной каллиграфии, и может быть прочитано как «трупьё». Тогда соответствующим образом меняется смысловая нагрузка данного текста: «До сего места царь Александр Македонский доходил, трупье спрятал [похоронил павших] и колокол оставил» [см. ниже].

[1] Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950; Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири XVI и XVII вв. М., 1927; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939.

[2] Миддендорф А.Ф. Письмо к вице-председателю Русского географического общества // Вестник Русского географического общества. Ч. 21. Отд. V. СПб., 1858. С. 1; Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. СПб., 1860. С. 171.

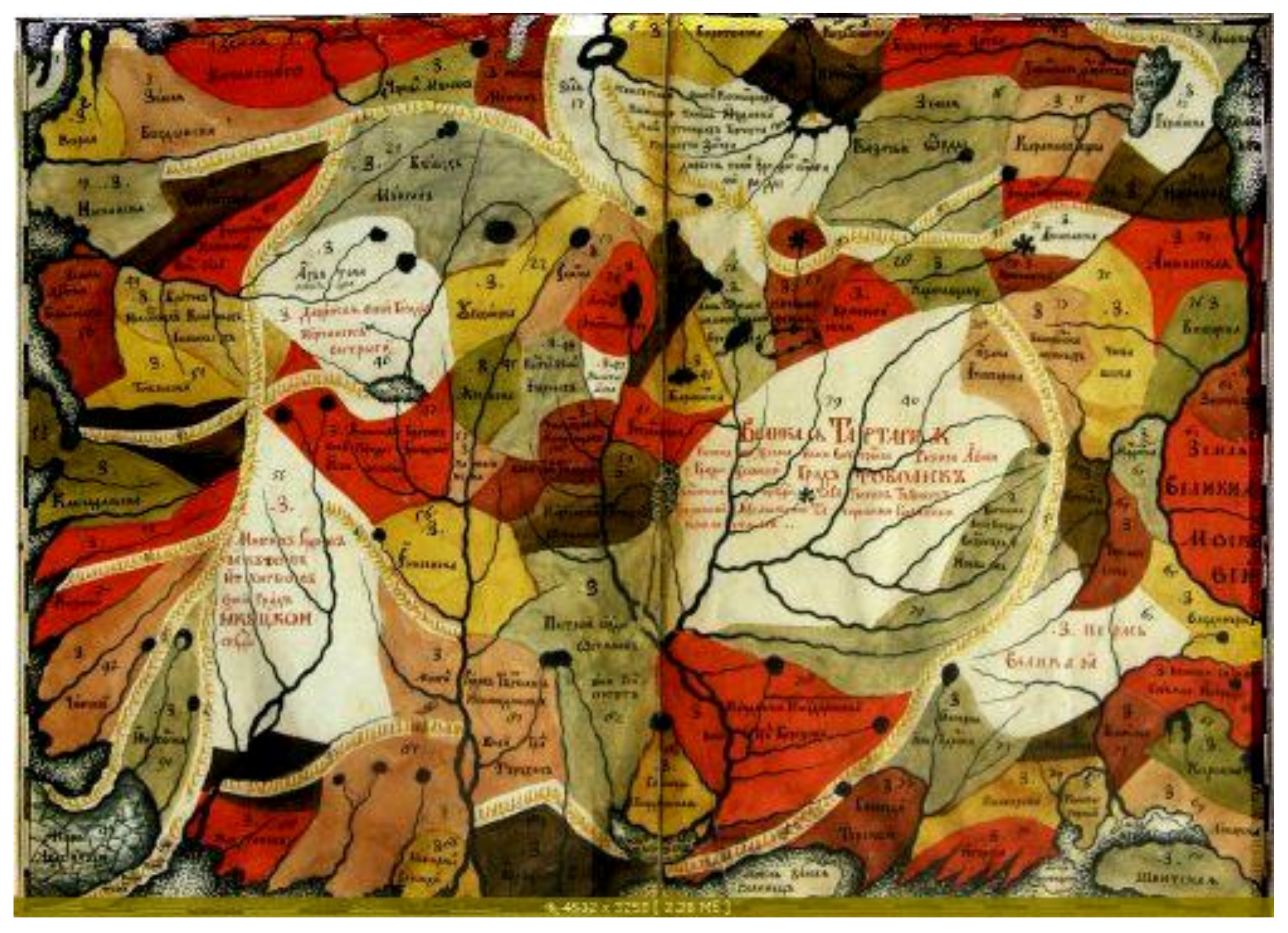
«Чертёж земли Якутского города» из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701) С.У. Ремезова. Ориентирована на запад (запад сверху)

Карта Тюменского уезда из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701) С.У. Ремезова. Ориентирована на восток (восток сверху)

Фрагмент «Чертежа земли Томского города» из «Служебной чертежной книги Сибири» (1702–1720-е) С.У. Ремезова. Ориентирован на восток (восток сверху)

«Чертёж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи» С.У. Ремезова (копия этнографической карты Сибири 1673 года). Ориентирован на юг (юг сверху)

Фрагмент карты «Чертёж всех сибирских градов и земель» (1698) С.У. Ремезова из «Чертёжной книги Сибири» (1698–1701 гг.; лист 21) с надписью в устье Амура об Александре Македонском. Юг сверху

Зарождение математической картографии в России в эпоху Петра I и его преемников

Выше уже неоднократно отмечалось, что русский царь Пётр I с самого начала своей активной государственной деятельности (с середины 1690-х гг.) уделял пристальное внимание составлению географических карт (и не только России). Первые русские печатные карты начали издаваться с 1699 г. в Голландии (Амстердаме) через агента Петра I в Европе поляка И.Ф. Копиевича (Копиевского).

Познакомившись в Нидерландах (с Николасом Витсеном, Яном Тессингом, Адрианом Шхонебеком и др.) или возобновив знакомство с голландцами, ранее проживавшими в Москве в Немецкой /Иноземной/ слободе, Пётр I с их помощью постарался освоить новую для России область — производство печатной (в том числе картографической) продукции. С разрешения и одобрения российского монарха в Амстердаме был основан так называемый «русский печатный цех».

Перед отъездом «Великого посольства» из Амстердама, 14 мая 1698 г. один из братьев Тессинг — Ян /рус. Иван/ (?–1701), представитель и совладелец крупной амстердамской торговой фирмы Тессингов[1], — подал русским послам прошение на имя Петра I о предоставлении ему монополии на торговлю типографской продукцией в России сроком на 15 лет с платежом пошлин в том размере, какой будет установлен царём. В челобитной Тессинг просил разрешить ему изготовлять в Амстердаме и ввозить в Россию «всякие земные и морские картины или чертежи, всякие печатные листы, и персоны, и книги о земных и морских ратных людех, математические, архитектурские, и городостроительные и иные художественные книги». В своём прошении Ян Тессинг указывал, что «от этих книг подданные его царского величества получат большу́ю пользу для службы и будут по ним обучаться всяким знаниям и художествам».

Челобитная Тессинга была удовлетворена, и он получил сначала устное разрешение царя, а затем и письменное подтверждение. Жалованная грамота Петра I от 10 февраля 1700 года предоставляла амстердамскому издателю («печатнику») Яну /Ивану/ Тессингу монопольное право на печатание в Голландии «земных и морских карт, чертежей, листов,

[1] В семье Тессингов существует предание (неподтверждённое документально), что знакомство Яна Тессинга с Петром I произошло ещё до приезда царя в Голландию, в Москве или Архангельске в начале 1690-х годов, а в Амстердаме царь неоднократно посещал дом Тессингов.

портретов, математических, архитектурных и всяких по военной части книг на славянском, латинском и голландском языках, вместе и порознь, и о привозе оных на продажу в Россию». Другим европейским коммерсантам ввозить и продавать подобную продукцию запрещалось под угрозой штрафа в 1 тыс. ефимков (55 коп. по курсу того времени), из которых 2/3 шли в казну, а 1/3 — Тессингу. Картины, чертежи и книги, выходящие из типографии Тессинга, должны были быть снабжены его подписью и печатью. При ввозе своего товара в Архангельск Тессинг должен был платить таможенную пошлину (8 денег с рубля) «с тем, что никаких других пошлин с него уже взыскиваться не будет». Тот товар, который не распродадут в Архангельске, разрешалось отправлять «к Москве и в иные великороссийские городы», подавая в русской столице декларацию о привезённом товаре в Посольский приказ.

Вместе с тем на монополию Тессинга было наложено два ограничения.

Во-первых, вероятно, по инициативе Русской православной церкви или согласно пожеланию самого царя, в перечень типографских произведений, разрешённых на ввоз в Россию, была внесена оговорка: «опричь [кроме] церковных [книг] греческого закона».

Во-вторых, в жалованной грамоте Петра I Яну Тессингу подчёркивалось, что составление, печатание в Голландии на славянском и голландском языках и ввоз в Россию таблиц, чертежей и книг, касающихся Сибири и владений Цинской империи, уже ранее «предоставлено голштинцу Елизарию Избранту и за ним остается»[1].

В царской грамоте Петра I, выданной Избранту Идесу (1657–1708) и датированной 9 июня 1698 года[2], последнему предоставлялось монопольное право на печатание за границей и ввоз в Россию карт Сибири и Китая на русском и голландском языках. Из жалованной грамоты, выданной Идесу: «По нашему <…> великого государя <…> указу <…> дана <…> грамота <…> Московского государства жителю, голштейнцу Елизарью Избранту, о печатании в Голландской земле и о вывозе в наше <…> Московское царствие таблиц [карт], с написанием в чертежах и в книгах, Сибирскому нашему царствию и Китайскому владению городам и землям и рекам, под нашим, великого государя, <…>, именованием на славянском и на голландском языках...»[3]. Выдавая в 1700 г. жалованную грамоту Тессингу, Пётр I одновременно подтвердил предоставленные ранее Идесу издательские привилегии.

Одной из первых гравюр, вышедших из типографии Тессинга в Амстердаме, была карта небесного глобуса, разделенного на четыре части, с посвящением графу (с 1702 г.) Ф.А. Головину (1650–1706) и авторской подписью «Иван Андреев сын Тессинг в Амстердаме лета 1699».

Первой же русской географической картой, отпечатанной в типографии Тессинга в Амстердаме, является карта Юга России (1696–1700), или «Карта земель от Москвы до Малой Азии», выполненная в 1696 г. во время второго Азовского похода соратником Петра I, шотландцем на русской службе Я.В. Брюсом (1670–1735)[4] при помощи обрусевшего

---

[1] ПСЗРИ. IV. 1700–1712. СПб., 1830. С.6–7.

[2] В этот день Пётр I в составе «Великого посольства» был в Чехии; вероятно, дьяк подписал эту грамоту на основании полученного от Петра I ранее данного распоряжения.

[3] ПСЗРИ. IV. 1700–1712. С. 7. [Этой жалованной грамоты Избранту в «Полном собрании законов Российской империи» нет; она была обнаружена в РГАДА].

[4] Брюс Яков Вилимович /Якоб Даниэль/ (1669–1735) — российский государственный и военный деятель, учёный, сподвижник Петра I, сенатор (1717), граф (1721), генерал-фельдмаршал (1726). Происходил из знатного шотландского рода Брюсов, его предки с 1647 г. жили в России; получил домашнее образование, знал несколько языков. Награждён орденами Святого Андрея Первозванного (1709), Святого Александра Невского (1725).

В 1686 г. вступил на службу прапорщиком кавалерии. Участвовал в Крымских походах (1687, 1689) и Азовских походах Петра I. Сопровождал Петра I в Голландии и Англии в период Великого посольства (1697–1698). В Англии слушал лекции по математике, знакомился с организацией монетного дела и металлургии, занимался закупкой книг и приборов, наймом специалистов. В 1699 г. участвовал в разработке российского воинского устава. В годы Северной войны (1700–1721) — один из руководителей русской артиллерии (после пленения в 1700 г. генерал-фельдцейхмейстера царевича Александра Арчиловича Багратиона). В 1704–1711 гг. — и.о. генерал-фельдцейхмейстера, 1711–1726 гг. — генерал-фельдцейхмейстер. Одновременно (с 1701 г.) — губернатор Новгорода. Успешно командовал русской артиллерией при взятии Нотебурга (1702), Ниеншанца,

лифляндца (его дед был взят в плен при Иване IV), первого полковника Преображенского полка (с 1692 г.) Георга фон Менгдена /Юрия Андреевича Фамендина/ (ок. 1628–1702).

В настоящий момент известны русский рукописный оригинал (хранится в отделе рукописей библиотеки российской Академии наук в Петербурге) и три печатных варианта этой карты — один на латыни и два на русском языке [см. ниже]. Ранний печатный русский вариант этой карты целым рядом географических подробностей отличается от последующих. Дело в том, что сохранившийся незавершённый рукописный вариант карты Юга России был привезён в Амстердам «Великим посольством» (в составе которого находился также Брюс) и отдан Тессингу для доработки и печатания. Возвратившись в Амстердам после 4-месячного пребывания в Англии (11 января – 25 апреля 1698 г.), Пётр I увидел отпечатанную карту (ранний русский вариант) и остался ею недоволен: на ней отсутствовало изображение предполагаемого соединения Волги и Дона. Проект строительства Волго-Донского канала, предложенный в 1697 г. немецким учёным-энциклопедистом Г.-В. Лейбницем (1646–1716), был очень важен для Петра I, и он пожелал видеть будущий канал хотя бы на бумаге[1]. Не устроили царя и неточности в изображении низовий Днепра. Соответственно, карта Юга России была доработана и отпечатана на латыни и на русском языке в новом виде. Оттиски её латинского варианта имели широкое хождение по Европе; она печаталась такими известными гравёрами и издателями карт и атласов, как Иоганн Баптиста Хоманн, Маттеус Зойтер, Р. и Дж. Оттенсы. Её же ранний русский вариант стал библиографической редкостью.

В связи с этим необходимо отдельно выделить «Новую карту империи царя России» («A New Map of the Empire of the Czar of RUSSIA») англичанина Джона Пéрри /John Perry/ (1716), который в 1698–1701 гг. воглавлял работы по строительству канала между Волгой и Доном, прекращённые в связи с началом Северной войны (1700–1721). [Строительство судоходного Волго-Донского канала завершено только в 1952 г.]. Прибывший в 1698 г. из Англии по приглашению Петра I, Перри первоначально строил корабли и доки, а затем стал первым, кто занялся проектированием и прокладкой каналов в России. В 1710 г. Джон Перри проводил инженерно-строительные работы на северо-западе России, где определял уровни

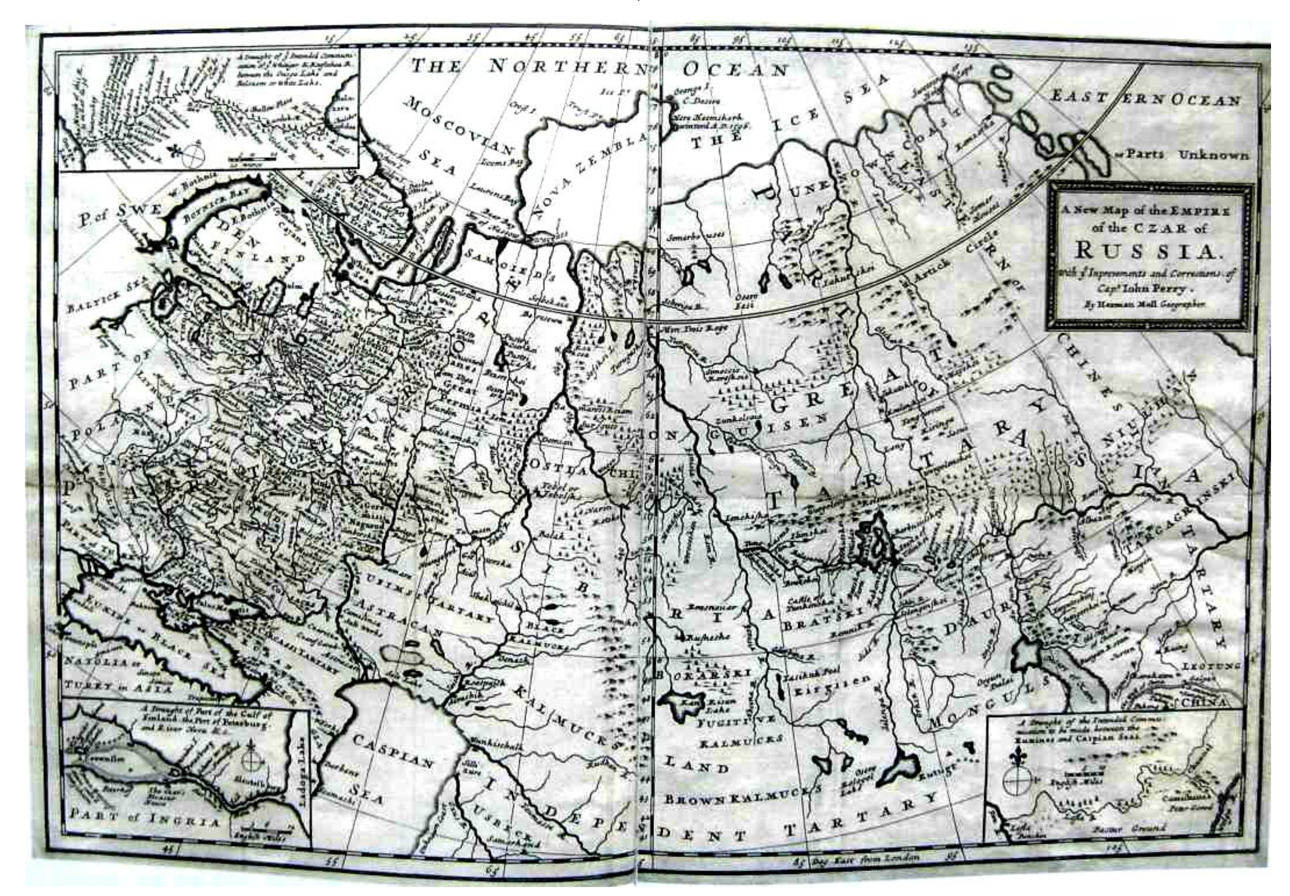
Яма, Копорья (1703), Дерпта (1704), Митавы (1705) и в сражениях под Калишем (1706), при Лесной (1708), в Полтавской битве (1709). Участник Прутского похода (1711). С 1717 г. — сенатор, держался в стороне от политической борьбы. Руководил российской делегацией на Аландском конгрессе (1718–1719). Вместе с А.И.Остерманом подписал Ништадтский трактат (1721), за что удостоен титула графа. В 1717–1722 гг. — президент Берг-Мануфактур-коллегии, в 1722–1726 гг. — Берг-коллегии. С 1720 г. ему было подчинено монетное дело. При организации похорон Петра I являлся Верховным обер-маршалом «печальной комиссии». В 1726 г. вышел в отставку в чине генерал-фельдмаршала.

Активно занимался научной работой, был одним из наиболее образованных людей своего времени; занимался математикой, астрономией, физикой, химией, картографией. В 1696 г. составил географическую карту юга Европейской России (земель от Москвы до Малой Азии), напечатанную в Амстердаме. В январе 1700 года на Сухаревой башне в Москве организовал астрономическую лабораторию, лично занимался изготовлением зеркал для телескопов. В 1711 г. в Кенигсберге обнаружил Радзивилловский список «Повести временных лет». В 1717 г. составил и издал краткие голландско-русский и русско-голландский словари («лексиконы»). Переводчик трудов: голландского физика и астронома Х. Гюйгенса «Земноводного круга краткое описание…» и «Космотеорос» (издан в 1717 и 1724 гг., Брюс написал предисловие к нему); З. Бухнера «Учение и практика артиллерии…»; А. Влакка «Таблицы синусов, тангенсов и секансов…». С 1706 г. в ведении Брюса находилась Московская гражданская типография. Под наблюдением Я. Брюса в 1709–1711 гг. в этой типографии издан «Календарь повсеместный, или месяцеслов на все лета Господние», составленный В.Куприяновым, но получивший известность под названием «Брюсов календарь». Переводы книг Х. Гюйгенса и календарь В. Куприянова знакомили Россию с основами учения Коперника.

В 1727 г. Брюс купил землю у подмосковного села Глинково, где создал усадьбу «Глинки». В усадьбе оборудовал обсерваторию и вёл астрономические наблюдения. Собрал ценную коллекцию редкостей, монет и медалей. Собранную библиотеку старинных книг завещал Академии наук. Имя Якова Брюса ещё при его жизни было окружено легендами, его считали колдуном, чернокнижником, знавшимся с дьяволом. [Большая российская энциклопедия (БРЭ). М., 2006. Т. 4. С. 264–265; Филимон А.Н. Я. Брюс. М., 2003].

[1] В последующем Г.-В. Лейбниц трижды встречался с Петром I (1710, 1712, 1716), излагал ему свои планы развития науки в России и высказал идею об основании Академии наук в Петербурге.

рек на потенциальных маршрутах каналов между Волгой и Петербургом (Мариинская, Тихвинская, Вышневолоцкая водные системы).

Карта России Джона Перри (1716). Российский государственный исторический музей (Москва)

Россию Джон Перри покинул в 1715 г. и уже в 1716 г. опубликовал о ней книгу, к которой приложил свою карту, составленную при помощи Хермана Молла /Herman Moll/, с двумя врезками схем проектировавшихся каналов и врезкой чертежа Невы (в левом нижнем углу). В левом верхнем углу карты находится врезка со схемой канала, соединяющего (в проекте) Онежское озеро с Белым морем (составная часть маршрута современного Беломоро-Балтийского канала); в правом нижнем углу — врезка канала между Доном и Волгой. На самой карте предполагаемые маршруты каналов были отмечены мелкими пунктирными линиями. Весьма примечательно, что Джон Перри рассматривал Волго-Донский канал как составную часть более значительного водного маршрута из Азовского моря в Северный Ледовитый океан, что предполагало строительство ещё одного канала, соединившего бы Волгу с Тоболом (далее по Иртышу и Оби до океана).

Создание же первых гравированных географических карт в самой России с целью их последующего печатания типографским способом связано с именем голландского гравёра на русской службе Адриана Шхонебека (1661–1705)[1].

[1] Шхонебек /Schoonebeck, Шонбек, Шанубек, Схонебек/ Адриан (1661–1705) — голландский гравёр и типограф. Родился в Роттердаме, учился гравированию у Ромейна де Хогхе /de Hogghe/. В 1698 г. в Амстердаме познакомился с Петром I, вероятно, у собирателя древностей Якова де Вильде, к которому царь приходил смотреть его коллекцию и дочь которого, Мария, училась гравированию у Шхонебека. В декабре 1697 г. в Амстердаме А. Шхонебек подал челобитную Ф.А. Головину (1650–1706), 2-му по рангу русскому послу в составе «Великого посольства» (1697–1698). В своём прошении он предложил царю свои услуги умелого гравёра, соглашаясь ехать в Москву. Взамен он просил 1 тыс. ефимков в год жалованья, казённую квартиру, полное содержание и, кроме того, оговорил право выполнять частные заказы в свободное время.

13 мая 1698 г. Шхонебек был принят на царскую службу и уже 10 октября того же года явился в Оружейную палату с указом боярина Ф.А. Головина. В нём сообщалось о принятии Шхонебека на «государеву службу» (жалованье — 600 ефимков в год [1 ефимок = 55 коп.]; 20 четвертей [четей] хлеба), повелевалось выделить для его проживания «постоялый двор» и предписывалось отдать ему на обучение трёх-четырёх

[Ремеслу и искусству гравировки пробовал обучаться и сам Пётр I. В музее Амстердама хранится единственная гравюра (20×16 дюймов), выполненная Петром I, изображающая торжество христианства над исламом в виде ангела с крестом и пальмой в руках, попирающего полумесяц и османские бунчуки. Надпись на голландском языке гласит: «Пётр Алексеевич, великий царь Русский, выгравировал это иглою и крепкой водкой, под наблюдением Адриана Шхонебека, в Амстердаме, в 1698 г. в спальне своей квартиры, на верфи Ост-Индской компании». Эту аллегорию Ян Тессинг разместил на картуше раннего печатного русского варианта карты Юга России (1698), только изображение ангела было заменено на всадника в античном вооружении с занесённым для удара мечом и шитом с двухглавым орлом (символ Петра I, побеждающего османов у Азова)].

В 1701 г. в Москве А. Шхонебек гравирует («грыдорует») на меди чертёж реки Двины с посвящением графу (с 1710 г.) Ф.М. Апраксину (1661–1728) и карту восточной части Азовского моря[1]; в 1704 г. — карту Азовского моря[2] на двух листах (медных досках) с посвящением графу Ф.А. Головину; в 1705 г. — карту восточной части Балтийского моря[3], чертёж Ижорской земли на четырёх листах и две карты Белого моря[4].

Издание же в России первых печатных карт связано с открытием в Москве гражданской типографии и именем В.А. Киприанова. Кипри́анов Василий Анофриевич (1679?–1723) — российский издатель, книготорговец, гравёр. Мещанин (тяглый человек) Кадашевской слободы (сотни) в Москве. В юности занимался торговлей: поставлял свечи, кожу, сало в мастерские Оружейной палаты и Печатного двора. Служил типографщиком в Московской духовной типографии. В 1701–1703 гг. совместно с Л.Ф. Магницким составил первый русский учебник по математике «Арифметика, сиречь наука числительная…» (гравировал издание; является автором ряда статей, изложенных в стихотворной форме). В 1703 г. под его редакцией были изданы «Таблицы логарифмов и синусов, тангенсов, секансов…» А. Влакка (2-е издание в 1716 г.).

учеников. Первыми учениками Шхонебека были Алексей Зубов, Пётр Бунин и Василий Томилов. Вместе со своим племянником гравёром Петером Пикаром, выписанным им из Голландии, Шхонебек создал в России так называемую «Шхонебековскую школу» гравюры. В 1704 г. у него было уже 9 учеников: Алексей и Иван Зубовы, Варфоломей Фаддеев, Василий Томилов, Парфён Иванов, Никифор Волков, Пётр Бунин, Иван Никитин и Стефан Закройщиков. На своих первых гравюрах в России, в том числе и на аллегорическом портрете царя Петра, Шхонебек подписывался — «книгохранитель и первый в меди изограф»; на поздних его работах эта надпись отсутствует.

До приезда из Амстердама в Москву Шхонебек был уже достаточно известным в Европе гравёром (владел, помимо голландского, латинским, французским, немецким, итальянским и испанским языками). Известны его гравюры того периода: папа Александр VIII; Леопольд I; офицер, читающий газеты; Игнатий Лойола; Жильбер Вюрне; прибытие уполномоченных на Ризвикский конгресс (1697); войны Александра Македонского — копии с гравюр Жерара Одрана, выполненных с картин Лебрена; пять гравюр к изданию описания коллекции амстердамского антиквара Якова де Вильде и др. В числе последних гравюр весьма примечателен лист, изображающий залу, в которой помещалась коллекция (музеум): в середине залы за столом сидят де Вильде и Пётр Великий и рассматривают разные древности и редкости.

В 1699 г. в России Шхонебек гравирует («грыдорует») на меди клейма для гербовой бумаги, взятие Азова и портрет Петра I. В 1700 г. (также на медных досках) — корабельный чертёж (с трёх сторон, окончен в следующем году); в 1701 г. — взятие на абордаж шведского корабля, чертёж реки Двины с посвящением графу Ф.М. Апраксину и карту восточной части Азовского моря; в 1702 г. — свадьбу придворного шута Феофилакта Шанского, устроенную Петром I в качестве насмешки и издевки над старинными русскими обычаями (два листа), в 1704 г. — карту Азовского моря и в 1705 г. — карту восточной части Балтийского моря. К гравюрам, выполненным Шхонебеком в России, также относятся: портрет Б.П. Шереметева (после 1702 г.), исполненный по заказу Петра Великого; взятие Нотебурга с посвящением А.Д. Меншикову (1703), изображение св.Иеронима и др., и ещё несколько карт.

[1] «Карта Восточной части Палус Меотис [Азовское море]... Адриан Шхонебек 1701 года».

[2] «Изображение оказания морских берегов, начинающееся от Азовского моря даже до Константинополя <...> на меди грыдоровано [гравировано] Адрианом Шхонебеком на Москве 1704 года».

[3] «Часть с начала Восточного моря <...> от никерка до Парнавы с Ливонским Носом от Локсы Монастыря до Лемьзала <...> на меди грыдоровал [гравировал] Адриан Шхонебек в Москве 1705 г.».

[4] «Размерная карта Белаго моря <...> грыдорована [гравирована] на меди Адрианом Шхонебеком» и «Размерная карта, начинающая от рускаго прохода между Рускаго и Белаго моря... Адриан Шхонебек».

Русский рукописный незавершённый вариант карты Юга России Я.В. Брюса и Ю.А. Менгдена (1696). Подлинник. Хранится в отделе рукописей библиотеки Академии наук в Петербурге

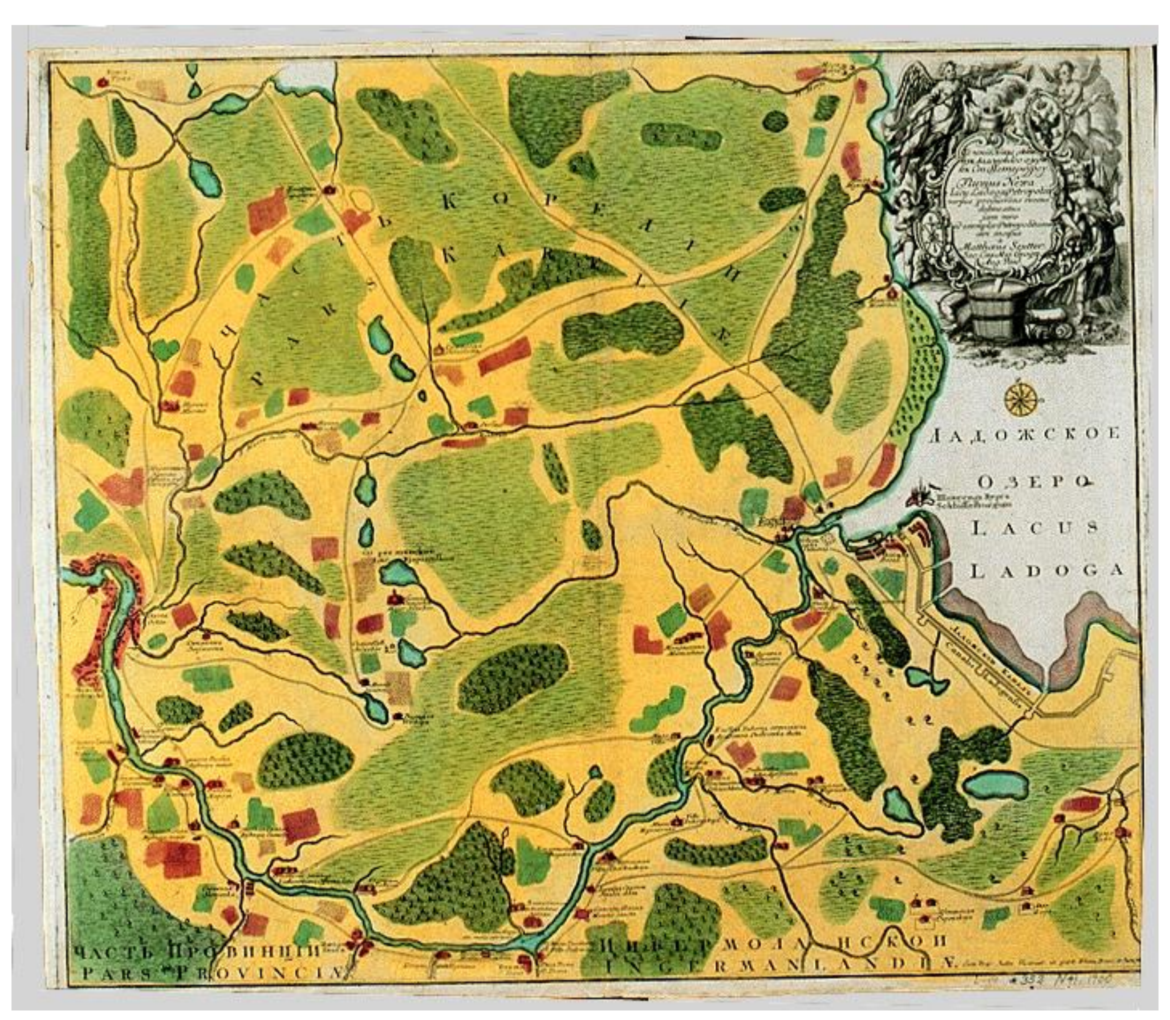
Русский ранний печатный вариант карты Юга России («Карта земель от Москвы до Малой Азии»)
Я.В. Брюса и Ю.А. Менгдена (1696), изданный в Амстердаме Яном Тессингом (1697–1698). Копия карты, опубликованной Л.С. Багровым в 1955 г. в XII-м томе (выпуске) журнала по истории картографии «Imago Mundi»

Латинский печатный вариант карты Юга России («Карта земель от Москвы до Малой Азии») Я.В. Брюса и Ю.А. Менгдена (1696), изданный Р. и Дж. Оттенсами (первая треть XVIII в.)

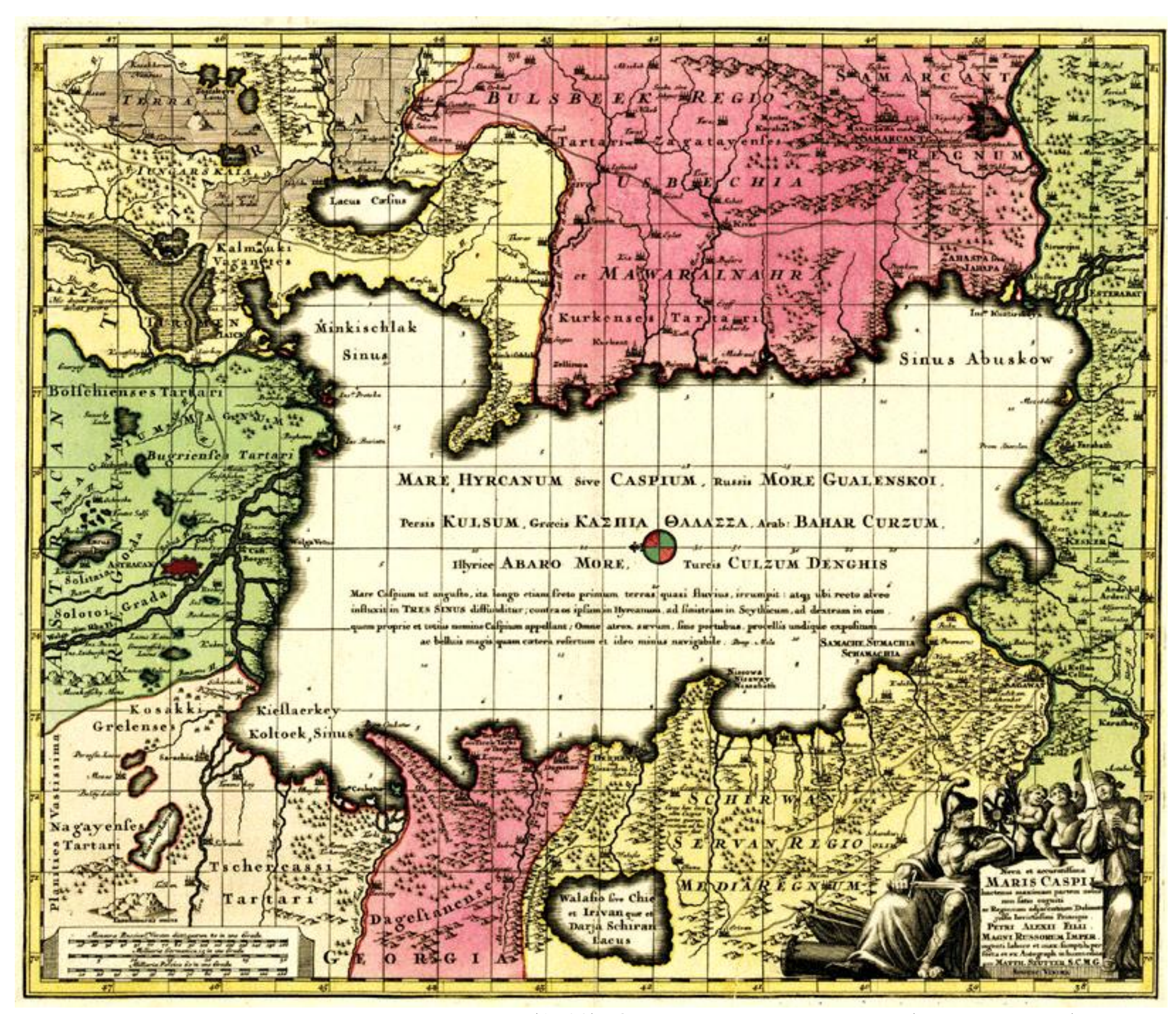
Латинский печатный вариант карты Юга России («Карта земель от Москвы до Малой Азии»)
Я.В. Брюса и Ю.А. Менгдена (1696), изданный И.-Б. Хоманном (первая треть XVIII в.)

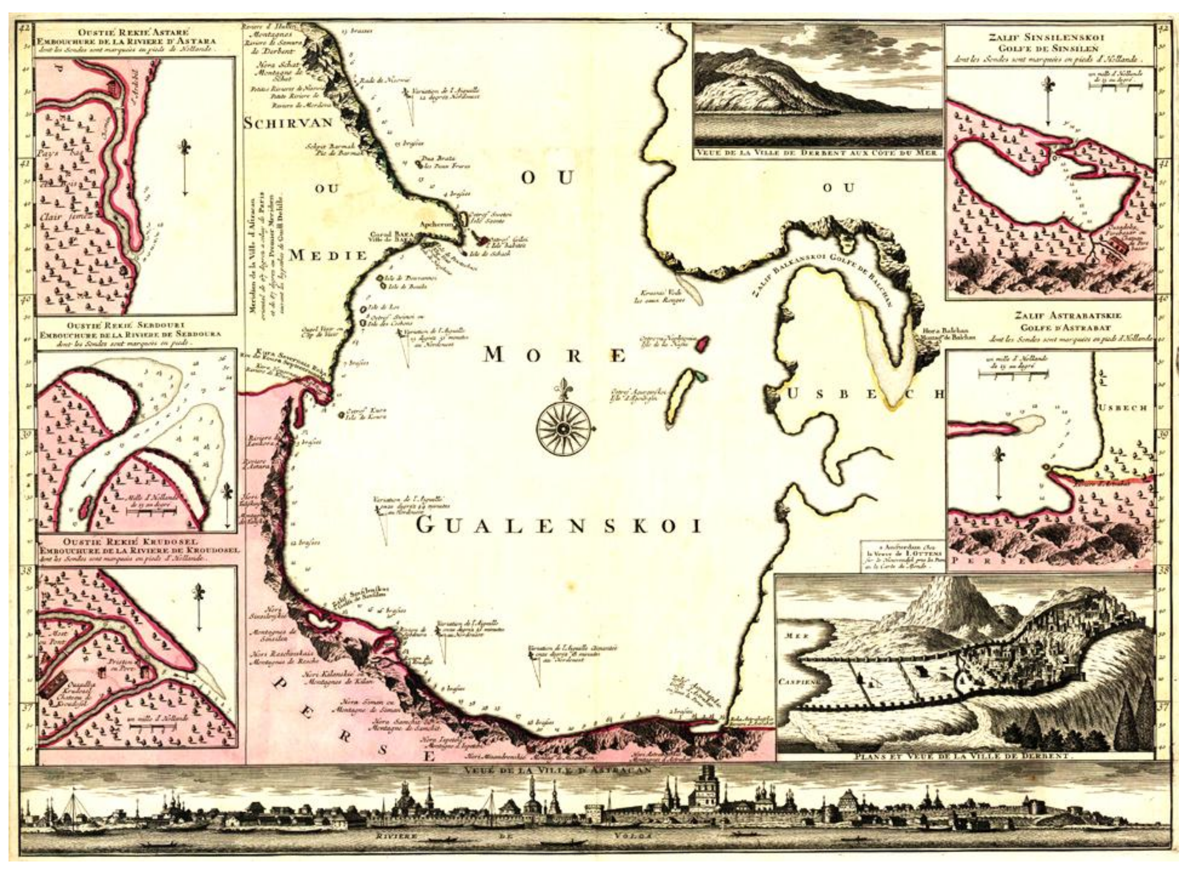
Карта реки Невы. Начало XVIII века. Издание 1730–1740-х гг. Маттеуса Зойтера (1678–1757)

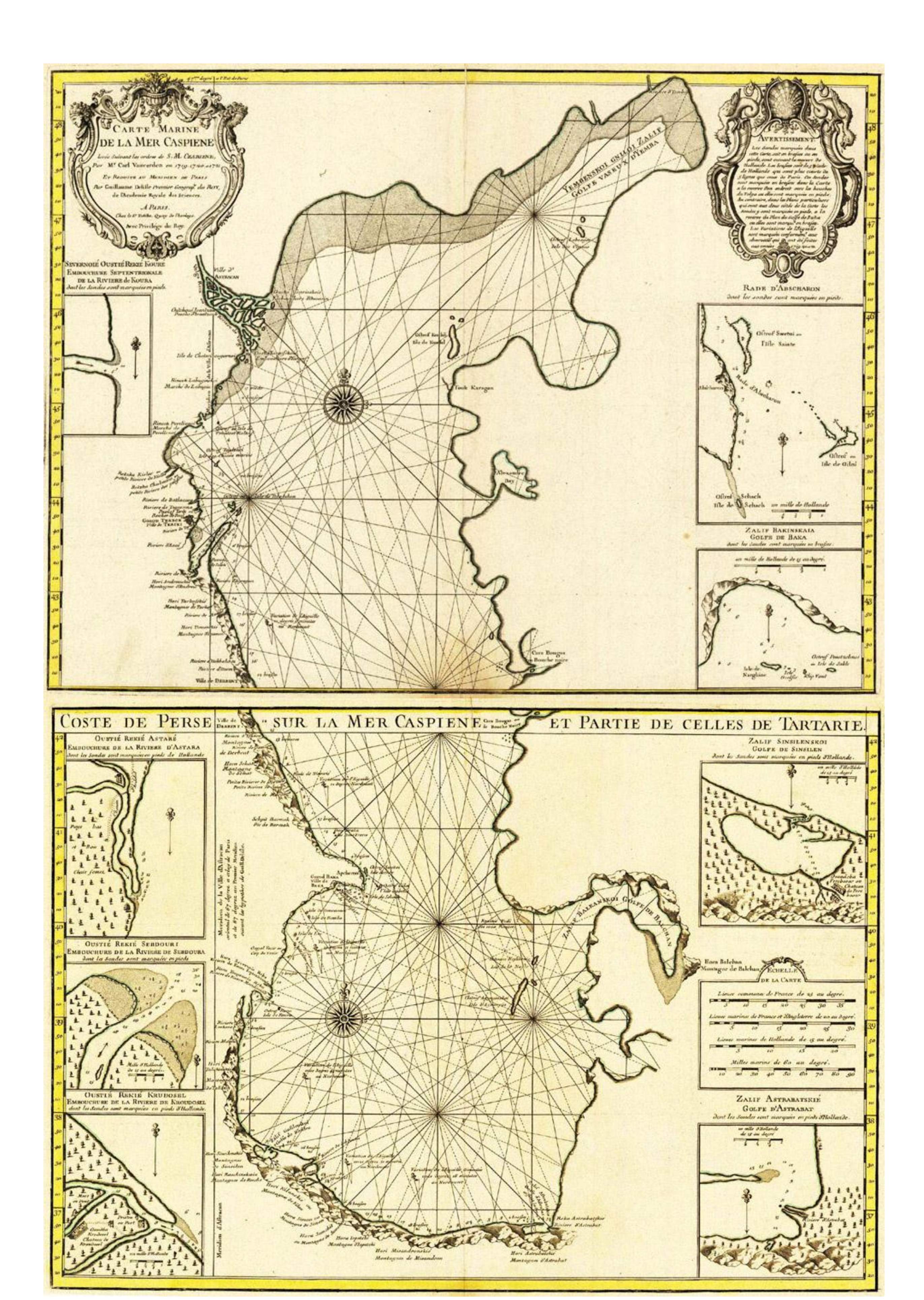
Карта восточной части Балтийского моря (1705). А. Шхонебек, П. Пикарт

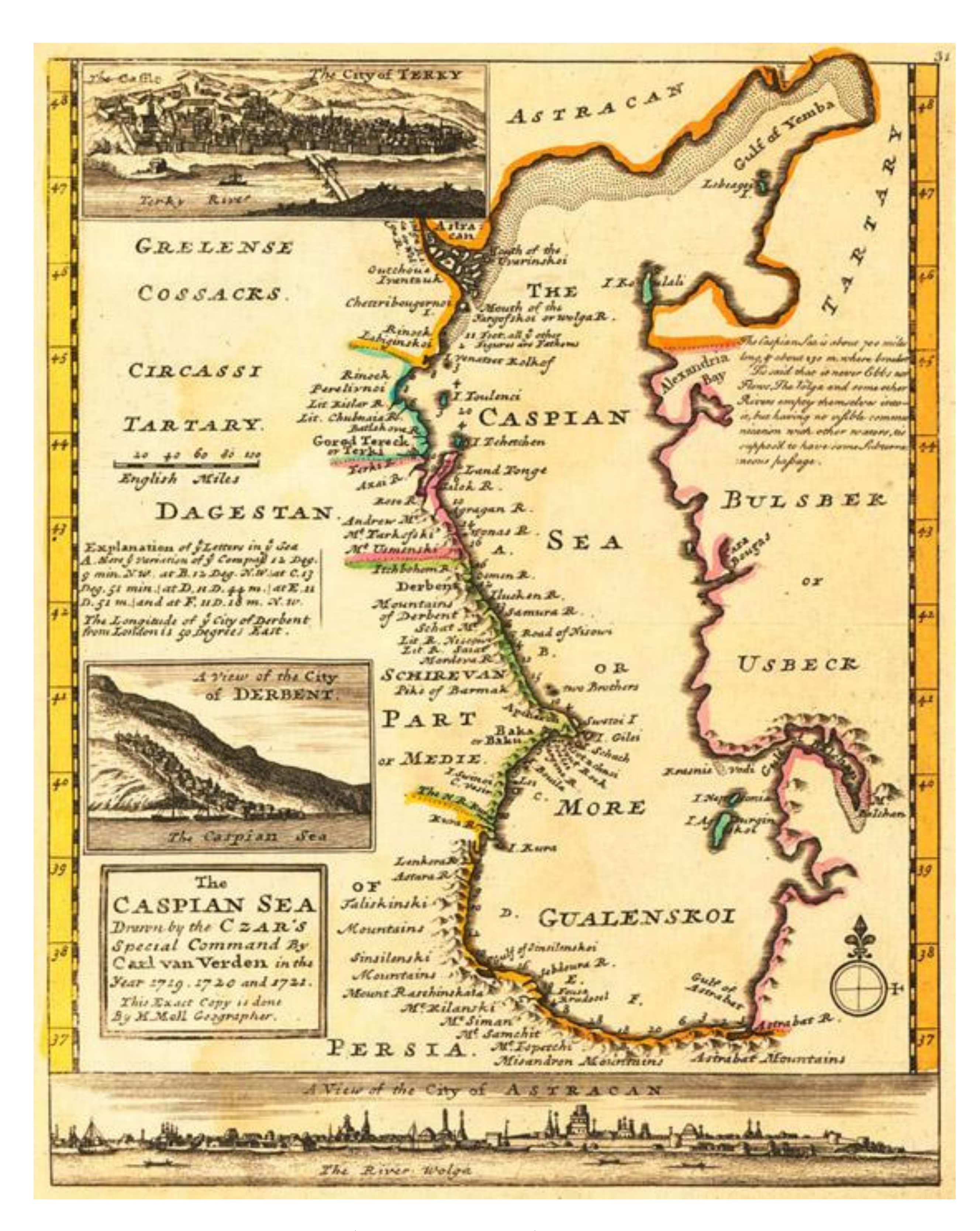
Карта Каспийского моря Еремея Мейера (1703). Ориентирована на восток (восток сверху)

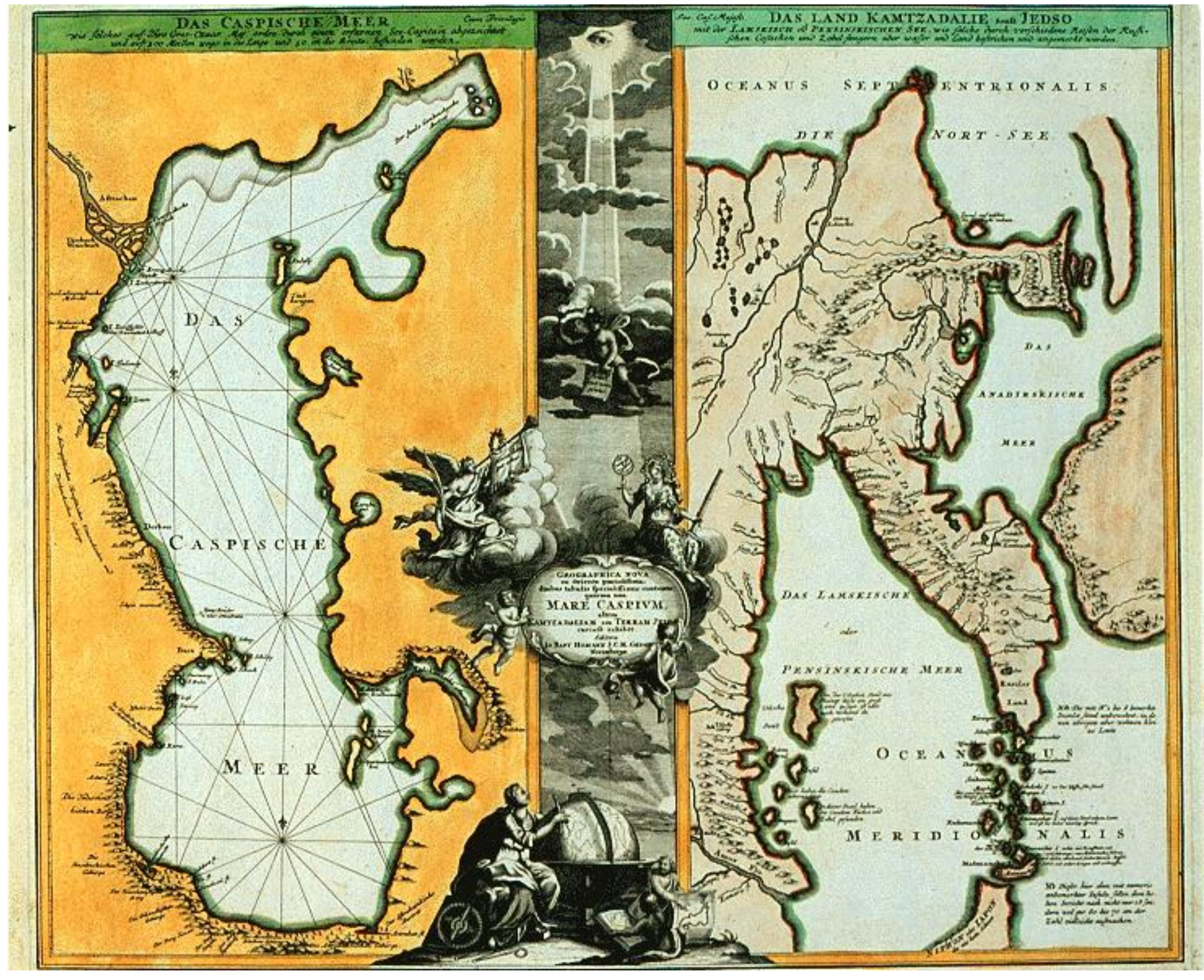
Карта южной части Каспийского моря (первая треть XVIII в.). Р. и Дж. Оттенсы по К. ван Вердену

Карты северной и южной части Каспийского моря К. ван Вердена и Ф. Соймонова (1720)

Карта Каспийского моря (первая треть XVIII в.). Херман Молл по К. ван Вердену

Карта Каспийского моря и полуострова Камчатка (первая половина 1720-х гг.), выполненная на одном листе нюрнбергским картографом Иоганном Баптистой Хоманном (1663–1725) по заказу Петра Великого

Российская карта мира (1707).
Типография В.А. Киприянова

Картуш с генеральной карты Российской империи
И.К. Кириллова (1734)

В 1705 г. указом Петра I по проекту В.А. Киприанова была открыта Московская гражданская типография. [Согласно этому указу Киприанов получил право на монопольную торговлю гравированными изданиями в Москве и на цензурный контроль над ними. Будучи типографщиком Московской духовной типографии, Василий Киприанов находился в ведении Синода, но в то же время оставался тяглым человеком Кадашевской слободы, которая предъявляла требования, чтобы он исполнял различные обязанности, какие она на него возлагала как на своего члена; однако стараниями Я.В. Брюса он был освобождён от зависимости от слободы, а с открытием в 1705 г. гражданской типографии стал ближайшим сотрудником Брюса].

К работе в Московской гражданской типографии В.А. Киприанов привлекал лучших гравёров и печатников Оружейной палаты и Печатного двора. С ним сотрудничали учёный-математик А.Д. Фарварсон, переводчик Ф. Михайлов, гравёры Иван и Алексей Зубовы, А.Ростовцев, Ф. Никитин, М. Петров. В типографии был издан настенный гравированный лист «Новый способ арифметики…» (1705), а также первые печатные атласы и карты на русском языке: «Глобус географический, сиречь землеописательный…» (1707), «Глобус небесный иже о сфере небесной…», атлас «Всего земного круга таблицы…» (1713), «Таблицы горизонтальныя северныя и южныя широты восхождения Солнца…» (1722) и др. В них Киприанов выступал как составитель, редактор, рисовальщик и гравёр.

В 1708 г. В.А. Киприанов получил разрешение на устройство двух своих печатных станов в Москве на Печатном дворе (начали действовать с 1715 г.). В 1709–1711 г. он составил и издал, при участии Я.В. Брюса, «Календарь повсеместный, или месяцеслов на все лета Господня», получивший известность под названием «Брюсов календарь». Помимо издательской деятельности Киприанов занимался книжной торговлей: в конце 1710-х гг. он на собственные средства построил новое 3-этажное здание в Москве, где размещались книжный магазин (в котором на европейский манер размещалась кофейня), склад и читальный зал его библиотеки[1].

Интерес Петра I к картографии во многом был обусловлен приоритетами внешней политики России того времени, потому он не ограничился топографическими измерениями территории юга и северо-запада России. Именно по инициативе Петра Великого были

[1] Известен также сын В.А. Киприанова — Василий Васильевич (1701–?), который с 1709 г. участвовал в книжной торговле отца, а после его смерти оказывал содействие И.К. Кирилову в издании карт отдельных губерний России для «Атласа Всероссийской империи» 1734 года. В 1748 г. В.В. Киприанов прекратил издательскую деятельность, продал библиотеку отца и занялся устройством кирпичных заводов в Москве. (Бородин А.В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы // Труды Института книги, документа и письма. М.; Л., 1936. Вып. 5; Куприянова Т.Г. Первая династия российских издателей. М., 2001).

проведены первые геодезические съёмки[1] берегов Каспийского моря и Камчатского полуострова.

В 1699–1703 гг. Еремей Мейер, «морского флота офицер», проводил съёмку берегов Каспийского моря и по её итогам составил рукописную карту, которую царь приказал отпечатать (долгое время считалась утраченной). Сейчас этот чертёж Еремея Мейера известен по карте Каспийского моря (гравюра на меди) знаменитого аугсбургского картографа Маттеуса Зойтера (1678–1757)[2], изданной в 1730–1740-е гг. («Пётр I ищет свой путь»).

В 1715 г. князь А. Беко́вич-Черка́сский представил царю карту восточного побережья Каспийского моря, берега которого он исследовал в этом же году, выйдя из Астрахани. В результате этой исследовательской экспедиции Бековича было подтверждено впадение Амударьи в Аральское море, а не в Каспийское море, как считалось в европейской картографии XVI–XVII веков. За произведённую геодезическую съёмку берегов восточного Каспия А. Бекович-Черкасский[3] был произведён в капитаны гвардии.

В 1716 г. поручик Н. Кожин[4], прикомандированный к экспедиции (1716–1717) князя А. Бековича-Черкасского в Хивинское ханство, составил карту восточного побережья

---

[1] Геоде́зия (греч. geōdaisia — букв. «землеразделение») — наука, изучающая форму и размеры Земли, методы определения положения на земной поверхности точек, необходимых для обоснования топографических съёмок, а также для осуществления различных инженерно-технических работ.

[2] Маттеус Зо́йтер /Seutter Matthaus/ (1678–1757) — немецкий издатель и картограф. Учился в мастерской Иоганна Баптисты Хоманна /Johann Baptiste Homann/ (1663–1725) в Нюрнберге. Открыл свою картографическую мастерскую в 1707 г. в Аугсбурге, где издал около 500 карт и несколько атласов. Выполнял много заказов, связанных с Россией. В 1730–1740-х гг. издал серию изображений Ижорского края, показывающих течение Невы и стратегически важный Ладожский канал (основной хлебный путь из Поволжья в Петербург) и другие карты. Эти карты, имеющие и русские, и латинские надписи, отличаются изящными деталями, цветом и декоративными картушами, сохраняя топографическую точность при показе линий рек и берегов и особенностей рельефа. Карты создают впечатление обжитого, хорошо управляемого края, полного сёл с красными черепичными крышами, пашен, перелесков и равнин.

[3] Беко́вич-Черка́сский Александр /до принятия христианства — Девлет-Кизден-Мурза/ (?–1717) — кабардинский князь на русской службе; капитан Преображенского полка. Сведений о его происхождении, ранних годах жизни, поступлении на службу и принятии христианства не сохранилось. Соответственно, «Бекович» происходит от слова «бек» (принадлежность к высшему сословию), «Черкасский» — производное, как считается, от старинного русского названия Кабарды. В 1707 г. отправлен Петром I за границу для обучения. По возвращении был послан с дипломатическим поручением в Кабарду.

В 1716–1717 гг. возглавлял экспедицию в Хиву для переговоров с хивинским ханом о принятии российского подданства, основания крепостей в устье Амударьи, отправки из Хивы под видом купца поручика Никиты Кожина в Индию, а также для поисков золота в русле Амударьи. В состав экспедиции входило 4 тыс. солдат, 2 тыс. яицких и гребенских казаков, 100 драгун; кроме того, в русский отряд были включены несколько морских офицеров, 2 инженера и 2 купца. Экспедиция закончилась безрезультатно, а бо́льшая часть отряда во главе с Бековичем погибла после вероломного нападения хивинского хана. Хивинский хан с 24 тыс. войском встретил русскую экспедицию у урочища Карагач, у устья Амударьи, в 120 верстах от Хивы; но после 3-дневных боев был отбит с больши́м уроном и не мог помешать дальнейшему продвижению русских к Хиве. Пригласив Бековича на мирные переговоры в Хиву, хан, под предлогом возникших трудностей в обеспечении русских продовольствием, уговорил Черкасского разделить свой отряд на 5 частей и расквартировать их в разных городах ханства, а затем, вероломно нападая, по отдельности уничтожил фактически весь состав русской экспедиции (Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву. СПб., 1891).

[4] Ко́жин Никита (точные годы жизни неизвестны) — русский картограф, поручик, из старинного дворянского рода. В 1716 г. был прикомандирован к экспедиции (1716–1717) князя А. Беко́вича-Черка́сского в Хивинское ханство. Известно, что Пётр I дал Кожину два отдельных поручения. Первое: описать берега и притоки Каспийского моря, промерить глубину, нанести на карту мели и т.д. Второе: в наказе царя, данном Бековичу перед его экспедицией в Хивинское ханство, повелевалось отправить из Хивы, под видом купца, поручика Никиту Кожина в Индию «для проложения торгового пути». Неизвестно, почему Кожин не погиб вместе со всем отрядом князя Черкасского. В сентябре 1716 г. отряд Бековича на судах (морским путём) вышел из Астрахани в Каспийское море. Русская экспедиция останавливалась у мыса Тюк-Караган, в заливе Александровском и у урочища Красные воды; везде были оставлены отряды для постройки крепостей. От урочища Красные воды Бекович, послав двух посланников в Хиву, повернул обратно в Астрахань. Получив подкрепление, в 1717 г. Бекович выступил сухопутным путём в Хиву. Вероятно, Кожин был в составе морского отряда Бековича (1716), но его уже не оказалось в составе сухопутного отряда Черкасского (1717). [На пятый

Каспийского моря. В 1718 г. Н. Кожин и поручик князь В.А. Урусов вновь исследовали берега на востоке Каспия (каждый представил свой вариант карты).

В 1719–1720 гг. К. ван Верден[1] и Ф.И. Соймонов[2] по поручению Петра I проводили геодезическую съёмку западных и южных берегов Каспийского моря, по её итогам была составлена обзорная карта, при создании которой были использованы также данные съёмок 1715–1718 годов. Эта карта («Хартина плоская генеральная моря Каспийского») была напечатана в 1720 г. Петербурге и послана в 1721 г. в Академию наук в Париже. На её основе Гийом Делиль вычертил карту Каспийского моря, которую опубликовал в 1723 г. в «Географическом атласе» («Atlas de Géographie»).

На востоке России И.П. Козыревский в 1711 и 1713 гг. (в первый раз с Д.Я.Анциферовым) побывал на островах Шумшу, Парамушир и островке-скале Авось и собрал сведения о большинстве (16 из 22) островов Курильской гряды (включая Итуруп и Кунашир). [«Двадцать вторым» островом Курильского архипелага Козыревский считал остров Хоккайдо, который и нанёс на чертёж своего плавания как часть гряды, а не Японских островов]. По итогам своих плаваний И.П. Козыревский составил три варианта «Чертежа Камчадальскому Носу и морским островам» (1711–1713), которые в 1714–1715 гг. представил в Якутске. Один из этих чертежей (1712) был использован для создания в Якутске новой карты Камчатки, скопированной С.У. Ремезовым и известной сейчас как «Чертёж вновь Камчадальские земли».

В 1714–1716 гг. по указанию Петра было налажено морское сообщение на лодиях между Охотском и западным побережьем Камчатки. Морской путь из Охотска на Камчатку в 1716 г. проложила экспедиция К. Соколова, после чего начались регулярные плавания в Охотском море.

день сухопутной экспедиции 1717 г., после переправы через реку Эмбу, Бекович получил от Петра I предписание послать через Персию в Индию «надёжного человека для разведки о способах торговли и добывания золота». Бекович отправил майора Тевкелева, который был арестован в Астрабате, а затем освобождён благодаря посредничеству русского посла (1715–1719) при персидском дворе А.П. Волынского (1689–1740)].

Последние упоминания о Н. Кожине относятся к 1733 г., когда его тесть, М.П. Аврамов (директор типографии в Петербурге), посылал ему из заключения тайные письма, прося похлопотать о своём освобождении, и к 1737 г., когда у него родился сын. Один из сыновей Н. Кожина — Пётр — был директором Каменного приказа (1775); другой — Алексей (1737–1807) — сенатором и президентом Камер-коллегии.

Описи и карты Никиты Кожина целиком вошли в первую подробную карту Каспийского моря («Хартина плоская генеральная моря Каспийского»), составленную в 1720 г. К. ван Верденом и Ф.И.Соймоновым и посланную в Парижскую академию наук (1721).

[1] Клаус /Карл/ ван /фон/ Вéрден (?–1731) — выходец из Голландии, служил штурманом в звании капитан-лейтенанта на шведском флоте, в 1703 г. на Балтике был взят в плен русскими. Поступил на русскую службу офицером флота. В 1719–1720 гг. ван Верден, совместно с Ф.И. Соймоновым, по поручению Петра I проводил геодезическую съёмку западных и южных берегов Каспийского моря, по её итогам была составлена обзорная карта («Хартина плоская генеральная моря Каспийского», 1720). В Персидском походе (1722–1723) Петра I Верден командовал ластовыми судами.

[2] Соймóнов Фёдор Иванович (1692–1780) — русский учёный (гидрограф, картограф, географ). Учился в математико-навигационной школе в Москве (1708–1715). Участник морских кампаний 1718–1719 гг. в Северной войне, съёмок Каспийского моря (1719–1720, 1724–1727), Персидского похода (1722–1723). Генерал-кригс-комиссар (1739). По делу А.П. Волынского был сослан в Охотск (1740–1742). С 1753 г. — руководитель Нерчинской экспедиции, сибирский губернатор (1757–1763), сенатор (1763–1766). Вместе с К. ван Верденом является автором первой русской печатной карты Каспийского моря (1720), атласа и лоции (1731), а также «Описания» Каспийского моря (1728), составитель атласа Балтийского моря (1738). В 1754 г. основал навигацкую (Нерчинск), в 1758 г. — геодезическую (Тобольск) школы; один из организаторов морских плаваний «промышленных людей» в Тихом океане. Первое экономико-географическое районирование Сибири Соймонов осуществил в статье «Древняя пословица “Сибирь — золотое дно”» (1761); опубликовал первые сведения о морских плаваниях к Алеутским островам. В 1754 г. составил «Сокращённое описание о приращениях Всероссийской империи», в переработке 1773 г. — «О достопамятных случаях в жизни государя императора Петра Великого...» (в историографии также известна как «История Петра»). [Берх В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. Ч. 2. СПб., 1833; Гольденберг Л.А. Р.И. Соймонов (1692–1780). М., 1966].

Затем в 1716–1719 гг. в Якутске под руководством местного воеводы Я.А. Елчина /Ельчина/ велась подготовка крупной морской экспедиции, так называемого «Большого Камчатского наряда»: были выполнены работы по улучшению дороги от Якутска к Охотску, проведена разведка морских путей и осуществлена систематизация сведений о Камчатке и Курилах. По указанию Елчина в 1719 г. была составлена карта Чукотского полуострова и Камчатки — одна из первых географических карт наиболее отдалённых и труднодоступных районов Северо-Восточной Азии. На основе данных И.П. Козыревского на эту карту было нанесено графическое изображение Курильской гряды, острова «Матманского» (Хоккайдо) и острова «Нифона» (Хонсю). В 1719 г. в Якутске Елчин составил примечания к этой карте. Экспедиция Большого Камчатского наряда так и не состоялась, но карты Камчатки и сведения, собранные Я.А. Елчиным[1], были представлены в Сенат и использовались при подготовке и осуществлении морских походов И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина, а также знаменитых Великих Сибирских (Камчатских) экспедиций.

Во втором десятилетии XVIII века в Западной Сибири успешные геодезические съёмки проводили Пётр Чичагов и Иван Захаров, в Восточной Сибири — Фёдор Молчанов. На Дальнем Востоке и Тихом океане составлением первых карт на математической основе занимались геодезисты Иван Евреинов и Фёдор Лужин[2].

Направляя из Петербурга на Дальний Восток геодезистов И.М. Евреинова[3] и Ф.Ф.Лужина[4], Пётр I лично «испытал» их знания и поручил описать Камчатку с прилегающими к ней водами и землями и «всё на карту исправно поставить». Отдельно геодезистам предписывалось установить — «сошлася ли Америка с Азией».

Евреинов и Лужин в сентябре 1719 г. прибыли на Камчатку, а в 1720–1721 гг. совершили путешествие вдоль западных берегов Камчатки и Курильской гряды. Главным итогом этой экспедиции стала карта Евреинова и Лужина (1721), которая является первой русской картой Сибири и Дальнего Востока России, основанной на инструментальной съёмке местности. Карта имеет градусную сетку, охватывая территорию Сибири от Тобольска до Камчатки и северной части Курильской гряды. На ней впервые довольно точно были переданы характерные особенности очертаний Камчатки и правильно показано юго-западное направление Курильских островов. Отчёт экспедиции представляет собой пояснительный каталог к карте. Евреинов и Лужин впервые определили координаты 33

---

[1] Е́лчин Яков Агеевич (годы жизни неизвестны) — якутский воевода (1715?–1718), организатор экспедиций по обследованию северо-восточных районов Сибири. В 1716 г. был назначен начальником Большого Камчатского наряда — экспедиции, которая должна была обследовать прибрежные районы Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингова и Охотского морей и основать там остроги. Самому Елчину пришлось ограничиться только подготовкой экспедиции, так как в 1718 г. он был смещён со своего поста. Его преемники из-за трудностей передвижения и снабжения не смогли осуществить задачи экспедиции; были обследованы только Шантарские острова. Организация Елчиным Большого Камчатского наряда — начальное звено тех огромных русских географических открытий на Тихом и Северном Ледовитом океанах, которые были осуществлены экспедициями В. Беринга, А. Чирикова и др.

[2] Княжецкая Е.А. Первые русские съёмки Западной Сибири // Известия ВГО. 1966. Вып. 4. С. 333–340; Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.

[3] Евре́инов Иван Михайлович (1694–1724) — русский геодезист и путешественник. Обучался в Московской навигацкой школе, а затем (до 1718 г.) в геодезическом классе Морской академии в Петербурге. Совместно с Ф.Ф. Лужиным в 1719–1721 гг. участвовал в секретной экспедиции, целью которой было определение: есть ли пролив между Азией и Северной Америкой? Экспедиция не смогла ответить на этот вопрос; однако она более точно определила очертания берегов Камчатки и относительно точно показала направление Курильской гряды. На основе инструментальной съёмки местности была составлена карта Сибири (1721), которая захватывала территорию Камчатки и всю северную часть Курильской гряды (до острова Симушир). После экспедиции Евреинов работал топографом в Вятке. Именем Евреинова назван пролив между островами Онекотан и Маканруши (Курилы).

[4] Лу́жин Фёдор Фёдорович (?–1727) — русский геодезист и картограф. Учился в школе математических и навигацких наук в Москве и в геодезическом классе Морской академии в Петербурге (до 1718 г.). В 1719–1721 гг. вместе с И.М. Евреиновым участвовал в картировании Камчатки и Курильских островов. В 1723–1724 годах проводил геодезические съёмки в Восточной Сибири; в 1725–1727 гг. участвовал в I-й Великой Сибирской (Камчатской) экспедиции В. Беринга; с отрядом М.П. Шпанберга совершил плавание по рр. Лене, Алдану, Мае.

пунктов Сибири и Камчатки и 14 островов Курильской гряды. [О результатах этой экспедиции Петру I было доложено в 1722 г. во время его пребывания в Казани].

Геодезисты, конечно, не обнаружили Америку вблизи Камчатки. Но Пётр I (не без влияния европейской картографии) продолжал верить, что ближайший путь из Азии к Америке идёт от полуострова Камчатка. Европейские картографы того времени изображали несуществующую «Северную землю» («Terra borealis»), простирающуюся от Северной Америки в сторону Камчатки. Иногда она изображалась соединённой с Америкой, иногда — отделённой мифическим «проливом Аниан». На карте Камчатки, изданной нюрнбергским картографом И.-Б. Хоманном в 1722 г., конец этой земли был показан рядом с восточным берегом полуострова. Пётр I поверил в реальное существование этой мифической земли и в 1724 г. поручил Витусу Берингу отыскать морской путь от Камчатки к Америке вдоль этой «земли, которая идёт на норд [север]», и заодно выяснить, где «та земля <…> сошлась с Америкою». Из этого и возникла идея организации I-й Камчатской экспедиции Беринга.

Именно эта задача и ставилась как главная перед морскими экспедициями И.М.Евреинова и Ф.Ф. Лужина (1719–1721), I-й Камчатской (1725–1730) и II-й Камчатской (Великой Сибирской, 1733–1743), которые возглавил капитан Витус Беринг[1].

Начало I-й Камчатской экспедиции положил указ Петра I от 23 декабря 1724 г. «О посылке Сибирской», изданный незадолго до смерти императора. В секретной инструкции российского императора Берингу предписывалось построить один или два корабля,

[1] Бéринг Ви́тус Йонассен /дат. Vitus Jonassen Bering; рус. Иван Иванович/ (1681–1741) — мореплаватель, офицер русского флота, капитан-командор. По происхождению датчанин, родился в датском городе Хорсенс, закончил кадетский корпус в 1703 г. в Амстердаме; в том же году, после путешествия в Ост-Индию, поступил на русскую службу в чине подпоручика и служил на российском Балтийском флоте в период Северной войны (1700–1721). В 1707 г. произведён в поручики. В 1710 г. переведён на Азовский флот, произведён в капитан-лейтенанты, командовал шнявой «Мункер». В 1710–1712 гг. в составе Азовской флотилии участвовал в войне с Турцией. В 1712 г. переведён на Балтийский флот; в 1715 г. произведён в капитаны 4-го ранга. Женившись на русской, Беринг в последний раз побывал на родине в 1715 г. и больше туда не возвращался. В 1716 г. командовал кораблём «Пёрл». В 1717 г. произведён в капитаны 3-го ранга. В 1719 г. командовал кораблём «Селафаил». В 1720 г. произведён в капитаны 2-го ранга, командовал кораблём «Мальбург», затем — кораблём «Лесное». В 1724 г. уволен по прошению со службы, а затем вновь принят на службу командиром «Селафаила» в чине капитана 1-го ранга. В 1725–1730 и 1733–1741 гг. руководил I-й и II-й Великими Сибирскими (Камчатскими) экспедициями. Прошёл по проливу между Чукоткой и Аляской (впоследствии Берингов пролив), достиг Северной Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды. Скончался 6 декабря 1742 г. во время зимовки на одном из Командорских островов (ныне — остров Беринга).

Первым из путешественников, подтвердившим точность исследований Беринга, стал знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук (1728–1779); именно он предложил дать имя Беринга проливу между Евразией и Северной Америкой. В 1874 г. представители Российско-Американской компании поставили деревянный крест примерно на том месте, где предположительно должна была находиться могила великого мореплавателя. Позднее местные исследователи установили нынешний памятник — два наложенных друг на друга каменных прямоугольника, покрытых сверху чугунной плитой. Надгробие венчает железный крест высотой 3,5 м.

В 1991 г. отмечалось 250-летие плавания Беринга и Чирикова к северо-западному побережью Америки, и Международное общество «Подводный мир» совместно с Институтом археологии Российской (советской) академии наук организовали экспедицию на остров Беринга с привлечением датских исследователей. Одновременно был сформирован подводно-археологический отряд. Основными задачами экспедиции стало комплексное изучение и сохранение историко-культурного наследия Командорских островов, поиск могилы Беринга, подводно-археологические работы по обнаружению якорей пакетбота «Святой Пётр» в бухте Командор. Экспедиция обнаружила могилы Витуса Беринга и ещё пятерых моряков. Останки перевезли в Москву, где их исследовали судебные медики, которым удалось реконструировать внешность Беринга. Как установили датские историки, канонический портрет командора Витуса Беринга, публикуемый во всех учебниках и справочниках, на самом деле принадлежит его родному дяде — полному тёзке мореплавателя. Долгое время считалось, что Беринг умер от цинги. Однако на зубах Беринга не было обнаружено следов цинги, что позволило сделать предположение о том, что Беринг умер от какой-то иной болезни.

Именем Беринга названы остров, пролив и море на севере Тихого океана, а также Командорские острова. В палеонтологии и археологии северо-восточную часть Сибири, Чукотку и Аляску (которые, как сейчас считается, соединялись ранее полоской суши) часто называют общим термином — Берингия.

направиться вдоль побережья и попытаться отыскать перешеек или пролив между Азией и Северной Америкой, а затем спуститься вдоль североамериканского побережья на юг.

Важную роль в организации и ходе обеих экспедиций играли помощники Беринга — лейтенанты А.И. Чириков[1] и М.П. Шпанберг[2], гардемарин (позднее мичман) П.А. Чаплин.

Состав I-й Камчатской экспедиции добирался из Петербурга до Охотска два года (январь 1725 г. – январь 1727 г.) по территории Сибири, на лошадях, пешим ходом и на речных судах. Перезимовав в Охотске, экспедиция переправила снаряжение на лодках и собачьих упряжках к устью реки Камчатка на восточном побережье полуострова, где к лету 1728 г. было закончено строительство бота «Святой Гавриил». В июле–августе 1728 г. судно поднялось на север, а затем взяло курс на северо-восток вдоль побережья материка. В ходе плавания были выявлены Карагинский залив с островом, залив Креста, бухта Провидения, Анадырский залив и остров Святого Лаврентия.

Тем самым экспедиция вышла через пролив (Берингов) в Чукотское море (при этом побережье Северной Америки обнаружено не было), после чего повернула обратно, поскольку Беринг посчитал задание выполненным: было доказано, что азиатское и североамериканское побережья не соединяются. В 1729 г. Беринг обогнул Камчатку с юга, пересёк Камчатский залив и Авачинскую губу и через Охотск по суше, через территорию всей России, вернулся в 1730 г. назад в Петербург.

Таким образом, за два года плаваний (1728–1729) первая в России морская научная экспедиция впервые произвела инструментальную съёмку западного побережья моря (на протяжении более чем 3500 км), которому впоследствии будет присвоено имя Беринга. В ходе своего первого плавания Беринг завершил географическое открытие северо-восточного побережья Азии, а картами его экспедиции позднее пользовались все европейские картографы при изображении территории Северо-Восточной Азии.

Вернувшись в Петербург в 1730 г., Витус Беринг представил докладные записки, в которых выказал уверенность в сравнительной близости Америки к Камчатке и в целесообразности завязывания торговли с жителями североамериканского континента. Дважды проехав через всю Сибирь, он был убеждён в том, что здесь можно добывать железную руду, соль и выращивать хлеб. Беринг выдвинул дальнейшие планы исследования

[1] Чи́риков Алексей Ильич (1703–1748) — русский мореплаватель, выпускник Петербургской морской академии (1721). В 1728 г. на пакетботе «Св. Гавриил» совершил плавание от устья реки Камчатки в Северный Ледовитый океан через пролив, получивший позднее название Берингова. Прислушайся В.-И. Беринг к мнению своего помощника, итоги этого морского похода были бы более значительными. Внёс неоценимый вклад в деятельность Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. Во время исторического плавания в 1741 г. на пакетботе «Св. Павел» описал северо-западный берег Америки, открыл ряд островов Алеутской гряды. В июне 1742 г. достиг о. Атха /Атга, Атта/. Представил президенту Адмиралтейств-коллегии, адмиралу (с 1733 г.), графу Н.Ф.Головину (?–1745) рапорт, в котором настаивал на продолжении исследований северо-западного побережья Америки и Алеутских островов, но не был поддержан в Петербурге. По возвращении в Петербург в 1746 г. был назначен директором Морской академии. По мнению М.В. Ломоносова, Чириков являлся главным деятелем II-й Камчатской экспедиции. Итоговые карты Камчатской экспедиции были составлены группой офицеров под руководством Чирикова! Его имя увековечено в названиях острова в заливе Аляска, мыса на о. Атха /Атта/ (Алеутская гряда). [Берх В.Н. Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории Российского флота. Ч. 2. СПб., 1833; Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М.; Л., 1946; Берг Л.С. Великие русские путешественники. М.; Л., 1950; Лебедев Д.М. Плавание А.И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки. М., 1951; Дивин В.А. Великий русский мореплаватель А.И.Чириков. М., 1953].

[2] Шпа́нберг Мартын Петрович (?–1761) — русский мореплаватель, выходец из Дании, участник I-й и II-й Камчатских экспедиций. Руководил доставкой грузов из Якутска в Охотск, дважды плавал из Охотска в Большерецк на Камчатке, находился на боте «Св. Гавриил» во время плавания в Северный Ледовитый океан в 1728 году. В период Сибирско-Тихоокеанской экспедиции руководил отрядом, обследовавшим и нанесшим на карту Курильские острова. Описал ряд островов Курильской гряды, один из которых назван его именем. Проложил морской путь в Японию. Отличался жёсткостью и грубостью в общении; за самовольный отъезд из Сибири был разжалован в поручики (1745), в 1749 г. вновь попал под суд. В 1751 г. был произведён в капитаны I-го ранга. [Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1940; Экспедиция Беринга. Сборник документов. М., 1941; Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950; Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950].

северо-восточного побережья российской Азии, разведки морского пути к устью Амура и Японским островам и, конечно, к берегам Северной Америки.

[Итоги I-й Камчатской экспедиции представлены в «Донесении» и «Предложениях» Беринга, «Журнале бытности в Камчатской экспедиции» П.А. Чаплина и путевом журнале А.И. Чирикова. Составленные карты содержали известия об этнографии Северо-Восточной Азии того времени: сведения о материальной культуре и религии якутов, тунгусов (эвенков), самоедов, эвенов (ламутов), коряков, чукчей, ительменов (камчадалов), русского населения Камчатки; зарисовки типичных представителей коренных этносов этой части Сибири].

В 1733 г. Беринг возглавил II-ю Камчатскую (Великую Сибирскую) экспедицию. Витусу Берингу и Алексею Чирикову предписывалось от Камчатки направиться к берегам Северной Америки для исследования её побережья. Мартыну Шпанбергу поручалось завершить картографирование Курильских островов и найти морской путь к Японии. Одновременно несколько других морских отрядов должны были нанести на карты северное и северо-восточное побережье России от Печоры до Чукотки.

В начале 1734 г. Беринг выехал из Тобольска в Якутск, где провёл три года, занимаясь заготовкой продовольствия и снаряжения для экспедиции. И здесь, и позднее, в Охотске, ему приходилось преодолевать бездействие и сопротивление местных властей, не желавших помогать в организации экспедиции. В состав II-й Камчатской экспедиции был определён (1734) Арсений /в миру — Александр Иванович/ Мацеевич (1697–1772), позднее сибирский /тобольский/ (1741–1742) и ростовский (1742–1763) епископ в сане митрополита, осуждённый (1763) при Екатерине II за протест против секуляризации монастырских земель и впоследствии канонизированный как мученик (2000). [В экспедиции Арсений не участвовал, так как в 1737 г. был уволен с флотской службы по состоянию здоровья].

В сентябре 1740 г. пакетботы «Святой Пётр» (командир Беринг) и «Святой Павел» (командир Чириков) вышли из Охотска и направились к восточному побережью Камчатки. В районе Авачинской губы экспедиция перезимовала в бухте, названной Петропавловской в честь судов экспедиции. Здесь было заложено поселение, с которого начала свою историю столица Камчатки — город Петропавловск-на-Камчатке. После зимовки в Авачинской губе экспедиция в начале июня 1741 г. направилась на восток.

20 июня 1741 г. корабли, в условиях шторма и густого тумана, потеряли друг друга и более не встречались. После нескольких дней бесплодных попыток соединиться мореплавателям пришлось продолжать путь поодиночке.

16 июля 1741 г., через 1½ суток после Чирикова, третьим из русских кораблей судно Беринга «Святой Пётр» достигло побережья Аляски на широте 58°14' в районе горы Святого Ильи. После высадки 20 июля 1741 г. на о. Каяк пакетбот Беринга повернул обратно к берегам Камчатки, следуя вдоль южного берега Аляски и Алеутской гряды. На обратном пути были открыты остров Кадьяк, Евдокеевские и Шумагинские острова, острова Святого Иоанна (Атха, Атта), Святого Маркиана (Кыска) и Святого Стефана (Булдырь).

5 ноября 1741 г. пакетбот «Святой Пётр» зашёл для пополнения запасов воды на остров, впоследствии названный островом Беринга, где 28 ноября того же года сильным ветром был выброшен на берег. В тяжелых условиях вынужденной зимовки умерли 19 человек (предположительно от цинги), а 6 декабря 1741 г. скончался и Витус Беринг. Командование принял штурман лейтенант Свен Ваксель[1]. Весной 1742 г. оставшиеся в

[1] Ва́ксель Свен Ларссон /швед. Sven Larsson Waxell, рус. Савелий Лаврентьевич/ (1701–1762) — офицер русского флота, капитан 1-го ранга; участник морского похода В. Беринга во II-й Камчатской экспедиции. Швед по происхождению. В 1724 г. поступил на русскую службу во флот волонтёром; с 1726 г. — штурман. В 1733 г. назначен в морской отряд Беринга лейтенантом на пакетбот «Святой Пётр» с исполнением обязанностей штурмана. В 1741 г. Беринг назначил Вакселя старшим офицером корабля «Св. Пётр». В ноябре 1741 г., после смерти Беринга, принял командование экипажем. В августе 1742 г. Ваксель и оставшиеся в живых члены экипажа закончили строительство гукора «Св. Пётр» и возвратились на Камчатку. После возвращения в Петербург Ваксель передал в Адмиралтейств-коллегию отчёт (рапорт) и карту плаваний корабля Беринга. В 1744–1748 гг. — в Енисейске. В 1751–1761 гг. — служил на Балтийском флоте; с 1755 г. — капитан 1-го ранга. Именем Вакселя назван мыс в заливе Фаддея в море Лаптевых и мыс на острове Беринга (Командорские

живых 46 (из 75) членов экипажа сумели построить из обломков пакетбота гукóр (также названный «Святой Пётр») и в августе 1742 г., преодолев 250 км, достигли Авачинской губы.

Здесь необходимо отметить, что и корабль А.И. Чирикова «Святой Павел» не был первым европейским (русским) судном, достигшим северо-западных берегов Северной Америки (Аляски). Первым русским судном, подошедшим к берегу Северной Америки (Аляски) 21 августа 1732 г., был бот «Святой Гавриил» под командованием геодезиста М.С. Гвоздёва[1] и подштурмана И. Фёдорова[2]. Этот поход был осуществлён в ходе экспедиции (1729–1735) А.Ф. Шестакова[3] и Д.И. Павлуцкого[4], действовавшей одновременно с I-й Камчатской экспедицией Беринга. [Сохранились отрывочные сведения о посещении русскими Северной Америки ещё в XVII веке].

II-я Камчатская экспедиция (1733–1743) получила в историографии наименования «Великой Сибирской», «Великой Северной», «Сибирско-Тихоокеанской», которые впоследствие стали распространяться и на название I-й экспедиции (1725–1730) под руководством Беринга. Такие наименования она получила вследствие того, что экспедиция Беринга была лишь одним из шести русских морских отрядов, исследовавших северное и восточное побережье Евразии в рассматриваемое десятилетие XVIII века.

Помимо отряда Беринга-Чирикова в состав II-й Великой Северной экспедиции входило ещё пять морских отрядов: Двинско-Обский, Обско-Енисейский, Ленско-Енисейский, Ленско-Колымский, Южный. С целью описания побережья Северного Ледовитого океана и в поисках ответа на вопрос, возможен ли проход Северным морским

острова). Автор воспоминаний на немецком языке (СПб., 1758). [Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Пер. с рукоп. на нем. яз. Ю.И. Бронштейна; Под ред. и с предисл. А.И. Андреева. М., 1940].

[1] Гвóздев Михаил Спиридонович (точные годы жизни неизвестны) — выпускник Московской славяно-греко-латинской академии (1719) и Морской академии (1721). В 1732 г. на боте «Св. Гавриил», которым командовал И. Фёдоров, ходил по маршруту Камчатка (Большерецк) — мыс Дежнёва — острова Ратманова и Крузенштерна — мыс Принца Уэльского — остров Кинг (Укивок) — Камчатка, подтвердив наличие пролива между Азией и Америкой. Фёдоров и Гвоздев были первыми европейцами, побывавшими у берегов Северо-Западной Америки. В 1741 г. М.С. Гвоздев вместе с А.Б. Шельтингом плавал по курсу Большерецк — Шантарские острова — устье Уды — Шантарские острова — Большерецк, а в 1742 г. — у побережья Сахалина. Именем Гвоздева назван мыс на Сахалине. [Соколов А.П. Первый поход русских к Америке 1732 г. // Записки Гидрографического департамента. 1851. Ч. 9; Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М.; Л., 1946; Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950; Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950].

[2] Фёдоров Иван (?–1733) — подштурман, первооткрыватель Аляски, участник экспедиции Шестакова–Павлуцкого. Под командованием Я. Генса совершил плавание из Большерецка в Нижнекамчатск (1731). В 1732 году из-за болезни Генса возглавил морской отряд экспедиции Д.И. Павлуцкого. На пакетботе «Св. Гавриил» моряки побывали у мыса Дежнёва; обследовали острова Ратманова и Крузенштерна, выполнили первую картографическую съемку американского побережья Берингова пролива. Фёдоров был первым мореплавателем, достигшим северо-западного побережья Америки и видевшим противоположные берега Берингова пролива. Среди участников похода находился известный геодезист М.С. Гвоздев. Но ни Д.И. Павлуцкий, ни Охотская канцелярия не придали донесениям Фёдорова и Гвоздева должного значения. [Первый поход русских к Америке 1732 года // Записки Гидрографического департамента». 1851. Ч. 9; Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725–1742. М.; Л., 1946; Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971].

[3] Шестакóв Афанасий Федотович (?–1730) — якутский казачий голова; предложил правительству свои услуги для «открытия новых землиц и приведения в подданство новых народов». На карте Шестакова, доставленной в Петербург в 1726 г., показана «Большая Земля» напротив устья Колымы. Был назначен «главным командиром Северо-Восточного края» и руководителем экспедиции, действовавшей параллельно с I-й экспедицией В. Беринга. Погиб в марте 1730 г. на р. Эгаче, недалеко от р. Пенжины.

[4] Павлýцкий Дмитрий Иванович (?–1747) — капитан драгунского Тобольского полка. Вместе с А.Ф.Шестаковым руководил экспедицией по обследованию и закреплению за Россией новых земель в Восточном (Тихом) океане. В 1731 г. предпринял поход из Анадырского острога на север Чукотки, в результате которого были получены сведения о географии этого полуострова, а также о земле, лежащей на широте 64° («Большой Земле», Аляске). В 1744 г. прошёл с командой из Нижнеколымского острога в Анадырь, побывал в Мечигменском и Колючинском заливах; в 1746 г. — на реке Чаун. В 1747 г. погиб в стычке с чукчами. Плавания Гвоздева–Фёдорова и Я. Генса были совершены по указанию Павлуцкого. [Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Л., 1935; Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М, 1956].

путём (из Архангельска до Камчатки), морские отряды II-й Великой Сибирской экспедиции спускались вниз по течению крупных рек Сибири до Северного Ледовитого океана, а затем следовали на восток или на запад, осуществляя промеры глубин и картирование, составляя географические описи побережья океана и впадающих в него рек.

Первым начал свою деятельность самый западный морской отряд экспедиции — Двинско-Обский, подчинявшийся непосредственно Адмиралтейств-коллегии. Ему предстояло описать давно освоенный поморами участок арктического побережья России и отыскать морской проход к Оби. В июле 1734 г. отряд вышел из Архангельска на кочах «Экспедицион» и «Обь» под командой С.В. Муравьёва и М.С. Павлова. В течение двух лет отряд не смог продвинуться на восток далее острова Белый в Карском море, поэтому решением Адмиралтейств-коллегии Муравьёв и Павлов были отстранены от руководства, а отряд возглавил С.Г. Малыгин[1].

В 1736 г., выйдя из устья Печоры и дождавшись у о. Долгого направленные из Архангельска ему на помощь два бота под командой А. Скуратова[2] и И. Сухотина, экспедиция Малыгина в составе двух ботов и коча «Экспедицион» сумела достичь лишь западного побережья Ямала. Малыгин дошёл до устья р. Кары (Байдарацкая губа Карского моря) и из-за сплошного льда был вынужден возвратиться на зимовку.

В июле 1737 г. Двинско-Обский отряд вновь вышел в плавание, обогнул Ямал и в августе того же года достиг прохода в Обскую губу из пролива между полуостровом Ямал и островом Белый (ныне пролив Малыгина). Поднявшись по Оби, корабли Малыгина в начале октября 1737 г. прибыли в Березов. В результате шестилетней деятельности отряда были составлены карты юго-восточной части Баренцева моря и приобской части Карского моря.

Обско-Енисейский морской отряд Великой Северной экспедиции, в задачу которого входило исследование берега между реками Обь и Енисей, первоначально состоял только из одного судна. В январе 1734 г. в Тобольске был построен 24-вёсельный дубель-шлюп «Тобол», который под командованием поручика Д.Л. Овцына[3] в мае того же года вышел в

---

[1] Малы́гин Степан Гаврилович (?–1764) — русский мореплаватель, исследователь Арктики. Выпускник Московской школы математических и навигацких наук. Службу начал в 1717 г. на Балтийском флоте в звании гардемарина. В 1736 г. назначен начальником одного из отрядов II-й Сибирской экспедиции, заменив на этом посту С.В. Муравьёва. Результатом его плаваний (1736–1737) явилось описание побережья Северного Ледовитого океана от пролива Югорский Шар до устья Оби. Прибыв в Березов в 1737 г., Малыгин, передав командование А. Скуратову, отправился в Петербург с докладом. С 1762 г. — капитан-командор, начальник адмиралтейской конторы в Казани. Именем Малыгина названы пролив между полуостровом Ямал и островом Белый в Карском море, мыс на острове Белом.

[2] Скура́тов Алексей (точные годы жизни неизвестны) — русский мореплаватель, лейтенант, участник плаваний С.Г. Малыгина (1736–1737) вокруг Ямала и вверх по Оби до Березова. После отзыва Малыгина принял на себя командование морским отрядом. В 1738/39 г. зимовал на реке Каре. В 1740 г. вернулся в Петербург. По заданию Адмиралтейств-коллегии составил общую карту побережья Северного Ледовитого океана от Архангельска до устья Оби.

[3] Овцын Дмитрий Леонтьевич (точные годы жизни неизвестны) — русский мореплаватель, руководитель Обско-Енисейского морского отряда II-й Сибирской экспедиции. В 1737 г. во главе отряда прошёл от устья Оби к устью Енисея, описав находящуюся между ними часть побережья Северного Ледовитого океана. Описи и карты Овцына (как и других русских мореплавателей в этом районе) — первые научные данные об особенностях Обской губы (глубинах, грунте и др.).

В 1738 г., возвращаясь с докладом в Петербург, был арестован в Тобольске и препровождён в Тайную (розыскных дел) канцелярию. Ему было предъявлено обвинение в дружеском общении в Березове с сосланным туда князем И.А. Долгоруковым (1708–1739) и его семьёй. [Сестра князя — княжна Екатерина (невеста императора Петра II) — пожаловалась поручику Овцыну, другу своего брата, на грубые приставания местного таможенника подьячего Тишина. Овцын жестоко избил Тишина, который в отместку подал донос сибирскому губернатору по поводу неосторожных высказываний князя Ивана. По итогам следствия «с пристрастием» (с пыткой) в Тобольске И.А. Долгоруков был признан виновным и колесован на Скудельничьем поле (в версте от Новгорода); главный надзиратель за Долгоруковыми, пристав, майор Петров был обезглавлен. Остальные обвиняемые (18 человек) были биты кнутом и разосланы по дальним городам или записаны в солдаты].

В 1741 г. Овцын, разжалованный в матросы, принимал участие в плавании Беринга к берегам Америки. За этот поход был произведён в лейтенанты. По распоряжению Адмиралтейств-коллегии в 1745–1746 годах принимал участие в составлении Генеральной карты, подводившей итоги Великих Сибирских

море. Первые выходы «Тобола» в море (1734–1736) были короткими, так как из-за мощных льдов в Обской губе приходилось быстро возвращаться обратно в Тобольск.

По приказу Адмиралтейств-коллегии было построено новое экспедиционное судно — бот «Обь-Почтальон», который в июне 1737 г. прибыл в Обдорск, где зимовал отряд Овцына. Овцын стал командиром нового судна, и в августе 1737 г. на двух кораблях по свободному ото льдов морю отряду удалось достичь Енисейского залива, выполнив поставленную задачу. Следуя инструкции Адмиралтейств-коллегии, в 1738 г. Овцын передал бот «Обь-Почтальон» под командование штурману Ф.А. Минину и поручил последнему составить опись берегов от Енисейского залива до реки Хатанга вокруг полуострова Таймыр. В конце июля 1738 г. Ф.А. Минин со своим помощником подштурманом Д.В. Стерлеговым вышел в море и 16 августа того же года достиг мыса, расположенного на 73°29' с.ш., после чего возвратился на место зимовки.

Летняя кампания 1739 г. была задержана по вине местной администрации и не принесла заметных результатов. По приказу Минина в январе 1740 г. Стерлегов отправился в сухопутную экспедицию на восток от Енисея. Ему удалось пройти на северо-восток от реки Пясина и описать побережье от мыса Северо-Восточный до 75°29' с.ш. В 1740 и 1742 гг. Минин на боте «Обь-Почтальон» пытался пройти к устью Хатанги, но сплошные льды воспрепятствовали этому. В 1743 г. деятельность Обско-Енисейского отряда была свёрнута.

Ленско-Енисейский (Ленско-Хатангский, Западно-Ленский) морской отряд начал свою деятельность в 1735 г., когда в Якутске был построен дубель-шлюп «Якутск». Летом 1735 г. дубель-шлюп «Якутск» под командованием начальника Ленско-Енисейского отряда II-й Сибирской экспедиции лейтенанта В.В. Прончищева[1] спустился по Лене (из Якутска), обогнул её дельту и взял курс на запад вдоль побережья Северного Ледовитого океана. В конце августе того же года корабль вошёл в устье р. Оленёк, где встал на зимовку из-за обнаруженной течи. После зимовки в августе 1736 г. «Якутск» достиг Хатангского залива, а затем направился вдоль восточного побережья полуострова Таймыр на север, достигнув мыса, впоследствии получившего имя Прончищева и самой северной точки своего маршрута (77°29' с.ш.). На обратном пути 29 августа 1736 г. Прончищев умер, а 2 сентября того же года «Якутск» вошёл в устье реки Оленёк, где через несколько дней скончалась и жена Прончищева, Татьяна — первая полярная путешественница.

В результате экспедиции (1735–1736) В.В. Прончищева была произведена первая инструментальная съёмка р. Лены (от Якутска до устья) и морского берега на запад от её устья до Таймыра. Во время его плавания были открыты острова Петра и восточная группа островов Самуила (ныне «Комсомольской правды») у северо-восточных берегов полуострова Таймыр.

В декабре 1737 г. Адмиралтейство назначило новым руководителем Ленско-Енисейского морского отряда Х.П. Лаптева[2]. Главной задачей отряда по-прежнему являлось

экспедиций. Именем Овцына названы мыс на полуострове Таймыр и пролив между островами Оленьим и Сибирякова.

[1] Про́нчищев Василий Васильевич (1702–1736) — русский мореплаватель. Обучался морскому делу с 13-ти лет, окончил Навигацкую школу и Морскую академию, служил на Балтийском флоте. С 1733 г. — лейтенант и начальник Ленско-Енисейского отряда II-й Великой Сибирской (Камчатской) экспедиции по описанию берега Северного Ледовитого океана от устья Лены до устья Енисея. Погиб в 1736 г., возвращаясь из своей экспедиции (1735–1736). В плаваниях Прончищева участвовала его жена Татьяна Фёдоровна (1713–1736) — первая полярная путешественница.

[2] Ла́птев Харитон Прокофьевич (?–1763) — русский мореплаватель, исследователь Арктики, участник II-й Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции, двоюродный брат Д.Я. Лаптева. В 1718 г. начал службу на флоте гардемарином. В декабре 1737 г. назначен начальником одного из отрядов Великой Северной экспедиции (вместо погибшего В.В. Прончищева). В 1743 г. возвратился в Петербург, продолжал службу на Балтийском флоте (с 1762 г. — обер-штер-кригс-комиссар). Донесения и отчёты Х.П. Лаптева 1739–1743 гг. — ценный источник о ходе работ северного отряда Великой Северной экспедиции, о гидрографии побережья полуострова Таймыр. В личных записках Х. Лаптева, изданных в 1851 г., приведено этнографическое и хозяйственное описание коренных народов полуострова Таймыр. [Берег между Лены и Енисея // Записки Гидрографического департамента. 1851. Ч. 9]. Имя Х. Лаптева увековечено в названиях морского побережья на

исследование побережья океана от устья Лены до устья Енисея. В июне 1739 г. «Якутск» под командованием Х.П. Лаптева двинулся из устья Лены на северо-запад к острову Бегичева, а затем вдоль восточного берега полуострова Таймыр. Достигнув 22 августа 1739 г. широты 76°47', судно повернуло назад и встало на зимовку на Хатанге.

Летняя кампания 1740 г. длилась всего месяц и закончилась, когда дубель-шлюп «Якутск» был раздавлен льдами. Затем отряд сухопутным путём добрался до места последней зимовки. Получив разрешение Адмиралтейств-коллегии, Х.П. Лаптев разделил отряд на три партии и начал описание берегов Таймыра с суши. При участии С.И.Челюскина, Н. Чекина и Г. Медведева с суши была произведена съёмка полуострова Таймыр от устья р. Хатанга до устья р. Пясина. Также были открыты и описаны близлежащие к Таймыру острова.

Группе Челюскина удалось достигнуть самой северной точки Евразии. Весной 1741 г. С.И. Челюскин[1] прошёл по суше от р. Хатанги до р. Пясины и составил описание западного побережья полуострова Таймыр до мыса Стерлегова. Зимой 1741–1742 гг. он проехал на собачьих упряжках из Туруханска до устья Хатанги, затем составил описание всего восточного побережья Таймыра до самой северной точки материка, названной его именем (мыс Челюскин), и части западного побережья полуострова до 77°42' с.ш.

Ленско-Колымский (Ленско-Анадырский, Восточно-Ленский) морской отряд начал свою деятельность, как и Ленско-Енисейский отряд, в 1735 г. в Якутске. Тогда в Якутске для отряда был построен дубель-шлюп «Иркутск». В 1735 г., поднявшись до устья Лены вместе с дубель-шлюпом «Якутск» Ленско-Енисейского отряда, в августе того же года «Иркутск» достиг реки Хараулах, где встал на зимовку. В ходе зимовки от цинги скончалось 37 членов экипажа и командир отряда П. Лассиниус; ремонта требовал и сам шлюп «Иркутск».

Новый начальник Ленско-Колымского морского отряда Великой Северной (II-й Камчатской) экспедиции Д.Я. Лаптев[2] прибыл к месту зимовки в августе 1736 г. и начал

полуострове Таймыр, двух мысов на острове Махоткина и мыса на полуострове Челюскина, а также одного из морей Северного Ледовитого океана (море Лаптевых). [Луцкий С.Л. Д.Я. и Х.П. Лаптевы // Люди русской науки. Т. 1. М.; Л., 1948; Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954; Беляева П.И. Некоторые новые данные о картах, составленных экспедицией В.В. Прончищева и Х.П. Лаптева (1733–1743) // Труды ИИЕТ АН СССР. 1959. Т. 27; Греков В.И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960; Троицкий В.А. Географические открытия В.В.Прончищева, Х.П. Лаптева и С.И. Челюскина на Таймыре // Летопись Севера. Вып. 7. М., 1975].

[1] Челю́скин Семён Иванович (точные годы жизни неизвестны) — русский мореплаватель, исследователь Арктики, участник II-й Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции, капитан 3-го ранга. Из старинного дворянского рода. Учился в Математико-навигацкой школе и Петербургской морской академии. На флоте — с 1726 г. в звании подштурмана, в 1733 г. произведён в штурманы и назначен в Великую Северную экспедицию, в составе которой он оставался до 1742 года. Сначала находился в отряде В.В. Прончищева, после гибели которого принял командование судном; затем в отряде Х. Лаптева. Участвовал в исследовании побережья Северного Ледовитого океана от устья Лены до Енисея. В 1741–1742 гг. совершил два самостоятельных сухопутных путешествия по полуострову Таймыр. Уволился с Балтийского флота в 1760 году. Оставил описание большей части побережья Таймыра (1742), опубликованное в 1851 г. в Петербурге. [Северовосточный мыс, 1742 // Записки гидрографического департамента Морского министерства. Т. 9. СПб., 1851]. (Осипов К. С.И. Челюскин. М., 1951; Яников Г.В. Великая северная экспедиция. М., 1949).

[2] Ла́птев Дмитрий Яковлевич (точные годы жизни неизвестны) — русский мореплаватель, исследователь Арктики, участник II-й Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции. Начал службу на флоте в 1718 г. гардемарином. В 1736 г. — начальник одного из отрядов Сибирско-Тихоокеанской экспедиции. В 1743 году возвратился в Петербург, служил на Балтийском флоте, с 1757 г. — контр-адмирал, в 1762 г. вышел в отставку в чине вице-адмирала. Его донесения и отчёты — ценный источник по истории Великой Северной экспедиции; содержат этнографическое, историческое и хозяйственное описание коренных народов Северо-Восточной Азии. Карты, составленные Д.Я. Лаптевым, впоследствии были высоко оценены русским мореплавателем, адмиралом Ф.П. Врангелем (1796–1870). Именем Д. Лаптева названы одно из морей Северного Ледовитого океана (также и в честь Х.П. Лаптева; бывшее море Норденшельда), пролив между материком и Большим Ляховским островом, мыс на побережье дельты Лены. [Яников Г.В. Великая Северная экспедиция. М., 1949; Русские мореплаватели. М., 1953; Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М, 1954; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956; Белов М.И. Путь через Ледовитый океан. М., 1963].

подготовку к новому походу. Однако «Иркутск» сумел выйти в Восточно-Сибирское море в тяжёлых лёдовых условиях только в июне 1739 г.; при попутном ветре быстро продвинувшись на восток, шлюп в конце августа 1739 г. достиг устья реки Индигирки, где встал на зимовку. В 1740–1741 гг. Д.Я. Лаптев предпринял две безуспешные попытки пробиться сквозь сплошные льды на восток к Чукотке, но сумел достичь только мыса Баранов Камень (Большой Баранов), расположенного к востоку от устья Колымы. Летом 1742 г. отряд Д.Я. Лаптева вёл работы в бассейне реки Анадырь, затем его деятельность была свёрнута.

По итогам экспедиций (1739–1742) Д.Я. Лаптева была осуществлена съёмка значительной части берега океана от устья Лены до мыса Большой Баранов (к востоку от устья Колымы), рек этого побережья, бассейна и устья рек Большой Анюн и Анадырь, а также сухопутного пути от Анадырского острога до Пенжинской губы.

Основная цель Южного (Тихоокеанского, Охотского) морского отряда Сибирско-Тихоокеанской (Великой Северной) экспедиции заключалась в прокладке морского торгового пути в Японию. Также в задачи экспедиции входило описание побережья Охотского моря, берегов Сахалина и Курильских островов.

Летом 1738 г. Южный морской отряд под командованием капитана М.П. Шпанберга на трёх судах — бригантине «Архангел Михаил» (командир Шпанберг), дубель-шлюпе «Надежда» (лейтенант В. Вальтон) и боте «Святой Гавриил» (мичман А.Е. Шельтинг) — отправился к берегам Японии. В густом тумане суда потеряли друг друга, и дальнейшее плавание продолжили по отдельности. Шпанберг на «Архангеле Михаиле» прошёл вдоль Курильской гряды, но из-за плохой погоды и недостатка продовольствия вернулся в Большерецк.

В мае 1739 г. Южный отряд, пополненный шлюпом «Большерецк», вновь вышел в море и достиг Курильских островов. В июне 1739 г. русские мореплаватели впервые увидели северо-восточный берег острова Хонсю и направились на юг. Первая встреча с японцами состоялась 22 июня 1739 года. «Архангел Михаил» вновь подошёл к берегам Японии у острова Хоккайдо 24 июня 1739 г., а затем направился в обратный путь.

Лейтенант В. Вальтон, командовавший в этом плавании ботом «Святой Гавриил», отстал от Шпанберга и 16 июня 1739 г. подошёл к острову Хонсю, где 19 июня русские высадились на него; через несколько дней, 24 июля 1739 г., «Святой Гавриил» лёг на обратный курс.

В 1741 г. мичман А.Е. Шельтинг и геодезист М.С. Гвоздев на дубель-шлюпе «Надежда», выполняя приказ М.П. Шпанберга, составили описание реки Уды и прилегающей к её устью части Охотского побережья. В 1742 г. суда Южного отряда занимались описями берегов Курильских островов, совершали плавания вдоль берегов Сахалина и предприняли первые попытки по поиску устья Амура. В 1743 г. деятельность Южного отряда была свёрнута. В результате его экспедиций был проложен морской путь в Японию, нанесены на карту и детально описаны как северные, так и южные острова Курильского архипелага.

Параллельно с морскими отрядами Великой Северной экспедици также действовал её сухопутный (академический) отряд, занимавшийся комплексным изучением внутренних районов Сибири. В академический отряд II-й Камчатской (Великой Сибирской) экспедиции входили профессора (историк Г.-Ф. Миллер, натуралист И.Г. Гмелин, астроном И.-Н. Делиль де ла Кройер), адъюнкты (И.-Э. Фишер, Г.В. Стеллер), геодезисты, переводчики, художники и студенты (С.П. Крашенинников и др.).

Одним из направлений сухопутных академических исследований стало изучение коренных народов Сибири, для чего была составлена специальная программа историко-этнографических наблюдений. Учёных интересовали хозяйственный быт, обычаи, верования, одежда, средства передвижения и т.п. Согласно отдельным пунктам инструкции надлежало выяснить «основательность» деления эвенков (тунгусов) «на оленных, конных и собачьих», а коряков — «на оленных и сидячих». Необходимо было уточнить, участвовала ли женская

половина юкагиров, коряков, чукчей в охоте; как и почему наносились эвенками татуировки на лица; каковы были способы защиты от гнуса (при этом упоминались «горшки с дымом», которые носили на спине «лесные тунгусы»).

Инструкция Академии наук 1740 г. предусматривала и описание каждого коренного народа Сибири по отдельности. Особое значение придавалось сбору историко-этнографических данных для установления сходства и различий сибирских этносов.

Также были разработаны положения об «Обсервациях астрономических, географических и физических», о «Гидромерных, маятниковых, барометрических наблюдениях», исследованиях в области «истории натуральной», ряд инструкций для изучения Камчатки.

В ходе II-й Великой Сибирской экспедиции была проведена целенаправленная работа по выявлению документов по истории и географии Сибири в Томском, Енисейском, Мангазейском, Иркутском, Илимском и Якутском архивах.

Материалы архива Якутска послужили одним из источников при написании Герардом Фридрихом Миллером (1705–1783)[1] трудов «Географическое описание Земли Камчатки» и «Известия о северном ходе из устья Лены реки для проведывания восточных земель». По его инициативе Якутская воеводская канцелярия составила историко-географическое описание Якутского уезда (1730-е).

В результате поездок Г.-Ф. Миллера по Якутии была выполнена «Карта, представляющая реку Лену с впадающими в оную реками» и составлены описания его путешествий на Оленёк, Олёкму, Кемпендяй, Витим, содержащие сведения о географии, флоре, фауне, природных богатствах, промыслах края. Сохранились рукописи Миллера, представляющие собой черновые фрагменты его незавершенной работы по этнографии народов Сибири («Известия о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгузах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, кайгинцах, татарах и об обычаях разных сих народов»). В 1755 г. Миллер закончил «Известие о торгах сибирских» — первый социально-экономический очерк о хозяйственной специализации отдельных территорий Сибири, об их связях с центральными районами России.

Обширный материал о флоре, фауне и полезных ископаемых северо-восточной части Сибири собрал И.-Г. Гмелин[2]. В его труд «Путешествие по Сибири», впервые

---

[1] Ми́ллер Герард Фридрих (1705–1783) — немецко-российский учёный (историк, археограф, этнограф, археолог, географ, филолог, картограф), академик Петербургской академии наук; один из родоначальников норманнской теории. Родился в г. Герфорде (Вестфалия, Германия), учился в Лейпцигском университете. В Россию приехал в 20-летнем возрасте при приглашённом в Петербург в Академию наук профессоре И.-Х. Коле. Впоследствии Миллер стал конференц-секретарём Академии, с 1731 г. — академик. Ему принадлежит идея создания «Собрания материалов по русской истории». Фактически именно он являлся инициатором изучения коренных народов Сибири, поскольку первоначально задачи II-й Камчатской экспедиции (1733–1743) не предполагали исследований в этой области. Главный итог исторической части экспедиционных исследований Миллера — труд «История Сибири» и статьи «Общая география Сибири», «Описание торгов, происходящих в Сибири», «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морям». После экспедиции Миллер возглавил в Академии наук Географический департамент; активно (даже слишком) участвовал в работе Исторического департамента, где проходили обработку материалы, собранные в экспедиции.

[2] Гме́лин /Gmelin/ Иоганн Георг (1709–1755) — немецкий учёный-натуралист, член Петербургской академии наук (с 1731 г.). Родился в Тюбингене (Германия). В 1725 г. окончил медицинский факультет местного университета. С 1727 г. жил в России, поступив на службу в Академию наук в Петербурге. С 1731 года — ординарный профессор химии и естественной истории. Вместе с Г.-Ф. Миллером (неизменный его спутник) руководил в 1733–1743 гг. работами академического отряда II-й Камчатской экспедиции.

За период исследований в Сибири, проделав путь в более 30 тыс. вёрст, собрал обширную коллекцию минералов, описание флоры и фауны, географии, быта и нравов народов Сибири. Коллекции по естественной истории и этнографии передал для Кунсткамеры Петербурга. Именно Гмелин впервые разделил Сибирь на Западный и Восточный физико-географические регионы. Организовал первую метеорологическую сеть в России. В 1736–1737 гг. открыл ряд месторождений полезных ископаемых в Якутии.

В 1747 г. уехал на родину, где работал профессором медицины в Тюбингенском университете. Оставил работы по ботанике, физике, химии, зоологии и другим естественным наукам; основная из них — фундаментальный труд в области ботаники «Flora sibirica...» (т. 1–4, 1747–1770). В книге дано изображение 294 и описание 1178 видов растений, из которых более 500 были описаны впервые. В 1751–1752 гг. в Гёттингене в

опубликованный на немецком языке в 1751–1752 гг. в Гёттингене, включены обширные сведения по истории, этнографии, археологии и о языках народов Сибири; о быте сибирских жителей, городах, заводах, промыслах, торговле, сельском хозяйстве, путях сообщения.

Обширное научное наследие оставили и другие участники II-й Великой Сибирской экспедиции. Первый научный исследователь Камчатки С.П. Крашенинников[1] составил своё знаменитое сочинение — «Описание земли Камчатки» (1756) с приложением двух карт. Г.В.Стеллеру (1709–1746) принадлежат труды «Путешествие от Камчатки к Америке вместе с капитан-командором Берингом» (1793), «Описание земли Камчатки» (1774), «О морских животных» (1753); Я.И. Линденау (ок. 1700–1794) — «Описание якутов» (1741–1745), «Устные известия о реках Анадыре, Колыме, Алазее, Индигирке и о прочих реках, которые в них впадают, об острогах и о народах, на этих реках живущих» (1741), «Собрание исторических сведений о юкагирах» (1745), «Описание пеших тунгусов, или так называемых ламутов у Охотска» (1744–1745); И.-Э. Фишеру (1697–1771)[2] — «Несколько замечаний о путешествии из Якутска до Алдана», «Описание путешествия от Юдомского Креста до устья Майи и до Якутска», «О реке Колыме и якутах», «О большом острове в Ледовитом океане между Святым и Чукотским носом против устья рек Яны, Индигирки и Колымы», «Болезнь, смерть и похороны у якутов», «Якуты, их пища и питьё», «Заметки о якутах, даурах и удских тунгусах» и др. Людовик Делиль де ла Кройер вёл записи астрономических наблюдений, путевые журналы, составил описания своих поездок по краю. Сохранился также журнал астрономических наблюдений в Якутске геодезиста А.Д. Красильникова.

В результате деятельности Великой Северной экспедиции было окончательно (официально) открыто северо-западное побережье Северной Америки (Аляска), подтверждено наличие пролива между Азией и Америкой (Берингова), доказано отсутствие каких-либо земель между Камчаткой и Северной Америкой (мифической «Земли да Гамы», «Северной земли», «Большой земли»).

Впервые была произведена опись многих участков побережья Северного Ледовитого океана. В ходе II-й Великой Сибирской (Камчатской, Северной) экспедиции (1733–1743) было получено описание морских берегов и прибрежных островов от устья Печоры до мыса

4-х томах были опубликованы тексты его путевого дневника «Путешествие по Сибири» («Reise durch Sibirien»). Основная часть его работ издана; тем не менее оригинал дневника утерян, как и отдельные его работы (например, «О алмазах», 1746).

[1] Крашени́нников Степан Петрович (1711–1755) — русский географ и этнограф, исследователь Камчатки. Родился в Москве в семье солдата. Учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве (1724–1732) и в Петербургском университете (1732–1733). В 1733–1736 гг. принимал участие во II-й Камчатской экспедиции (1733–1743) в качестве помощника И. Гмелина и Г. Миллера. В 1737–1741 гг. самостоятельно путешествовал по Камчатке, изучая природу и население полуострова. В 1745 г. был избран адъюнктом, в 1750 году — профессором (академиком) Академии наук. В 1750 г. назначен ректором академического университета и инспектором академической гимназии. В 1751 г. закончил труд «Описание земли Камчатки», являющийся классическим произведением мировой этнографической и географической литературы. В этот труд, опубликованный в 1756 г. (уже после его смерти), вошли и его отдельные работы по Камчатке («Описание камчатского народа», «О завоевании камчатской землицы»). «Описание Камчатки» было переведено на многие европейские языки. Из других его сочинений известны «Речь о пользе наук и художеств», «Flora Ingrica» (СПб., 1761).

[2] Фи́шер Иоганн Эбергард (1697–1771) — немецко-российский историк и филолог, член Петербургской академии наук (с 1732 г.). Уроженец Вюртемберга (Германия), где получил образование и степень магистра. В 1730 г. приехал в Петербург, служил учителем и ректором (с 1732 г.) академической гимназии. В 1740–1746 гг. в ходе II-й Камчатской экспедиции путешествовал по Сибири, собирал материалы по истории, географии и этнографии, источники для словарей языков нерусских народностей этого края. Из-за незнания русского языка результаты его поездки были малоплодотворны. В 1748–1750 гг. — профессор академической гимназии и университета. Принимал участие в научной обработке материалов, собранных Г.-Ф. Миллером в Сибири. В 1768 г. издал на немецком языке сокращённый вариант «Истории Сибири» Миллера со своим предисловием и примечаниями. [Русский перевод: «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочинённая на немецком языке и в собрании академическом читанная членом С.-Петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, также членом исторического Гёттингенского собрания И.-Е. Фишером», СПб., 1774]. Ряд работ Фишера по языкознанию и этнографии народов русского Севера и Сибири был напечатан в академических журналах России и Германии.

Большой Баранов; открыты полуострова Ямал и Таймыр (С.В. Муравьёв, С.Г. Малыгин, Д.Л. Овцын, В.В. Прончищев, Х.П. и Д.Я. Лаптевы, С.И. Челюскин, Ф.А. Минин) и обнаружены Командорские острова (В.-И. Беринг, А.И. Чириков, Е.С. Басов); проложен северный морской путь в Японию вдоль Курильской гряды и восточного берега Сахалина (М.П. Шпанберг, В. Вальтон, А. Шельтинг, М.С. Гвоздев); проведены первые исследования Охотского побережья, Приамурья (П.Н. Скобельцын, В. Шетилов) и Камчатки (С.П.Крашенинников, Г.-В. Стеллер), составлены первые научные описания территории Западной и Восточной Сибири (И.-Г. Гмелин, Г.-Ф.Миллер и др.).

В аспекте становления и развития математической картографии в России именно итоги I-й и II-й Великих Сибирских (Камчатских) экспедиций являются тем фундаментом, на основе которого стало возможным составление первых печатных атласов Российской империи (1734, 1745).

По итогам I-й Камчатской экспедиции Беринга известно о трёх картах, из которых только последняя имеет непосредственное отношение к его плаванию. В протоколе конференции Петербургской академии наук от 17 января 1727 г. зафиксирован доклад Жозефа Николя Делиля о «карте России капитана Беринга» (1726). Вторая карта, составленная В. Берингом и П. Чаплиным, отображала сухопутный путь от Тобольска до Охотска (была отослана из Охотска в Петербург в июне 1727 г.). Третья карта (1729–1730) фиксировала итоги экспедиции и была приложена к отчёту Беринга (1730).

Итоговая карта I-й Камчатской экспедиции Беринга известна в нескольких вариантах, которые в большей мере различаются художественным оформлением, чем внутренним содержанием. Она была вычерчена в 1729–1730 гг. (составлена в экспедиции, завершена в Петербурге) мичманом пакетбота «Святой Гавриил» Петром Авраамовичем Чаплиным[1] (при помощи Витуса Беринга и Алексея Чирикова), который в период плавания (1728–1729) вёл под наблюдением Чирикова шканечный журнал («Журнал бытности Камчатской экспедиции»).

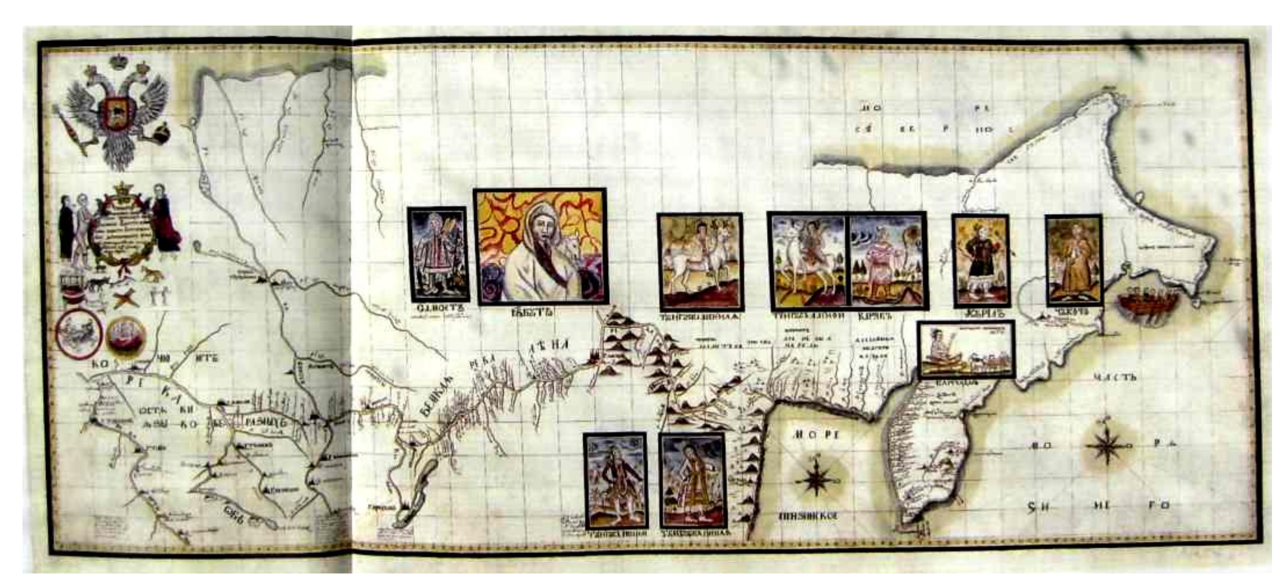
На итоговой карте I-й Камчатской экспедиции Беринга впервые в мировой картографии достаточно точно отражено побережье Северо-Восточной Азии (Берингова моря) от устья реки Охота до мыса Кекурный (Чукотка). На ней береговая линия северо-восточной части Евразии во многом сходна с её изображениями на современных картах. На карте чётко передано, что Чукотский полуостров (его крайняя восточная точка — мыс Дежнёва) ни с какой землёй не соединяется; в Беринговом проливе нанесены острова́ Диомида и о. Св. Лаврентия (Берингово море); довольно точно отображены очертания Камчатки; представлены три северных острова Курильской гряды.

---

[1] Ча́плин Петр Авраамович (1699–1765) — российский мореплаватель, капитан-командор, участник и один из историографов I-й Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Родился в семье военного; в 1718 г. поступил на морскую службу гардемарином. По окончании Морской академии (1724) был зачислен (1725) в отряд А. Чирикова; совершил с ним путешествие через территорию Сибири, помогая ему в определении широтной протяженности Евразии.

На боте «Святой Гавриил» (капитан В. Беринг) принимал участие в плаваниях 1728 и 1729 годов. Совместно с Чириковым вёл дневник «Журнал бытности Камчатской экспедиции» (частично опубликован в 1823 г.), позволивший воссоздать историю похода. Вернувшись в Петербург (1730), вместе с Берингом и Чириковым, составил итоговую карту плавания. Она значительно превосходила прежние по точности очертаний береговой полосы Северо-Восточной Азии и стала основой для изображения этой части материка на всех европейских картах того времени.

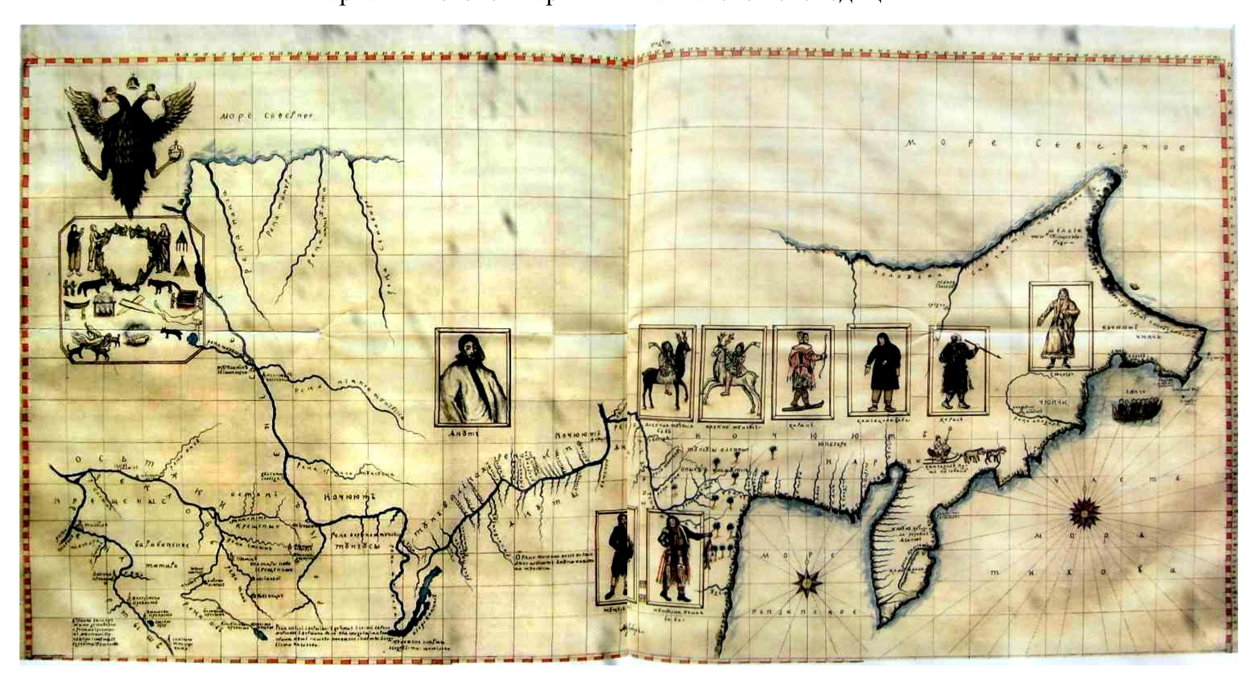
В 1728 г. Чаплину было присвоено звание мичмана, в 1730 г. — лейтенанта, в 1751 г. — капитана 3-го ранга, в 1756 г. — капитана 2-го ранга, в 1758 г. — капитана 1-го ранга, в 1763 г. — капитан-командора. В 1732–1760 гг. командовал различными судами и отрядами фрегатов Балтийского флота; в 1760–1765 гг. — капитан (начальник) Ревельского (1760–1762) и Архангельского (1762–1765) портов. Участвовал в организации экспедиции (1764–1766) В.Я. Чичагова (1726–1809) — очередной попытки, на этот раз русской, пройти Северным морским путём (от Архангельска до Камчатки). Скончался 29 августа 1765 г. на месте службы, в городе Архангельске.

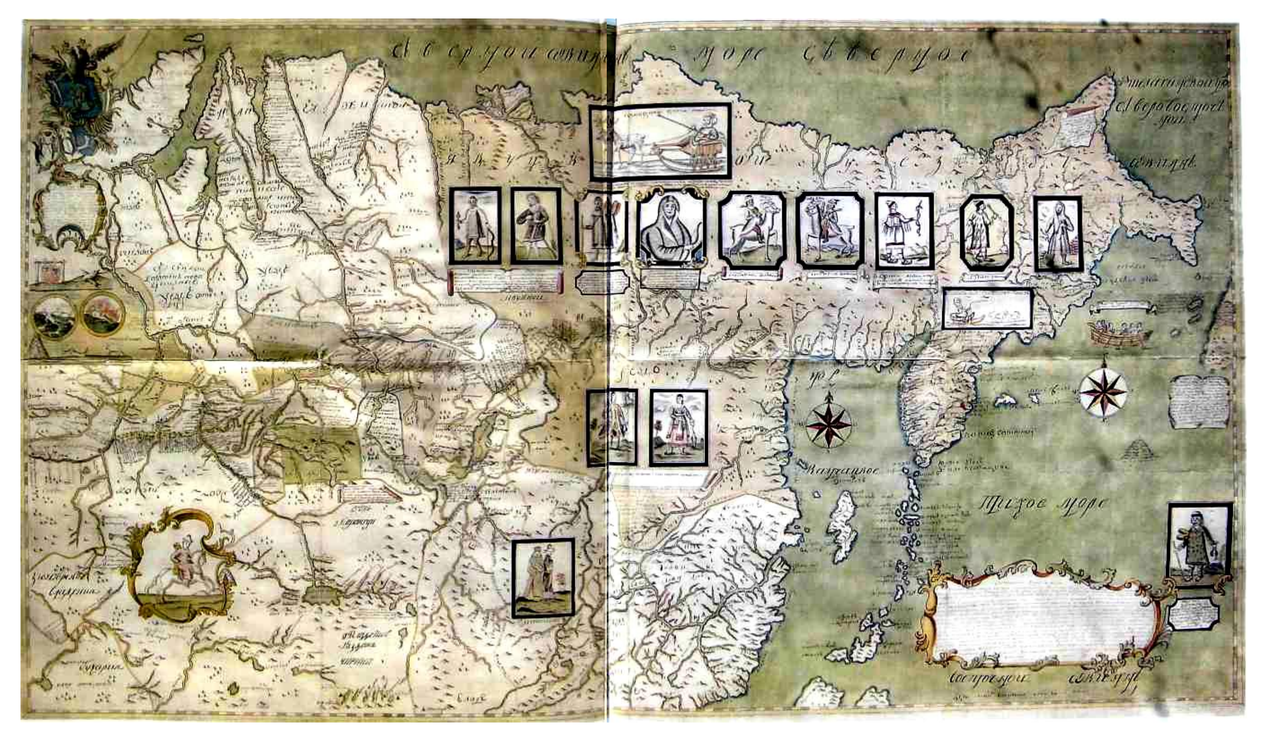
Вариант итоговой карты I-й Камчатской экспедиции. Пётр Чаплин (1729)

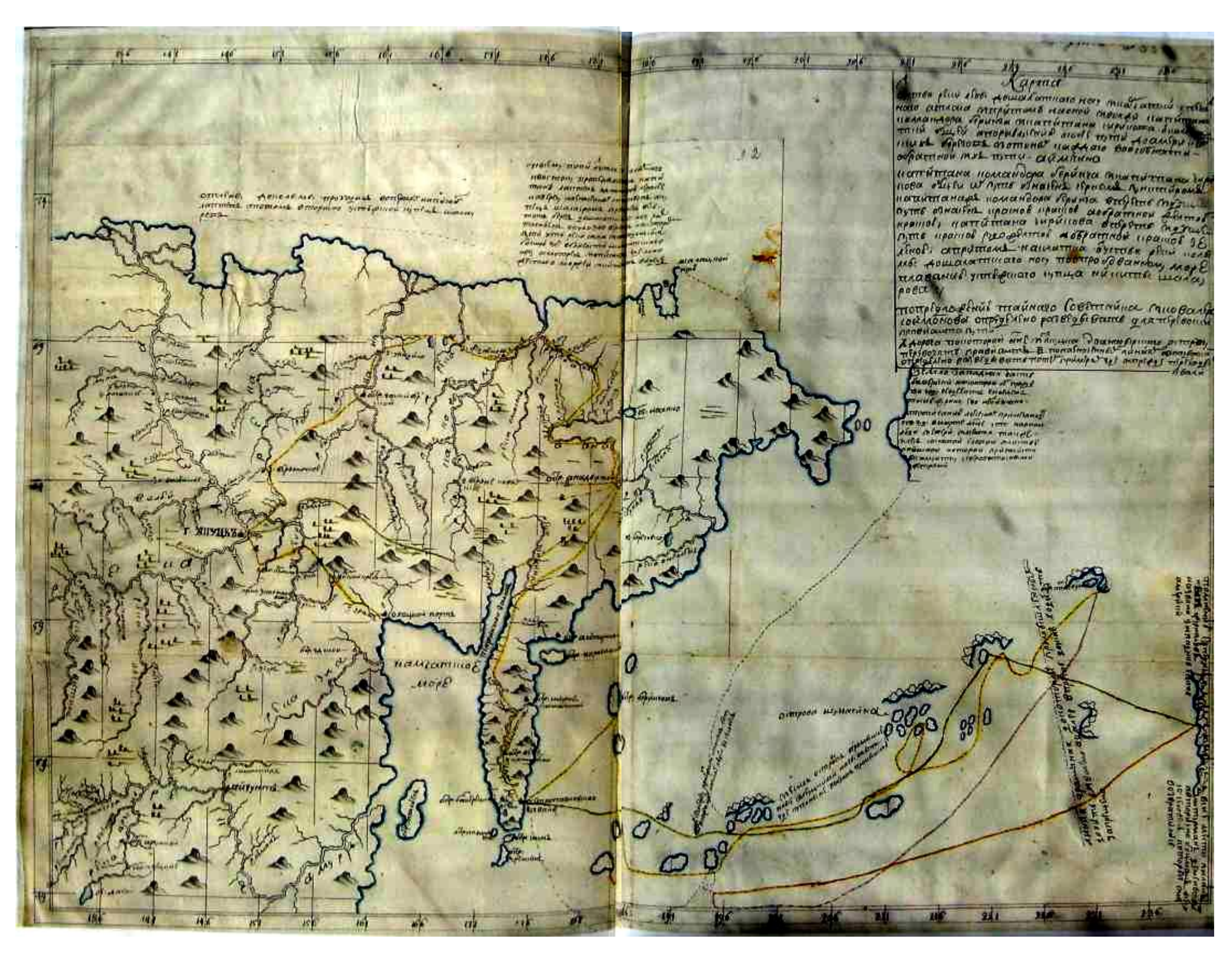
Вариант итоговой карты I-й Камчатской экспедиции

Вариант итоговой карты I-й Камчатской экспедиции

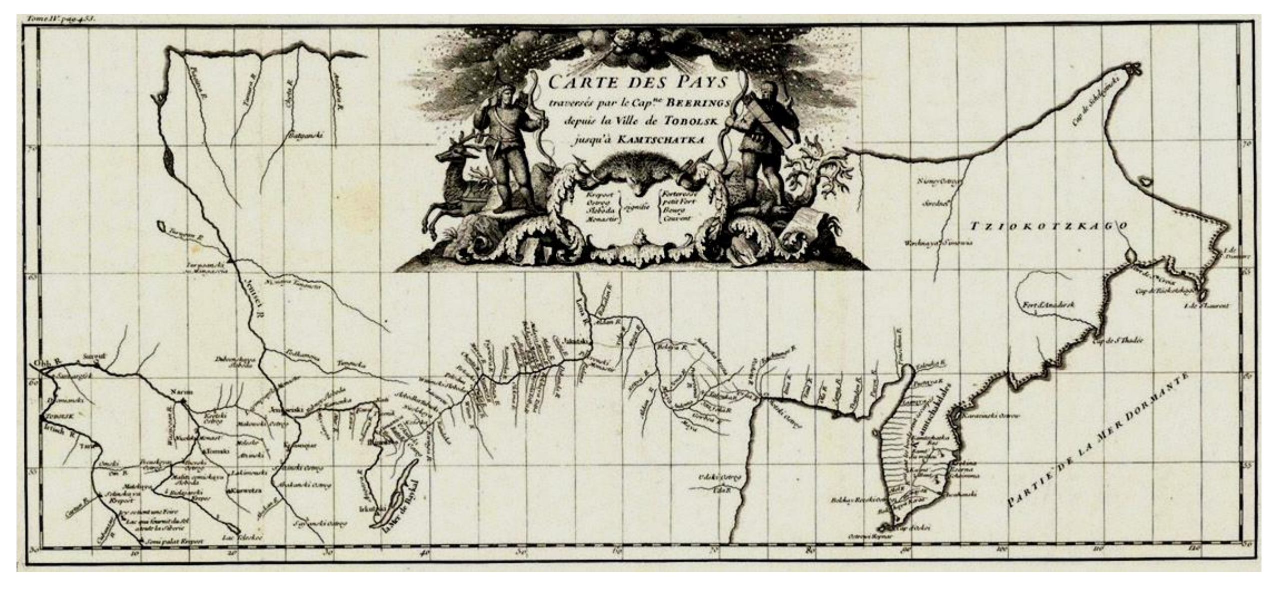

Этнографическая карта Сибири II-й Великой Северной экспедиции (1733–1743)

«Карта мест от устья реки Лены до Шалацкого Носа и Камчатки» с обозначением маршрутов плаваний В. Беринга и А. Чирикова. Из печатного атласа 1750-х гг.

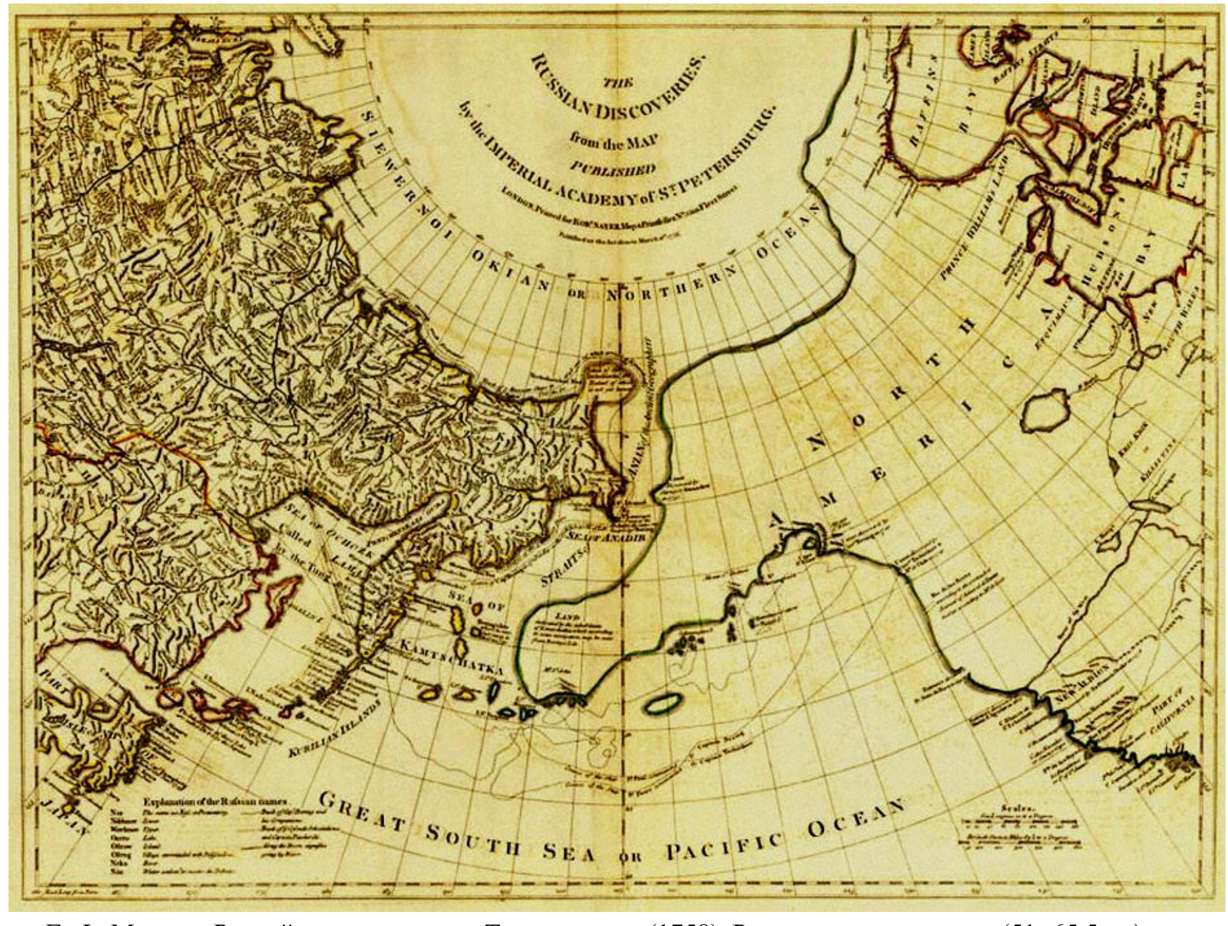
Итоговая карта плаваний В. Беринга (1728–1729, 1740–1741). А. Чириков (1745–1746)

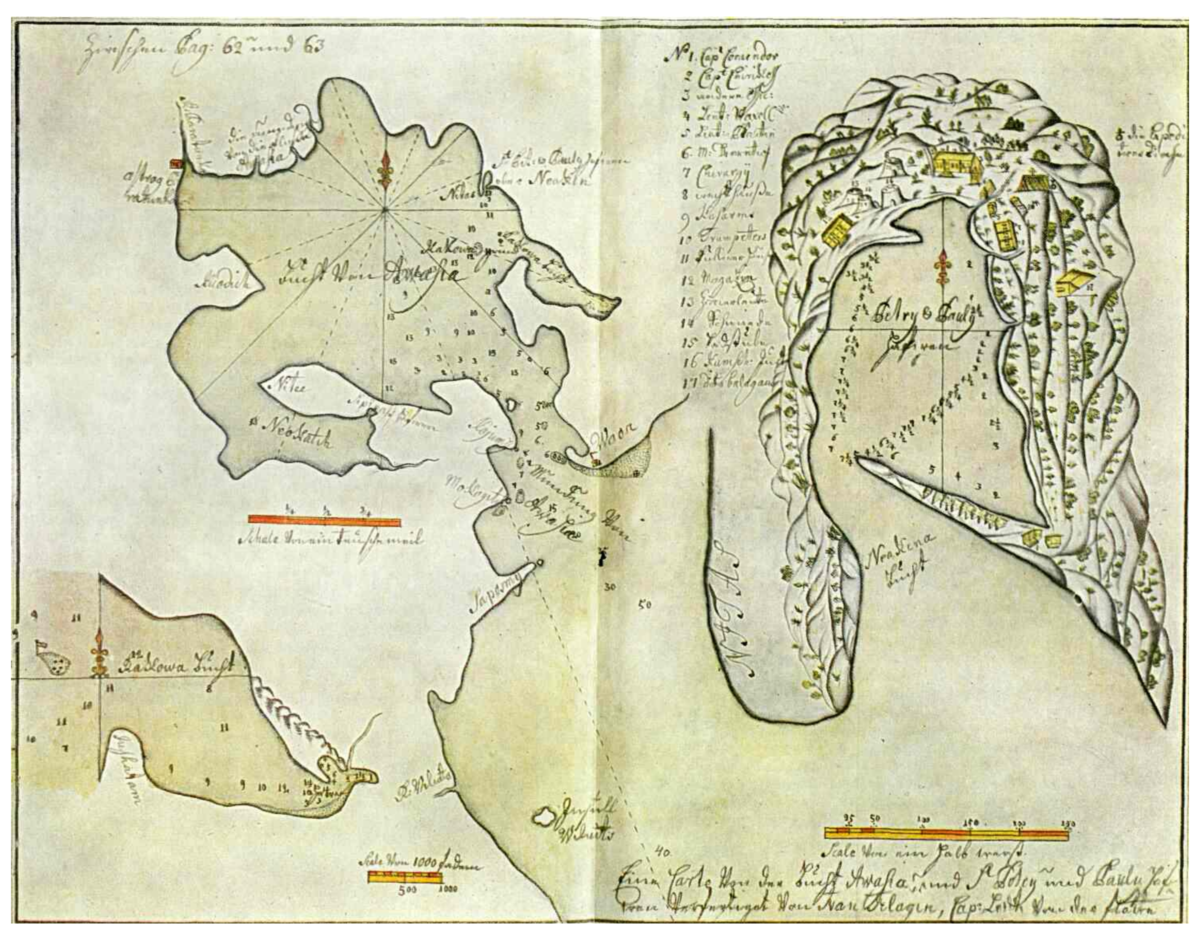
Итоговая карта I-й Камчатской экспедиции. Ж.-Б. дю Гальд (Париж, 1735)

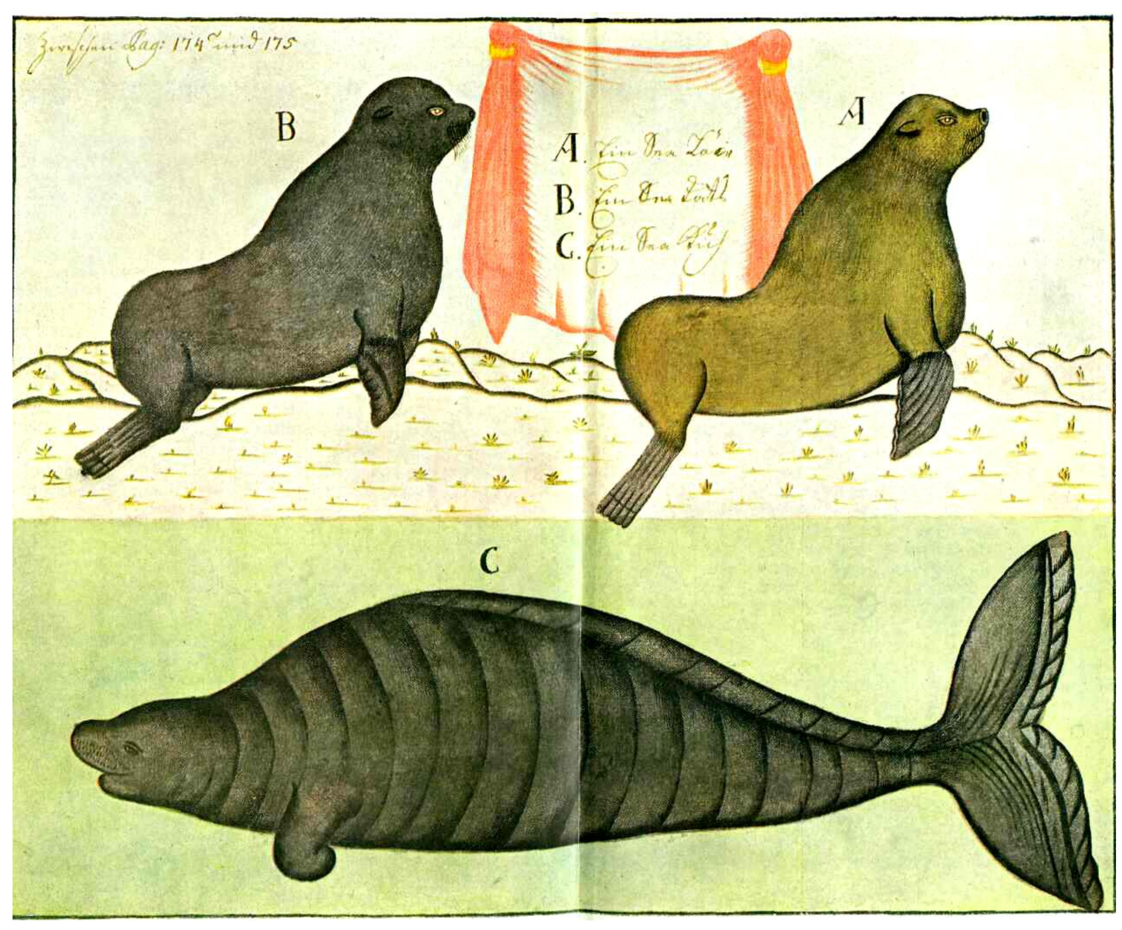
Я.Я. Штелин. Российские открытия в Тихом океане (1775). Гравёр Т. Боэн /Bowen/

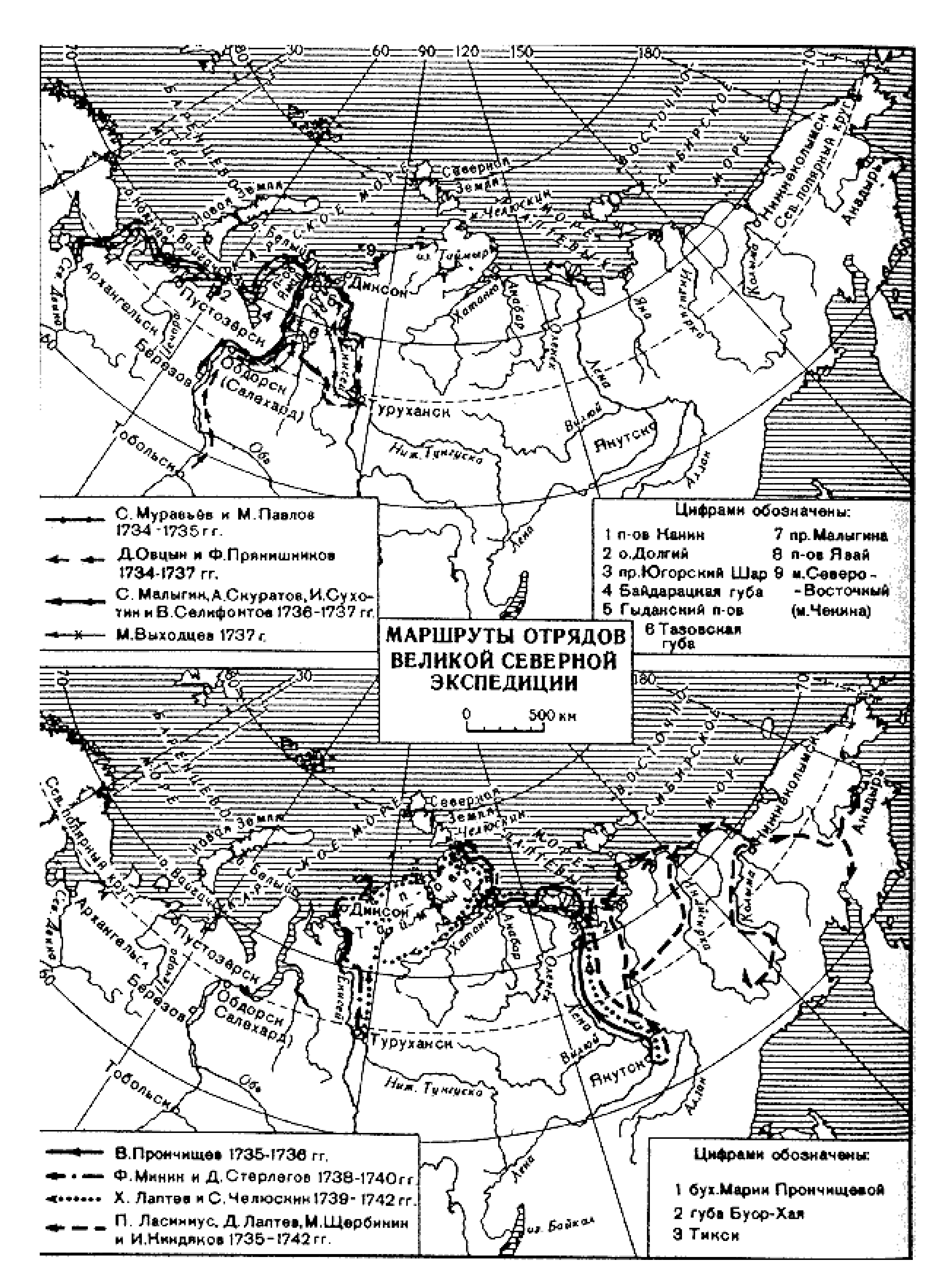
Г.-Ф. Миллер. Российские открытия в Тихом океане (1758). Раскрашенная гравюра (51×65,5 см). РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Иркутская губерния. № 50. Ч. 3

Карта Авачинской бухты и Петропавловской гавани на Камчатке, составленная Иваном Елагиным. Из рукописи С. Вакселя

Морской лев (сивуч), морской котик и морская корова. Из рукописи С. Вакселя

Карта северных маршрутов отрядов Великой Сибирской экспедиции (1733–1743). Вторая половина XX века

На итоговой карте (1729–1730) показаны открытия, сделанные во время плавания Беринга (1728): полуострова́ Озёрный, Ильпинский, Олюторский, мысы Маленький, Камчатский, Опукинский и др. Подробно переданы очертания Анадырского залива с его входными мысами Наварин и Чукотский. В Анадырском заливе нанесены залив Креста, мыс Фаддея, бухта Гавриила, мыс Отвесный, бухты Преображения и другие. Достаточно точно на карте нанесены и очертания азиатских берегов к северу от Анадырского залива: мысы Чукотский, Кыгынин, Чаплина, бухта Ткачен и др.

Итоговая карта I-й Камчатской экспедиции получила широкое распространение как в России, так и за рубежом. Она была использована при составлении карт Ж.-Н. Делилем (1731, 1733, 1750, 1752), И.К. Кириловым (1733–1734), Ж.-Б дю Гальдом (1735), Ж.-Б. Д'Анвилем (1737, 1753), авторами академического атласа Российской империи (1745), А.И.Чириковым (1745–1746), Г.-Ф. Миллером (1754–1758). На основе итоговой карты I-й экспедиции Беринга и вахтенного журнала были составлены первые исторические карты плавания «Св. Гавриила» А.И. Нагаева (1767) и В.Н. Верха (1823).

Секретная итоговая карта I-й Камчатской экспедиции сразу же получила столь обширное распространение за рубежом вследствие деятельности Ж.-Н. Делиля, который на основе итоговой карты I-й экспедиции Беринга составил свои карты 1731 и 1733 годов. А после того как Ж.-Н. Делиль окончательно вернулся во Францию (1747), увезя с собой в Париж огромный архив русских карт (оригиналов и копий), в Европе стали известны и результаты II-й Великой Сибирской экспедиции.

По итогам же второго русского плавания к берегам Северной Америки (Аляске) была составлена, при непосредственном участии А. Чирикова, общая сводная карта двух морских походов В. Беринга (1728–1729, 1740–1741) — так называемая «Генеральная карта Морской академии» (1745–1746), о которой стало известно только в XX веке.

И, конечно, каждый из отрядов II-й Великой Сибирской экспедиции представлял в Адмиралтейство и Академию наук по итогам своей деятельности карты, которые впоследствии сводились воедино и нашли своё отражение на Генеральной карте Российской империи (1740–1741) из атласа 1745 г. и на отдельных картах российских губерний и провинций из этого же атласа.

Атласы Российской империи 1734 и 1745 гг.

В истории становления российской математической картографии весьма примечательным является тот факт, что, несмотря на все старания Петра I, первый официальный (государственный) печатный атлас Российской империи был издан только в 1745 г. при императрице Елизавете. В связи с этим интересна и до сих пор чрезвычайно загадочна история составления и публикации атласа И.К. Кирилова (1734).

Кири́лов Иван Кириллович (1689–1737)[1] — русский государственный деятель, географ и картограф; выходец из «священнических детей» (о его происхождении фактически ничего неизвестно), окончил Московскую навигацкую школу (в 1707 или 1708 г.). В 1712 г. начал службу в канцелярии Сената в Москве в должности подьячего; в 1715 г. был переведён в Петербург и в 1716 г. определён секретарём к генеральному ревизору Сената. В 1717–1719 годах «слушал» курс права в Кенигсбергском университете в качестве стипендиата («пенсионера из подьячих»). С 1727 г. — обер-секретарь Сената, с 1734 г. — статский советник.

В 1733 г. И.К. Кирилов составил и в начале 1734 г. подал в Кабинет министров проект по развитию торговли со среднеазиатскими ханствами и Индией — «Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпацкой ордах». Проект предназначался «для отворения свободного с товарами пути в Бухару, в Водокшан, в Балх и в Индию и об объявлении полезной

---

[1] Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в. М., 1949; Салищев К.А. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М., 1948; Волков С.И. Новый вариант труда И.К. Кирилова // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1951. № 3; Новлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов, географ XVIII в. М.; Л., 1964.

коммерции на всю полуденную Азию». [Каракалпаки только что подчинились России (1733), а киргиз-кайсацкая орда просила о принятии её в русское подданство]. Правительство одобрило этот проект (благодаря поддержке графа А.П. Бестужева-Рюмина), 1 мая 1734 г. он был утверждён императрицей Анной Иоанновной, а И.К. Кирилов назначен (вместе с полковником Тевкелевым) руководителем экспедиции (1734–1737) в будущий Оренбургский край.

18 мая 1734 г. И.К. Кирилову был пожалован чин статского советника, выданы 3 тыс. руб. (в качестве «подъёмных») и обширная инструкция (41 пункт). В Оренбургскую экспедицию с И. Кириловым отправились инженеры, моряки для строительства порта на Аральском море, геодезисты, канцеляристы, кадеты, артиллеристы; в его распоряжение были отданы два пехотных полка (Пензенский и Вологодский), казаки, дворянское ополчение.

Однако направленная в Оренбуржье русская колонизационная экспедиция после её прибытия в Уфу вызвала восстание башкирских родов. Серия восстаний башкир (1735–1739) была вызвана строительством русских крепостей и заводов, сопровождавшимся изъятием земель у местного населения, вытеснением их с традиционных мест кочёвок. Центральная власть ограничила также привилегии местных феодалов.

Несмотря на активное военное противодействие башкирской конницы, Оренбургская экспедиция, отправившаяся в апреле 1735 г. из Уфы, заложила 15 августа 1735 г. в устье реки Ори (при её впадении в Яик–Урал) Верхнеяицкую крепость (Оренбург) — главный форпост России на Южном Урале.

В это время (1735) из Астрахани для усмирения башкирского бунта был отправлен А.И. Румянцев (1679/80–1749)[1], назначенный Казанским губернатором, которому была

[1] Румя́нцев Александр Иванович (1679/80–1749) — русский государственный и военный деятель, граф (1744), один из «птенцов гнезда Петра I»; отец фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского (1725–1796). Из русских дворян Костромской губернии. В 1690-е гг. — в числе «потешных» Петра I. В 1700 г. под Нарвой — адъютант окольничего (графа с 1710 г.) П.М. Апраксина (1659–1728). После поражения русской армии под Нарвой переведён (1703) в Преображенский полк нижним чином. В составе полка участвовал во взятии Нарвы (1704), неудачном штурме Выборга (1706). В 1707 г., когда полк находился в составе русской армии под Гродно (Белоруссия), произведён Петром I в капралы; в этом же году — в сержанты. Участвовал в составе Преображенского полка в разгроме шведского корпуса генерала Левенгаупта у деревни Лесной (1708) и войск Карла XII у Полтавы (1709). В 1708 г. произведён в прапорщики. После осады в составе своего полка в 1710 г. вошёл в Выборг и участвовал в неудачном Прутском походе (1710–1711). Причём договор, заключенный на Пруте, был послан на ратификацию турецкого султана в Стамбул именно с Румянцевым, который и привёз его обратно в мае 1712 года. С этого момента становится лицом, близким к Петру I, который поручает ему разные дипломатические задания. В 1712 г. послан Петром I в Копенгаген с письмом к русскому посланнику и датскому королю. В 1713 г. — личный адъютант царя в походе русской армии в Померанию и при взятии Штеттина (Щёцина). В 1714 г. в чине капитан-поручика направлен в Архангельск для набора 500 матросов; в 1715–1716 годах во главе русского отряда занимает отдалённый город в Финляндии — Каянсберг.

В 1716–1717 гг. сопровождал Петра I в составе небольшой свиты в его II-е заграничное путешествие. Получив в Амстердаме известие о бегстве своего сына царевича Алексея, Пётр немедленно послал Румянцева с тремя другими офицерами с письмом к русскому послу в Вене А.П. Веселовскому (1685–1783), с тайным повелением схватить царевича и отвезти в Мекленбург. В 1717–1718 гг. сопровождал П.А. Толстого (1645–1729) в его миссии по возвращению царевича Алексея из Австрии и Италии. Входил в состав Верховного суда из 27 лиц, приговорившего царевича Алексея к смертной казни. За успешное исполнение приказа царя по возвращению наследника в Россию был пожалован (1718) двумя чинами (гвардии майором и генерал-адъютантом) и деревнями-вотчинами казнённых по делу царевича А. Кикина и К. Матюшкина.

В 1719 г. осматривал по приказу царя гавань, цитадель и батареи Ревеля (Таллина). В том же (1719) году был послан в Москву для ареста всех членов миссии иезуитов, изъятия их бумаг и их дальнейшей высылки под караулом из пределов России. Румянцев исполнил предписание в точности. В 1720 г., по настоянию Петра I, женился на Марии Андреевне — дочери графа А.А. Матвеева (1666–1728) и матери будущего фельдмаршала. [Первоначальный выбор невесты Румянцевым царь не одобрил и настоял на своём; будущий тесть также был против такого брака своей дочери, но перечить Петру I не осмелился].

В 1720–1721 гг. выполнял различные поручения царя при заключении Ништадтского договора (1721) и совершил (1721) инспекционную поездку в Малороссию (на Украину) в Глухов. В 1722–1723 гг. принимал деятельное участие в Персидском походе Петра I. В конце 1723 г. в Москве на короновании супруги Петра I — Екатерины I — командовал в чине бригадира войсками, собранными на Ивановской площади. В 1724 г. отправлен в чине генерал-майора в Стамбул (Константинополь) чрезвычайным послом к турецкому султану с

подчинена экспедиция И.К. Кирилова. На совещании в Мензелинске (Татарстан) в декабре 1735 г. А.И. Румянцев с И.К. Кириловым выработали проект усмирения башкирских родов, и Кирилов отправился с этим проектом для его утверждения в Петербург. После утверждения проекта в столице, в марте 1736 г. А.И. Румянцев, И.К. Кирилов и В.Н. Татищев возглавили три русских отряда и с разных сторон стали сжимать кольцо окружения вокруг башкирских кочевий (башкиры избегали прямых военных столкновений)[1].

К началу 1737 г. организованное сопротивление башкир в ходе восстания (1735–1739) было фактически подавлено. Иван Кирилов заселил несколько городков, начал строить медный и железный заводы возле Тобольска и на р. Ике; настаивал на строительстве 45 русских городков (успел построить на границе Башкирии около 20 укреплённых пунктов) от Оренбурга до Аральского моря. Однако 14 апреля 1737 г. умер от чахотки в Самаре, где и был похоронен в церкви св. Николая Чудотворца.

Вместе с тем И.К. Кирилов, помимо активной государственной деятельности, одновременно проводил широкие научные исследования в области географии, экономики и статистики; положил начало горному делу в Башкирии. В начале 1720-х гг. он руководил работами по топографической съёмке страны; в 1728 г. по его настоянию в Сибирь была отправлена вторая партия геодезистов (для расширения работ, начатых в 1720–1721 гг.); он выступил одним из деятельных организаторов экспедиции (1729–1735) казачьего головы А.Ф. Шестакова в Северо-Восточную Азию с целью расширения российских владений и пополнения государственных доходов.

В 1731 г. Кирилов написал докладную записку «О тамошних местах и пользах», в которой излагались предложения по заселению Охотска и Камчатки, развитию там земледелия, промыслов и торговли[2]. В ней он учёл и некоторые замечания Беринга по освоению Дальнего Востока. Проект Кирилова был одобрен правительством, а его предложения вошли в инструкцию[3] главному командиру Охотского порта Г.Г. Скорнякову-Писареву (1686–1747)[4].

целью ратификации заключённого с Османской империей мирного трактата (1724); откуда выехал на Кавказ (Дербент, Ширван, Баку) с целью разграничения земель на Кавказе (1725–1730) по итогам Персидского похода. В 1727 г. произведён в генерал-лейтенанты.

При воцарении (1730) Анны Иоанновны А.И. Румянцев был произведён в чины генерал-поручика, подполковника гвардии Преображенского полка и личного генерал-адъютанта императрицы. Однако «птенец гнезда Петра» не принял новые пронемецкие порядки и за протест против роскоши при дворе был лишён чинов и сослан в казанскую деревню. В 1735 г. восстановлен в чине генерал-лейтенанта и назначен сначала Астраханским, а затем Казанским губернатором и командующим войсками, отправленными для подавления восстаний башкир. В 1737 г. незначительное время был правителем Малороссии (Украины), но в том же году получил назначение (1737–1739) в действующую армию (Миниха). В 1739–1742 гг. — чрезвычайный и полномочный посол в Стамбуле (направлен для утверждения итогов только закончившейся войны). В мае 1742 года присутствовал на коронации Елизаветы I в Москве. В 1742–1743 гг. — русский уполномоченный на конгрессе в Або по итогам русско-шведской войны (1741–1743). В 1744 г. возведён в графское достоинство. В 1744–1749 гг. проживал то в Петербурге, то в Москве, принимая участие (иногда в 1745–1746 гг.) в заседаниях Совета при императрице.

[1] Акманов И.Г. Башкирское восстание. 1735–1736 гг. Уфа, 1977.

[2] Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в. // Известия ВГО. М., 1943. Т. 75. Вып. 2. С. 35.

[3] ПСЗРИ. Т. VIII. № 5813.

[4] Скорнякóв-Пи́сарев Григорий Григорьевич (1686–1747) — русский государственный деятель и учёный, сподвижник Петра I, генерал-майор. Руководил строительством ряда гидротехнических сооружений на реках Двина, Днепр, Ловать; заведовал школами в Пскове, Новгороде и Ярославле. С 1719 г. возглавил Петербургскую морскую академию, впоследствии — обер-прокурор Сената. Автор первого в России труда по механике «Наука статическая, или Механика» (1722). В 1727 г., обвинённый в участии в заговоре против А.Д.Меншикова, был разжалован и сослан в Сибирь. В 1731 г. назначен главным командиром Охотского правления: ему поручалось завести на побережье хлебопашество, построить в Охотске пристань и верфь, поддерживать регулярное морское сообщение между Охотском и Камчаткой. Отличаясь строптивым характером, писал доносы на В. Беринга и его помощников; они платили ему тем же. В 1743 г. Скорняков-Писарев, восстановленный в прежних чинах и правах, вернулся в Петербург и способствовал приостановлению деятельности II-й Великой Сибирской экспедиции.

И.К. Кирилов активно поддерживал идею снаряжения II-й Камчатской (Сибирской) экспедиции. Во многом именно благодаря его стараниям был создан сухопутный академический отряд экспедиции во главе с Г.-Ф. Миллером и И.-Г. Гмелином. В первой части его проекта по развитию торговли со среднеазиатскими ханствами и Индией — «Изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпацкой ордах» (1733–1734) — подробно излагались дополнительные задачи II-й Сибирской экспедиции. По его мнению, Камчатская экспедиция не только должна была «подлинно проведать», могут ли корабли «Северным морем проходить до Камчатского или Полуденного океана», но и провести всестороннее исследование морского пути из Архангельска на Камчатку, отыскать пути в Америку и Японию и открыть в Тихом океане не принадлежащие другим государствам земли. Участники экспедиции должны были подробно изучить природу и обычаи, быт и нравы населения новых земель, составить карты, разведать полезные ископаемые, определить места, удобные для торговли с соседними странами[1].

В 1727 г. Кирилов закончил сочинение «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое зачал, привёл и оставил неизречёнными трудами Пётр Великий...» — первое систематическое статистическое и экономико-географическое описание России (впервые опубликовано в 1831 г.)[2]. В его первой части описаны центральные и западные губернии, во второй — восточные и северные губернии. Этот труд — свод официальных сведений, имевшихся в Сенате и Коллегиях (их канцеляриях). В нём помещены штаты присутственных мест, росписи штата войска и флота, роспись государственных приходов и расходов, сведение о городах, епархиях, монастырях, церквах, школах, госпиталях, о заводах и фабриках. Также в этом сочинении содержатся общие сведения об инородцах, исторические заметки о построении городов и о завоевании Сибири согласно «Степенной книге» и «Сибирской истории» (Есиповской летописи 1637 г.).

Будучи в Уфе (1735), Кирилов написал подробную записку о быте башкир и состоянии башкирского края; закончил, начатую ещё до него, перепись тептерей[3]; составил список башкирских родов.

В 1726–1734 гг. И.К. Кирилов работал над составлением главного труда своей жизни — «Атласа Всероссийской империи» («Atlas imperii russici»).

Источниками для создания «Атласа» Кирилова служили материалы съёмок первых русских геодезистов, посольства С.Л. Рагузинского в Китай, I-й Камчатской экспедиции, съёмок Каспийского моря К. ван Вердена и Ф.И. Соймонова, работ И.М. Евреинова и Ф.Ф.Лужина на Курилах и Камчатке, экспедиции И.Д. Бухгольца на Иртыш, похода И.М.Лихарёва на озеро Зайсан-Нор и, вероятно, какие-то старинные, не дошедшие до нас русские карты.

---

[1] Проект обер-секретаря Ивана Кирилова о Камчатских экспедициях и об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими // Материалы по истории России. Оренбург, 1900. Т. I. С. 1–7; Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири, XVIII в. М.; Л., 1965. Вып. 2. С. 28–30, 63, 74–75, 314; Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах первой половины XVIII в. М., 1950. С. 286–292.

[2] Подлинник рукописи И.К. Кирилова не найден, сохранилось лишь несколько её более поздних списков. Один из них в конце XVIII в. оказался в библиотеке (ок. 1,5 тыс. рукописей и печатных книг) русского историка И.И. Голикова (1735–1801), который сделал из него извлечения и использовал их в своём обширном труде, посвящённом Петру I. [Дополнения к деяниям Петра Великого. В 18-ти т. М., 1790–1797; т. XVIII. М., 1797]. Этот список, принадлежавший наследникам И.И. Голикова, в начале XIX в. открыл русский общественный деятель В.Н. Каразин (1773–1842), а в 1831 г. его впервые целиком опубликовал русский историк М.П. Погодин (1800–1875). В XX веке (в советский период) сохранившиеся списки рукописи были сверены и реконструированы в едином виде, по возможности восполнив и устранив пробелы и неточности (?) издания 1831 года. [Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1977].

[3] Тептéри (тептяри) — народность, жившая среди башкир, образовалась из различных беглых элементов приволжских финнов и чувашей, с течением времени слившихся с башкирами. Иногда в источниках их именуют «башкирами из тептярей».

В историографии существует две точки зрения по вопросу происхождения и публикации карт И.К. Кирилова.

Согласно одной из них, задуманный Кириловым атлас должен был состоять из 3-х томов по 120 карт каждый. В первый том предполагалось поместить карты северной части России (территории от Балтийского до Белого моря), во второй — карты южной части России (земли «украинския и низовския»), в третий — карты Сибири и «закамских земель». Кроме того, Кирилов намеревался в будущем добавить к третьему тому карты исторического и экономического содержания. Из задуманного им «Атласа Всероссийской империи» Кирилов к 1734 г. опубликовал и подготовил к печати не менее 40 печатных и рукописных карт[1]. Иными словами, Кирилов не соизмерил поставленную цель со своими возможностями, и ему удалось составить и издать к 1734 г. из 360 задуманных карт только небольшую их часть.

В соответствии с другой точкой зрения, бóльшая часть (!) карт из «Атласа» Ивана Кирилова 1734 г. была загадочным образом уничтожена. Обратимся к фундаментальному американскому изданию «The World Encompassed. An exibition of the history of maps held at the Baltimore Museum of Art October 1 to November 23, 1952» (Published be the Trustees of the Walters Art Gallery. USA, Baltimore, Maryland, 1952), в котором содержатся описания 282 старинных (средневековых) карт, представленных на выставке 1 октября – 23 ноября 1952 г. в Балтиморском музее искусства в США (Балтимор, штат Мэриленд). Среди прочих на выставке экспонировалась и генеральная карта Российской империи, выполненная Иваном Кириловым и изданная в 1734 г. в Петербурге («Imperii Russici tabula generalis quo ad fieri potuit accuratiessime descripta opera e studio Inoannis Kyrillow. Supremi Senatus Imperil Russici Primi Secretarii Petropoli. Anno MDCCXXXIV. St. Petersburg, 1734»). К сожалению, в указанной книге отсутствует репродукция данной карты (воспроизведено только 59 из 282 карт), однако содержится её описание, которое столь примечательно, что приведём его перевод фактически в полном объёме.

«Это — первая общая карта России, выгравированная и опубликованная, однако, по-видимому, запрещённая. Иван Кирилов <...> дослужился до поста в Государственной Канцелярии [обер-секретарь Сената], где он числился как “эксперт по [топографическому] исследованию земли”. Когда Пётр Великий решил создать исчерпывающее обозрение своих владений, ответственным за это был назначен Кирилов. Однако вскоре Кирилов обнаружил, что он окружён иностранными наёмниками, привезёнными из Франции и Германии, поскольку они обладали астрономическими познаниями и умели применять их к геодезическим описаниям. Ввиду противодействия правительства его планам и, напротив, попустительства иностранцам со стороны правительства, Кирилов планировал детально разработанную серию карт и упорно настаивал на публикации этих карт. Полная работа содержала три тома по 120 карт каждый [!], включая указанную выше общую карту страны. Императорская Академия запретила Кириловский атлас, каким-то загадочным образом ликвидировала [!] печатные доски и издала в 1745 г. свой собственный атлас. <...> Зарегистрировано только два экземпляра [!?] Кириловского атласа, один из них — с дефектами [?]. Какие-либо листы, отпечатанные с оригинальных досок, исключительно редки». [Добавим, что хотя бы увидеть сохранившиеся карты Кирилова, чтобы оценить их качество, — невероятно трудная задача; не говоря уже о том, чтобы судить — каковы были «научные неаккуратности и неточности» на несохранившихся картах И.К. Кирилова].

В американском издании выставки старинных карт в Балтиморе 1952 г. в описании генеральной карты Кирилова (1734) сообщается, что «общая карта была слишком скудна по содержанию, вмещала в себя лишь обозначения провинций с главными городами и недостаточно точна даже по тогдашним сведениям. Характерною её особенностью был отсчёт меридианов от меридиана острова Даго (Дагдан)».

[1] По литературным или архивным сведениям общее число известных в нынешнее время карт Кирилова (как найденных, так и известных) — 41, из которых обнаружены только 34.

В географическом отношении генеральная карта Российской империи Кирилова действительно несовершенна: искажены очертания Чёрного моря, обозначены несуществующие «Медвежий остров» и «Земля Гамы» (остров), содержатся многие погрешности в координатах отдельных пунктов. При составлении обзорной карты обнаружилась несогласованность между собой карт провинций и уездов, что явилось следствием недостаточного количества опорных пунктов при измерениях. Поэтому карта преувеличивает протяжённость страны по долготе на 7–8°.

Тем не менее генеральная карта Российской империи Кирилова (1734) объективно отражает существовавший научный уровень географических представлений того времени (до начала II-й Камчатской экспедиции), и именно она широко использовалась как в России, так и за границей, послужив источником для создания ряда карт, включённых в европейские атласы первой половины XVIII века Хоманна, де Вогонди и др.

На сей день установить, сколько карт было издано или подготовлено к печати Кириловым, довольно затруднительно.

Отметим, что «Атлас» Кирилова — как унифицированное собрание географических карт, изданное определённым тиражом, — не существует. Под этим термином в истории картографии понимают всё картографическое наследие И.К. Кирилова. Известны лишь единичные варианты атласов Кирилова с разным составом карт. В России выявлено всего четыре варианта его атласов (по 10–14 карт в каждом), включающие, в разных вариациях, до 26 различных печатных карт. [Именно варианты атласов, а не экземпляры атласа, так как все известные атласы Кирилова по подборке и числу карт различны, уникальны и ни один не повторяет другие].

Атласы Кирилова никогда не считались официальными, они не имели статуса государственного документа. В типографии Академии наук по заказу Кирилова было изготовлено только четыре листа, открывающих атлас: титульный, фронтиспис[1], портрет императрицы Анны Иоанновны и посвящение. Поэтому невозможно установить цифры тиражей (единичные?), которыми издавались атласы: чертежи гравировались и печатались на собственные средства Кирилова. Он же занимался окончательным оформлением карт, составляя легенды, посвящения, художественные виньетки и картуши. Известно, что он нередко включал в титульные картуши своих карт насыщенную характеристику изображаемой территории.

На рубеже XIX–XX вв. из картографического наследия Кирилова были известны только одна генеральная карта России и 12 специальных (порайонных, региональных): Выборгской, Ингерманландской, Пермской, Лифляндской губерний; Белозерской и Арзамасской провинций; северной и южной части Тобольской провинции; Кексгольмского, Олонецкого, Каргопольского уездов; и карта границы с Китаем. Иными словами, к началу XX в. был известен только один вариант атласа Кирилова. Вероятно, это был первый вариант атласа, так называемый «подносной» экземпляр (императрице Анне Иоанновне), который состоял из 4-х вводных листов и 14-ти листов с картами, составленных и напечатанных в 1724–1731 гг. и переплетённых в одну книгу в 1731–1732 годах. [Также сохранились сведения, что императрица Екатерина II в начале своего царствования купила вариант Кириловского атласа для Сената].

В 1960–1980-е гг. было известно уже о 28-ми картах Кирилова (26 — печатных, 2 рукописных). В начале XXI века найденными считаются 34 карты Кирилова: помимо 28-ми уже известных, было обнаружено ещё три печатных и три рукописных карты. [В России сохранившиеся карты И.К. Кирилова хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Библиотеке академии наук (БАН), Российской национальной (Государственной публичной) библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге (РНБ)].

[1] Фронтиспи́с (фр. frontispiece; от лат. frons, frontis — «лоб» и aspicere — «смотреть») — иллюстрация в книге, помещаемая на левой стороне разворота титульного листа; обычно — портрет автора или лица, о котором идёт рассказ; либо рисунок, отражающий главную идею или наиболее характерные моменты содержания книги.

На сегодняшний день из «Атласа» Кирилова известны: генеральная карта России (1734), карты русско-шведской (1724) и русско-китайской (1730) границ, Ингерманландии (1727), Астраханских владений (1731), царства Сибирского (1732), Великой Перми (1732), Лифляндии (1732), Камчатки и сопредельных стран (рукописная, 1724), Москвы-реки (1734), Волги от Саратова до устья; планы сибирских городов (1730, Иркутск, Удинск, Петропавловская и Ново-Троицкая крепости, 2 торговых слободы); карты уездов Кексгольмского (1727), Олонецкого (1728), Каргопольского (1730), Бежецкого (1731), Юрьев-Польского, Севского, Курского, Клинского, Угличского, (1733), Нижегородского (1732, рукописная); карты провинций Белозерской, Соликамской, Тобольской (1731), Арзамасской (1734) и ещё три рукописных чертежа[1].

За несколько столетий обнаруженные карты И.К. Кирилова были переизданы только один раз — в начале XXI столетия. В 2008 г. петербургское издательство «Альфарест», совместно с Библиотекой Российской академии наук (БАН), опубликовало репринтное издание: «Атлас Всероссийской империи: Собрание карт И.К. Кирилова». Помимо известных ранее 28 карт, издатели включили в издание ещё 6 обнаруженных карт Кирилова — три печатные и три рукописные. Тем самым в издании были воспроизведены и вручную сшиты 34 листа карт и 4 вводных листа из оригинального атласа: титул, фронтиспис, посвящение императрице Анне Иоанновне и её портрет. Факсимильные листы предваряют вступительная статья и описания каждой карты О.А. Красникова. Атлас заключён в обложку из натуральной кожи с золотым тиснением, с сохранением оригинального формата и качества оригинальных изображений. Однако атлас вышел тиражом только 25 экземпляров!

Косвенным доказательством того, что карт Кирилова было больше, чем их сохранилось, является его доклад «О приведении в совершенное исправление российской генеральной и партикулярных ландкарт», представленный в Сенат 20 апреля 1735 г.[2], в котором он доказывал, что «астрономические обсервации» Делиля затягивают издание атласа. [Именно в период издания атласа И.К. Кирилов назначается в экспедицию в Башкирию и Оренбургский край (1734–1737), в ходе которой он скончался от чахотки].

Как показали современные исследования, И.К. Кирилов в совершенстве владел современными ему геодезическими методами, о чём свидетельствуют многочисленные инструктивные материалы и заметки по картографии, созданные во время руководства им государственной сухопутной съёмкой России.

На поприще картографии И.К. Кирилов столкнулся с французским учёным-астрономом Ж.-Н. Делилем (1688–1768)[3]. Первоначально Кирилов составил для Делиля

[1] Литература об «Атласе» И.К. Кирилова: Берг Л.С. Всероссийский атлас Ивана Кирилова (1726–1734) // Труды [Первого] Совещания по истории естествознания 24–26 дек. 1946 г. М.; Л., 1948; Новлянская М.Г. И.К.Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958; Клепиков С.А. Неизвестный экземпляр карт из Атласа Всероссийской империи И.К. Кирилова // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 88. М., 1956; Bagrow L. Ivan Kirilov, compiler of the first Russian atlas, 1689–1737 // Imago Mundi. Vol. 2. 1937.

[2] Подавая на высочайшее имя 20 апреля 1735 г. записку «О приведении в совершенное исправление российских генеральных и партикулярных ландкарт», И.К. Кириллов перечисляет в качестве своих предшественников Алиария (Олеария), Витцена (Витсена), Стремберка (Страленберга) и Избранта (Идеса).

[3] Дели́ль Жозе́ф Николя́ /Joseph-Nicolas De L'Isle; Delisle de La Croix; Иосиф Николай; в современных русскоязычных изданиях — Осип Николаевич/ (1688–1768) — французский астроном, геодезист, картограф, физик, историк науки (!). Член (адъюнкт) Парижской академии наук (1714), Лондонского королевского общества (1724), академик (1725), иностранный почётный член Петербургской АН (1747–1748). Родился в Париже. Его отец Клавдий был преподавателем истории и географии, старший брат Гийом — королевским географом и членом Парижской академии. Ж.-Н. Делиль обучался в коллеже Мазарини, но оставил учение на отделении риторики и с 1706 г. занялся изучением астрономии (после увиденного полного солнечного затмения 12 марта 1706 г.). В 1724 г. посетил Англию, где познакомился с Ньютоном и Галлеем.

В 1721 г. Пётр I пригласил Ж.-Н. Делиля на службу в Россию; несколько лет прошло в переговорах; наконец, в июне 1725 г. он подписал контракт на поступление в члены Петербургской Академии наук и феврале 1726 г. прибыл в Петербург. В 1726–1747 гг. жил в России. Был инициатором организации в России метеорологической службы (1726) и службы времени (1735), основатель и первый директор (1739–1740) географического департамента при Петербургской академии наук. Наблюдал Солнце, Луну, планеты, кометы

реестры картам, реестры городам и «Краткое истолкование» русских географических терминов (!), вёл с ним переписку и снабжал картами; но вскоре между ними возникли серьёзные разногласия.

Первый необходимый этап картографирования России, в условиях её огромной земельной площади, Кирилов, в противоположность Делилю, видел в создании генеральных (мелкомасштабных), а не партикулярных (крупномасштабных) карт. Соответственно, Кирилов настаивал на получении астрономических определений тех координат (методом триангуляции как плановой основы создания карт), которые в условиях необъятных просторов России были необходимы для достаточно точного составления обзорных (мелкомасштабных) географических карт.

Исторический опыт показал, что путь, избранный Кириловым, был в условиях России единственно верным, так как опыт небольших европейских государств, на который ориентировался Делиль, начинавших картографирование с создания сплошной триангуляционной сети, был неприменим к странам с огромной территорией. Вся история русской картографии XVIII–XIX вв. представляет собой развитие рекогносцировочных методов съёмок и картографирования в сочетании со сплошными съёмками на отдельных участках (населённые пункты, пограничные районы и т.п.) или трассах (дороги, реки). Только в XX веке в России (в советское время) стало возможным проводить топографические съёмки местности исключительно на основании метода триангуляции.

В 1732 г. Кирилов не дал хода проекту Делиля об учреждении географического бюро в бóльшей мере не из-за того, что был против его образования, а небезосновательно предполагая, что его главой назначат именно Делиля. Конец этому противостоянию положила скоропостижная смерть Кирилова в Самаре от чахотки.

Именно Делиль создал коническую картографическую проекцию (1728) — способ черчения географических карт (иногда называемый его именем), по которому и были составлены карты России из официального «Атласа» 1745 года. В 1739–1740 гг. Делиль состоял в должности «главного географа России» (начальника географического департамента Петербургской академии наук) и непосредственно руководил составлением

(1742, 1744), солнечные и лунные затмения; участвовал в уточнении значения астрономической единицы прохождения Венеры по диску Солнца (1761, 1769); разработал теорию движения комет; измерил базисную линию (21,5 км) по льду Финского залива (1737); установил ряд закономерностей явления дифракции. Организовал перевод трудов Улугбека и др.

В декабре 1735 г. Делиль подал барону Корфу (управляющему Академией наук) проект, по которому предлагал в Петербурге в полдень стрелять из пушки с адмиралтейского бастиона («чем дать каждому С.-Петербургскому обывателю способ, как исправно заводить по солнцу стенные и карманные часы»).

В 1740 г. он ездил в Сибирь для наблюдения за прохождением Меркурия через Солнце; однако вследствие трудностей в пути, вместо Обдорска, он достиг только Березова, где облачная погода воспрепятствовала наблюдениям. Собирал греческие и римские медали, русские рукописи и прочие древности. Почти все его сочинения напечатаны: частью в изданиях Парижской академии, частью в комментариях Петербургской академии наук.

В 1740-е гг. Ж.-Н. Делиль оказался втянутым в многолетний конфликт в Петербургской академии наук. В борьбе внутри Академии он принял сторону противников секретаря Академии И.-Д. Шумахера (1690–1761). В результате в сентябре 1747 г. был вынужден возвратиться во Францию. В Париже Делиль издал сочинение «Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud» (1752), в котором впервые были напечатаны сведения о Камчатской экспедиции Беринга. Все сведения об этой экспедиции хранились русским правительством в тайне, поэтому появление этого сочинения вызвало скандал в правительственных и академических кругах России. Ещё в 1747 г. русское посольство в Париже безуспешно пыталось добиться у французского правительства запрещения печатать Ж.-Н. Делилю что-либо о России без разрешения Петербургской академии наук и на возвращении им всех материалов по истории и географии России. В 1754 г. Ж.-Н. Делиль получил место географа-астронома французского флота; в это же время французский король Людовик XV (1715–1774) приобрёл его богатое собрание рукописей и огромную библиотеку.

Сочинения Ж.-Н. Делиля: Discours lu dans l'assemblée publique de l'Académie des sciences le 2 Mars 1728, par Mr. De L'Isle avec la réponse de Mr. Bernoulli; Abrégé des mathématiques pour l'usage de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies. Tome II contenant l'Astronomie et la Géographie, 1728; Projet de la mesure de la terre en Russie, lu dans l'assemblée de l'Académie des sciences de St. Petersbourg le 21 janvier 1737; Mémoire pour servir à l'histoire et au progrès de l'Astronomie, de la Géographie et de la Physique etc. à St. Petersbourg 1737; и др.

Генеральной карты и карт отдельных регионов России из атласа (1745). В 1741 г. Делиль безуспешно пытался добиться полного отделения российского географического департамента от Академии наук, предлагая поручить заведование географическими работами «одному способному лицу со званием первого географа и космографа, под непосредственным ведением Императорского Кабинета».

Ж.-Н. Делиль является одним из редакторов-составителей первого официального атласа Российской империи (1745), но не его автором. Этот атлас — результат 20-летней коллективной деятельности.

В работе над созданием атласа (1745) Жозефу Делилю помогали известные европейские учёные того времени: Леонард Эйлер, Христиан фон Винсгейм, Готфрид Гейнзиус, Герард Миллер. Общее же руководство проектом в Академии наук осуществлял её секретарь И.-Д. Шумахер.

Практические же работы на местности с целью геодезического картирования территории России проводились ещё до приезда Делиля в Россию (1726). Геодезические съёмки в эпоху Петра I начались в соответствии с указом Сената от 9 декабря 1720 года[1]. Первыми русскими геодезистами были выпускники открытой в 1701 г. в Москве «Школы математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук», которая готовила не только геодезистов, но и артиллеристов, инженеров-фортификаторов и моряков. В 1715 г., когда в Петербурге начала работать Морская академия, туда были переведены старшие классы Московской навигацкой школы, и вплоть до середины XVIII века она оставалась на положении подготовительного училища. [В 1752 г. школа была закрыта, а Петербургская Морская академия в том же году преобразована в Морской кадетский корпус, в котором сосредоточилось преподавание прикладной математики, геодезии, мореходного дела].

Уже в 1721 г. Пётр Великий отправил около 30-ти геодезистов в провинции для уточнения и составления географических карт. К 1726 г., когда Делиль приехал в Россию, русские геодезисты И. Елагин, М. Пестриков, Д. Мордвинов, И. Ханыков уже составили карту Ямбурга, Копорья, Шлиссельбурга; А. Клешнин — Выборга и Кексгольма Петербургской губернии; В. Леушинский и Исупов — Боровска Московской губернии; Ф.Молчанов — Соликамска и Перми Великой Казанской губернии.

Астрономические данные, легшие в основу Генеральной карты России (1740–1741), были получены трудами целого ряда лиц, частью обученных Делилем, частью работавших под его руководством. Сам Делиль со своими помощниками произвёл только съёмку у берегов Финского залива и позже сделал ряд наблюдений во время путешествия (1740–1741) в Западную Сибирь, в Березов, для наблюдения прохождения Меркурия. В этих наблюдениях ему помогали студенты Академии наук, позднее адъюнкты, И.Ф. Трускотт, А.Д. Красильников, уроженец Риги Кенигсфельт, «инженер» Шварц. Под руководством Жозефа Делиля, а позднее самостоятельно, работали иностранные учёные Готфрид Гейнзиус, Луи Делиль де ля Кройер, Христиан фон Винсгейм.

Ж.-Н. Делиль рассчитывал покрыть всю территорию Россию геодезическими треугольниками, но организовать такую постановку работы при составлении Генеральной карты ему не удалось. В основу карты были положены астрономические наблюдения отдельных, не связанных между собою пунктов; к ним был приобщён новый и старый съёмочный материал.

Однако прорыв в работе над составлением атласа России (1745) был связан уже не с именем Ж.-Н. Делиля, а с деятельностью швейцарского учёного-математика Леонарда Эйлера (1707–1783), который сменил француза на посту главы образованного в 1739 г. Географического департамента Петербургской (Российской) академии наук и занимал эту должность в 1740–1741 и в 1769–1783 гг. [2].

---

[1] ПСЗРИ. Т. VI (1720–1722). № 3682.

[2] Леонард Эйлер (1707–1783) прибыл в Петербург в 1727 г.; в 1741 г. уехал в Берлин; с 1766 г. и до самой кончины вновь жил в России. Из ок. 100 научных работ, опубликованных Эйлером к 1777 г., три относятся к математической картографии и рассматривают вопросы искажений проекции Делиля, общей

План работы над атласом был первоначально выработан Делилем, но затем пересмотрен и изменён Эйлером (1740). С 1735 г. протоколы Географического бюро Академии наук (предшественника Географического департамента) отражают интенсивную деятельность Эйлера по составлению карт, их редактированию и вычерчиванию. С 1739 г. Эйлер — официальный консультант Географического департамента по созданию атласа Академии наук; им были выполнены многие вычисления для создания математической основы карт атласа (1745).

Составление карт Академического атласа значительно ускорилось после утверждения методики Эйлера-Гейнзиуса, по которой в отличие от процедуры, предлагаемой Делилем, вначале составлялась из разномасштабных уездных карт геодезистов не генеральная карта, а карты провинций и губерний, служившие, в свою очередь, основой для обзорной карты. Иными словами, в полемике между Ж.-Н. Делилем и И.К. Кириловым Л. Эйлер принял сторону последнего. Со всех частей России, из самых разных учреждений и провинциальных канцелярий, из морских и сухопутных экспедиций в Петербург стекались карты и планы, где они проверялись, сверялись и сравнивались. По мере необходимости производилась новая проверка данных и съёмка геодезистами на местах.

Таким образом, в основу карт России из атласа 1745 г. были положены инструментальные съёмки русских геодезистов 1720–1730-х гг., некоторые карты из атласа И.К. Кирилова (1734), итоговые материалы всех отрядов I-й и II-й Великих Сибирских экспедиций (1725–1730, 1733–1743) и новейшие европейские карты того времени, копиями которых располагали Ж. Делиль и Л. Эйлер.

«Атлас Российской империи» (1745)[1] был издан Петербургской академией наук и является первым официальным атласом государства[2]. Это первое собрание карт всей территории России, составленное на научной основе (на основе астрономического определения местоположения географических объектов). Готовился с 1726 г. (с 1739 г. — в Географическом департаменте). Атлас имеет большой формат (32×54 см); кожаный переплёт оформлен золотым тиснением. Карты гравированы на меди и вручную раскрашены акварелью. Атлас был издан на русском, латинском, немецком и французском языках. В 1749–1762 гг. несколько раз печатались дополнительные тиражи в 25, 50, 100 экземпляров. Затем атлас долгое время не переиздавался, пока в 2007 г. в России (в Петербурге) не было опубликовано факсимильное издание атласа, которое полностью повторяет особенности оригинала. Сохранён точный формат, воссоздан оригинальный переплёт из натуральной кожи с золотым тиснением[3].

теории конформного (равноугольного) изображения шара на плоскости. Его ученики С.Я. Румовский и А.Н.Гришов проводили вычисление величины сжатия земного сфероида у полюсов. [Фель С.Е. Картография России. М., 1960. С. 177; Гольденберг Л.А. Географический департамент Академии наук и создание первого академического атласа (1739–1799 гг.) // Очерки истории географической науки в СССР. М., 1976. С. 49–60; Багратуни Г.В. Леонард Эйлер // Л. Эйлер. Избранные картографические статьи. М., 1959. С. 5–16].

[1] Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненной по правилам Географическим и по новейшим обсервациям, с приложенною при том Генеральною картою великия сия Империи / Старанием и трудами Императорской академии наук. СПб., 1745.

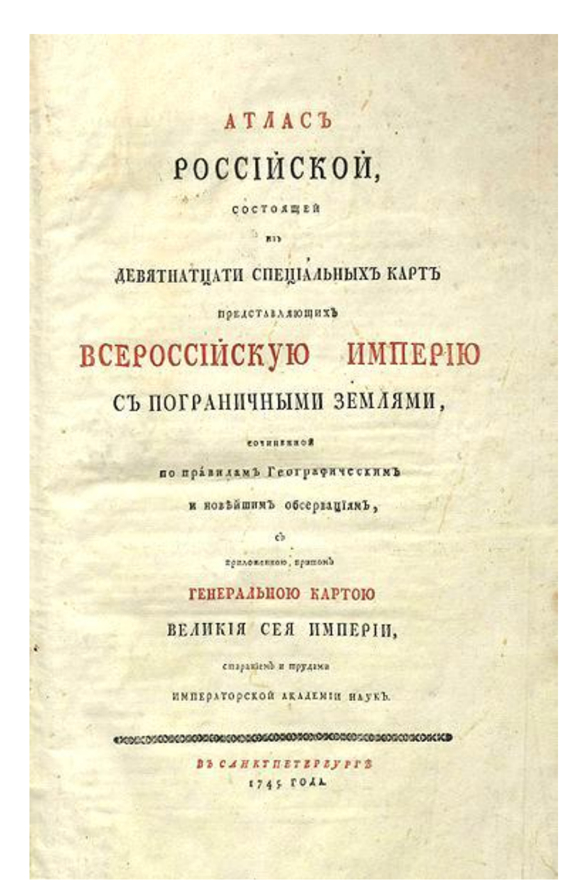
[2] Свенске К.Ф. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданные императорской Академиею наук в 1745 г. // Записки АН. Т. 9. Приложение 2. СПб., 1866; Боднарский М.С. Первые русские географические атласы // Землеведение. Т. 34. Вып. 1–2. 1932; Гнучева В.Р. Географический департамент Академии наук XVIII в. // Труды Архива АН СССР. Вып. 6. М.; Л., 1946; Салищев К.А. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М., 1948; Виноградов Н.В. Карты и атласы / Под ред. М.С. Боднарского и М.П. Мурашова. М.; Л., 1941; Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII века / Под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1946; Гольденберг Л.А. Географический департамент Академии наук и создание первого академического атласа (1739–1799 гг.) // Очерки истории географической науки в СССР. М., 1976. С.49–60; Постников А.В. Карты земель российских: Очерк истории географического изучения и картографирования нашего отечества. М., 1996; Кусов В.С. Памятники отечественной картографии. М., 2003.

[3] Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт… – Факсимильное издание 1745 года. СПб.: Альфарест, 2007.

Карта Камчатки и Охотского моря
(первая половина XVIII в.)

АТЛАСЪ
РОССІЙСКОЙ,
состоящей
изъ
ДЕВЯТНАТЦАТИ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ КАРТЪ
представляющихъ
ВСЕРОССІЙСКУЮ ИМПЕРІЮ
СЪ ПОГРАНИЧНЫМИ ЗЕМЛЯМИ,
сочиненной
по правиламъ Географическимъ
и новѣйшимъ обсервацiямъ,
съ
приложенною притомъ
ГЕНЕРАЛЬНОЮ КАРТОЮ
ВЕЛИКІЯ СЕЯ ИМПЕРІИ,
старанiемъ и трудами
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
1745 ГОДА.

Титульный лист атласа Российской империи
(1745)

Атлас 1745 г. содержит генеральную (общую) карту государства в масштабе 200 вёрст в дюйме (1 см : 84 км); 13 карт европейской части России, составленных в масштабе приблизительно 33 вёрст в дюйме (1 см : 14 км); 6 карт территории Сибири и Дальнего Востока в масштабе примерно 87 вёрст в дюйме (1 см : 36 км).

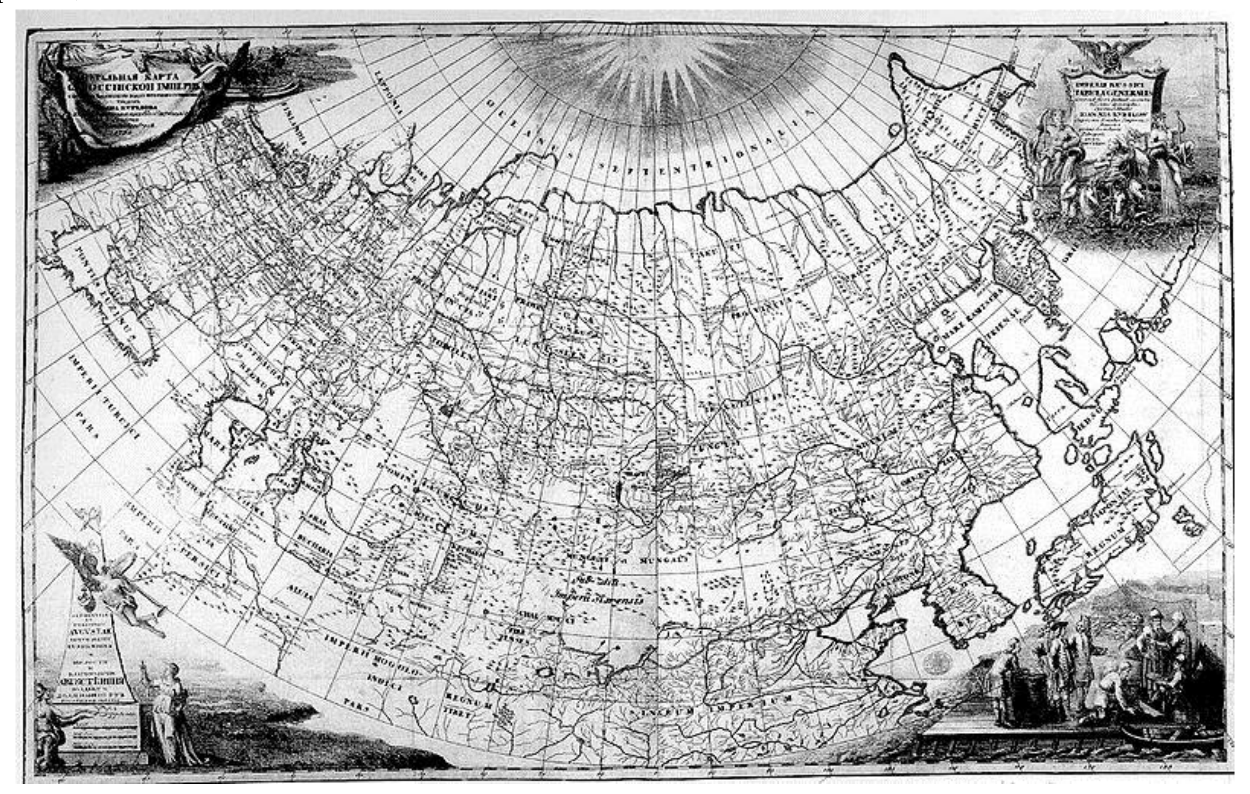
Среди 19-ти чертежей отдельных регионов России находятся карты: «Российской Лапландии»; района между Архангельском, Петербургом и Вологдой; Эстляндии и Лифляндии; Московской губернии; Смоленской губернии с прилегающей территорией; Мезенского и Пустозерского уездов; земель около Днепра, Дона и Донца, а также Крыма и части Кубани с Чёрным морем; Яренской, Важской, Устюжской, Соль-Вычегодской, Тотемской и Хлыновской провинций и уездов; Казанского царства; Волги от Самары до Царицына; Кубани и Грузии; части Сибири от Соликамской до Тобольска; Уфимской провинции; устья рр. Печоры, Оби и Енисея; верховий рр. Иртыша и Енисея; части Ледовитого океана с устьем р. Лены; Иркутской провинции и района озера Байкал; части Якутского уезда и большей части Камчатки; устья Амура с южной частью Камчатки.

Условные знаки на картах (около 50 видов) передают различную информацию об отображённой местности: населённые пункты, дороги, гидрография, леса, степи, болота, рельеф, границы и др. Детально изображены озёра и реки; судоходные реки выделены двумя линиями, на больших реках помечены острова и пороги, в прибрежных водах морей и заливах указаны мели и рифы («явные и потаенные в воде камни»).

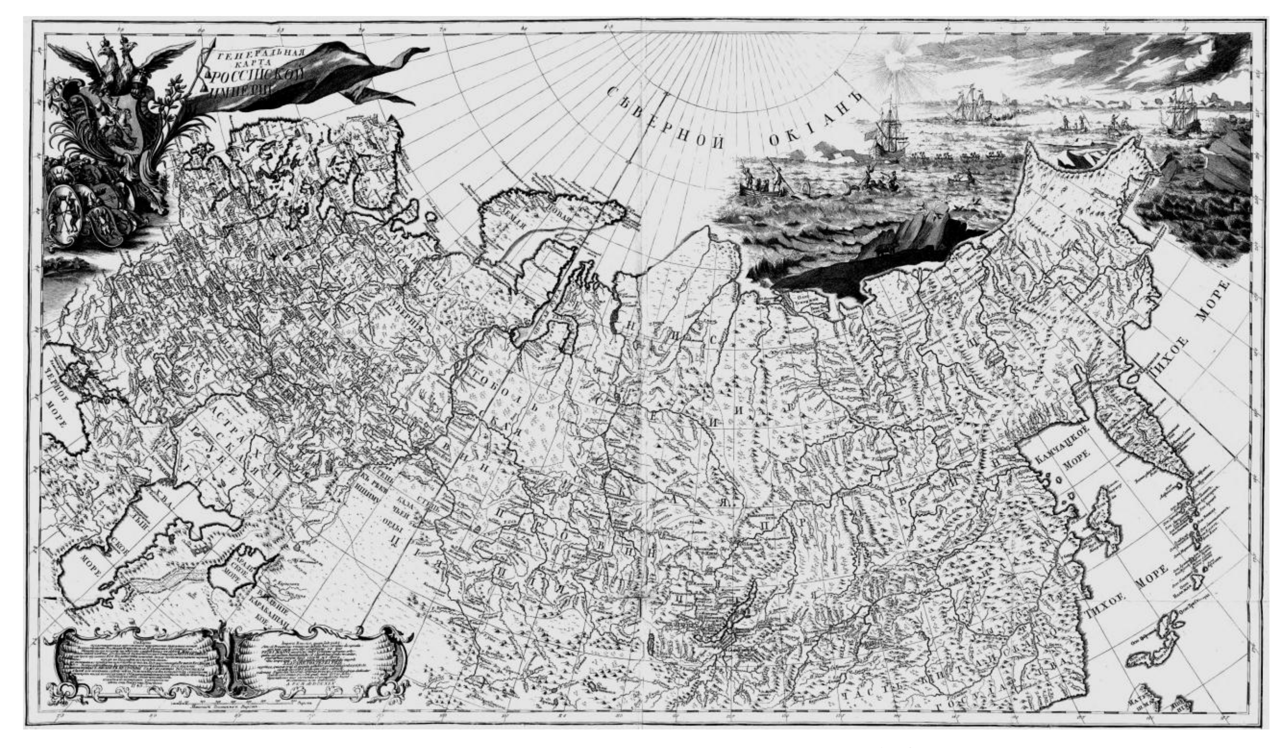
В таблице условных обозначений «Атласа Российского» (1745) приведена классификация населённых пунктов, помещённых на картах (города — столичный, купеческий, провинциальный, каменный, земляной, деревянный приписной; крепость; за́мок; порт; монастырь; слобода; острог; зимовье; погост; село; сельцо; приселок; деревня). Населённые пункты подразделяются по административному и экономическому значению. Отдельно выделены крупные заводы-мануфактуры: медные, железные и серные заводы, солеварни, мельницы и т.п.

Из специальных обозначений отмечены исторические места сражений, старинные линии укреплений, засеки, крепости, заставы, древние руины; иногда — расселение народов (сванеты, имериты, гиляки и др.).

На картах атласа отражены государственные, губернские, провинциальные и уездные границы.

Генеральная карта Российской империи И.К. Кирилова (1734)

Генеральная карта Российской империи из атласа 1745 г.

Особые условные обозначения отображают рельеф местности. Отдельно выделены действующие вулканы Камчатки: к условному знаку — «холмику» — подрисован язык пламени, а пояснительный текст гласит, что так изображается «огонь выбрасывающая гора».

Новый атлас был разослан по губерниям, провинциям и отдельным лицам с пожеланием сообщать обо всех замеченных ошибках, чтобы их можно было учесть при переиздании…

Несмотря на то, что карты из атласа Российской империи 1745 г. имели ряд географических дефектов и множество погрешностей, в географическом отношении они превосходили все известные карты территории азиатской части Евразии: как выполненные в традиционной русской манере («Годуновская карта», чертежи Ремезова), так и новейшие европейские образцы того времени. Также карты из атласа 1745 г. передают более совершенное изображение территории России, чем карты Кирилова 1726–1734 гг.

Однако с исторической точки зрения важнее другое обстоятельство: не умаляя заслуг составителей атласа в области географии и картографии, обратим внимание читателя на то, что авторами атласа России (1745) были иностранные учёные (математики, астрономы, географы), которых в меньшей (в бóльшей?) мере интересовал исторический аспект русской картографии (надписи на картах!). На официальные карты России, составленные в 1740-е годы, были нанесены имена собственные, которые закрепились за многими территориями Евразии только в XVII – первой половине XVIII веков!

Именно атлас 1745 г. закрепил на русских картах большинство современных официальных названий (имён собственных) различных географических объектов России. Именно «Атлас Российской» (1745) открывает в России эпоху современной картографии…

Русское географическое и картографическое наследие Национальной библиотеки в Париже, Национального архива Франции и Исторического архива Морского министерства в Венсенне[1]

В историографии уже достаточно давно известно, что Ж.-Н. Делиль, работая в Петербургской академии наук и имея доступ практически ко всем новейшим географическим материалам империи, злоупотребил неограниченным доверием к нему российских властей. Он использовал своё положение научного руководителя по созданию академического атласа Российской империи (1745) для систематического копирования и сбора картографических и географических материалов съёмок русских геодезистов. Эти материалы, а также многие оригиналы русских карт, существующие в единичных экземплярах, Делиль вывез в 1747 г. во Францию, за что получил пожизненную пенсию от французского короля Людовика XV (1710–1774 гг., король — с 1715 г.)[2].

Первыми подобное предположение высказали ещё такие учёные и практики российской картографии, как И.К. Кирилов (1687–1737), В.Н. Татищев (1686–1750) и Леонард Эйлер (1707–1783).

Первые косвенные свидетельства того, что Ж.-Н. Делиль передаёт во Францию новейшие, совершенно секретные русские географические и картографические сведения появились после опубликования в Париже Ж.-Б. дю Гальдом в 1735 г. и Ж.-Б. Д'Анвилем в

[1] Материал воспроизведён по изданию: Постников А.В. Новые данные о российских картографических материалах первой половины XVIII в., вывезенных Ж.-Н. Делилем во Францию // Вопросы истории естествознания и техники. № 3. 2005. С. 17–39.

[2] Некорректные аспекты научной деятельности Ж.-Н. Делиля в России исследовались в течение всего XX столетия, причём начали эти работы французские учёные. См.: Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle. Sa biographie et sa collection des cartes géographiques à la Bibliothèque nationale. Comité des travaux historiques et scientifiques // Bull, de la sect, de géographie. Paris, 1915. Vol. XXX; Omont H. Lettres de J.N. Delisle a comte Monrepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques. Comité des travaux historiques et scientifiques // Bull, de la sect, de géographie. Paris, 1917–1918. Vol. XXXII; Кордт В.А. Материалы по истории картографии Украины. Киев, 1931; Фель С.Е. Картография России XVIII века. М., 1960. С. 179–183; Lesure. Les sources de l'histoire de Russie aux Archives nationales. 1970. P. 398–415; Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С.249–255; Гольденберг Л.А. Первый академический атлас России и картографические работы Географического департамента Академии наук // Очерки истории географической науки в СССР. М., 1976. С.49; Мусихин А.Л. Астроном И.Н. Делиль и князь П.В. Долгоруков // Материалы научной конференции. Петряевские чтения, 2003. (Киров, 27–28 февраля). Киров, 2003. С. 68–74.

1737 г. итоговой карты I-й Камчатской экспедиции В. Беринга (1725–1730). [Факт того, что именно Ж.-Н. Делиль передал эту карту за границу, документально не установлен].

Первым же документальным подтверждением некорректной научной деятельности Делиля в Петербурге явилось обнародование им за рубежом результатов II-й Великой Северной (Камчатской) экспедиции (1733–1743), также считавшихся секретными в России. Эти материалы содержали семь карт, включая изображения маршрутов Беринга во время I-й Камчатской экспедиции от Москвы до Тобольска и Камчатки; уникальную (единичную) карту Центральной Азии Петра Чичагова (1723) и карту Камчатки и Курильских островов А.Ф. Шестакова[1].

Основная масса русских материалов, вывезенных Делилем во Францию, долгое время (до конца XX века) хранилась как единая коллекция карт России Ж.-Н. Делиля департамента (отдела) карт и планов Национальной библиотеки в Париже и включала 190 единиц хранения. Однако с начала XXI столетия единого собрания карт Делиля во Французской библиотеке больше не существует, а карты из его коллекции каталогизированы по географическому принципу (хотя и с сохранением их былых шифров коллекции). [Иными словами, карты из коллекции Делиля и раньше никто не собирался возвращать на историческую родину, а теперь — тем более].

Другая бóльшая коллекция картографических материалов, вывезенных Жозефом Делилем из России, — это собрание русских карт, хранящееся в Историческом архиве Морского министерства в Венсенне /Vincennes/ (юго-восточный пригород Парижа). Данная коллекция включает 223 карты, из которых 53 — относятся ко всей территории России, 54 — показывают северную часть страны, 55 — южную, а 61 — изображает азиатскую часть Российской империи.

Тем самым, в этих двух коллекциях Франции хранится 413 русских картографических источников. В подавляющем большинстве случаев источники приводятся в оригинале (или копии, иногда авторской) на русском языке с последующим переводом на французский язык.

В коллекции в Венсенне представлено два варианта «Атласа Всероссийской империи» И.К. Кирилова (1731–1734)[2]. В соответствии с каталогом «Атласа Кирилова», составленного самим Ж.-Н. Делилем и хранящегося в его фонде рукописей Национального архива Франции[3], в нём числится 29 карт: границы со Швецией (1721 г., гравирована Пикардом /Пикаром/ в 1722 г.); Выборга; Ингрии; Кексгольма; Олонца; Каргополя; Белоозера; русско-китайской границы (1728 г., на двух листах); русско-китайской границы (1728 г., на одном листе); Бухарии; северной части Тобольской губернии; Соликамской провинции; Бежецка; южной части Тобольской губернии; Великой Перми; Новгорода; Курска; Севска; Юрьева-Польского; Клина; Углича; Нижнего Новгорода; части реки Москвы; Волги от Саратова до Астрахани; Ливонии; Астраханской провинции; Генеральная карта России; пути капитана Беринга на Камчатку; Ладожского канала.

Из русских подлинников в коллекции Делиля Исторического архива Морского министерства Франции также хранятся рукописная карта Белозёрской губернии, которую «сочинил, рисовал и подписал Аким Клешнин на Белоозере, декабря 12 дня 1729 году»; «Карта, на которой положены степные места от Царицынской линии между рек Волги и Дона» (начало XVIII в.) и красочная акварель «Карта военных действий на Азовском и Чёрном морях Ея императорского величества победоносныя армей 1737 года»[4].

Помимо уникального собрания картографических источников XVII–XVIII вв. по территории России и прилегающих к ней евразийских стран, Делиль вывез во Францию

[1] Bibliothèque nationale de la France. Département des cartes et plans. Ge. CC. 2001. 1–7.

[2] Service historique de la Marine (Vincennes). Bibliothèque du dépot des cartes et Plans de la Marine. In folders 53, 54.

[3] Les archives nationales de la France. 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Géodesie). № XXII, 18, D – Catalogue des cartes de Atlas de M. Kiriloff.

[4] Service historique de la Marine (Vincennes). Bibliothèque du dépot des cartes et Plans de la Marine. Folder 54, № 10; Folder 55. # 110; Folder 55, # 23.

обширный и разнообразный текстовый материал, составлением которого сопровождались все картографические работы в России. Этот блок документов сейчас хранится в фонде «Рукописи господина Делиля. Россия. История и география России. 852–1740» Национального архива Франции[1].

В данном фонде все документы можно дифференцировать на следующие тематические группы:

1. Историко-географические обзоры и сведения о Евразии и Русском государстве, начиная с эпохи раннего Средневековья и включая сочинения начала XVIII века.

К этой совокупности документов относятся: «Летописец русский повесть временных лет» в списке 1630 г., переведённый на французский язык[2]; описания путешествий Плано Карпини (1246–1247) и Гийома Рубрука /Вильгельма Рубрукиса/ (1293) в Великую Монгольскую империю на французском языке[3]; записки Сигизмунда Герберштейна (1549 г.; в выходных данных архива сочинение датировано, непонятно на каком основании —1515 г.)[4] и Исаака Массы (1620)[5] о Московии, сочинения врача Шмидта[6] и Н. Витсена[7] с описанием Сибири и Тартарии (конец XVII в.); сведения о России первого русского доктора медицины и философии П.В. Постникова (1666 – после 1716)[8], проживавшего в 1701–1710 гг. (с

[1] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740.

[2] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. Extrait de l'histoire de Russia... 1630.

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XVIII, 8. Voyage de Jean Carpin Ascelin en Tartarie en 1246 &1247. Voyage de Rubruquis en Tartarie en 1293.

[4] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XVIII, 6. Extrait de la description de Moscovie du Baron d'Herberstein de ses voyages commence en 1515.

[5] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XVIII, 7. Extrait de la description de la Moscovie d'Issac Massa en 1620.

[6] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 80. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Main Stock – Mémoire de M. Schmidt, médecin, sur la Sibérie (en russe).

[7] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 80. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Main Stock – Extrait de la description de la Tartarie de Witzen.

[8] По́стников Пётр Васильевич (1666 – после 1716) — первый русский доктор медицины и философии. Сын дьяка Посольского приказа В.Т. Постникова (?–1710), одного из помощников русского посла Ф.А.Головина (1650–1706) при заключении Нерчинского трактата (1689) с Цинской империей. Начальное образование получил в Славяно-греко-латинской академии в Москве. Весной 1692 г. «по именному великого Государя [Петра I] указу отпущен с Москвы в Венецию для совершения свободных наук в Потавинскую Академию [Падуанский университет]. В 1694 г. получил в университете Падуи степень доктора медицины и философии; выданный ему диплом заключал в себе лестные отзывы о дарованиях, поведении и успехах молодого русского учёного. Для получения степени предварительно должен был выйти из корпорации (цеха) «Заморской» (Ultramarina), в которую записался при поступлении в университет, и перейти в «Германскую» (Alemanna). [Переход этот осуществился лишь после жарких дебатов между обеими корпорациями, и дело уладилось только благодаря вмешательству городских властей]. В ноябре 1694 г. был избран асессором в университетскую администрацию, заведовавшую делами Artistarum (университет делился на два основных отделения: universitas juristorum — юристов, и universitas artistarum — остальные факультеты).

Покинул Падую в 1695 г.; был определён на службу в Посольский приказ как владеющий, кроме русского, греческим, латинским, французским и итальянским языками; но и после этого продолжал оставаться за границей. В 1697–1698 гг. прикомандирован к Великому посольству; вместе с ним находился в Голландии (как переводчик и закупщик лекарственных препаратов). Выезжал в Лондон и Париж. В июле 1698 г., из Вены, с несколькими волонтёрами был направлен в Венецию, но вскоре назначен секретарём при русском посланнике П.Б. Возницыне на Карловичском /Карловицком/ конгрессе (1698–1699). После заключения перемирия (1699) с Османской империей жил в Голландии и Англии, затем вернулся в Россию (1701). В 1701 г. в Москве ему была устроена почётная встреча, по примеру приёма видных иностранных докторов, приезжавших на службу в Россию, и он был записан на службу доктором в Аптекарский приказ со значительным для того времени жалованьем в 500 руб., но с обязанностью «переводить в Посольском приказе, как случатся, латинские, французские, итальянские нужные письма».

Но в конце того же (1701) года его посылают во Францию (в Париж) на положении неофициального дипломатического агента (1701–1710). В сентябре 1703 г. получил приказ вернуться в Россию, однако оставался

перерывами) в Париже[1]; «Краткое описание географии Империи Российской в её древнем, средневековом и современном состоянии» В.Н. Татищева (в латинском переводе с оригинала, с примечанием Ж.-Н. Делиля)[2]; «Описание реки Волги» Г.-Ф. Миллера[3], «Описание западной части Каспийского моря» (1728) русского офицера Ивана Гарбера (?–1734)[4], анонимное сочинение «Условия навигации в Белом море»[5].

Из данной группы материалов отдельно выделим весьма примечательный документ — дорожник на русском языке «Книга повёрстная, сколько от царствующего града Москвы до знатных сел, городов, пригородков, некоторых волостей; и до разных городов и от города до города вёрст»[6]. В конце помещён индекс с указанием страниц. Расстояния даны по разным (если имелись) дорогам. Общий объём рукописи (без указателя) составляет 90 страниц. Авторство не указано.

Здесь возникает очень интересный вопрос: является ли эта рукопись копией (или подлинником) сочинения А.А. Виниуса (1641–1717), известного в российской историографии под названием «Таблицы расстояний различных столиц от Москвы»[7], или это до сих пор ненайденный источник-оригинал, которым пользовался Виниус? В заголовке своего сочинения А.А. Виниус прямо указывает, что составлял его на основе какой-то старинной рукописи (числится несохранившейся!), которую он называет «Книга, именуемая водных мер и иных принадлежащих описание Российского государства от первопрестольного по алфавиту его царского величества града Москвы».

2. Проекты картографирования Российской империи, принципы астрономо-геодезического и математического обоснования съёмок и составления карт (программы и реальные работы по созданию сети опорных точек, разработка картографических проекций и т.п.), характеристика методов и хода съёмок русских геодезистов в эпоху Петра I и его преемников (инструкции, наставления, отчёты, описания).

Эта категория документов представлена в фонде Ж.-Н. Делиля Национального архива Франции наибольшим количеством рукописей.

в Париже до августа 1704 г.; затем жил в 1704—1705 гг. в Голландии «с научными целями» и вновь вернулся в Париж. Его хлопоты о получении места официального посла-резидента при английском или одном из итальянских дворов остались безуспешны. В начале 1710 г. русское правительство, наконец, решилось назначить при французском дворе официального посла и наметило на эту должность П.В. Постникова, но … в этом же году последний вернулся в Россию и уже навсегда. Вернувшись в Россию в 1710 г., он остался на службе при Посольском приказе, занимаясь, по поручению правительства, переводом иностранных сочинений. В 1712 г. начал переводить «L'ambassadeur et ses fonctions» Викфора; в 1716 г. перевёл «Alcoran de Mahomet» дю Рие. На этом известия о нём обрываются, его дальнейшая судьба неизвестна.

[1] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 75. Manuscrits de M. Delisle. Russie (cartes et postes). Main Stock – Mémoire sur la Moscovie, recuilli par Claud Del'Isle, principalement par les information faites au Russe [Pierre] Postnikoff, qui etais à Paris en 1699 et 1703. Pages 107–136.

[2] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XVIII, 4. «Brevis descriptio geographica Imperii Russici, pro statu temporis antiqui, medii & Modierni». Примечание Делиля: «Description abrégée de l'Etat ancien, moderne et présent de la Russie composée en Russe par Mr. Tatijchev, traduite en Latin par Mr. Gross, et communiquée par Le Mesme en 1740 pendant mon absence en Sibéria».

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 80. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Main Stock – Déscription de la Volga par M. Muller.

[4] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 80. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Main Stock – Déscription des peuples qui sont à l'Ouest de la mer Caspienne, par Garber (1728).

[5] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 80. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Main Stock – Navigation de la mer Blanche.

[6] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 75. Manuscrits de M. Delisle. Russie (cartes et postes). Main Stock – Livre des postes de Russie (en russe).

[7] Сочинение А. Виниуса имеет следующее авторское название: «Описание растоянию столиц нарочитых градов славных Государств и земел такоже и знатных островов и проливов водным и сухим к тому путём по размере книги имянуемыя водных мер и иных принадлежащих описание российского государства от первопрестолного по алфавиту его царского величества града Москвы толко до которого града и проливы вёрст и тако и в предлежащем листе ниже сего предявяет». См.: Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII вв. М., 1992 (глава под названием «Таблица расстояний разных»).

Прежде всего, из этой группы документов следует выделить копии протоколов заседаний Петербургской академии наук по проблемам географии (на русском языке)[1], где подробно отражены дискуссии по вопросам картографирования и изучения природы России. Здесь же находятся хорошо известный в историографии «Проект создания карты России Жозефа Николя Делиля» 1733 г. («Project d'une carte de Russie, par Joseph-Nicolas Delisle»)[2] и его черновой вариант («Méthode de la projection et des calculs de cette projection pour les Cartes générales de Russie»)[3], в котором французский учёный излагает свои соображения о параметрах наиболее подходящей проекции для картографического изображения территории России (включает вычисления, чертежи, таблицы и другие данные для создания карт в проекции Делиля).

В этих архивных делах упоминается переписка (дискуссия) 1728–1729 гг. с обер-секретарем Сената И.К. Кириловым, в которой последний, руководивший геодезическими съёмками, отстаивал идею создания основной опорной сети карт путём прокладки съёмочных ходов по рекам и дорогам с опорой на точки с определёнными астрономически-географическими координатами населённых пунктов. По мнению Кирилова, предлагавшаяся Делилем триангуляция в качестве основной опоры таких работ, в условиях огромных пространств России и научной техники тех лет не могла быть выполнена в обозримые сроки. В конечном итоге программа Кирилова была принята как более реалистичная, а Делиль, смирившись с таким развитием событий, начал сбор материалов измерений расстояний по рекам и дорогам и соответствующих описаний.

К указанной группе документов также следует отнести предложения профессора Кёнигсфельда по математическому обоснованию общероссийских карт (определение координат, проекция и т.п.)[4] и доклад секретаря Петербургской академии наук Иоганна Даниила Шумахера (1690–1761) Сенату от 17 августа 1742 г. о ходе работ по составлению «Атласа Российской империи» (1745)[5].

Среди материалов русских геодезических исследований стоит выделить:

– таблицу под названием: «Сей Каталог писал геодезист Иван Евреинов ноября 30 дня 1722 году». В данном каталоге приведена таблица определений широты квадрантом и долготы счислением, начиная от Тобольска и заканчивая Охотском, Большерецким острогом на полуострове Камчатка, устьем реки Камчатки и Японскими островами, обозначенными латинскими буквами A, B, C, G, H, I[6];

– полные копии на русском языке с переводом на французский «Наказов» (инструкций) В.Н. Татищева работавшим под его началом в Оренбургской экспедиции геодезистам Василию Пестрикову и Степану Орликову[7];

– отчёт о текущих работах русских геодезистов, представленный в Петербургскую академию наук 21 марта 1732 г. (к нему приложены вырезанные из документов автографы некоторых геодезистов)[8];

---

[1] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 81. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Copie du protocole de la chancellerie de l'Académie au sujet de la géographie (en russe).

[2] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 75. Manuscrits de M. Delisle. Russie (cartes et postes). Main Stock – Project d'une carte de Russie, par Joseph-Nicolas Delisle.

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 75. Manuscrits de M. Delisle. Russie (cartes et postes). Main Stock.

[4] Les archives nationales de la France. 2 JJ 76. Manuscrits de M. Delisle. Russie, Livonie. Main Stock. № XXI. 2. – Fondements des Cartes de Russie faites à l'Académie recueillie par Koningsfeld. St. Petersburg, 5 Maii.

[5] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Géodésie). №. XXI. 4. – Traduction de la description de l'Atlasse publié en Russe et en Allemand & présenté par les Schumacher au lomptoir du Sénat dirigeant le aoûft 1742.

[6] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 77. Manuscrits de M. Delisle. Ukraine, Crimée, Mer Noire. Main Stock – Mémoires divers sur le Kamchatka et la rivière Léna (1722–1730).

[7] Les archives nationales de la France. 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Geodesie). № XXI. 9.

[8] Les archives nationales de la France. 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Geodesie). №.XXI. 8 – Mémoires sur les Géodésistes. Rapports donnés par les Geodesistes envoier à l'Académie le 21 mars 1732 et autres.

– два листа подлинных автографов 65-ти российских геодезистов[1] [автографы — ценный графологический материал для атрибуции (установления авторства) рукописных карт, по тем или иным причинам не подписанных составителями];

– краткое описание русских рек, главным образом Волги и Москвы, с характеристикой каналов и волоков[2];

– плановую съёмку русла Волги (с каталогом румбов)[3];

– алфавитный каталог дорог Вятской провинции[4];

– описание работ по созданию первой карты Каспийского моря, в котором хранятся подлинники писем первого президента Петербургской академии наук Л.Л. Блюментроста (1692–1755) о карте Каспия (1721, 1723) и письмо сенатора графа М.Г. Головкина (1699–1754/55)[5].

Отдельно из данной категории материалов в фонде Ж.-Н. Делиля отметим первую в истории России таблицу точного измерения расстояния от Москвы до Петербурга, составленную в 1706 г. профессором Московской математико-навигацкой школы шотландцем Генри /Андреем Ивановичем/ Фарварсоном[6] (?–1739). Измерение проводилось

---

[1] Les archives nationales de la France. 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Géodésie). №. XXI. 8. 2.

[2] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 75. Manuscrits de M. Delisle. Russie (cartes et postes). Main Stock – Communications des rivières de la Russie.

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 80. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Main Stock – Catalogue des rhumbs de vent observés sur la Volga.

[4] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 80. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Main Stock – Catalogue alphabétique de tous les lieux de la Province de Viatka (en russe).

[5] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 75 Manuscrits de M. Delisle. Russie (cartes et postes). Main Stock – Cartes de la mer Caspienne... Les archives nationales de la France. JJ 89.

[6] Фарварсон Генри /англ. Henry Farwharson, Farhrwharsohn; рус. Андрей Иванович; возможно, его русская фамилия — искажённое Фергюсон/ (?–1739) — бригадир, профессор Московской математико-навигацкой школы и Российской морской академии (Петербург). По происхождению шотландец. Будучи в Лондоне в 1698 г., Пётр I выразил желание взять с собою в Россию опытного преподавателя математики и мореплавания. Царю был представлен Фарварсон, который состоял профессором математики при Абердинском университете. Ему были обещаны бесплатная квартира, кормовые деньги и 50 фунтов стерлингов за каждого ученика, который успешно окончит курс математических наук под его руководством. В том же (1698) году он с двумя помощниками, Гвином и Гризом, прибыл в Россию. При его деятельном участии был разработан проект учреждения Математической и навигацкой школы, открытой 19 августа 1699 г. в Москве, в Сухаревой башне. В этой школе, насчитывавшей уже в 1706 г. свыше 400 учеников, Фарварсон состоял преподавателем до 1715 г., когда был переведён профессором математики в Петербург, в только что открытую Морскую академию, где прослужил до самой кончины.

Знал английский, немецкий, голландский, французский и латинский языки; прекрасно владел русским языком и искренне привязался к своей новой родине. В 1699–1710 гг. подготовил 50 русских «навигаторов», которые были отправлены в Англию для усовершенствования в науках. Позднее, с открытием Морской академии в Петербурге, выпускники московской школы («навигаторы») поступали в эту академию, где под руководством Фарварсона подготовлялись в «гард-де-марины».

В 1737 г. произведён в чин бригадира (за успешную преподавательскую деятельность!). В представлении Адмиралтейств-коллегии от 8 марта 1737 г., сделанном по этому поводу императрице Анне Иоанновне, отмечалось: «…за знатные его на пользу государства службы, хотя от него о награждении рангом прошения и нет, однакож награды сей он достоин, понеже через него первое обучение математике в России введено, и едва ли не все при флоте Ея Императорского Величества российские подданные, от высших и до низших, к мореплаванию в навигацких науках обучены».

Впервые ввёл в употребление в России арабские цифры. Преподавал арифметику, геометрию, плоскую тригонометрию, плоскую и меркаторскую навигацию и геодезию. Помимо профессорских обязанностей в Морской академии, на него была возложена редакция всех учебных книг, готовившихся к печати (в том числе переводов). Осуществлял общую координацию геодезическими работами; по поручению Адмиралтейств-коллегии окончательно отредактировал «Генеральную карту Каспийского моря» («Хартина плоская генеральная моря Каспийского», 1720), составленную на основе геодезических съёмок, производившихся на месте (1715–1720).

Фарварсон преподавал и составлял учебники на русском языке! В царствование Петра I его помощником по Математической и навигацкой школе в Москве Л.Ф. Магницким (1669–1739), автором знаменитой русской «Арифметики» (1703), был издан труд Фарварсона «Логарифмы» (1716). В 1722 г. был опубликован капитальный труд Фарварсона под заглавием «Таблицы горизонтальные северные и южные широты восхождения солнца, со изъявлением: чрез которые зело удобно, кроме трудного арифметического

при помощи цепи длиной «в 66 английских футов, разделённой на 100 звеньев», с указанием румбов отдельных участков и определением координат основных городов. Материалы этих измерений, определивших базисную линию для съёмок Центральной России, представлены черновыми и чистовыми таблицами на русском языке[1]. [В этом же архивном деле также хранится описание путешествия Жозефа Делиля в Березов для наблюдения прохождения Меркурия].

Здесь же отметим, что кроме материалов собственных астрономических наблюдений в России и измерений русских геодезистов Ж.-Н. Делиль привёз во Францию обширное 2-томное описание работ подобного рода, выполненных в 1727–1730 гг. его братом Людовиком Делилем де ля Кройером. Эти документы находятся в отдельном фонде «Рукописи господина де ля Кройера. Астрономические наблюдения в России в 1727–1730 годах» Национального архива Франции. В I-м томе («Журнал путешествия Делиля де ля Кройера в северные районы России, начатого 24 марта 1727 г. и законченного в Петербурге 5 февраля 1730 г.») приведено общее описание путешествия; II-й том («Журнал путешествия Делиля де ля Кройера по Московии в 1727, 1728 и 1729 гг. с данными барометрических, термометрических… и других наблюдений») содержит детальные сведения о проведённых астрономических, барометрических, метеорологических и других естественнонаучных наблюдениях французского путешественника[2].

3. Списки имеющихся картографических источников (библиография карт) и оценки съёмочных и картосоставительских работ в России иностранными учёными и практиками.

Все привезённые из России карты Ж.-Н. Делиль тщательно каталогизировал. В его фонде Национального архива Франции хранятся:

– подробный список карт петровских геодезистов;

– каталог на русском языке «Карты, которые находятся у профессора Делиля», подписан Делилем и датирован 25 мая 1732 г., в нём фигурируют 34 номера, но по каждому из них число листов колеблется от 7 до 140;

– особый список карт, хранившихся в кабинете императора Петра I («Карты кабинета Петра»); включает много карт Ладожского канала и проектов создания других искусственных водных путей, реки Невы, различных крепостей и т.п.[3];

– каталог карт на русском языке, находившихся в Географическом департаменте (бюро) Петербургской академии наук [4];

– список карт, гравированных в Петербургской академии наук[1];

исчисления неправильное или непорядочное указание компасов, юже во всех местах света обретаются, чрез них же легко и удобно найти и скоро зело возможно тем, которые в Восточную Индию морешествуют». В марте 1730 г. прокурором Адмиралтейств-коллегии было сделано распоряжение об издании следующих малоизвестных трудов Фарварсона: «Тригонометрия плоская и сферическая» и «Большая астрономия, 17 лекций к пользе мореплавания» (напечатано 200 экз.). Под его редакцией были опубликованы «Элементы» Евклида («Эвклидовы Элементы из 12-ти Нефтоновых книг выбраннне и в восемь через профессора математики Андрея Фарварсона сокращённые»), переведённые в 1739 г. с латыни на русский язык Иваном Петровичем Сатаровым. Уже после смерти Фарварсона была опубликована его «Книжица о сочинении и описании сектора, скал и т.д.» (1743). После его кончины осталась больша́я библиотека, часть которой, вместе с его стенными и солнечными часами и ящиком с разными математическими инструментами, была оставлена при Морской академии в Петербурге.

[1] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 76. Manuscrits de M. Delisle. Russie, Livonie. Main Stock – Opération de M. Farquarsonen 1706 sur le chemin de Moscou a Saint-Petersburg...

[2] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 88. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. Observations astronomiques en Russia de 1727 à 1730. № 122. 2 a. – Journal du Voyage fait par L. De Lisle de la Croyère dans les parties Septentrionèles de la Russie. A compter depuis son départ 24 Mars 1727, V.S. jusqu´à Son retour à Petersbourg le 5 de Février 1730. Tome I-er.; № 122. 4 a. – Journal du Voyage fait par L. De Lisle de la Croyère, en Moscovie. Pendant les années l727, 28, et 29, ou sont refermées les observations des Baromètres, Thermomètres, de leguille aimante, et autres. Tome 2-e.

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Géodésie). № XXI. 6. Cartes Manuscrites du Cabinet.

[4] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 81. Manuscrits de M. Delisle. Russie: mémoires divers. Catalogue de toutes les cartes du bureau de géographie (traduit en russe).

– «Реэстр ландкартам, которые имеются в Казанской Адмиралтейской конторе, описанным в Казанской губернии и провинции в [1]729-м году» (оригинал)[2].

Ж.-Н. Делиль также весьма интересовался оценкой за рубежом грандиозных картографических работ в России, свидетелем и участником которых он был. Об этом свидетельствует хранящийся в его бумагах обзор истории картографирования России иностранцами и статьи из европейских (в основном немецких) газет того времени о картографировании России в начале XVIII века[3].

4. Документальные материалы Великих Сибирских (Камчатских, Северных) экспедиций (1725–1730, 1733–1743).

В фонде Ж.-Н. Делиля Национального архива Франции среди материалов о русских Сибирских экспедициях находятся:

– справка на русском языке о полуострове Камчатка и реке Лене;

– описание (на французском языке) пути Беринга от Тобольска до Читы с приложением материалов Игнатия Козыревского;

– краткая записка (семь листов с оборотами) на русском языке (с последующим переводом на французский), подписанная Ж.-Н. Делилем под названием «Усмотрения долготы Камчатки, откуда замечается такожде долгота Тобольска»[4];

– статья Ж.-Н. Делиля о его представлениях по поводу расположения земель в северной части Тихого океана, основанных на мифических открытиях адмирала де Фонте (1640). Эти представления легли в основу карты Делиля, составленной для участников II-й Камчатской экспедиции Беринга–Чирикова и из-за которой они потеряли драгоценное время в поисках несуществующих земель «Эссо» и «Кампаньи» («Северная земля», «Большая земля», «Земля да Гамы»)[5]. [На заседании Парижской академии наук 8 апреля 1750 г. Жозеф Делиль выступил с докладом о своей карте северной части Тихого океана, составленной по материалам русских экспедиций и опубликованной в 1747 г. Париже («Carte Réduite Des Découvertes Des Russes. Entre l'Asie et l'Amérique. Pour servir à l'Histoire générale des Voyages»), в котором все открытия в этой части света были приписаны французам — адмиралу де Фонте (1640) и Луи Делилю де ля Кройеру (в докладе только упоминалось имя А.А. Чирикова)];

– рапорт А.И. Чирикова на русском языке по прибытии на Камчатку о достижении берегов Америки;

– отчёт «Новые данные о восточных землях, сообщённые господином Фёдором Ивановичем Соймоновым, 1738» («Nouvelles connaissances sur les terres orientales données par M. Fedor Ivanovich Soimonof... marsm 1738»). В конце отчёта приложена карта, показывающая путешествие к берегам Северной Америки М.С. Гвоздева и И. Фёдорова (1732);

– «Описание путешествия на Камчатку и в Америку А. Чирикова и Луи де ля Кройера в 1741 г.» («Navigation et découverte de la route du Kamtchatka à l'Amérique par A.Tchirikof et Louis de La Croyère en 1741»). К данному сочинению приложены схематичные карты, на которых приведена трактовка расположения земель в Тихом океане не А. Чирикова, правильно считавшего увиденные участки побережий на обратном пути от берегов Америки

---

[1] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Géodésie). № XXI. 7. Listes des Cartes Manuscrites du Senat & du Cabinet... Cartes particulières.

[2] Les archives nationales de la France. 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Géodésie). № XXI. 9. A.

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 74. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Géodésie). № XXI. 5. Mémoires pour les Cartes géographiques de la Russie et pays voisin...

[4] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 77. Manuscrits de M. Delisle. Ukraine, Crimée, Mer Noire. Main Stock – Extraits de la route du capitaine Beering de Tobolsk à Ochita en 1725–1726.

[5] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 77. Manuscrits de M. Delisle. Ukraine, Crimée, Mer Noire. Main Stock – Discours de Joseph-Nicolas Delisle sur sa I-ère carte des côtes orientales de l'Asie et plus court chemin de l'Asie à l'Amérique.

островами, а В. Беринга, полагавшего, что весь обратный путь его корабль следовал вдоль побережья Америки[1];

– «Отрывок из журнала путешествия Беринга на Камчатку и журнал лейтенанта, сопровождавшего Беринга [А.И. Чирикова]»[2];

– описание путешествия капитана М.П. Шпанберга от Камчатки к Японии. К нему приложены схематичная карта с изображением маршрута экспедиции, Курильских островов, Матмая /Матушма, япон. Мацумаэ, Хоккайдо/ и Японии; и три схемы, отображающие возможное нахождение мифических земель «Эссо» и «Кампаньи»[3].

[Согласно составленным до середины XIX в. японским географическим картам и Японской исторической энциклопедии (1964), до 1870-х гг. национальной территорией обитания японцев к северу от острова Хонсю являлась лишь южная узкая прибрежная полоса острова Хоккайдо, ограниченная с северо-запада, севера и северо-востока тремя оборонительными линиями городищ айнов (коренного населения Хоккайдо, Курильской гряды и южной оконечности Сахалина) — «тяси»[4].

Поэтому отнюдь не случайно на Генеральной карте России и на картах дальневосточных территорий из атласа Российской империи (1745), вычерченных на основе русских географических открытий 1720-х – начала 1740-х гг., значатся не только Сахалин и все Курильские острова (северные и южные), включая Шикотан (наименованный за причудливые очертания «Фигурным»), Кунашир и Итуруп, но и Матушма /Матмай; япон. Мацумаэ, позднее — Хоккайдо/. Например, на карте «Устье Амура с южной частью Камчатки и обретающимися на Восточном [Тихом] океане разными островами» из атласа (1745) «царство Японское» расположено на трёх островах (под своими собственными названиями) — Хонсю, Сикоку и Кюсю, а остров Хоккайдо под наименованием «Земля Эдзо» выделен отдельно (как и Сахалин, и вся Курильская гряда)][5].

Другая значительная часть документов Национального архива Франции (Париж) по истории II-й Великой Сибирской экспедиции хранится в фонде рукописей старшего брата Жозефа Делиля — Людовика Делиля де ля Кройера (1685–1741). В делах этого фонда находятся: копии результатов астрономических наблюдений для определения координат Новгорода, Казани, Тобольска, Иркутска, Якутска, Кяхты, Селенги, Кабанского острога и др. (1734)[6]; путевые журналы с материалами физических и астрономических наблюдений де ля Кройера на реках Лене (1737)[7] и Оленёк (1738)[8]; материалы наблюдений в Якутске (1739)[9], на Камчатке (1740)[10] и в Охотском остроге[11]; оригинал рапорта (или авторская копия) Луи Делиля де ля Кройера об истории исследования Камчатки, подписанный им в Якутске 18

[1] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 77. Manuscrits de M. Delisle. Ukraine, Crimée, Mer Noire. Main Stock № XXV, 16. Navigation et découverte de la route du Kamtchatka à l'Amérique par A. Tchirikof et Louis de La Croyère en 1741.

[2] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 80. Manuscrits de M. Delisle. Russie (Mémoires divers). Main Stock – Extrait du journal du I-èr voyage de Beering au Kamchatka; Journal du lieu tenant ayant accompagné Beeering.

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 77. Manuscrits de M.Delisle. Ukraine, Crimée, Mer Noire. Main Stock – № XXV, 18. Voyage du capitaine Spanberg du Kamchatka au Japon en 1739.

[4] Хидэо Фудзимото. Айну-но хака (Захоронения айнов). Токио, 1964. С. 108–112.

[5] Русская тихоокеанская эпопея / Под ред. В.А. Дивина. Хабаровск, 1979. С.437.

[6] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 1.

[7] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 1, dd. Journal du Voyage et des observations astronomiques et physiques de Mr Delisle de la Croyère vers L'Embouchure de la Léna & aux environs. Année 1737.

[8] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 1, jj. Journal du Voyage et des observations astronomiques et physiques faites à Olenek. 1738.

[9] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 1, pp. Observations faites à Yakoutsk. 1739.

[10] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 1. TT. Observations astronomiques faites à Kamtchatka. 1740.

[11] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 1. SS. Observations astronomiques faites à Okhotskoy Ostrog.

августа 1737 г.[1]; его же рапорт от 6 апреля 1736 г. о путешествии отряда экспедиции от Тобольска до Якутска[2]; астрономические наблюдения геодезиста А.Д. Красильникова (1704/1705–1773)[3] в Якутске с 6 октября до 24 мая 1739 г. и описание реки Лены[4].

5. Документальные материалы, характеризующие внешнеполитические отношения Российской империи с её южными соседями (Туркестаном, Джунгарией, Китаем). Деятельность Ж.-Н. Делиля в России по времени совпала с периодом начала проникновения Российской империи в Центральную Азию и установления по условиям Нерчинского договора (1689) её дальневосточных границ с Цинской империей через заключение Буринского и Кяхтинского трактатов (1728–1729).

Эта категория документов, вывезенных Ж.-Н. Делилем из России, представлена как в его фонде Национального архива Франции, так и в его собраниях карт в департаменте (отделе) карт и планов Национальной библиотеки в Париже и в Историческом архиве Морского министерства в Венсенне.

К указанной группе материалов, характеризующих внешнюю политику Российской империи на юге и востоке Евразии в первой трети XVIII века, относятся:

– «Специальная карта Колмыцких территорий Контайши, составленная в 1722–1723 годах во время визита капитана артиллерии Ивана Унковского к контайше». Эта карта Восточного Туркестана (Бухарии) и Джунгарии была поднесена Петру I в 1724 году[5]. Её копия была выполнена для Ж.-Н. Делиля в 1730-е гг., и в настоящее время она хранится в отделе карт и планов Национальной библиотеки Франции в Париже[6]. Помимо копии карты, Делиль вывез из России подлинник описания к ней на русском языке («Изъяснение ландкарты»), из содержания которого следует, что карта была выполнена геодезистом Яковом Филисовым. Оригинал «Изъяснения» к карте Ивана Унковского и его геодезистов находится в фонде Ж.-Н. Делиля Национального архива Франции[7]. К русскому оригиналу описания путешествия Ивана Унковского в Джунгарию и комментариям к карте владений контайши (1722–1723), составленной геодезистом Яковом Филисовым, приложен перевод текста на французский язык;

– уникальная копия большой карты (106×82 см) Бухарии (Восточного Туркестана) морского офицера капитана Марка Дубровина (1730), который в царствование (1727–1730)

[1] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 2 a.

[2] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 3 a.

[3] Краси́льников Андрей Дмитриевич (1704/05–1773) — русский учёный (астроном, геодезист), адъюнкт Петербургской АН (с 1753 г.). В 1724 г. окончил Морскую академию в Петербурге. В 1733–1746 гг. работал в Сибири, где определил 10 астрономических пунктов (и несколько десятков пунктов только по широте); в 1750–1753 гг. определил положение Москвы и 3 астрономических пункта в Прибалтике. Впервые вычислил по долготе протяжённость России (от восточных берегов Камчатки до западной оконечности острова Даго), с ничтожной для того времени ошибкой около 5'. Автор первого на русском языке учебника по астрономии и составитель ряда календарей. Сочинения: Eclipsis lunaris 1755 Petropoli observata. СПб., 1756; Наблюдения прохождения Венеры в С.-Петербурге. СПб., 1761.

[4] Les archives nationales de la France. Fund JJ 89. Manuscrits de M. Delisle de La Croyère. № 123. 6. Observations astronomiques faites à Yakutsk par le Géodésiste André Krasilnikov. Depuis le 6 October l737 (anc. st.) jusqu'au 24 may 1739. Pendant que Mon frère etait allé à l'Embouchure de la Léna.

[5] В начале XVIII в., помимо двух неудачных правительственных экспедиций князя А. Бековича-Черкасского (1716–1717) и подполковника И. Бухгольца (1716–1717), русские чиновники и офицеры неоднократно направлялись в Джунгарию. В 1713 г. тобольский дворянин Трушников был послан сибирским губернатором князем М. Гагариным через Бухарию (Восточный Туркестан) в Цинскую империю на поиски песочного золота. Трушников добрался до Куку-Нора и Алтын-Гола и в 1716 г. возвратился обратно. Во владениях контайши в Джунгарии также побывали поручик Трубников (1716–1717), сотник Черезов и тобольский дворянин Етигор (1716–1721), сын боярский Маремьянинов (1717), тобольский дворянин Вельянов (1717–1718), капитан И. Унковский (1722–1724).

[6] Bibliothèque nationale de la France. Département des cartes et plans. Res. BB, 124, 154 (46): Carte de la domination de Contaichie fait par Ivan Ounkowski, capitaine d'artillerie en 1722 et 1723.

[7] Les Archives nationales de la France. Fund 2 JJ 77. Manuscrits de M. Delisle. Ukraine, Crimée, Mer Noire. File: Mémoires sur la Contachie communiqués par Jean Ounkowsky, capitaine d'artillerie, en 1722–1723.

Петра II (1715–1730) был направлен из Астрахани в Бухару. В России не обнаружено ни одного экземпляра этой карты. [Национальная библиотека Франции][1];

– пояснительный текст к неизвестному чертежу сына боярского (якутского дворянина) Ивана Львова[2] (1728), отображающего русско-цинское пограничное разграничение в Забайкалье. В конце документа сообщается, что «на подлинном чертеже пишется тако: Иван Лвов; а на копии подписано: таков рисунок с подлинного смотрел геодезист Чичагов». [Национальный архив Франции][3];

– рукопись на французском языке «Путешествие московита Ивана Петлина через Тартарию и Катай [Cathay] в Минскую империю [China]» («Voyage du Moscovite Evesko Petlin en Tartarie et Cathay ou China en 1620»). Казак Иван Петлин первым из русских совершил путешествие в пределы Минской империи в 1618–1619 гг. и в начале 1620 г. был уже в Московии. [Национальный архив Франции][4];

– перевод на французский язык «Статейного списка» русского посольства (1654–1657) Ф.И. Байкова (ок. 1612–1663/64) в Китай (Цинскую империю). [Национальный архив Франции][5];

– материалы о русских посольствах в Китай, переданные Жозефу Делилю Вильгельмом Лейбницем (1689, 1693–1694). [Национальный архив Франции][6];

– «Статейный список» посольства полковника Фабрициуса в Персию (1698). [Национальный архив Франции][7];

– рукописный русский «Чертёж обычного пути русских посольств в Цинскую империю вдоль реки Селенги» (XVII век). [Исторический архив Морского министерства в Венсенне][8];

– рукописный русский «Чертёж реки Амура». [Исторический архив Морского министерства в Венсенне][9];

– рукописная копия хорошо известной русской карты Юга России («Карты земель от Москвы до Малой Азии») Я.В. Брюса и Ю.А. Фамендина /Георга фон Менгдена/ (1696), на которой нанесены основные дороги с указанием расстояний по ним (красным цветом) и достаточно точно и достоверно отображены Чёрное и Азовское моря. [Исторический архив Морского министерства в Венсенне][10];

– рукописная карта Тартарии, Джунгарии, Монголии, Маньчжурии и Сахалина на маньчжурском языке (на 12 листах, датирована 1720 г.) («Carte chorographique de la Tartarie chinoise comprenant la Mongolie et la Mandchourie depuis la Dzoungarie jusqu'à l'ile de Sakhaline, 1720»). Эта карта явно была передана представителями Цинской империи русским дипломатам, о чём свидетельствуют русская надпись «ландкарта», печати с двуглавым орлом

---

[1] Bibliothèque nationale de la France. Département des cartes et plans. Res. BB, 124, 148 (3): Boucharie (Boukharie) par le Capitaine Doubrovin, le juillet 1730.

[2] Иван Львов ок. 1726 г. составил карту Чукотского нагорья («с Чукотским Носом»). В связи с этим долгое время мыс («нос»), находящийся к югу от мыса Дежнёва, именовался мысом Львова.

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XXI. 9, R.

[4] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XVIII, 8.

[5] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XVIII, 13.

[6] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XVIII, 14.

[7] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 71. Manuscrits de M. Delisle. Russia. Histoire et géographie de la Russie. 852–1740. № XVIII, 15.

[8] Service historique de la Marine (Vincennes). Bibliothèque du dépot des cartes et plans de la Marine. Folder 61, # 45.

[9] Service historique de la Marine (Vincennes). Bibliothèque du dépot des cartes et plans de la Marine. Folder 61, # 32.

[10] Service historique de la Marine (Vincennes). Bibliothèque du dépot des cartes et plans de la Marine. Folder 54, # 97.

(российский герб), приведённые параллельно маньчжурским надписям арабские цифры и сам факт её нахождения в фонде Ж.-Н. Делиля. [Национальная библиотека Франции][1];

– три карты верхнего, среднего и нижнего течения Амура на маньчжурском языке, опубликованные в 1721 году. Эти цинские (маньчжурские, китайские) карты с французскими рукописными надписями и русским названием на обороте (соответственно, «Вершина Амура», «Средина Амура» или «Конец Амура»), вероятно, также были переданы цинскими властями русским дипломатам в период русско-китайского пограничного разграничения в первой трети XVIII столетия. [Национальная библиотека Франции][2].

Напомним читателю, что в первой четверти XVIII в. назрела необходимость значительного расширения русско-китайской торговли и ликвидации в связи с этим спорных территориальных вопросов между Россией и Цинской империей в Забайкалье (разграничение земель в бассейне Аргуни). В Петербурге решение об отправлении в пределы Цинской империи полномочного посольства было принято ещё при жизни Петра I, скончавшегося в январе 1725 года. Правительство Екатерины I (1684–1727 гг., императрица — с 1725 г.), возглавляемое А.Д. Меншиковым (1673–1729), при выборе посла остановило свой выбор на сербе по происхождению, потомке боснийских князей, уроженце г. Рагуза (ныне Дубровник) Савве Лукиче Владиславиче-Рагузинском (ок. 1670–1738), который 18 июня 1725 г. был назначен главой посольства в Китай. В результате трёхлетних русско-цинских переговоров (1726–1728) между странами было заключено два трактата.

Делимитация[3] пограничной линии к востоку и западу от точки, лежащей посредине между русским караулом на речке Кяхте[4] и маньчжурским военным постом на сопке Орогойту, была определена *Буринским договором*[5], подписанным *20 августа 1727 г.* С.Л.Владиславичем-Рагузинским и цинскими уполномоченными.

Буринский *предварительный* (*прелиминарный*) договор наметил в общих чертах прохождение граничной линии от верховьев Аргуни до пределов Джунгарского ханства. Русская сторона настояла на демаркации границы, и с этой целью от стоянки на Кяхте были посланы две смешанные комиссии. На восток выехали пограничные комиссары: секретарь российского посольства Иван Глазунов, цинские чиновники Хубиту и Наяньтай; на запад — пограничные комиссары: С.А. Колычев, член маньчжурского посольства *бо* Сыгэ, чиновники Пуфу и Араптан. На основании полученных инструкций они должны были поставить по линии будущей границы особые знаки (маяки), нанести прохождение граничной линии на карту и составить описание границы. В отличие от границы, весьма условно намеченной Нерчинским договором (1689), рубежи в районе Халха-Монголии сразу же определялись и устанавливались в соответствии с общепринятыми к тому времени нормами международного права.

---

[1] Bibliothèque nationale de la France. Département des cartes et plans. Ge. DD. 2987 B (7296 – 7307). Carte chorographique de la Tartarie chinoise comprenant la Mongolie et la Mandchourie dépuis la Dzoungarie jusqu'à l'ile de Sakhaline. 12 files, (vers 1720). Manuscript.

[2] Bibliothèque nationale de la France. Département des cartes et plans. Carte de 1–3 du He-long Kiang: Res Ge. CC. 4461 (6); Res Ge. CC. 4461 (5); Res Ge. CC. 4461 (4).

[3] Делимитáция границ (от лат. delimitatio — «установление границ») — определение положения и направления государственной границы по соглашению между сопредельными государствами, зафиксированное в договоре и графически изображённое на прилагаемых к договору картах. На основании *делимитации* границы проводится *демаркáция* (установление границы на местности смешанными комиссиями на паритетных началах).

[4] На речке Кяхта, возле границы России и Монголии, в 1727 г. русские заложили Троицкосавский острог («деревянную крепостицу») для контроля и наблюдения за торговлей с Китаем. Сама торговля осуществлялась в торговой слободе Кяхта, основанной в 1728 г. после заключения русско-китайских Буринского (1727) и Кяхтинского (1728) договоров. В 1792 г. в г. Троицкосавск (Кяхту) была переведена таможня из Иркутска. Кяхта как город, райцентр Кяхтинского района Бурятии, образована в 1934 г. слиянием города Троицкосавск (1727) и слободы Кяхты (1728).

[5] Русско-китайские отношения в XVIII веке: Материалы и документы. Т. III . 1727–1729. М., 2006. Док. № 41; Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников. М., 2004. С.30–32.

При демаркации восточного участка границы — южный берег р. Чикой — русская сторона уступила Цинской империи часть территории в районах Шарбага и близ устья речки Ара-Кудюры, где находились русские зимовья, снесённые по указанию пограничных комиссаров. И.И. Глазунов переселил на северный берег Чикоя российских подданных — бурят, кочевавших вверх по р. Кудюре. От Баргутейской сопки до Ара-Хадаин-Усу было поставлено 6 пограничных маяков (столбов, знаков). От Ара-Хадаин-Усу до последнего пункта Абагайту (сопки на западном берегу Аргуни) было поставлено ещё 63 маяка. Здесь часть эвенков (тунгусов), плативших ясак маньчжурам, переселили на их сторону. Граничная линия, таким образом, была выведена к верховьям Аргуни, на чём настаивал Владиславич, опираясь на ст. 2 Нерчинского договора (1689). Соединив старую и новую границы, пограничные комиссары составили протоколы о разграничении и обменялись их экземплярами[1].

Вторая группа пограничных комиссаров проводила свою работу в труднодоступном горном районе, поэтому здесь было поставлено всего 24 маяка. От сопки Орогойту граница пересекала Селенгу, шла южнее р. Джиды на запад-северо-запад, огибала с севера озеро Хубсугул (Косогол) и тянулась по Большому Саянскому хребту; от верховьев р. Хатага она поворачивала на юго-запад, пересекала реки Ус и Кемчик и заканчивалась у перевала Шабина-Дабага, находящегося на стыке Саянского, Калтановского и Большого Саянского хребтов. Результаты работы смешанной комиссии по демаркации этого участка границы также были зафиксированы в протоколе («разменном письме»)[2].

В этом районе Западной Монголии российский посланник ради достижения общего соглашения пошёл на определённые уступки цинской дипломатии. Главной из них был его отказ от прав России на наследие Алтан-ханов, захваченное племенными вождями Халхи и отходившее по разграничению к Цинской империи: Владиславич-Рагузинский уступил земли, простиравшиеся на запад и юго-запад от озера Хубсугул и достигавшие озера Убсанор (куда входила и бо́льшая часть современной Тувы[3]).

Здесь следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, признание Цинской империей земель к югу от Красноярска и Кузнецка территорией России в тот период было значительным успехом русской дипломатии, так как не только фактически, но и юридически закрепляло эти земли за Российской империей. Во-вторых, сохранение статус-кво в районе разграничения отражало определённое равновесие сил договаривавшихся держав. Но для русской стороны, стремившейся к развитию торговых и политических взаимоотношений с Китаем, территориальное размежевание на тот период не было определяющим фактором в её политике по отношению к империи Цин. Оно являлось лишь сопутствующим условием для заключения общего трактата, главным содержанием которого было расширение

---

[1] Мясников В.С. Заключение Кяхтинского трактата (1728) // Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2-х книгах. М., 2006. Кн. 1. С. 378–379.

[2] Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / Сост. И.Т. Мороз, В.С. Мясников. М., 2004. С. 32–32, 48–49; Матусовский Э. Географическое обозрение Китайской империи. Карта Китайской империи, приложенная к книге. СПб., 1888.

[3] Тува́ — республика в составе РФ, расположена в Южной Сибири, между Западными и Восточными Саянами на севере и котловиной Больши́х Озёр на юге, по границе с МНР; бо́льшая часть территории Тувы находится в бассейне Верхнего Енисея. Площадь — 170,5 тыс. км^2. Столица — г. Кызыл.

Часть тувинских племен, населявших Саяны, с XVII в. находилась в подданстве России в составе Красноярского и Иркутского уездов. В конце XVII в. значительная часть Тувы была завоёвана Ойратским ханством, которое было в XVIII в. разгромлено маньчжурами, а территория Тувы вошла в состав империи Цин. В период империи Цин территория Тувы была разделена на ряд районов — хошунов, которые возглавлялись нойонами. Часть хошунов (Тоджинский, Салчакский, Хемчикский) управлялась амбынь-нойоном, подчинявшимся маньчжурскому губернатору. Другие хошуны находились непосредственно под властью цинских властей.

После свержения династии Цин в Китае (1911) амбынь-нойон Комбу-Доржу, богатый скотовод Агбан-Демчи и другие влиятельные вожди тувинских племён обратились в феврале 1912 г. к русскому императору с просьбой о присоединении Тувы к России. Затем в 1913 г. с подобными просьбами к русскому правительству обратились и другие вожди, чиновники и высшее духовенство (нойон Буян-Бадорху, Хамбу-лама Чамзы и др.). В 1914 г. Тува (называвшаяся тогда Урянхайским краем) была принята под протекторат России.

экономических связей и оформление официальных дипломатических каналов, уже существовавших между обоими государствами. Так что в целом достижение договоренности по пограничным вопросам на условиях признания сторонами границ, сложившихся фактически, следует рассматривать как дипломатический успех Рагузинского.

Когда цинские представители узнали практические результаты демаркации, позволившие русским вывести границу к верховьям Аргуни, они стали настаивать на пересмотре положений Буринского договора. Но Владиславич-Рагузинский категорически отверг эти попытки. Ввиду договорённости сторон о включении Буринского договора в состав общего трактата, 10 пунктов которого уже были согласованы Владиславичем в Пекине, российский посланник ещё до начала работы демаркационных комиссий отослал в столицу Цинской империи для подписания объединённый проект договора. Одновременно во главе 12-го русского торгового каравана[1] в Пекин отправился Лоренц /Иван, Лаврентий/ Ланг[2].

---

[1] После заключения Нерчинского трактата (1689) русские казённые торговые караваны в 1698–1718 гг. периодически (10 раз) направлялись в Пекин; их руководителями («торговыми комиссарами») были: 1) С.Лянгусов и И. Саватеев (1698); 2) Г.Т. Боков и Г.А. Осколков (1700); 3) И. Саватеев (1704); 4) Г.А. Осколков (1706); 5) П.Р. Худяков (1708); 6) И. Саватеев (1710); 7) П.Р. Худяков (1712); 8) Г.А. Осколков (1714); 9) М.Я.Гусятников (1716–1717); 10) Ю.В. Иванов (1718). [Cahen G. Some Early Russo-Chinese Relations. Shanghai, 1939. P. 39–51]. Нежелание русской стороны продолжать территориальное размежевание между русским Забайкальем и монгольской Халхой после заключения Нерчинского договора (1689) и выдавать перебежчиков через границу в первую очередь отрицательно сказалось на торговле русских казённых караванов в Пекине. В 1717 г. цинские власти насильно удалили из Пекина российский караван, не дав ему распродать товары. Когда в 1718 г. 11-й русский торговый караван под началом комиссара Ф.С. Истопникова не был пропущен в пределы Цинской империи, русское правительство решило направить в Пекин для разрешения всех спорных вопросов чрезвычайного посла Л.В. Измайлова.

[2] Ланг Лоренц /Лаврентий, Иван/ (точные годы жизни неизвестны) — швед на русской службе; ранние страницы его биографии малоизвестны. В 1719–1721 гг. в чине секретаря сопровождал в Пекин русского посланника, капитана гвардии Преображенского полка Льва Васильевича Измайлова (1685–1738). Посольство Л.В. Измайлова должно было добиваться возобновления прерванной русской торговли в Пекине; попытаться оставить в столице Китая для защиты российских интересов резидента (консула) и вице-консулов (где только возможно); постараться получить разрешение на постройку русской церкви в Пекине (где жили пленные албазинцы). Пётр I приказал даже уступить требованиям цинских дипломатов, предъявленным через Избранда Идеса (1692–1695), и поставить в грамотах имя цинского императора выше своего.

Русская дипломатическая миссия Л.В. Измайлова (свита 90 человек) была отправлена указом царя от 16 июня 1719 г., в сентябре 1719 г. выехала из Москвы, в конце мая 1720 г. прибыла в Иркутск, в середине ноября 1720 г. — в Пекин. Поскольку в грамоте, адресованной Канси (Сюань Е), Пётр I поставил лишь свою подпись, не указав титула, то не было споров о титуловании, а так как Л.В. Измайлов исполнил ритуал *коутоу,* то и приём ему был оказан весьма любезный. Во время аудиенции у императора Канси просил передать Петру I (помимо официальной грамоты): «…чтобы тот хранил своё здоровье и не доверялся бы морю; и что причин к войне или неудовольствиям у России с Китаем не существует».

Однако переговоры (10 раундов с 28 ноября 1720 г. по 23 февраля 1721 г.) в Палате внешних сношений (*Лифаньюане*) проходили трудно. После долгих споров русский посол всё же добился разрешения на пропуск каравана Ф.С. Истопникова в Пекин и на присутствие Л. Ланга в столице до прибытия купцов, но принять постоянного русского консула маньчжурские власти отказались. В то же время цинская дипломатия выдвинула территориальные притязания на Забайкалье, Урянхайский край и верховья Иртыша. В своей грамоте цинское правительство заявило, что русские построили Нерчинск, Удинск и Селенгинск уже после заключения Нерчинского договора (1689). Одновременно маньчжурские власти предложили перенести основной сухопутный путь сообщения между двумя империями на Иртыш и Алтай, тем самым отдаляя русских от Забайкалья и Приамурья. Л.В. Измайлов высказался категорически против этого предложения. И, конечно, маньчжуры упорно требовали достижения договорённостей о дальнейшем разграничении границы в Забайкалье и выдачи перебежчиков. Когда российскому послу уже почти удалось достичь соглашения о «размене перебежчиков», новая партия монголов (700 человек) перешла на русскую сторону. Не заключив никакого соглашения, Измайлов выехал из Пекина.

После этого торговые операции каравана Ф.С. Истопникова в столице Поднебесной империи были крайне неудачны, так как цинские власти чинили различные препятствия русским купцам. Лангу, который попытался отстаивать интересы русских торговцев, было предъявлено требование вернуть бежавших монголов и, прекратив торговлю, выехать из китайской столицы. Цинские чиновники заявили Лангу: «Россия давно уже прельщает [нас] надеждой урегулировать пограничные дела, установив окончательно границы между двумя государствами, но не проявляет ни малейшего труда исполнить это». [Поденные записки о пребывании

Комиссары, разъехавшиеся для размежевания границы, ещё не успели вернуться, а цинское правительство прислало в Селенгинск русскому послу подписанный общий трактат. Однако оказалось, что в Пекине сановники произвольно не только изменили текст согласованных статей общего трактата, но и внесли исправления в уже предварительно подписанный (*парафированный*[1]) их представителями Буринский договор. Когда же русский представитель отказался принять навязываемый ему новый текст договора, маньчжуры стали угрожать изгнанием торгового каравана из Пекина. Рагузинский, в обход цинских дипломатов, направил через Ланга письмо на имя императора с жалобой на его представителей.

21 октября 1727 г. чрезвычайный посланник и полномочный министр Владиславич-Рагузинский поставил свою подпись под новым трактатом, отвечавшим его желаниям. Однако доставленный ему в следующем месяце из Пекина текст трактата вновь существенно отличался от уже согласованного (вновь река Уда в Забайкалье провозглашалась цинской территорией). Владиславич заявил цинским министрам устный и письменный протест и написал об этом богдыхану. Цинские представители согласились пропустить русского гонца в Пекин при условии, что русский посол прибудет на границу у речки Кяхты.

10 марта 1728 г. оба посольства расположились на противоположных берегах Кяхты, и начался новый раунд переговоров. Вновь конференции следовали одна за другой (за три года переговоров состоялось 58 раундов). Лишь летом удалось получить из Пекина утверждённый цинским правительством тот вариант трактата, который был подписан Владиславичем 21 октября 1727 г.

14 июня 1728 г. на речке Кяхте, где сооружалась слобода для открытия пограничной торговли, состоялся размен (обмен) подписанных экземпляров нового договора — *Кяхтинского трактата*. Савва Лукич Владиславич-Рагузинский вручил цинским уполномоченным подписанные им и скреплённые печатями экземпляры договора на русском и латинском языках. Маньчжурские дипломаты, в свою очередь, передали русскому посланнику подписанные ими и скреплёнными печатями тексты договора на маньчжурском, русском и латинском языках. Отпечатанные тексты договора были распространены среди жителей пограничной полосы. Ратифицированный трактат вступил в силу.

В Буринском трактате (1727) прямо указывается о необходимости составления карты русско-цинской границы: «Земли, реки и знаки имянно написать, в ландкарту ввести, и писмами обоих Империй посланные люди меж себя разменятца, и привесть к своим начальникам». В Кяхтинском трактате (1727–1728) сообщается, что намерение создать карты отдельных участков границы уже осуществлено: «И которые посланные с обоих сторон люди разделение ясно написали и начертили, и промеж собою писмами и чертежами, и к своим вельможам привезли»[2].

По итогам заключённых договоров стороны обменялись картами…

При С.Л. Владиславиче-Рагузинском «для описания пограничных мест и постановления по новоразведённой границе между Российской и Китайской империями пограничных знаков и для сочинения ландкарт» указом Сената были определены геодезисты

Лоренца Ланга, агента Императора российского, при китайском дворе в 1721 году // Северный Архив. 1822. №17. С. 19–21]. После 1,5-годичных безуспешных усилий Ланг в августе 1722 г. выехал из Пекина обратно в Россию. [Сохранились сведения, что уже в 1715–1716 гг. Лоренц Ланг первый раз побывал в Пекине, выполняя неофициальное поручение Петра I].

Впоследствии Ланг сопровождал Петра I в Персидском походе (1722–1723), состоял в посольстве (1725–1728) С.Л. Владиславича-Рагузинского в Китай, в 1737–1738 гг. ездил с предложением перемирия в Стамбул (Константинополь). О своих путешествиях в Китай Ланг оставил обстоятельные записки: «Journal de la résidence du sieur Lange... à la cour de la Chine..., Leyde, 1726»; «Voyages depuis St.-Pétersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie» (1776); «Белевы путешествия через Россию и разные азиатские земли…» (в 3-х частях, СПб., 1776); частично в «Северном Архиве» (1822, № 17).

[1] Парафи́рование (от франц. paraphe — «сокращённая подпись, росчерк») — предварительное подписание международного договора инициалами лиц, участвовавших в его разработке.

[2] Формирование советско-китайской границы (1689–1973). Документы и материалы: в 3-х т. М., 1974. Т. 1 (1689–1915). С. 108, 128.

А. Кушелев, М.П. Зиновьев и И. Валуев[1]. Как отмечал сам Рагузинский, Кушелев был назначен «в первые геодезисты при посольстве и в сочинении ландкарт и во всем протчем, что касалось до ево дела, служил верно и непорочно, как надлежит доброму человеку и верному подданному»[2]. В связи с бóльши́м объёмом съёмочных и картографических работ в 1726–1727 гг. Рагузинский привлёк к ним также геодезистов П.Н. Скобельцына, И.С.Свистунова, В.Д. Шетилова и Д. Баскакова, которые проводили с 1724 г. съёмки в пограничных с Китаем районах — от р. Аргуни до Байкала и от Байкала до Енисея[3]. [Одна из русских ландкарт Восточной Сибири, составленных в период деятельности посольства Владиславича, хранится в Первом историческом архиве Китая][4].

Цинская империя начала картографическое изучение присоединённой по Нерчинскому договору (1689) территории ещё ранее русских геодезических исследований в Забайкалье — в начале XVIII столетия. По повелению цинского императора Сюань Е (1654–1722 гг., девиз правления 1662–1722 гг. — Канси, храмовое имя — Шэнцзу) с 1687 г. в Китае начала работать специальная комиссия, которой было поручено составить «Полное географическое описание империи Цин» («Да Цин итун чжи»)[5].

В июле 1710 г. Канси (Сюань Е) направил португальских иезуитов Региса, Ярту и Фриделли для картографирования новых поселений, основанных по его приказу на Амуре. Работы проводились по всему Амуру, за исключением его устьевой части, где цинские власти не разрешили проводить съёмки. Астрономо-геодезическую основу созданных ими карт составило 641 определение широты (астрономически) и долготы (счислением). Съёмки и составление карт были завершены в 1718 году[6].

Эти работы использовал иезуит Маттео Рипа при составлении «Карты Китая и окружающих земель» (гравюра на меди), основанной на съёмках иезуитов 1710–1718 гг. и изданной в Пекине (1719). В историографии за ней закрепилось название «Карты Канси». Редкий экземпляр этой громадной карты в трёх свитках хранится в Картографической библиотеке Британской библиотеки[7]. По тем же съёмкам (1710–1718) иезуитов Региса, Ярту и Фриделли в 1721–1725 гг. в Пекине был издан с гравюры на дереве «Атлас провинций Китая», известный как «Атлас Канси»[8]. Факсимиле этого атласа было опубликовано Вальтером Фуксом в 1947 г. в Пекине[9].

По итогам заключения Буринского и Кяхтинского трактатов цинские дипломаты передали С.Л. Владиславичу-Рагузинскому копии карт, составленных по съёмкам иезуитов Региса, Ярту и Фриделли. Ни одной из этих карт в архивах России не сохранилось (вероятно, эти карты и хранятся в отделе карт и планов Национальной библиотеки Франции). До возвращения Ж.-Н. Делиля из Петербурга в Париж (1747) результаты грандиозных съёмок и картографирования, проводившихся в Китае, оставались в Европе неизвестными, так как были переданы только России.

Известно также, что по окончании картографических работ на русско-цинской границе в 1728 г. русский посланник привёз в Москву в числе прочих и «ландкарты пограничным местам и границам между Россией и Китайской империей», составленные

---

[1] Российский государственный архив древних актоа (РГАДА). Ф. Сенат. Кн. 1201. Л. 475.

[2] Гольденберг Л.А. Малоизученные источники по истории картографии России первой половины XVIII века // Проблемы исторической географии России. Вып. 3. Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. М., 1983. С. 110.

[3] РГАДА. Ф. Госархив. Разряд XVII. № 55. Л. 52–53.

[4] Первый исторический архив Китая /ПИАК/. Ф. Элосы ту. Карта 184 (старый номер 00063).

[5] Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980. С. 234.

[6] Baddeley J.F. Russia, Mongolia, China, Being some Record of the Relations between them from the XVIIth Century to the Death of the Tzar Alexei Mikhailovich. 2 vol. 1919. Vol. 1. P. CLXXXVII.

[7] British Library Map Library. K. 116.15, 15a, 15b: A Map of China and surraunding Landsbased on the Jesuit surveys of 1708–1716, sometimes known as the K'ang Hsii Map. Engraved on copper by Matteo Ripa at Peking, 1719, 3 rolls.

[8] British Library Map Library. Maps 12. f.26: An Atlas of the privinces of China, based on the Jesuit surveys of 1708–1716. Sometimes known as the K'ang Hsii atlas. Engraved in wood in Peking in 1721.

[9] Fuchs W. Der Jesuiten Atlas der Kanghsi Zeit. Peking, 1947.

П.Н.Скобельцыным, И.С. Свистуновым, Д. Баскаковым, В.Д. Шетиловым[1]. [В период переговоров С.Л. Владиславич-Рагузинский установил и поддерживал непрерывную связь с Витусом Берингом]. Оригинал общей карты русско-цинской границы 1728 г. и карты отдельных участков границы (как подлинники, так и копии) в России также пока не обнаружены. В Российском государственном военно-историческом архиве хранятся только две копии 1729 г. «Карты границы России с Китаем по Нерчинскому и Кяхтинскому договорам» (масштаб карты 30 вёрст в дюйме), заверенные подписями С.Л. Владиславича-Рагузинского и секретаря посольства Ивана Глазунова[2].

Примечательно, что русские карты гораздо точнее маньчжурских, составлявшихся иезуитами, что свидетельствует о более точных географических сведениях русских о землях, подлежащих разграничению. В ряде случаев слабость географических представлений маньчжуров о районе разграничения облегчила русским пограничным комиссарам проведение граничной черты, выгодной для России.

Тем не менее в настоящее время в российских хранилищах нет ни одной из первых китайских (иезуитских) карт территории Приамурья и Приморья, официально переданных правительством Цинской империи России. Частично ущерб от утраты этих источников для России был несколько смягчён тем обстоятельством, что эти карты были использованы при составлении русских чертежей Сибири и Дальнего Востока для академического атласа Российской империи (1745). Например, изображение Амура, его притоков и острова Сахалин из русского атласа 1745 г. является первым в европейской картографии и основано на съёмках Региса, Ярту и Фриделли (1708–1716).

Вместе с тем необходимо отметить, что, невзирая на некорректный характер приобретения и незаконный вывоз материалов из России, Ж.-Н. Делиль сделал достоянием гласности совершенно новые данные о Российской империи и её соседях. Эти сведения, учитывая традиционную для Российского государства склонность засекречивать любую, и не только географическую, информацию и не очень оперативное её использование для составления и издания национальных карт и описаний страны, могли ещё очень долго оставаться неведомыми для европейской (мировой) науки.

Громадный фонд географических и картографических материалов, вывезенных Жозефом Делилем из России во Францию, он использовал, помимо создания карт, для составления нескольких русско-французских и русско-латинско-французских географических и топонимических словарей, многочисленных таблиц зарубежных и российских мер длины и веса, материалов по размерам различных регионов Российской империи[3].

Становление и развитие математической картографии в России во второй половине XVIII–XIX столетиях

Зарождение в России математической картографии и проведение геодезических съёмок местности на постоянной основе в эпоху Петра Великого отражено в Генеральном регламенте Российской империи (1720), в который вошла специальная глава, посвящённая картографии. Из главы «О ландкартах и чертежах государевых» Генерального регламента Российской империи: «И дабы каждый коллегиум о состоянии государства и о принадлежащих к оному провинциях подлинную ведомость и известие получить мог; того ради надлежит в каждой коллегии иметь генеральные и партикулярные ландкарты или

[1] Новлянская М.Г. И.К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М.; Л., 1958. С. 50.

[2] РГВИА. Ф. ВУА. № 25576. [Карта границы России с Китаем по Нерчинскому и Кяхтинскому договорам].

[3] Les archives nationales de la France. Fund 2 JJ 75. Manuscrits de M. Delisle. Russie (cartes et postes). Main Stock – Vocabulaire français-latin-russe, Vocabulaire russe et français des principaux mots employés dans les cartes geographiques de la Russie [Краткий словарь франко-латинско-русский; многочисленные таблицы мер длины и веса — зарубежные и российские; материалы по размерам различных частей Российской империи]; Mémoires pour servir à un dictionnaire géographique de la Russie. Termes géographiques russes. [Краткий географический словарь России (топонимов и терминов)].

чертежи, которые по времени изготовлены быть имеют именно: описать все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и прочее»[1].

После издания официального атласа Российской империи (1745), когда в дальнейшем, в 1757–1763 гг., Географический департамент Российской академии наук возглавлял М.В.Ломоносов (1711–1765), многие карты атласа были откорректированы согласно полученным новым данным съёмок местности. К 1764 г. было подготовлено новое исправленное издание «Атласа» (1745) на латинском, французском и немецком языках.

Дальнейшее же становление и развитие российской картографии тесным образом связано с работами по межеванию земель в России. *Межевáние* в России (*кадáстр* в Европе) — совокупность технических и юридических действий при определении, утверждении и учёте внутренних границ поземельной собственности[2].

В России межевание известно со времён Древнерусского государства. К XVI–XVII столетиям межевые работы (обмеры феодального землевладения) в Московском государстве находили своё отражение в системе писцовых межевых книг. При межевании в ту эпоху не исчислялась общая площадь межуемых владений, а измерялись лишь важнейшие элементы: пашня, сенокос и лес. Результаты межевания заносились в писцовые книги. С середины XVIII в., с началом повсеместного применения геометрических методов измерения земельной площади, при межевании стала довольно точно исчисляться общая площадь земли и угодья (усадьба, пашня, сенокос, лес и неудобная земля). А документальным результатом любого межевания стал являться «геометрический специальный план» — рукописная крупномасштабная карта данного землевладения, полученная на основе непосредственных полевых измерений и заверенная свидетелями-старожилами. Стандартный геометрический специальный план согласно правилам Генерального межевания в России (с 1765 г.) составлялся в масштабе, согласно которому 1 английский дюйм[3] на плане соответствовал 100 русским саженям[4] на местности (или 1 см на плане к 8400 см на местности). Этот план являлся важным официальным документом, удостоверяющим право на владение данным земельным участком.

Начало межеванию в России, основанному на математически точных методах измерения, положили официальные «Межевые инструкции», опубликованные в 1754 г. в царствование императрицы Елизаветы I (1709–1761 гг., императрица — с 1741 г.). «Межевые инструкции» обязывали за единицу меры земли принимать теперь только десятину (1,09 га)[5], межевщику иметь астролябию, а традиционный для России инструмент при измерении — верёвку — заменить десятисаженной цепью (21,3 м). Из «Инструкции» (1754) русским межевщикам и состоявшим при них геодезистам: «…Мерить в сёлах и деревнях, и в пустошах и в починках, в селищах и займищах пашенную землю и перелог, и что лесом поросло по пашне, и сенные угодья в десятины, а десятину мерить в длину по осмидесят, а

---

[1] ПСЗРИ. Т. VI. № 3534.

[2] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 17. № 12474, 12570, 12659, 12711. [СПб.], 1830; Собрание межевых законов. Ч. 1–6. М., 1811; Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 2. Законы межевые. СПб., 1893; Иванов П. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М., 1846; Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1–2. М., 1915–1916; Герман И.Е. История русского межевания. 3-е изд. М., 1914; Рудин С.Д. Межевое законодательство и деятельность межевой части в России за 150 лет. Пг., 1915; Кислов И. Научное и практическое значение материалов Межевого архива // Архивное дело. Вып. 3–4 (28–29). 1931–1932.

[3] Дюйм (гол. duim — букв. «палец») — единица измерения длины в английской системе мер. Один дюйм равен 1/12 фута, или 2,54 см.

[4] Сáжень — русская мера длины, равная 3 аршинам; 1 сажень = 2,13 м; 1 аршин = 0,71 м.

[5] Десятúна — русская мера земельной площади; известна с конца XV века. Первоначально измерялась двумя четвертями и представляла собой квадрат со сторонами в 1/10 версты (2500 квадратных саженей). Межевой инструкцией 1753 г. размер казённой десятины был определён в 2400 квадратных саженей (1,0925 га). В XVIII – начале XX вв. использовались также хозяйственная, или косая, десятина (80 × 40 = 3200 кв. саженей), хозяйственная круглая десятина (60 × 60 = 3600 кв. саженей), сотенная (100 × 100 = 10000 кв. саженей), бахчевая (80 × 10 = 800 кв. саженей) и др. Десятина в России отменена в 1918 г. в связи с переходом к метрической системе мер. [Черепнин Л.В. Русская метрология. М., 1944].

поперек по тридцати сажен трёхаршинных, цепями, а не верёвками и те цепи иметь везде ровные по десяти сажен, а всякое звено по полуаршину»[1].

Однако, несмотря на все старания правительства, даже чеканку особой памятной медали («О прекращении межевых споров», 1754), посвящённой открытию межевания в годы правления Елизаветы I, межевание встретило сопротивление дворян. Дело в том, что при проверке наличия необходимых документов на право владения землёй многие дворяне не могли подтвердить своих имущественных прав, поэтому, заинтересованные в сохранении захваченных ими казённых земель, они всячески саботировали процесс межевания.

Фактически же процесс межевания в России начинается только после объявления 12 сентября 1765 г. особого манифеста Екатерины II (1729–1796 гг., императрица — с 1762 г.) о начале Генерального межевания. По инициативе князя А.А. Вяземского (1727–1793)[2], возглавившего в 1765 г. Межевую экспедицию, было ликвидировано главное препятствие в деле межевания — обязательность проверки прав на данное владение. Манифестом требовалось соблюдение лишь одного условия — отсутствие поземельных споров с соседями или наличие их согласия («полюбовного») на самостоятельное обозначение на местности межевой границы. В этом случае землемер выполнял необходимые геодезические измерения на местности, определял положение границ и составлял геометрический специальный план — межевой (кадастровый) паспорт на данное землевладение. Землемер (1765) в отличие от межевщика (1754) выступал лишь как исполнитель полевых работ, а не в роли третейского арбитра, который мог реквизировать владение как судья первой инстанции.

В 1766 г. в Петербурге была издана «Инструкция землемерам к генеральному всей империи нашей земель размежеванию», в которой указывалось, что межевание необходимо проводить, соблюдая все правила, неоднократно проверяя вычисления; начинать межевания всегда с городов; «снятие производить через вернейший инструмент — астролябию с

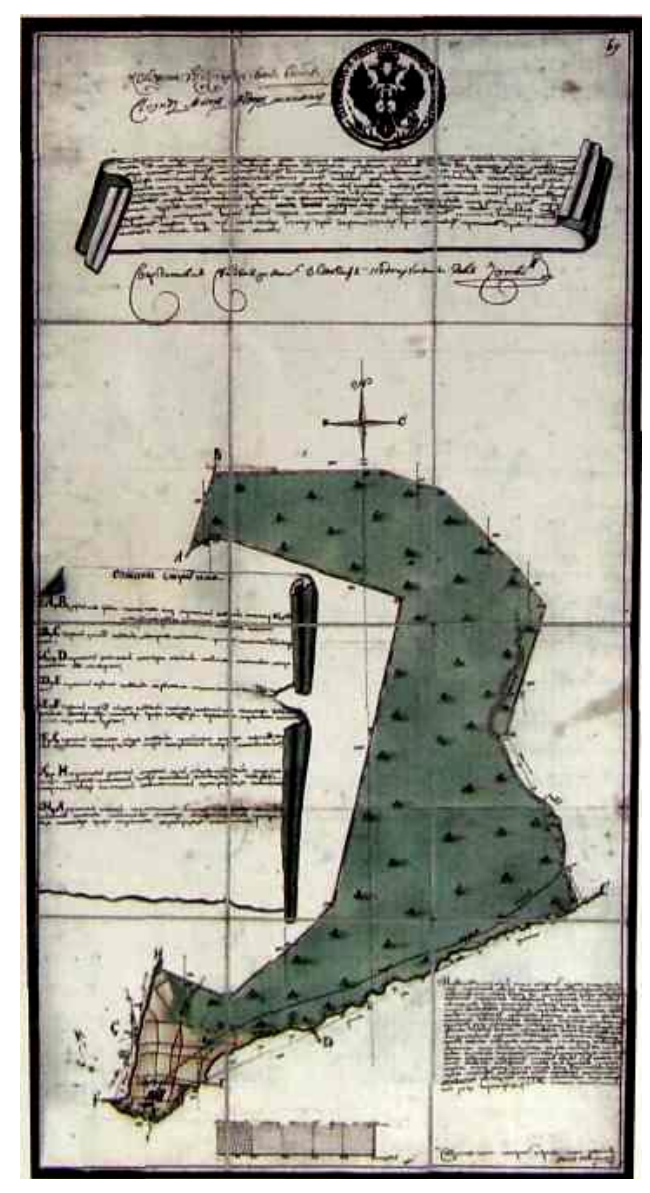
[1] Инструкция как при размежевании во всем государстве земель межевщикам и прочим, до кого сие принадлежит, поступать. М., 1754. С. 10–11.

[2] Вя́земский Александр Алексеевич (1727–1793) — князь, русский государственный деятель, действительный тайный советник (1774), ближайший сановник императрицы Екатерины II. Окончил сухопутный Кадетский корпус (1747), участвовал в Семилетней войне (1756–1763), затем исполнял различные секретные поручения за границей. В 1763 г. направлен Екатериной II на уральские заводы для урегулирования отношений между крестьянами и владельцами заводов и для изучения экономического положения заводов.

С 1764 г. и фактически до самой смерти — генерал-прокурор Сената, с 1765 г. — сенатор. Первоначальный круг его полномочий был ограничен: императрица составила для Вяземского «секретнейшее наставление», вменив ему в обязанности наблюдение за Сенатом, за канцелярией Сената, за денежным обращением, за торговлей солью и вином. Затем полномочия Вяземского постепенно расширялись. С 1765 г. заведовал Межевой экспедицией; в 1767 г. возглавил работу по организации, а затем стал фактическим руководителем Комиссии по созданию нового Уложения; в 1768 г. под контроль Вяземского был передан перевод денежных средств за границу. С 1769 г. — член Совета при Высочайшем дворе. С 1771 г. ему подконтрольна финансовая отчётность по Синоду и губернскому управлению. В 1772 г. руководил осушением болот под Петербургом; с 1775 г. — начальник Канцелярии опекунства над иностранными подданными; в 1783 году руководил строительством Фонтанки, Екатерининского канала, городового вала и театра в Петербурге; в 1789 г. возглавил Экспедицию о государственных доходах.

Вяземский провёл ряд реформ, направленных на дальнейшую централизацию финансового управления в стране: с 1769 г. началось составление окладной книги поступления доходов, учреждены казённые палаты и казначейства, введена должность государственного казначея с широкими полномочиями (её занял сам Вяземский), по его инициативе начат выпуск ассигнаций. В 1780-е гг. Вяземский фактически руководил (исполнял роль министра) тремя ведомствами: юстиции, внутренних дел и финансов. Занимал важное место в Сенате, являясь его докладчиком у императрицы, объявлял высочайшие повеления и резолюции на доклады (проекты) Сената. В 1789 г. тяжело заболел (инсульт, паралич) и отошёл от дел. Однако императрица до конца ждала выздоровления своего «ученика», как она его сама называла, и несколько лет, фактически до самой смерти князя А.А. Вяземского (8 января 1793 г.), не замещала его должности (до сентября 1792 г.). [Иванов П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863; Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866; История Правительствующего Сената за 200 лет. СПб., 1911. Т. 2].

принадлежностями, которую, приняв, осмотреть с прилежанием в её исправности <...> и содержать в крайнем бережении, чтобы оный не испортился»[1].

Стандартный геометрический специальный план Генерального межевания (1:8400). Приведённый план составлен в 1784 г. землемером А.Балкашиным на земли деревни Усадище Новгородского уезда, владения секунд-майора Н.Е. Путилова и подпоручика Д.П. Зеленина, общей площадью 497 десятин 543 квадратных саженей

Памятная медаль «О прекращении межевых споров» (1754)

Оттиск государственного межевого штемпеля

В отличие от 1754 г. межевая инструкция 1766 г. устанавливала, что бесспорное фактическое владение землёй на 1765 г. должно служить основанием для закрепления права на будущее. При наличии спора он должен был рассматриваться в одной из высших инстанций; таковыми являлись: в провинциях — межевые конторы, в губерниях — межевые канцелярии, в Сенате — Межевая экспедиция. В ходе межевания составлялись планы в масштабе: 1 дюйм = 100 сажень (1 см : 8400 см). Каждый план вычерчивался в двух экземплярах: один оставлялся владельцу, другой — отправлялся в архив.

Индивидуальные планы землевладений затем сводились в генеральные планы уездов (1 см : 42000 см), а последние — в карты губерний (1 см : 84000 см). Из планов уездов и губерний комплектовались межевые атласы. Межевые атласы — собрания карт и планов,

[1] ПСЗРИ. № 12570.

составленные во время генерального межевания в России (1765–1855). Комплектовались из карты губернии (наместничества), планов уездов и городов и «Экономического примечания»[1], в котором помещались сведения о сельскохозяйственных и лесных угодьях, горных промыслах, фабриках и заводах, населённых пунктах и планировке городов. Межевые атласы составлялись в трёх экземплярах: для Межевого департамента Сената, Межевой канцелярии и губернской чертёжной канцелярии. Хранились они в бывших Сенатском (сейчас РГИА), Межевом (РГАДА) и Военно-учёном (РГВИА) архивах. Все межевые атласы — рукописные, за исключением атласа Калужского наместничества (1782). [В 1849–1866 гг. были проведены дополнительные топографические съёмки Менде, на основе которых составлены топографические атласы губерний, из которых атласы Рязанской и Тверской губерний также были изданы].

Генеральное межевание, начало которого было провозглашено императорским манифестом 1765 г., вследствие огромных земельных просторов России осуществлялось на протяжении 150 лет. В европейской части России межевание, начатое в 1766 г. с Московской губернии, было закончено завершением межевых работ в 1855 г. в Архангельской губернии. К концу царствования Екатерины II (1796) межеванием были охвачены 18 губерний, в которых было обмежёвано 143,4 млн. десятин земли (около 150 млн. га)[2]. К 1843 г. межевание проводилось уже в 34-х губерниях России (обмежёвано более 275 млн. десятин земли).

После первых успехов межевания в европейской части России А.А. Вяземский впервые планирует проведение межевания в Сибири, проведя 7 февраля 1783 г. правительственный указ «О обведении окружною межою и положению на планы заселённых мест в полуденном краю Сибири»[3]. Учитывая огромные пространства Сибири, Сенат вскоре ограничивает объём проектируемых работ только южной частью Сибири, да и там повелевалось выполнить съёмки только обжитых заселённых территорий, с условием «никаких споров не принимать, сие снятие не размежевание, оно единственно к узнанию, сколько где удобных к расселению земель в незаселении ещё находится».

О каких-либо межевых работах в Сибири в конце XVIII в. сведений не сохранилось, первые съёмки местности при межевании там были предприняты только в первой половине XIX столетия. Масштаб составляемых межевых планов в Сибири был таким же, как и в европейской части России (1 см : 8400 см), но их содержание имело одну характерную особенность — своеобразие геометрической формы сибирских землевладений. Подавляющее их большинство — это правильные квадраты или прямоугольники; достаточно часто эти фигуры на плане местности ориентированы точно по геодезическому меридиану (с учётом склонения магнитной стрелки). Наличие таких прямоугольных (геометрических), а не угловато-окружных (исторических) границ землевладений характерно, помимо Сибири, для нарезки земель в США на «тауншипы». В европейской части России, в отличие от Сибири, не было также такого вида земельных владений, как «заимка», а среди земельных угодий такого понятия, как «пустопорожние земли».

Фактически же воплощение планов А.А. Вяземского о межевании в Сибири произошло только во второй половине XIX – начале XX вв. после открытия широкого переселенческого движения в Сибирь и на Дальний Восток России. При этом процесс межевания в Сибири и на Дальнем Востоке в этот период также отличался от своего аналога в европейской части России. Здесь картографировалось не издавна существовавшее

---

[1] Экономические примечания — экономико-географическое и статистическое описание отдельных земельных владений на территории европейской части России в конце XVIII–XIX вв. В него входили сведения о числе дворов, душ, количестве усадебной и пашенной земли, сенных покосов, леса, неудобных мест (в десятинах и саженях) и экономико-топографические примечания, в которых приводилась информация о качестве почвы, породах леса, водоёмах, разновидностях птиц и животных, урожае хлебов, крестьянских промыслах и ремеслах и т.д. Составлялись «Экономические примечания» на основе «сказок», представленных поверенными от крестьян и обработанных землемерами губернских межевых контор.

[2] Быковский Н.М. Картография. Исторический очерк. М.; Пг., 1923. С. 188.

[3] ПСЗРИ. Т. 21. №. 15662.

землевладение с исторически сложившимися границами, а на основе межевой карты-плана осуществлялась нарезка земли в малообжитых районах Сибири и Дальнего Востока, пригодных к заселению и сельскохозяйственному производству. В России XVIII в. крупномасштабные межевые карты составлялись без привязки к абсолютной системе координат (без широт и долгот), в Сибири же XIX в. межевые работы, как правило, начинались именно с этой высокоточной процедуры — определения координат некоторого числа астропунктов, предназначавшихся в качестве геодезической опоры будущих карт.

В результате Генерального межевания в Межевой архив (ныне в составе РГАДА) всего поступило около 200 тыс. планов земельных владений (в масштабе 1 см : 8400 см), на основе которых были составлены генеральные планы уездов (1:42000 или 1:84000). По мере составления генеральных планов уездов Межевая экспедиция уже в конце XVIII века приступила к изданию атласов отдельных губерний (наместничеств). Первым таким свидетельством завершения межевых работ в определённой губернии является изданный в 1782 г. атлас Калужского наместничества. [В 1782–1783 гг. в Российской империи вместо губерний были образованы наместничества].

Вершиной же достижений русской картографии XVIII в. стал атлас Российской империи 1792 года (44 карты)[1]. Атлас составлен учеником швейцарского математика Леонарда Эйлера (1707–1783), главным географом Географического департамента Кабинета Е.И.В., член-корреспондентом Российской академии наук, профессором Горного училища в Петербурге Александром Михайловичем Вильбрехтом (1756–1823), который в мае 1785 г. был привлечён «к сочинению Российского атласа по новейшему разделению на наместничества».

В атлас (1792) вошли следующие карты наместничеств (губерний) России: Генеральная Российской Империи; Петербургской (губернии); Новгородского; Тверского; Псковского; Рижского; Ревельского; Выборгского; Олонецкого; Архангельского; Вологодского; Ярославского; Костромского; Вятского; Пермского; Тобольского; Московской (губернии); Смоленского; Полоцкого; Могилёвского; Черниговского; Новгород-Северского; Харьковского; Курского; Орловского; Калужского; Тульского; Рязанского; Владимирского; Нижегородского; Казанского; Пензенского; Тамбовского; Воронежского; Саратовского; Симбирского; Уфимского; Колыванского; Иркутского (западной части); Иркутского (восточной части); Киевского; Екатеринославского (и земли Черноморских казаков, с приобщением «Карты Новоприобретённой Области»); Кавказского и земли войска Донского; Таврической области.

Атлас Российской империи (1792) венчает эпоху Петровской картографии, он является наглядным отражением того феномена, который в истории картографии получил название «русской Россики». Начиная с Петра I, многие политически важные карты создавались не только в России, но и в картографических мастерских Европы по российским заказам. Соответственно, в XVIII столетии русская картография, как и европейкая, испытывала сильное влияние идей «Просвещённого абсолютизма» и канонов классицизма.

Эта взаимосвязь чётко прослеживается по внешнему оформлению карт XVIII века: простые по графике карты украшены красочными картушами, а надписи и изображения на картушах всё более приобретают сложный геральдический характер, постепенно вытесняя этнографическую нагрузку.

На «Новейшей карте Ингерманландии, иначе Ингрии», изданной наследниками Иоганна Баптиста Хоманна в 1734 г. в Нюрнберге по материалам И.К. Кирилова, в картуше в правом нижнем углу помещена полная бурного движения аллегория: колесницы Нептуна и Амфитриты, трубящие морские божества, российский герб, ряды вёсел и пик. Левый картуш помещён на полуобтёсанной скале, возле которой пасётся лось — напоминание о суровой природе местности и о начатом её преобразовании. На карте приведён подробный план

[1] Российский Атлас из сорока четырёх карт состоящий и на сорок два наместничества Россию разделяющий. Сочинён и гравирован при Горном училище. Составитель А.М. Вильбрехт. СПб., 1792.

Петербурга, который имеет деление на районы, а рядом показана развёрнутая панорама города с кораблями и Петропавловской крепостью.

Изящно и красиво идеи «Просвещённого абсолютизма» переданы в аллегории на титульном листе атласа Российской империи (1792): муза при помощи зеркала направляет вниз сияние, исходящее от вензеля императрицы, а два континента, Европа и Азия, соединены концами вонзённого в земной шар циркуля. Здесь необходимо отметить, что в эпоху Просвещения и классицизма было модно носить с собой выпуклое сферическое зеркало, часто окрашенное, в котором (через которое) пейзаж приобретал законченность и центричность. В европейской географии XVIII в. сферическое зеркало выступало символом картографического отражения земной поверхности, позволяющим ощутить и передать центр и периферию отображаемого объекта.

Аккуратные и простые по графике карты наместничеств из атласа (1792) украшены сложными геральдическими картушами с аллегориями, символизирующими не только природные богатства, но и передающими исторические, политические и экономические характеристики отображаемых территорий. Автором рисунков картушей является, весьма вероятно, И.Ф. Тупылев (1752–1821).

На картуше карты Тамбовского наместничества из атласа Российской империи (1792) изображены крестьянка с серпом, девушки с кувшинами, горшками и кадками, мужчина, стригущий длиннохвостую овцу. Архангельский край представлен на картушах карты панорамой его столицы, фигурой римского бога торговли Меркурия (аналог греческого Гермеса) и китовой охотой; на картуше карты Калужского наместничества бог торговли летит по воздуху, перекинув штуку материи через плечо. На карте Владимирской губернии (наместничества) изображён античный покровитель земледелия римский бог посевов Сатурн (соответствует греческому Кроносу) с косой, сидящий на руинах, — аллегория былой славы древнего княжества. Картуш на карте Черниговской губернии украшен фигурой женщины в венце, возле которой лежат корона и скипетр, рядом путник держит раскрытую книгу, а позади него изображены пирамида и степной курган (символы древности).

В картуше карты Казанского наместничества помещена миниатюра, на которой возле своего товара (тюки с кожей) купец-татарин ведёт беседу с античным богом торговли Гермесом. На её фоне изображены пасущиеся кони, строительство военного корабля под Андреевским флагом, назначение которого символизируют щит и шлем у сидящего на носу корабля ребёнка, дубовая роща и мощный дуб (дубы использовались для строительства судов не только на Казанской верфи, но и в Петербургском адмиралтействе), две урны, символизирующие Волгу и Казанку. Христианство отражено в виде ребёнка, держащего крест и символы Богородицы (веретено и жезл с лодкой-полумесяцем). Мусульманская символика выражена в виде перевёрнутого полумесяца, помещённого на каменном блоке, поверх которого водружён православный греческий крест.

Картуш карты Тобольского наместничества, в состав которого входила практически вся территория Западной Сибири, размещён (изображён) на пологе из звериных шкур (пушнина — богатство края). В нём на фоне лесов и гор показан целящийся в лисицу охотник, вооружённый луком и щитом. На щите — герб Тобольского наместничества: «Герб Тобольский представляет в синем поле золотую пирамиду с воинской арматурой: знамёнами, барабанами и алебардами». За спиной охотника присутствуют следующие символы: корона Сибирского царства, которая являлась непременной составляющей титулатуры русских царей, две урны с вытекающими из них основными реками края — Тоболом и Иртышом, у слияния которых находится Тобольск. [В 1764 г. Сибирь была разделена на две губернии, а в 1782–1783 гг. — на три наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское].

В картуше карты Иркутского наместничества, в состав которого входили территории Восточной Сибири и Дальнего Востока России, а Иркутск, помимо прочего, являлся центром по управлению российскими колониями в Америке (на Аляске), показана сцена торга русского купца с китайцами. Товары китайцев представлены многочисленными сундуками с чаем, а русский купец предлагает им пушнину. Фоном русско-китайскому торгу служат

фактория (Кяхтинская слобода) и рудничный ворот (разработки на Забайкальских золотых рудниках и Нерчинский сереброплавильный завод).

С начала XIX в. гравёры и раскрасчики всё больше места на картах отводят белому фону, извивы берегов и границ становятся лаконичными, даже скупыми. Картуши становятся похожи на предметы прикладного искусства новой эпохи — простые рамки (формы), минимум украшений, почти полное отсутствие аллегорических фигур. Эта манера стала основой для картографии последующих эпох.

В 1797 г. по распоряжению Павла I (1754–1801 гг., император — с 1796 г.) было образовано «собственное Его Величества Депо карт», к которому присоединили Географический департамент. При Александре I (1777–1825 гг., император — с 1801 г.) Депо карт в 1812 г. перевели в Военное министерство и прикрепили к Главному штабу, при котором в 1822 г. был учреждён корпус военных топографов. На Военно-топографическое депо было возложено производство точных астрономических и геодезических съёмок. Первоначально оно занималось составлением карты Европейской России, но уже в первой половине XIX в. началась работа по картированию Сибири и Средней Азии.

В XIX столетии картография Российской империи вступает в период своего расцвета: карты (атласы) издаются и тиражируются в массовом порядке по доступной цене; возникает и широко практикуется частная картографическая издательская деятельность; по мере развития капиталистических отношений в России появляются различные тематические карты и атласы.

Из картографических источников этого столетия выделим:

– подробную трёхвёрстную (масштаб: 3 версты в дюйме) топографическую карту западных губерний России. Её составление началось в 1846 г., однако первые отпечатанные листы этой карты стали поступать в продажу только в годы правления Александра II (1818–1881 гг., император — с 1855 г.). [Военно-топографическое депо];

– специальную карту Западной Сибири на 92 листах и генеральную карту Западной Сибири с киргизской степью (масштаб: 30 вёрст в 1 дюйме, 1830-е). [Военно-топографическое депо];

– специальную десятивёрстную карту Европейской России на 158 листах (25×19 дюймов каждый; масштаб: 10 вёрст в 1 дюйме; 1865–1871). При её составлении были использованы топографические съёмки, сведения и материалы различных министерств и статистического комитета, Русского географического общества, горного и межевого ведомств. [Военно-топографическое депо];

– подробную военно-топографическую карту Европейской России (гравюра на меди) в масштабе: 3 версты в 1 дюйме (1 см : 126000 см). [Военно-топографическое депо];

– общую карту Азиатской России на 8 листах (26×19 дюймов каждый; масштаб: 100 вёрст в 1 дюйме; гравюра на меди; 1883). [Военно-топографическое депо];

– руководства и карты по речному и морскому судоходству (морские лоции). Например, «Судоходный дорожник Европейской России» (ч. 1–2, 1854–1855);

– социально-экономические карты: «Карта промышленности Европейской России» (1842); «Хозяйственно-статистический атлас Европейской России», составленный при департаменте сельского хозяйства (1851, 1852, 1857, 1869); карты лесов Европейской России (наиболее ранняя подобная карта датируется 1840–1841 гг.);

– карты горнорудного дела и полезных ископаемых. Например, карта И.Ф. Германа «Историческое начертание горного производства в Российской империи»;

– «Статистический Атлас Российской империи», состоящий из 45 хромолитографированных карт по различным социально-экономическим направлениям (климат, орография, промышленность транспорт, сельское хозяйство, вероисповедания, населенность). Этот популярный атлас был составлен полковником Генерального штаба

А.Ильиным и издан в 1874 г. в Петербурге в «Картографическом заведении» А. Ильина (продавался по цене 5 рублей серебром)[1];

– «Подробный атлас Российской империи…» (1876), в состав которого вошло 72 карты, включая несколько тематических карт России (административная, орогидрографическая, этнографическая и др.).

– «Атлас Азиатской России» (Петроград, 1914).

Завершая исторический обзор зарождения, становления и расцвета российской картографии, отметим, что в XIX столетии фактически начинает формироваться как научная дисциплина русская историческая картография, которую не следует отождествлять с историей картографии. Историческая картография занимается составлением («восстановлением») исторических карт, которые прилагаются к историческим и историко-географическим сочинениям; история картографии же изучает уже существующие старинные карты-подлинники определённой эпохи (периода), которые со временем устаревают и приобретают историко-источниковедческое значение.

В конце XVIII–XIX вв. в России создаётся значительное число рукописных и печатных исторических карт, преимущественно военно-исторического характера: карты Персидского похода Петра I (рукописные, 1779); «Историко-топографический атлас планов с описанием крепостей и театров военных действий во время русско-шведской и русско-турецких войн» (рукописный); «Атлас исторический, хронологический и географический Российского государства, составленный на основании истории Карамзина И. Ахматовым» (1829–1831), «Исторический атлас России» Н.И. Павлищева (1845), атласы Е.Е.Замысловского (1865, 1887), А. Ильина (1876), войн 1812–1815, 1877–1878, 1904–1905 годов. Первая же печатная историческая карта («Историческая карта Российской империи») была опубликована в 1793 г. в Петербурге.

В XX столетии российская картография, как и вся страна, вступает в новую эпоху своего развития…

---

[1] Опыт Статистического Атласа Российской Империи. Составил Генерального штаба полковник А.Ильин. 45 хромолитографированных карт. СПб.: «Картографическое заведение А. Ильина», 1874.

«Новая достоверная карта Выборгского уезда» русского геодезиста Михаила Зиновьева. Из собрания его карт, известного как «Атлас на некоторые местничества Российской империи, содержащий 9 ландкарт и план города Иркутска с крепостцами» (1722–1728)

Карта Олонецкого уезда (южная часть Карелии) русского геодезиста Михаила Зиновьева. Из собрания его карт, известного как «Атлас на некоторые местничества Российской империи, содержащий 9 ландкарт и план города Иркутска с крепостцами» (1722–1728)

Карта русско-китайской границы Михаила Зиновьева. Из собрания его карт, известного как «Атлас на некоторые местничества Российской империи, содержащий 9 ландкарт и план города Иркутска с крепостцами» (1722–1728)

Карта южной части Иркутского уезда и западного участка русско-китайской границы. Автор Михаил Зиновьев. Из собрания его карт, известного как «Атлас на некоторые местничества Российской империи, содержащий 9 ландкарт и план города Иркутска с крепостцами» (1722–1728)

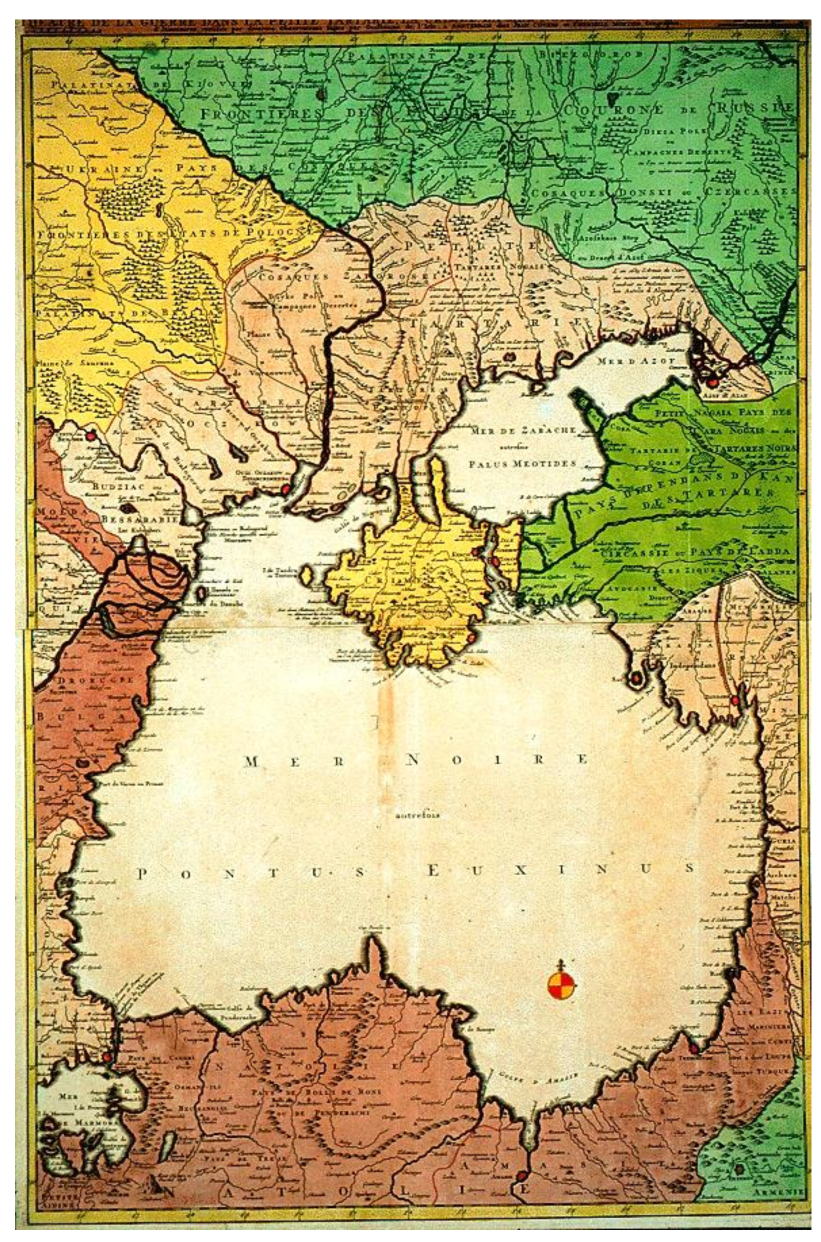
Карта Каргопольского уезда

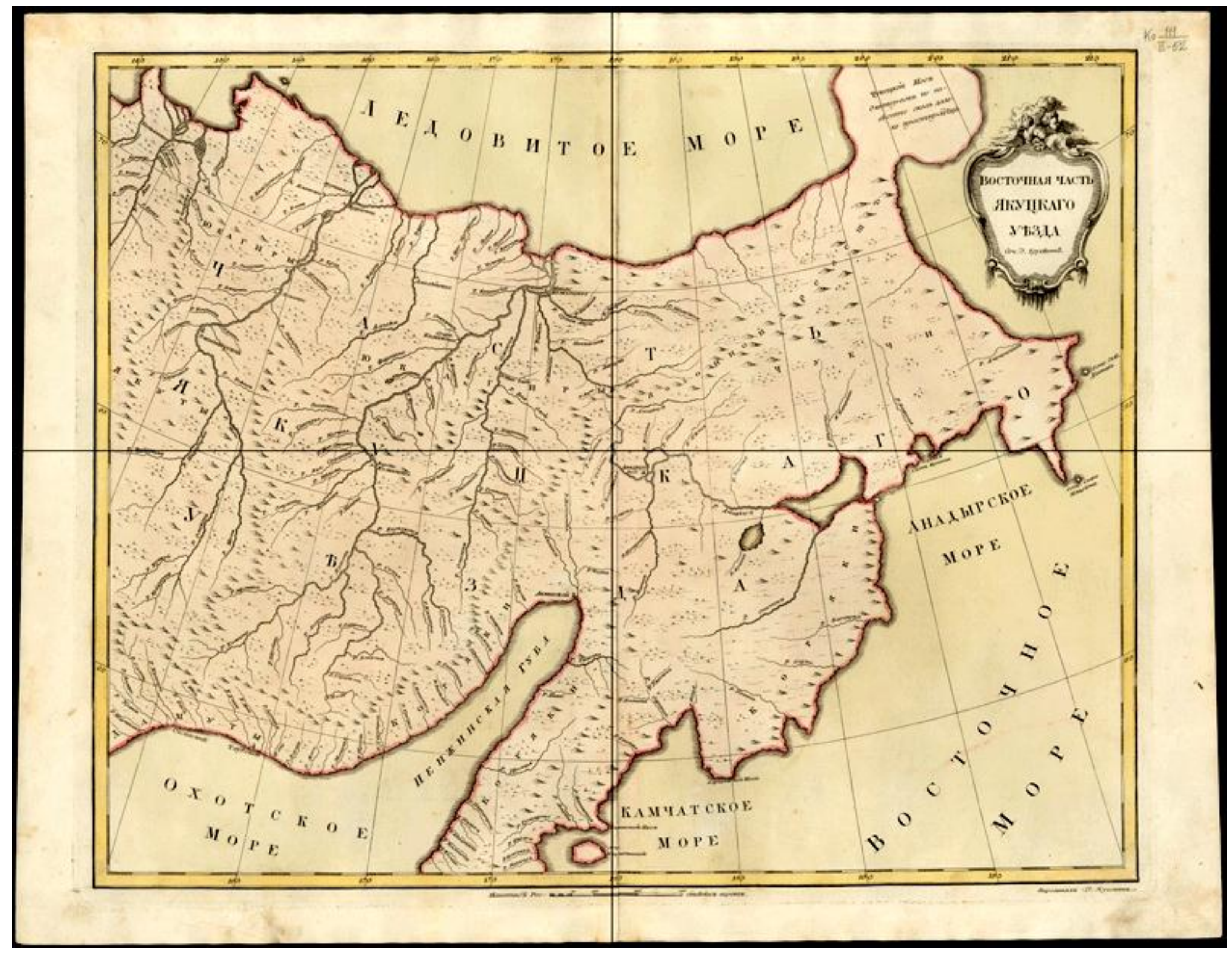
Карта Карельского уезда

Из собрания карт М. Зиновьева, известного как «Атлас на некоторые местничества Российской империи, содержащий 9 ландкарт и план города Иркутска» (1722–1728)

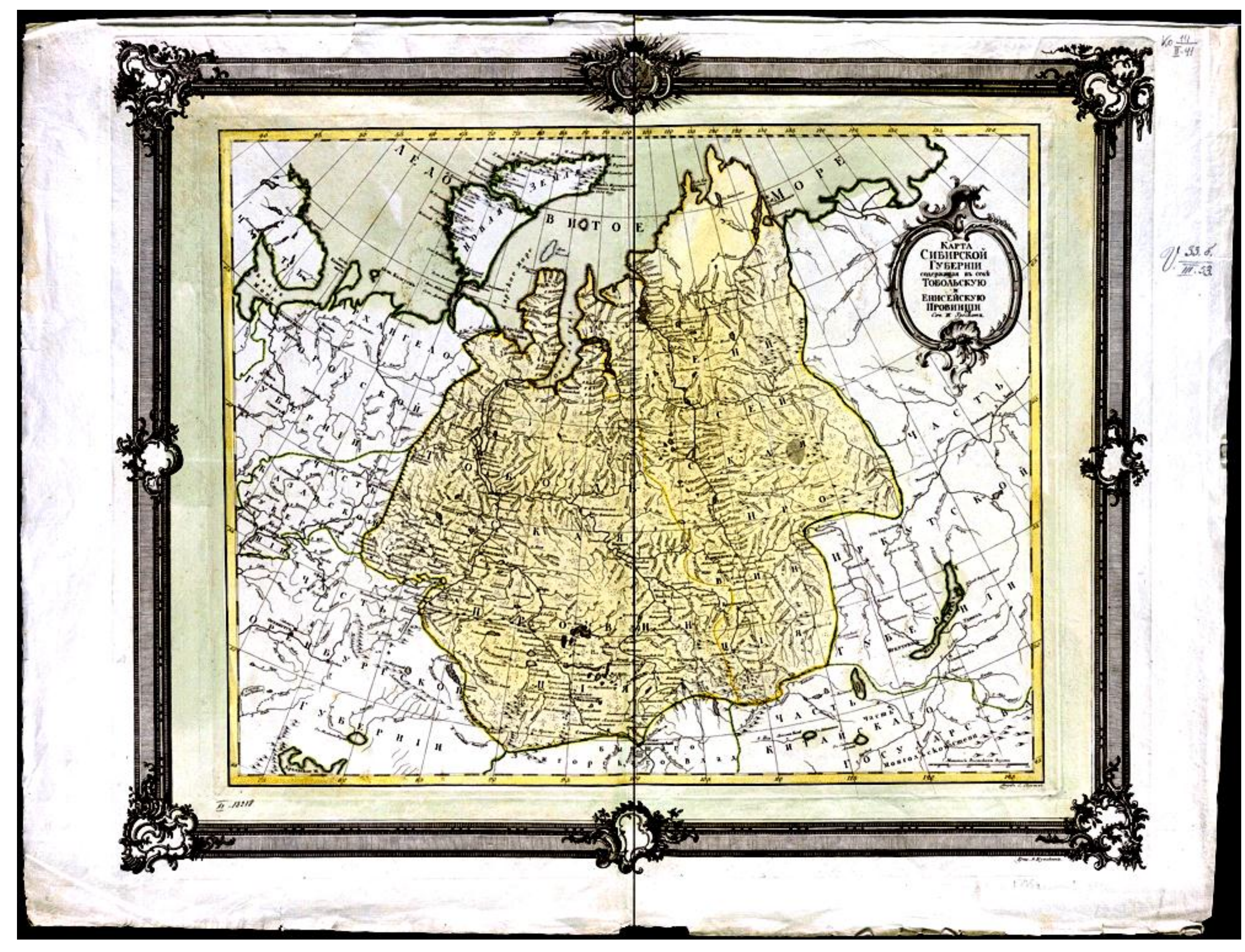
Первый топографический план Иркутска со схемой Ново-Троицкой крепости. Из атласа местничеств Российской империи М. Зиновьева (1722–1728)

Карта Чёрного моря и полуострова Крым (1722)

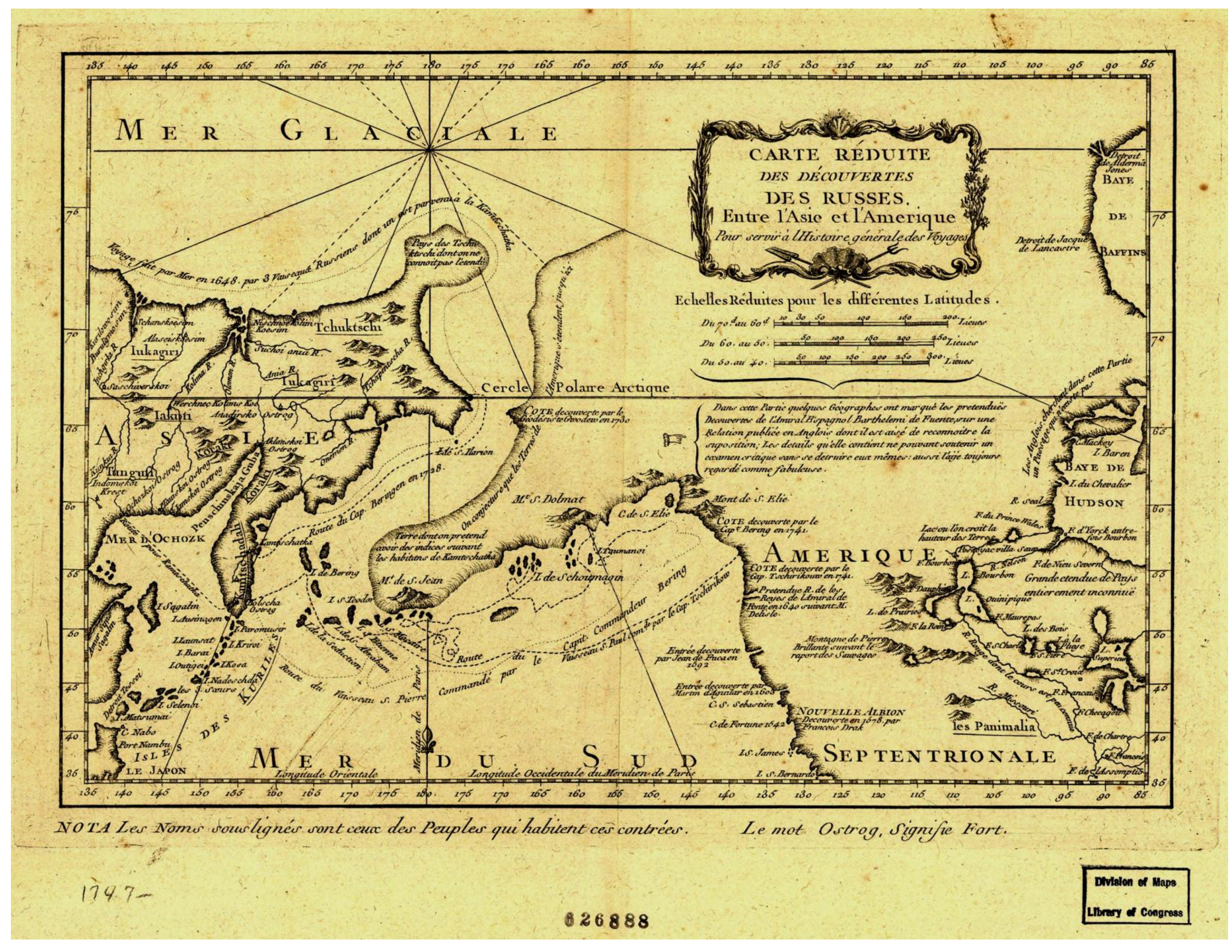
Карта восточной части Якутского уезда (1720-е)

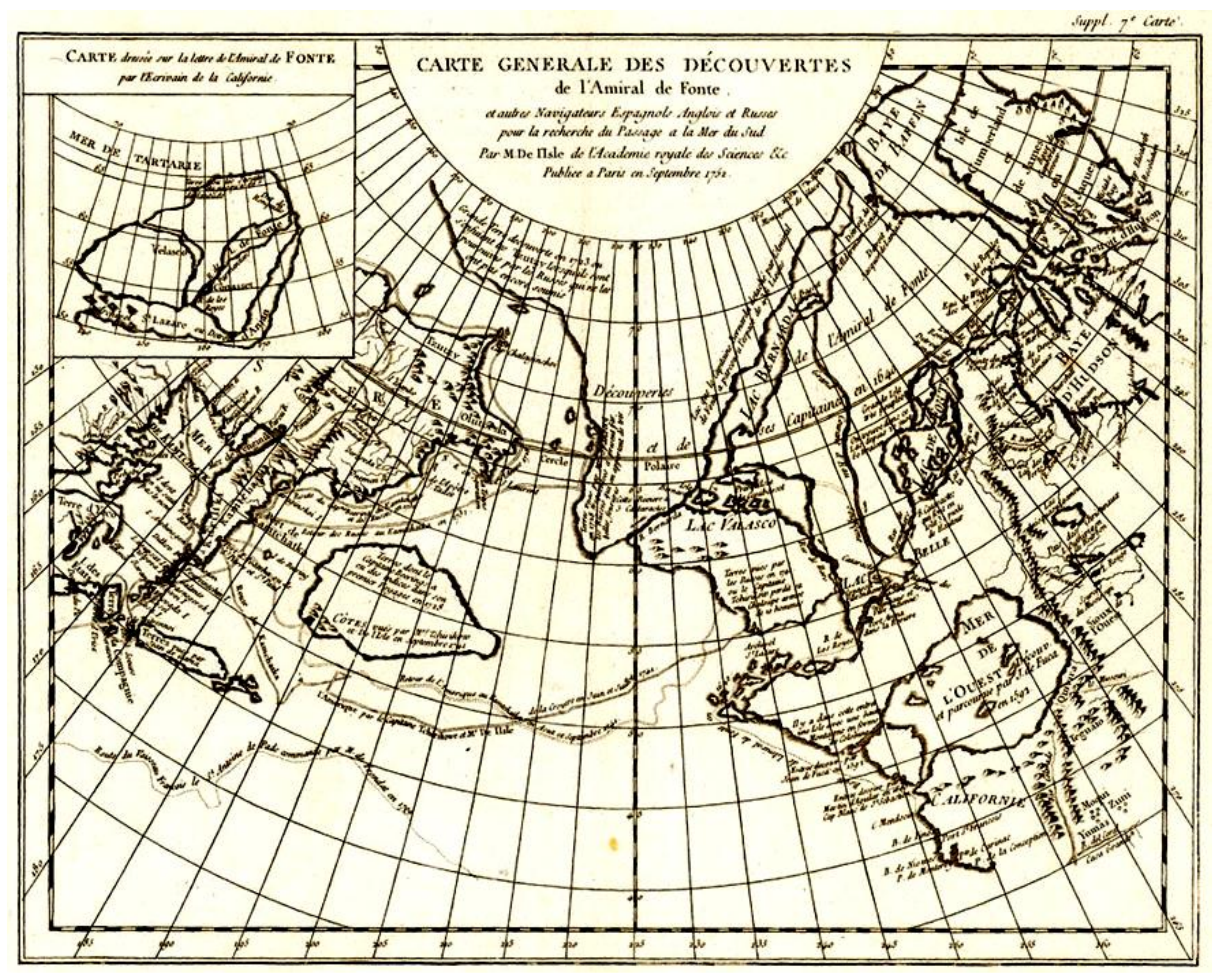
Карта Тобольской и Енисейской провинции Сибирской губернии (середина XVIII века)

Карта Российской империи И.К. Кирилова (1734), посвящённая императрице Анне Иоанновне. На ней отражена конфигурация острова Сахалин

Карта северной части Тихого океана (земель между Азией и Америкой), составленная по итогам Великих Сибирских экспедиций (1725–1730, 1733–1743) Ж.-Н. Делилем и опубликованная им в Париже (1747)

«Генеральная карта [якобы] открытий адмирала де Фонте [в середине XVII в.]». Ж.-Н. Делиль, Париж (1752)

Карта Иркутской провинции и моря Байкал. Атлас Российской империи (1745)

Карта среднего и нижнего течения Амура, Сахалина, южной оконечности Камчатки и Курильских островов. Атлас Российской империи (1745)

Карта побережья Северного Ледовитого океана с устьями Печоры, Оби, Енисея, Тазовской и Обской губами. Атлас Российской империи (1745)

Карта течения Иртыша и Енисея с их истоками («вершинами»). Атлас Российской империи (1745)

Карта «Часть Сибири от Соликамска до Тобольска». Атлас Российской империи (1745)

Карта «Часть Ледяного моря с устьем реки Лены и северною частью Якутского уезда». Атлас Российской империи (1745)

Карта «Часть Якутского уезда и бóльшая часть Камчатки». Атлас Российской империи (1745)

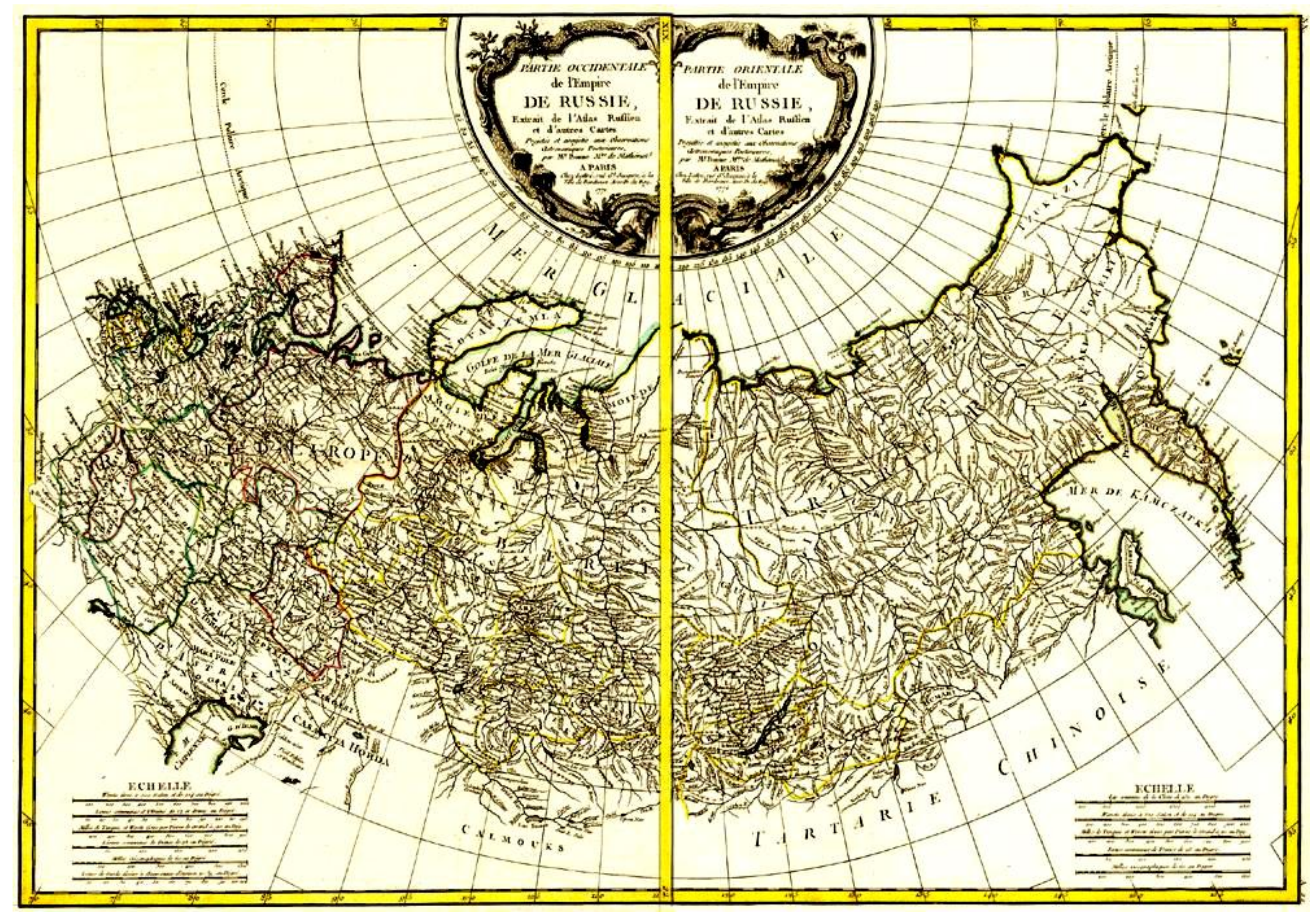
Российская империя. Эпоха Великих Сибирских экспедиций (1725–1730, 1733–1743). Наследники Иоганна Баптисты Хоманна (1663–1725). XVIII век

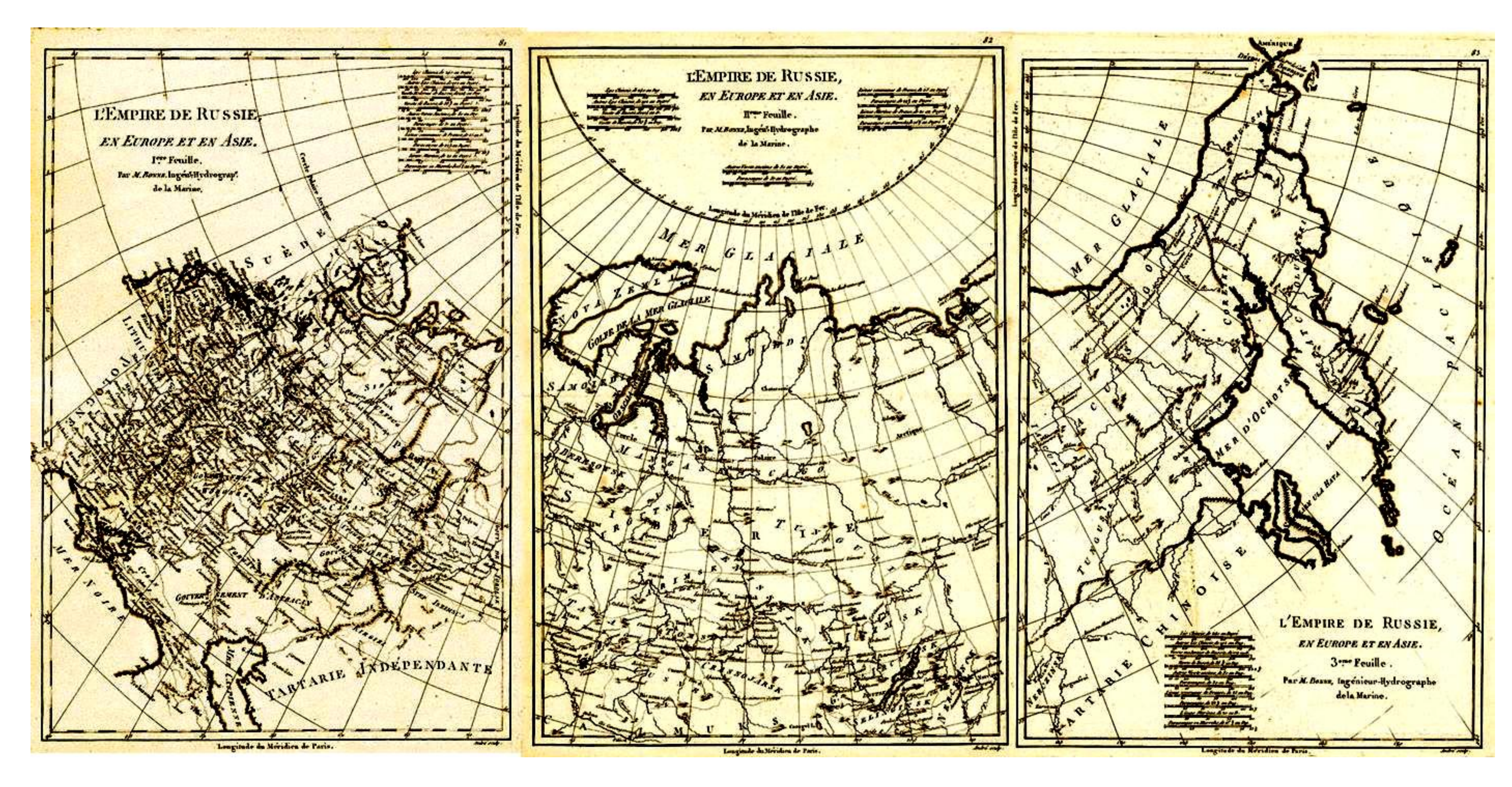
Российская империя. Эпоха Великих Сибирских экспедиций (1725–1730, 1733–1743). Д'Анвиль (XVIII век)

Российская империя. Эпоха Великих Сибирских экспедиций (1725–1730, 1733–1743). Ле Руж (XVIII век)

Российская империя. Эпоха после Великих Сибирских экспедиций (1725–1730, 1733–1743). Р. Бонн (1771)

Российская империя. Эпоха после Великих Сибирских экспедиций (1725–1730, 1733–1743). Р. Бонн (1788)

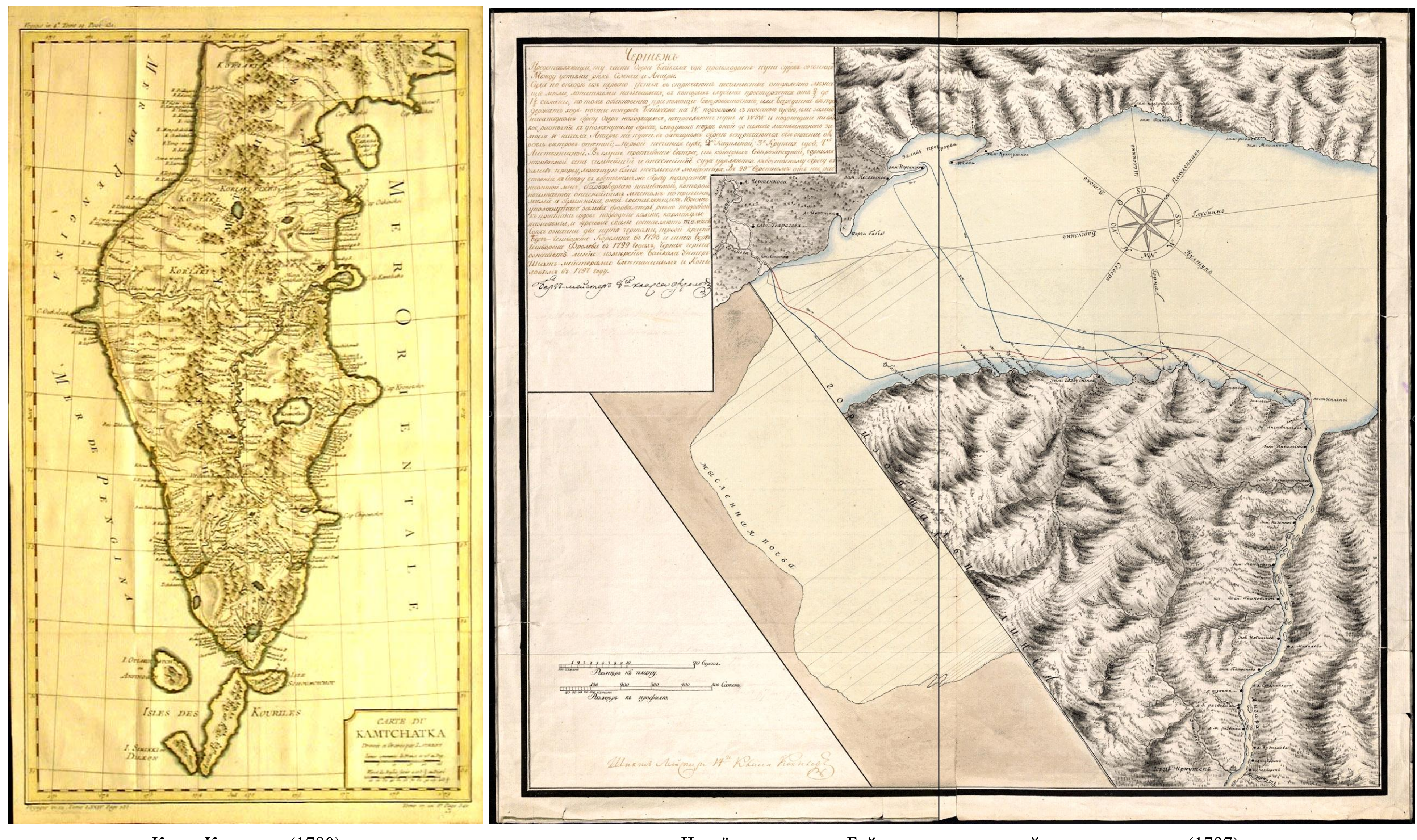
«Новая карта Российской империи, разделённой на наместничества» (1786)

КАРТА
ЯМСКИХЪ И ПОЧТОВЫХЪ ПУТЕЙ, УЧРЕЖДЕННЫХЪ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ И ЕГО ПРЕЕМНИКАХЪ ДО ЕКАТЕРИНЫ II

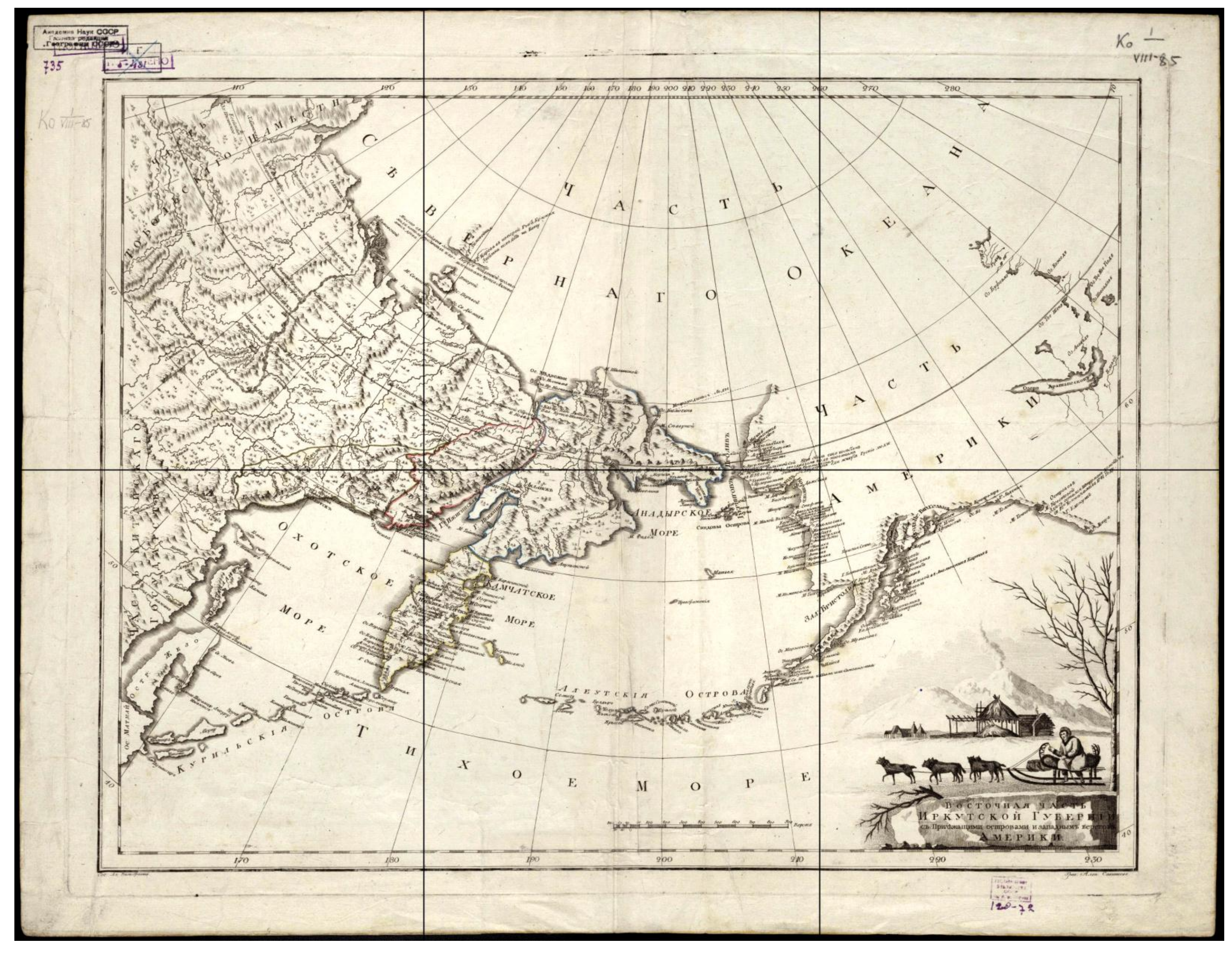

«Генеральная карта, представляющая удобные способы по умножению Российской торговли по Тихому и Южному океанам, с прилежащими землями и островами, продолжающимися от Северо-Американского с Азией пролива до равноденственной линии» (1787)

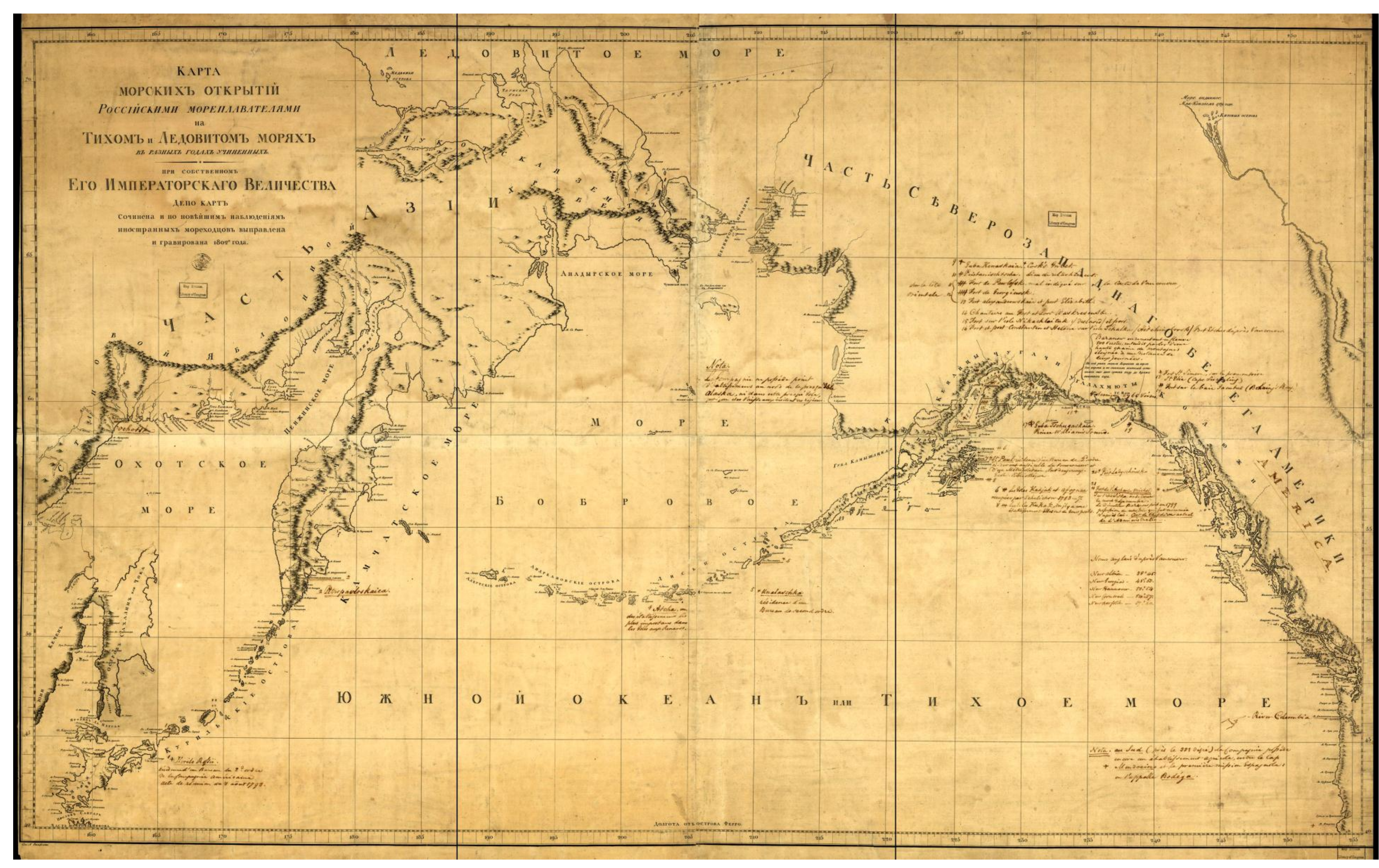

Карта Камчатки (1780)

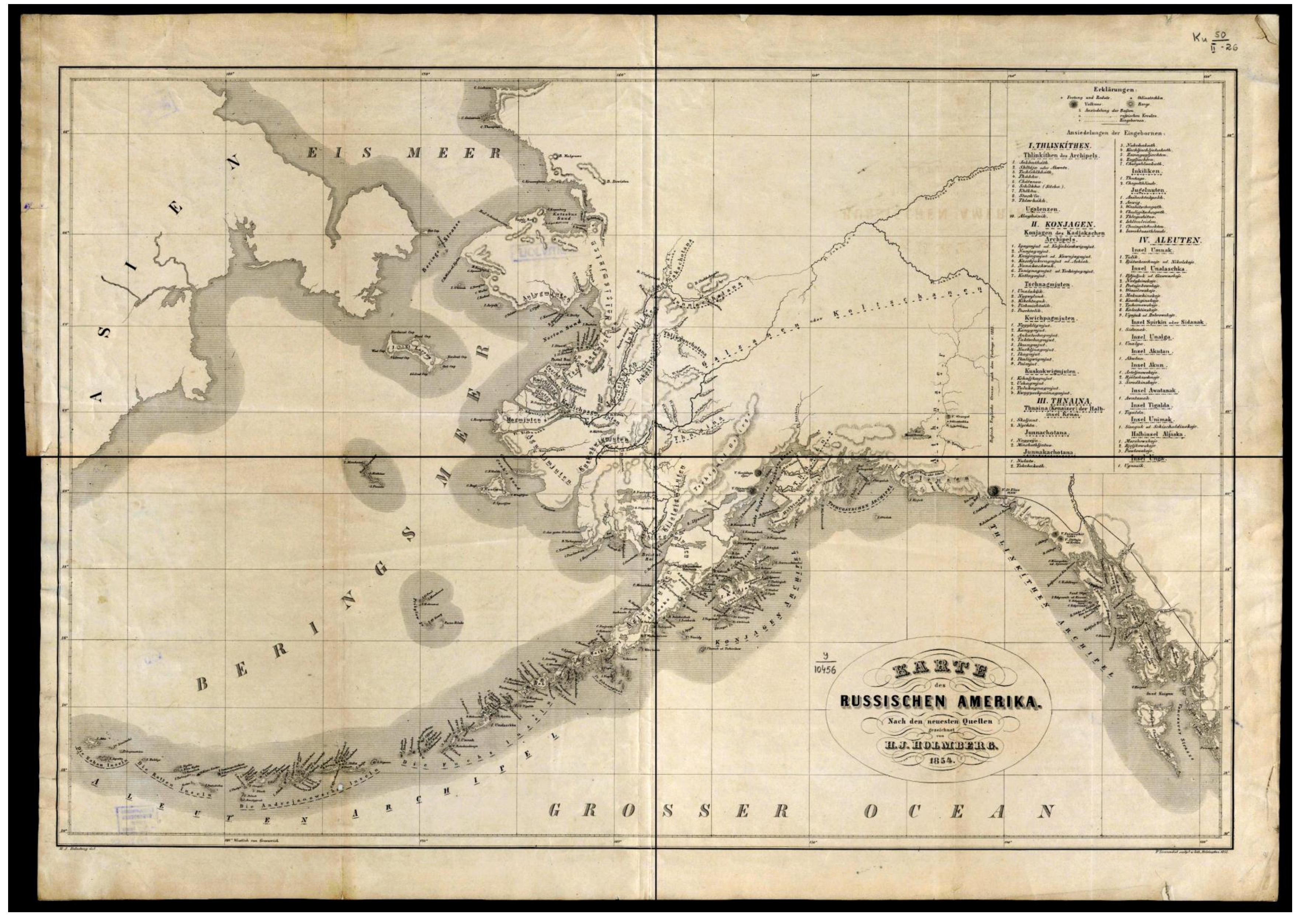
Чертёж части озера Байкал, показывающий маршруты судов (1797)

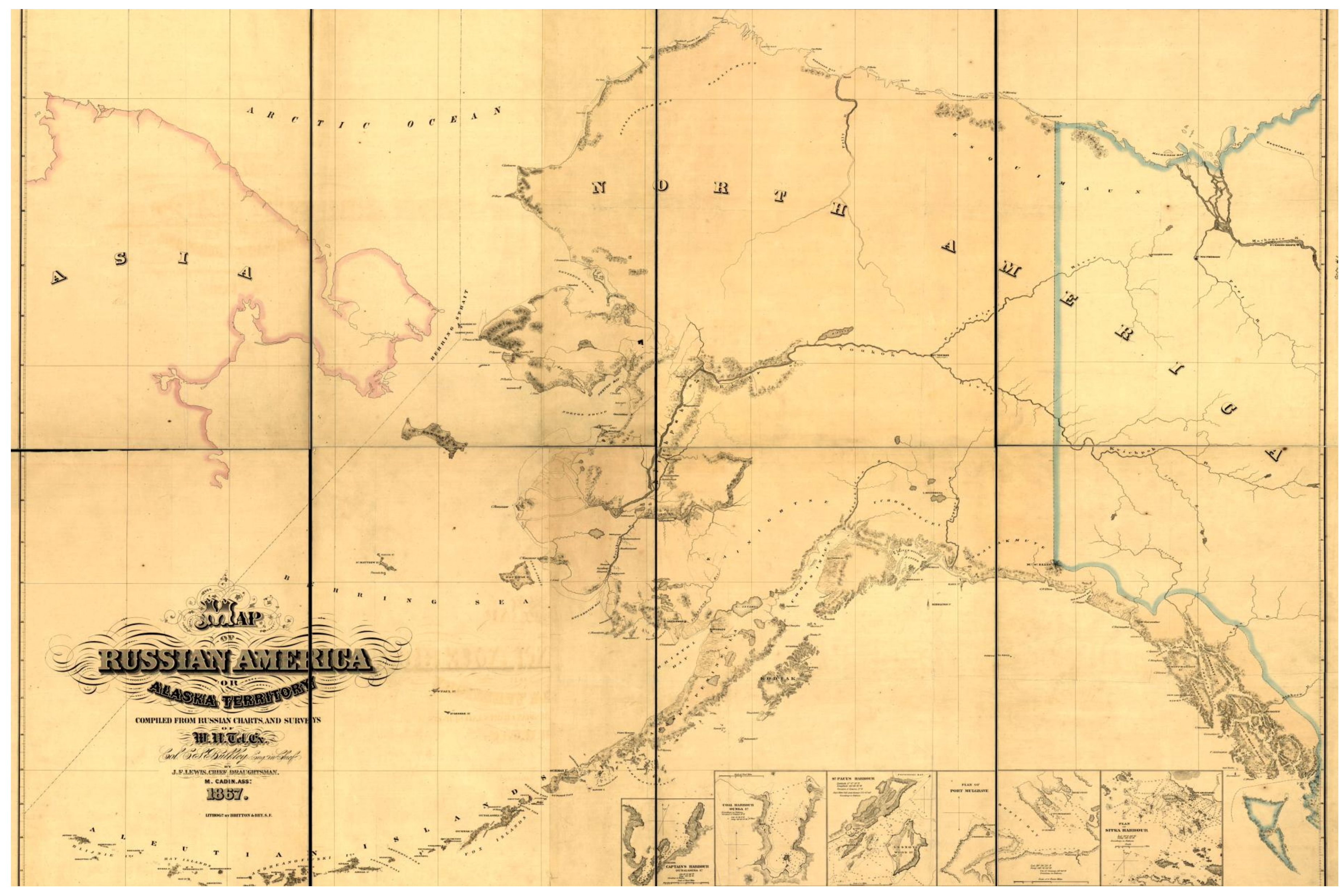
Карта восточной части Иркутской губернии с прилегающими островами и западным берегом Америки (рубеж XVIII–XIX вв.).
Составил А. Вильбрехт (1756–1823), гравировал А. Савинков

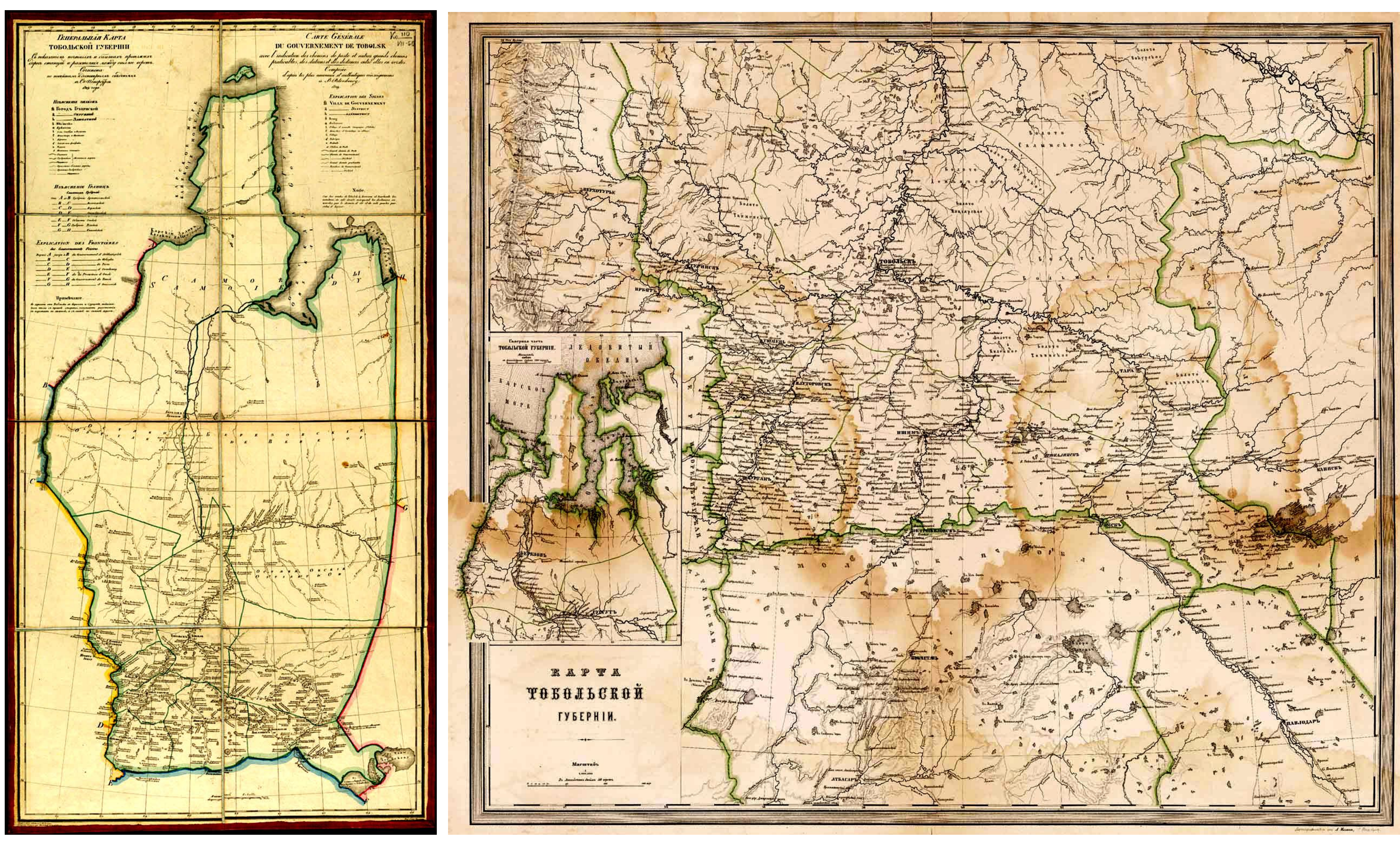
«Карта морских открытий российскими мореплавателями на Тихом и Ледовитом морях в разных годах учинённых» (1802)

Карта Русской Америки (1854). H.-J. Holmberg

Карта Русской Америки и Аляски (1867). J.-F. Lewis

Карта Тобольской губернии (1829)

Карта Тобольской губернии (1860-е)

Карта земли Уральского казачьего войска (1860-е)

КАРТА
ТОМСКОЙ
ГУБЕРНIИ

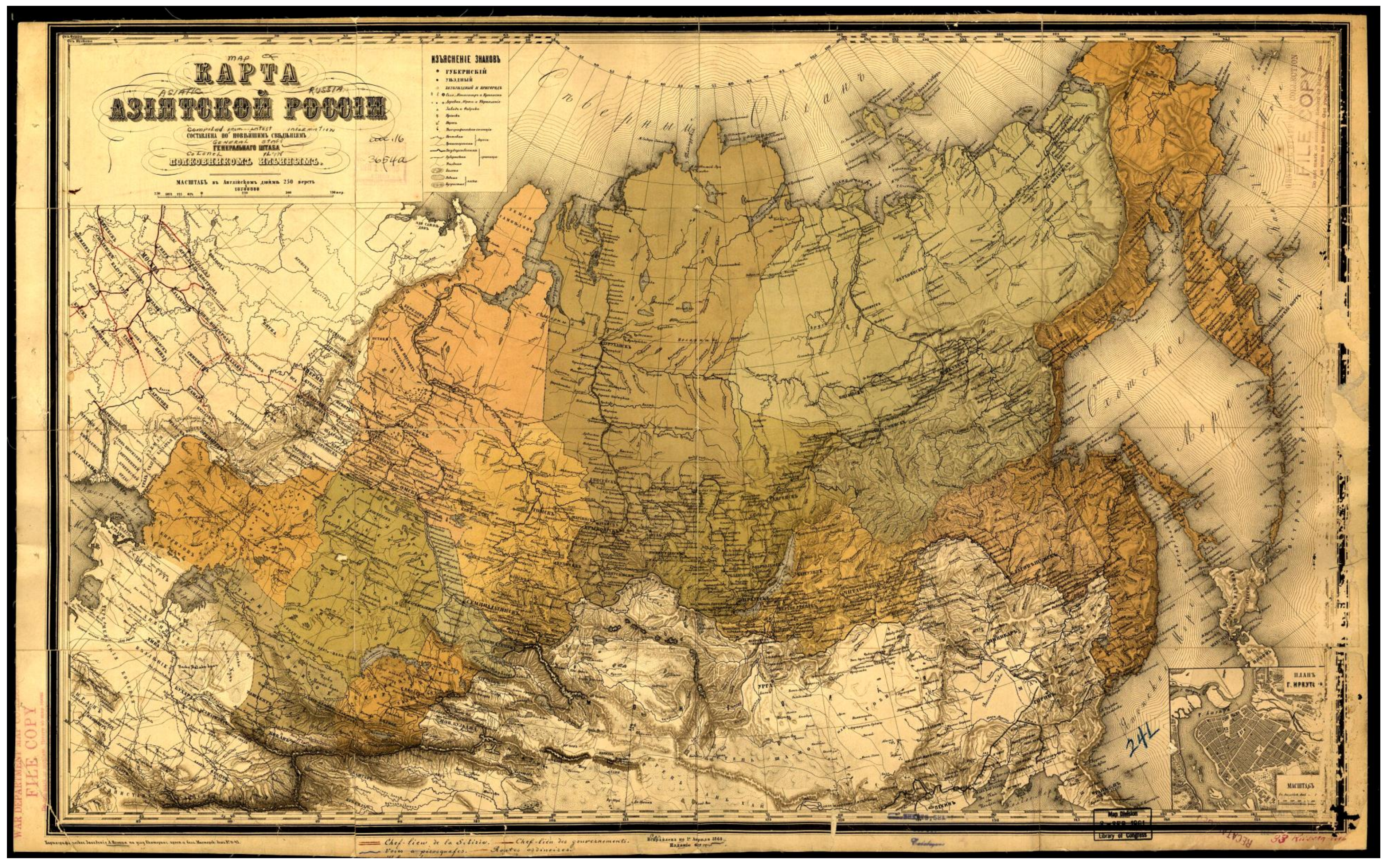
Карта Томской губернии (1860-е)

Карта Российской империи (в 3-х частях, 1888)

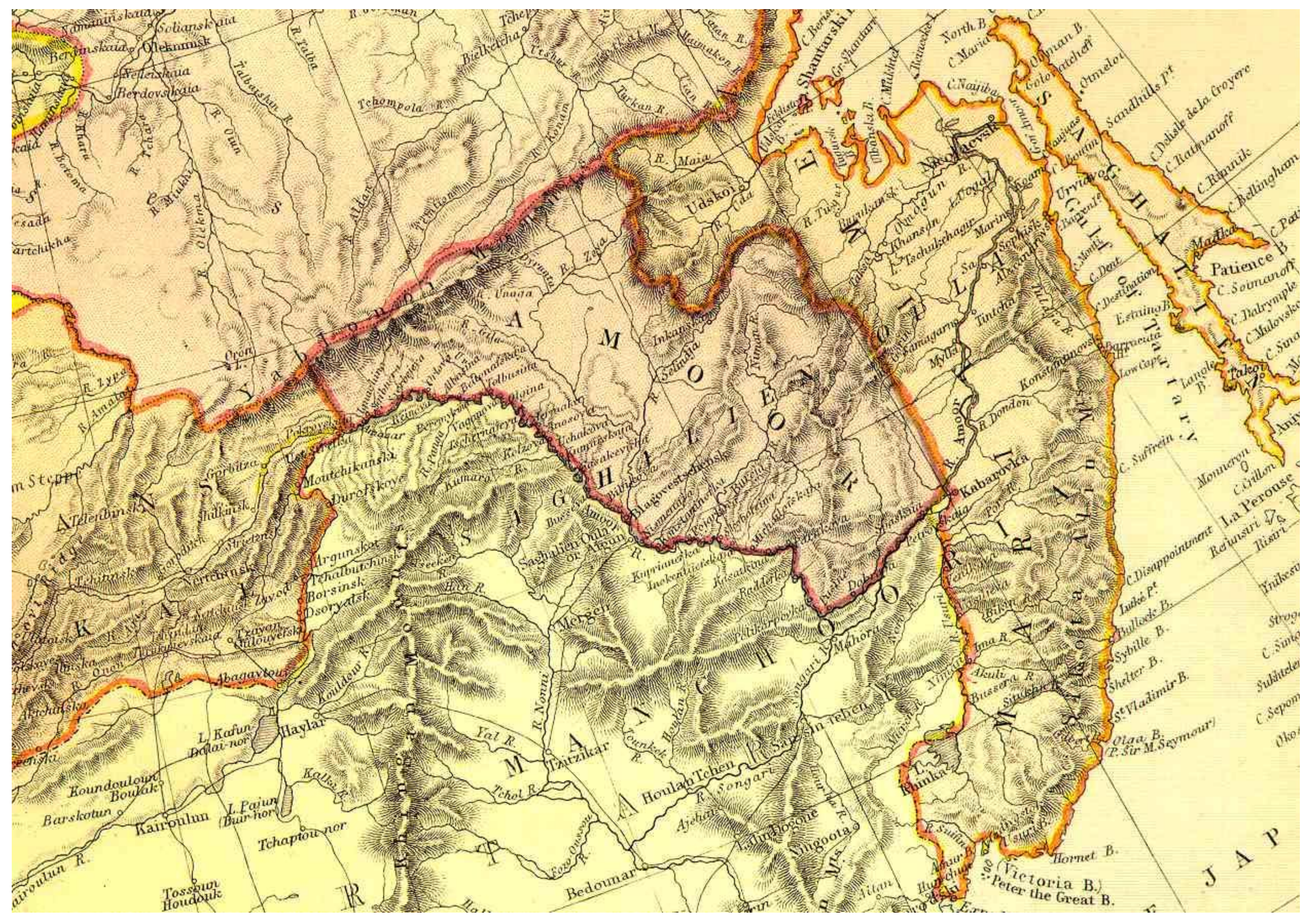
«Карты России и племена её населяющие» (1866)

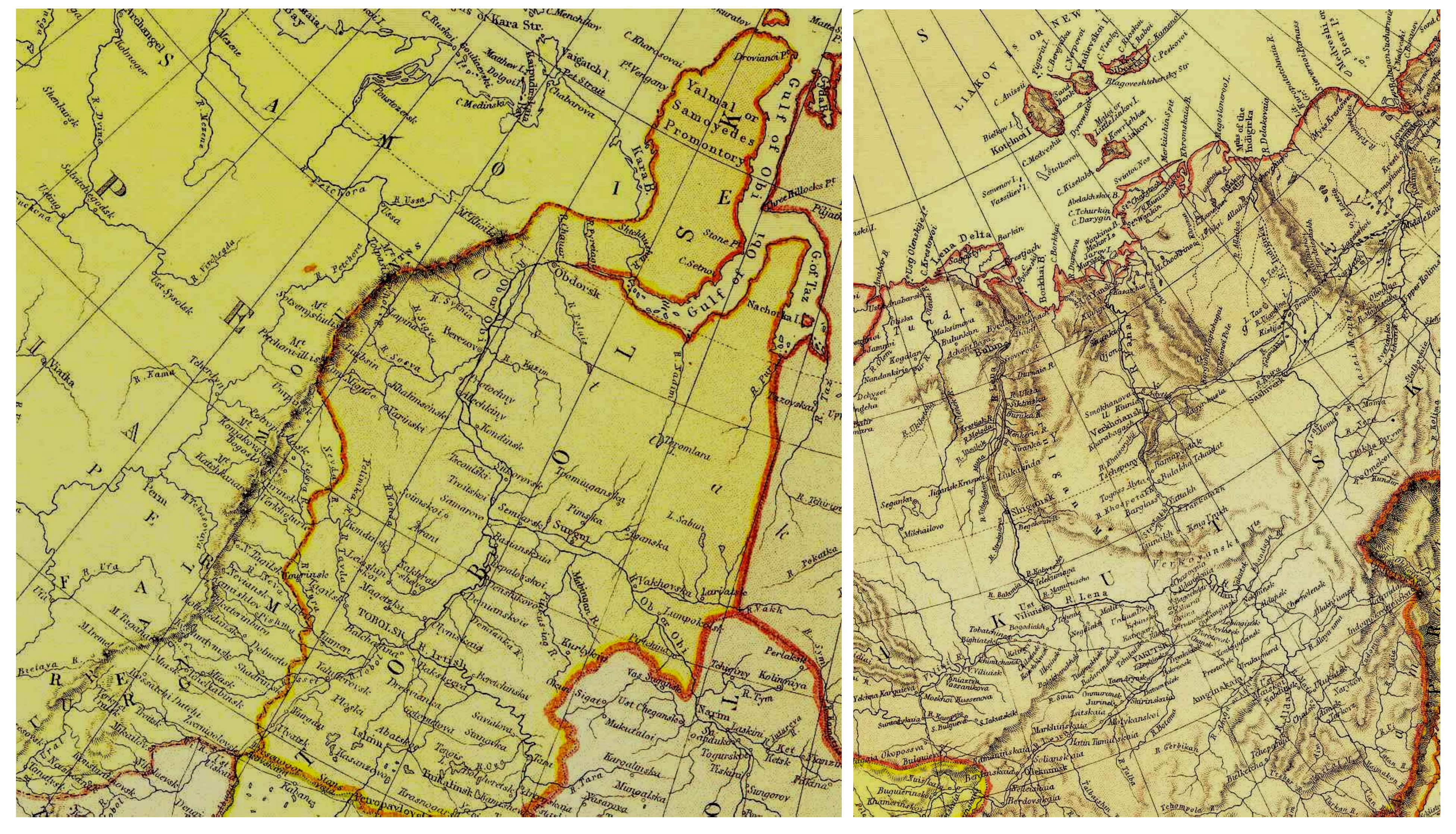
Карта Азиатской России. Составлена полковником Генерального штаба А. Ильиным (1868)

«Карта южной половины Восточной Сибири, части Монголии, Маньчжурии и Сахалина» (1875)

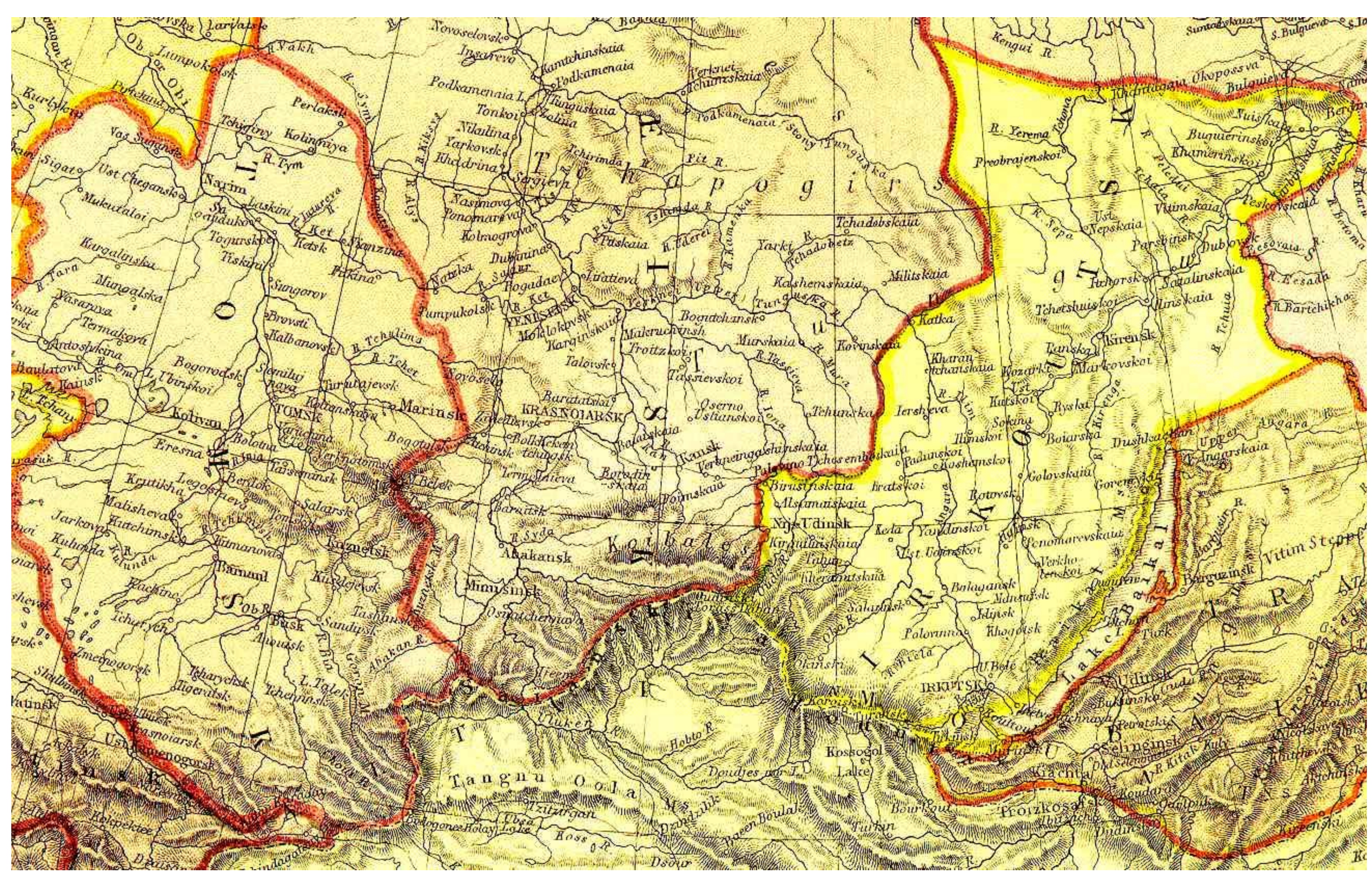

Карта восточной части Забайкальской области, Амурской области и южной части Приморской области с Сахалином (1882)

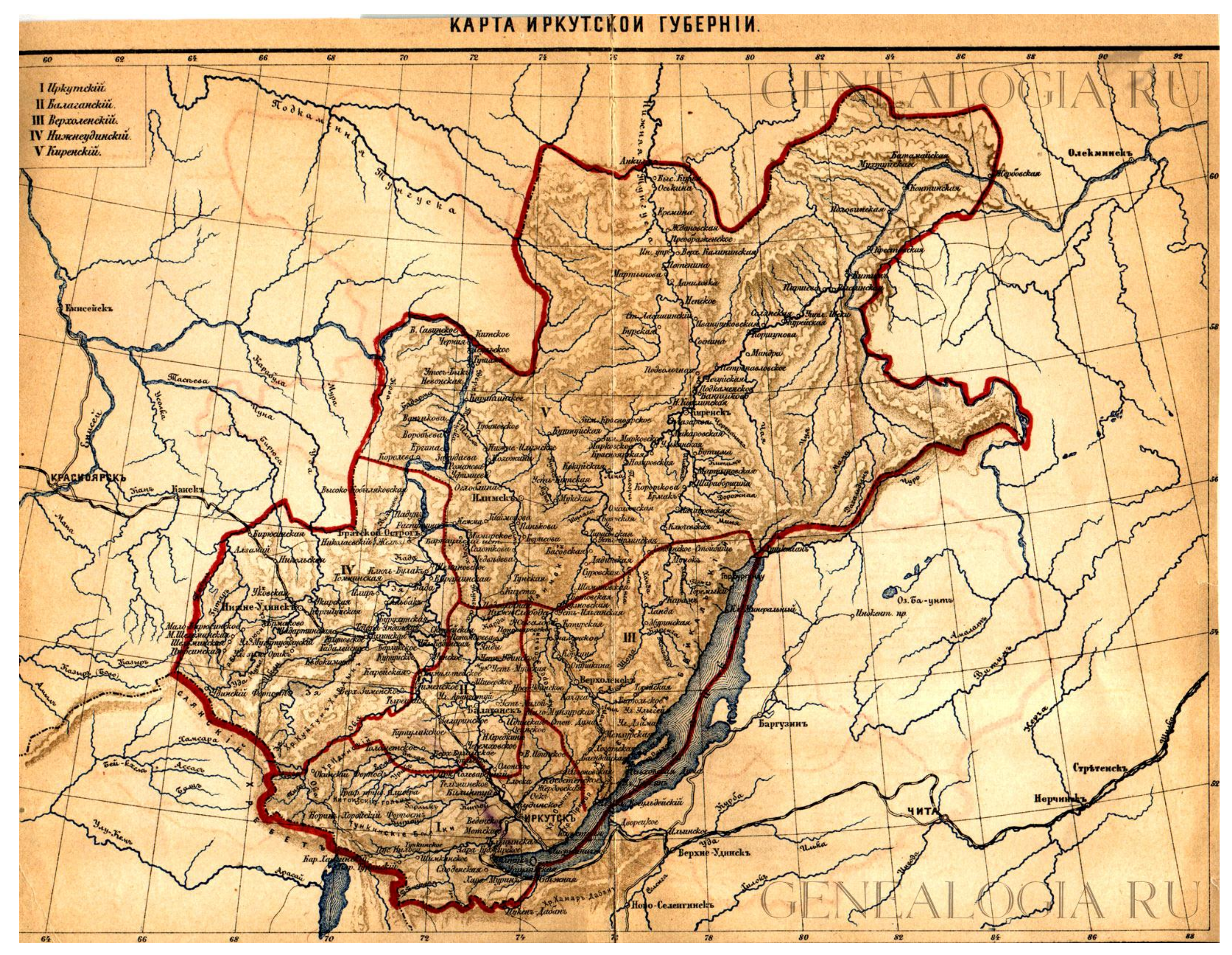

Карта Тобольской губернии (1882)

Карта Якутской области (1882)

Карта Томской области (1882)

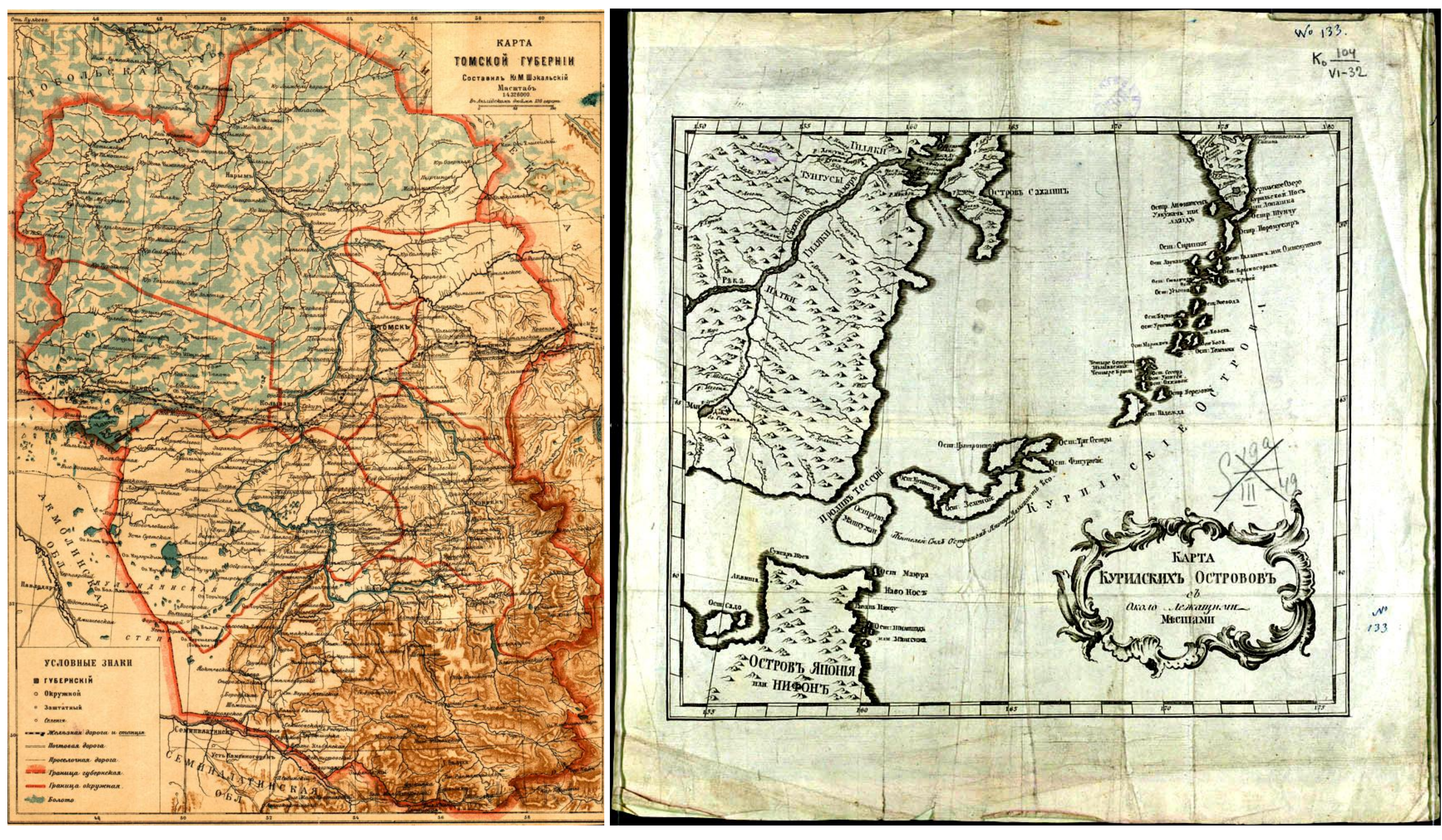
Карта Иркутской губернии из энциклопедического словаря И. Ефрона и Ф. Брокгауза (1880-е)

КАРТА
ОСТРОВА САХАЛИНА
1885 г.

Карта острова Сахалина (1885)

Карта Тобольской губернии (XIX век)

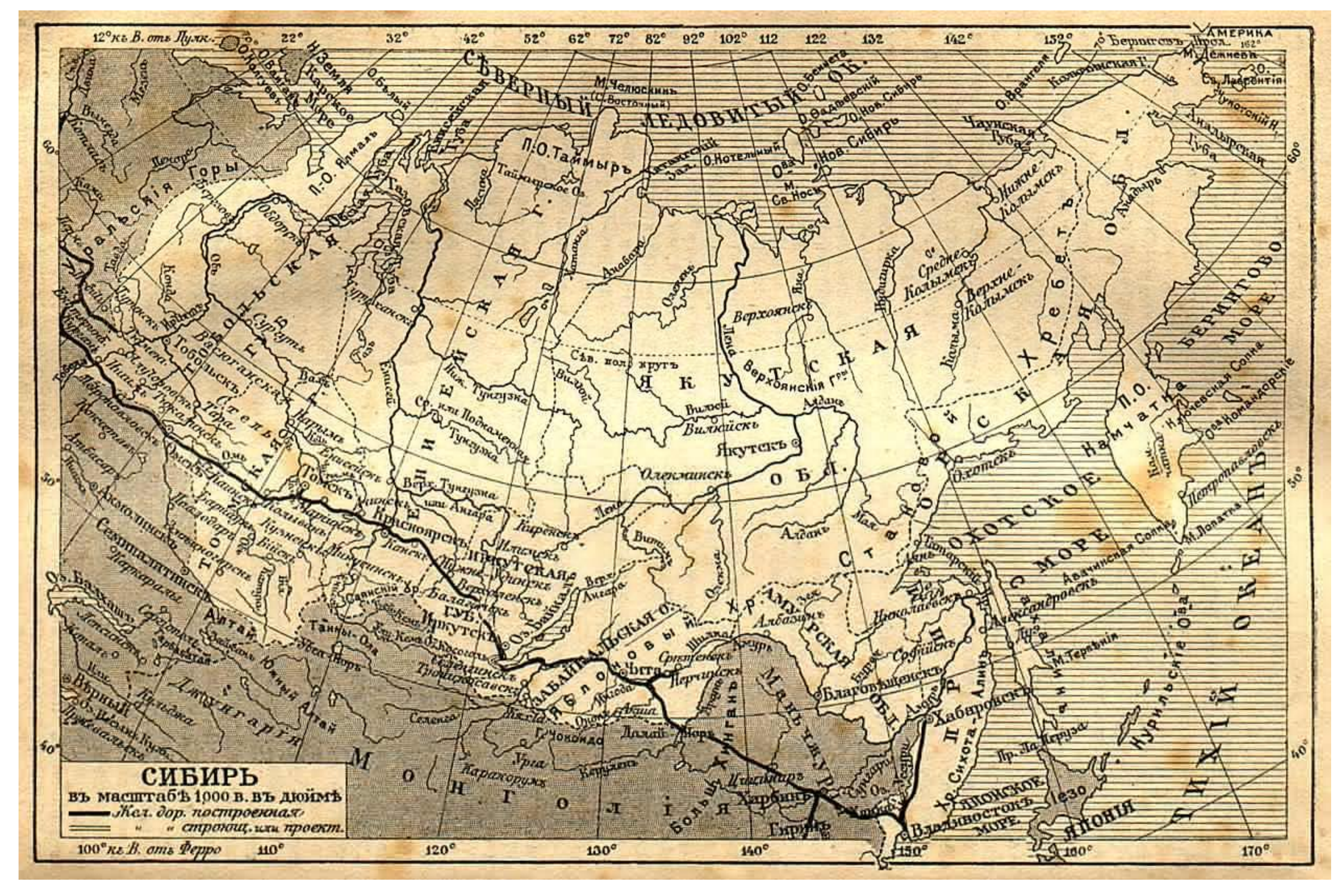

Карта Томской губернии (XIX век)

Карта Курильских островов (рубеж XVIII–XIX вв.)

Карта Севера России (1896)

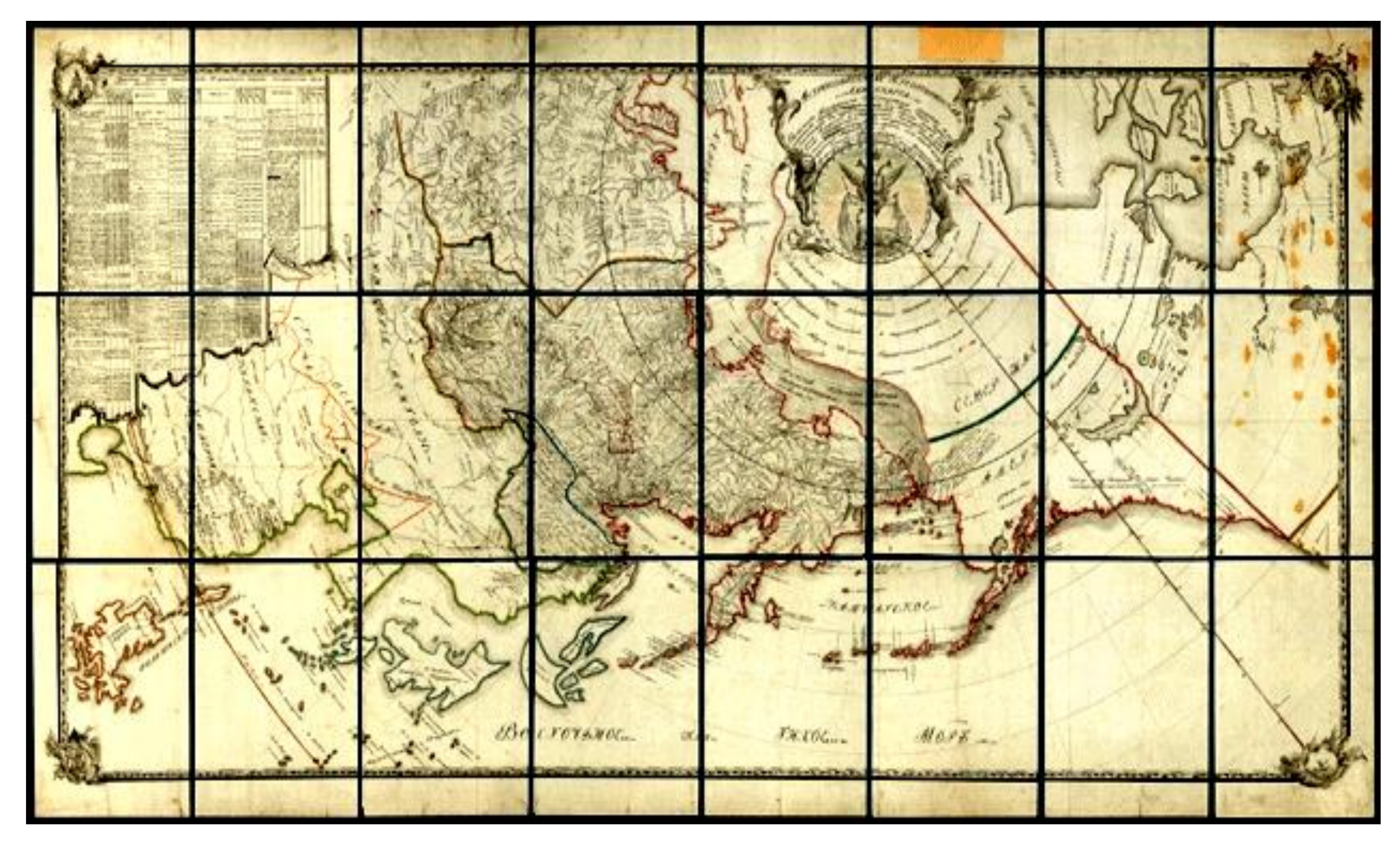
Карта Сибири (начало XX века). На ней отражена Великая Сибирская железнодорожная магистраль (Транссиб, 1891–1916) в первоначальном варианте. Доведена с запада на восток до Читы (Забайкальская железная дорога, 1895–1901), а дальше с ответвлением на КВЖД (1898–1904), которая проходила по территории Маньчжурии через Мукден, соединяя Сибирь с Владивостоком по кратчайшему расстоянию

Карта путей сообщения Азиатской России. Издание Министерства путей сообщения России (1901)

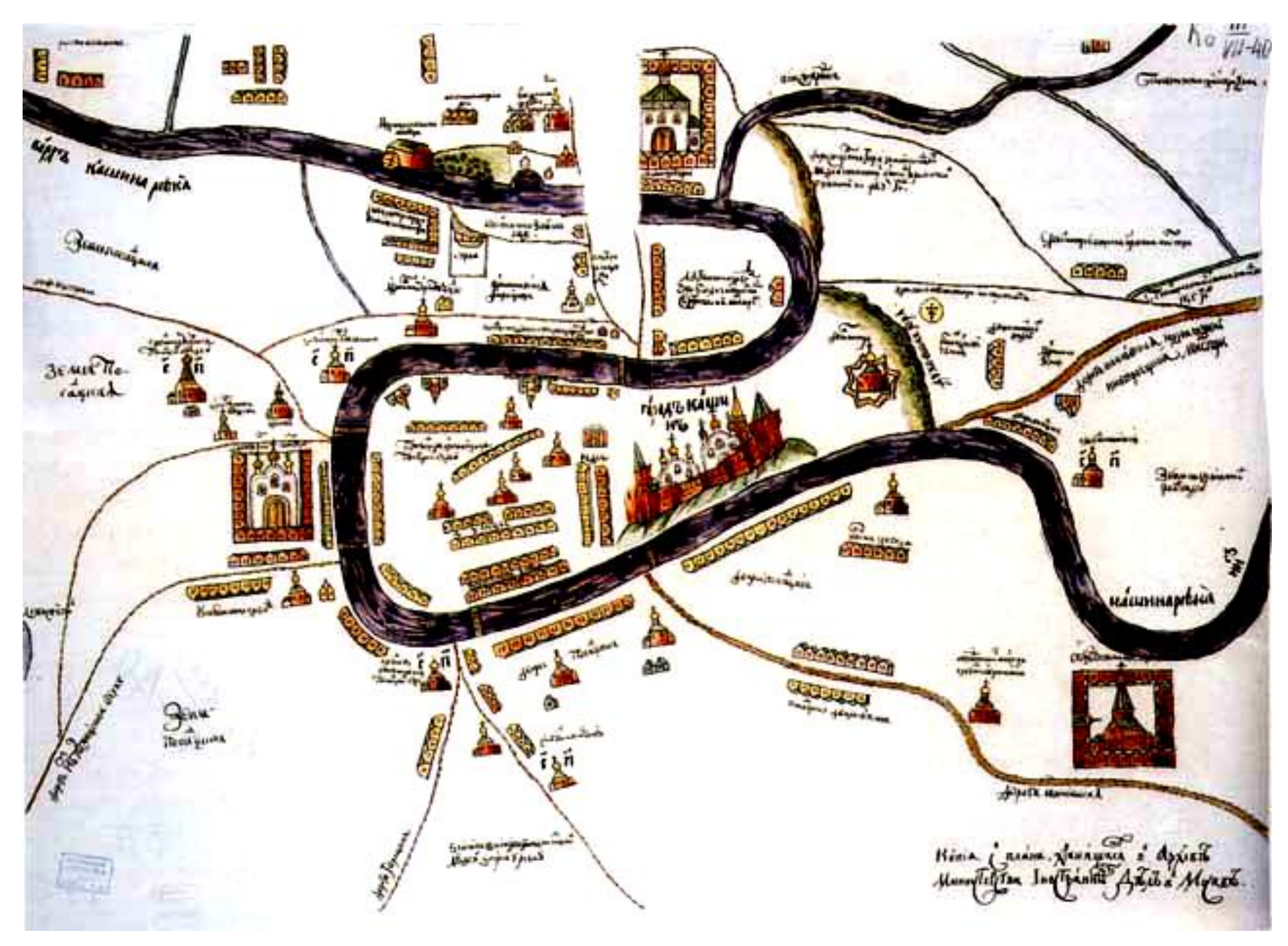
Этнографическая карта Азиатской России (1905). Составитель М. Венюков. Картографический завод А. Ильина

Гипсометрическая карта России (начало XX века).
Автор Ю.М. Шокальский. Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия

Обзорная карта плотности населения СССР (1926). Госплан СССР. Составил Каменецкий

Раннее средневековое картографическое изображение (план) Москвы

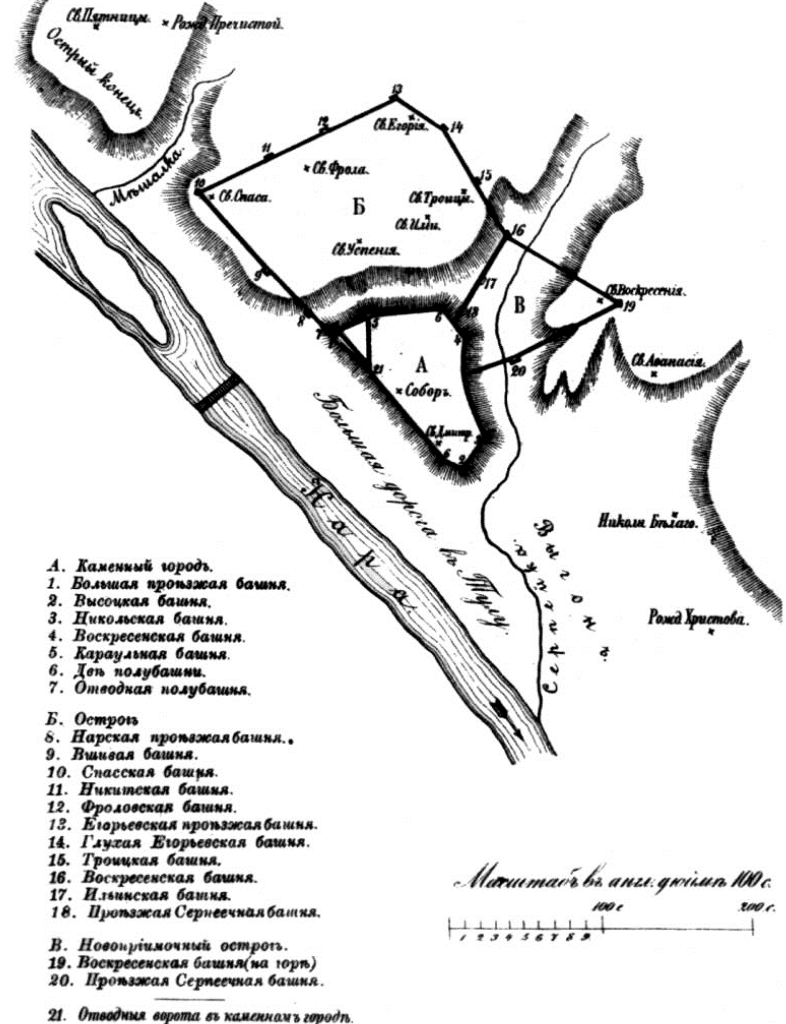
Раннее средневековое изображение Москвы

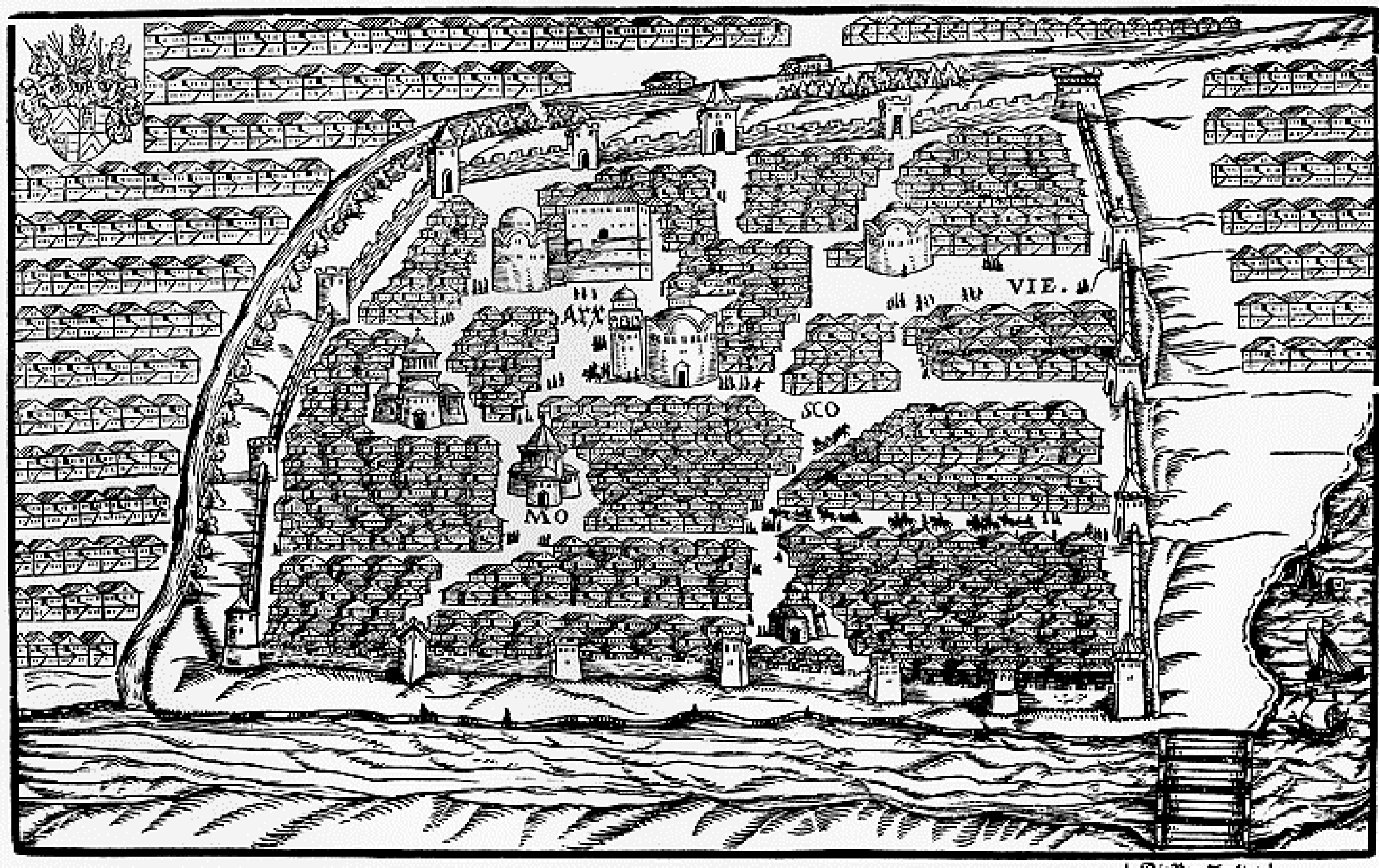
Карта Москвы с двуглавым орлом и миниатюрами на библейские сюжеты (1663)

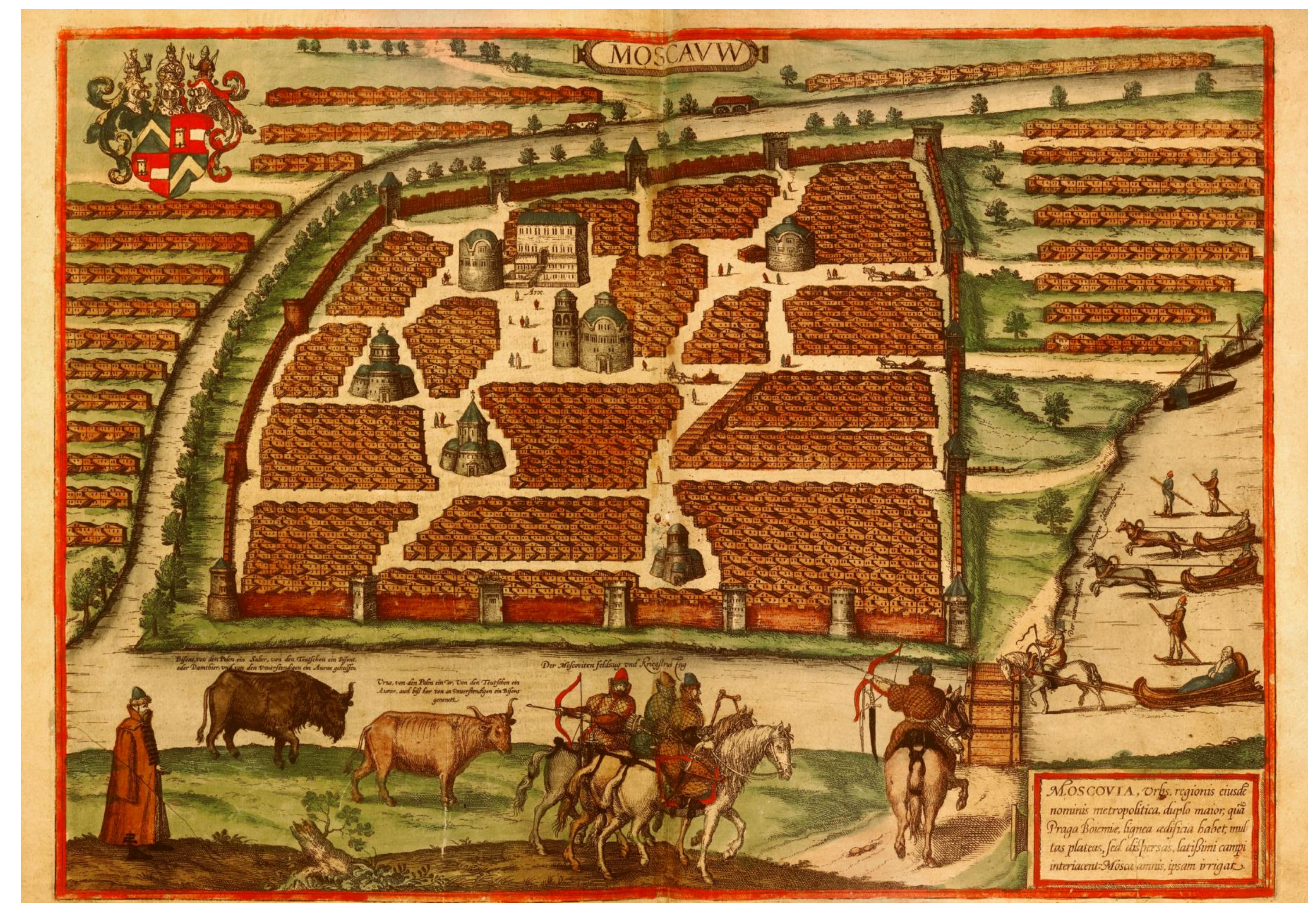
Осада Пскова шведами (1615). Johannes Rudbeckius

План каменного города и острога Серпухова (XVII век)

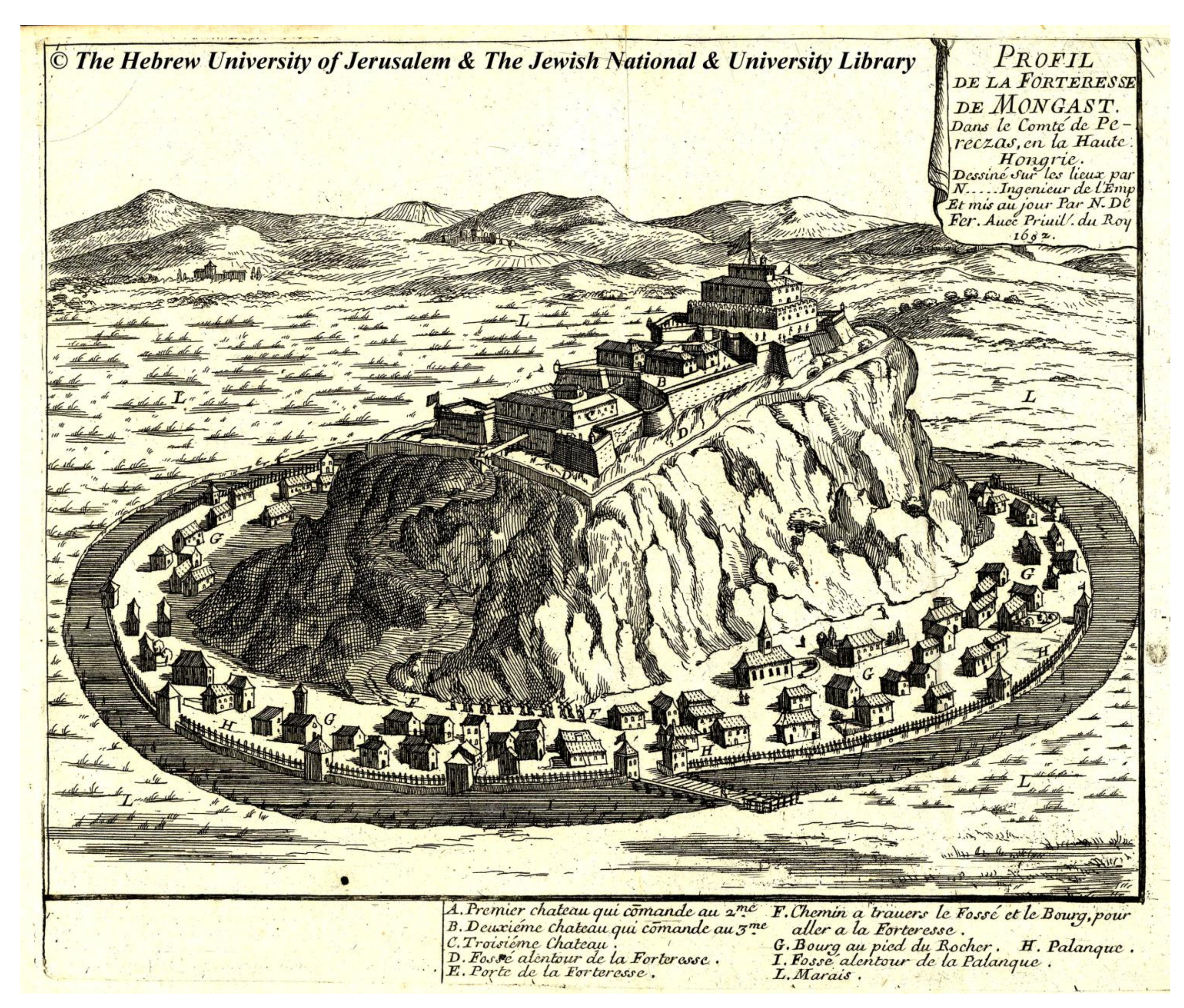
План города Москвы (1557)

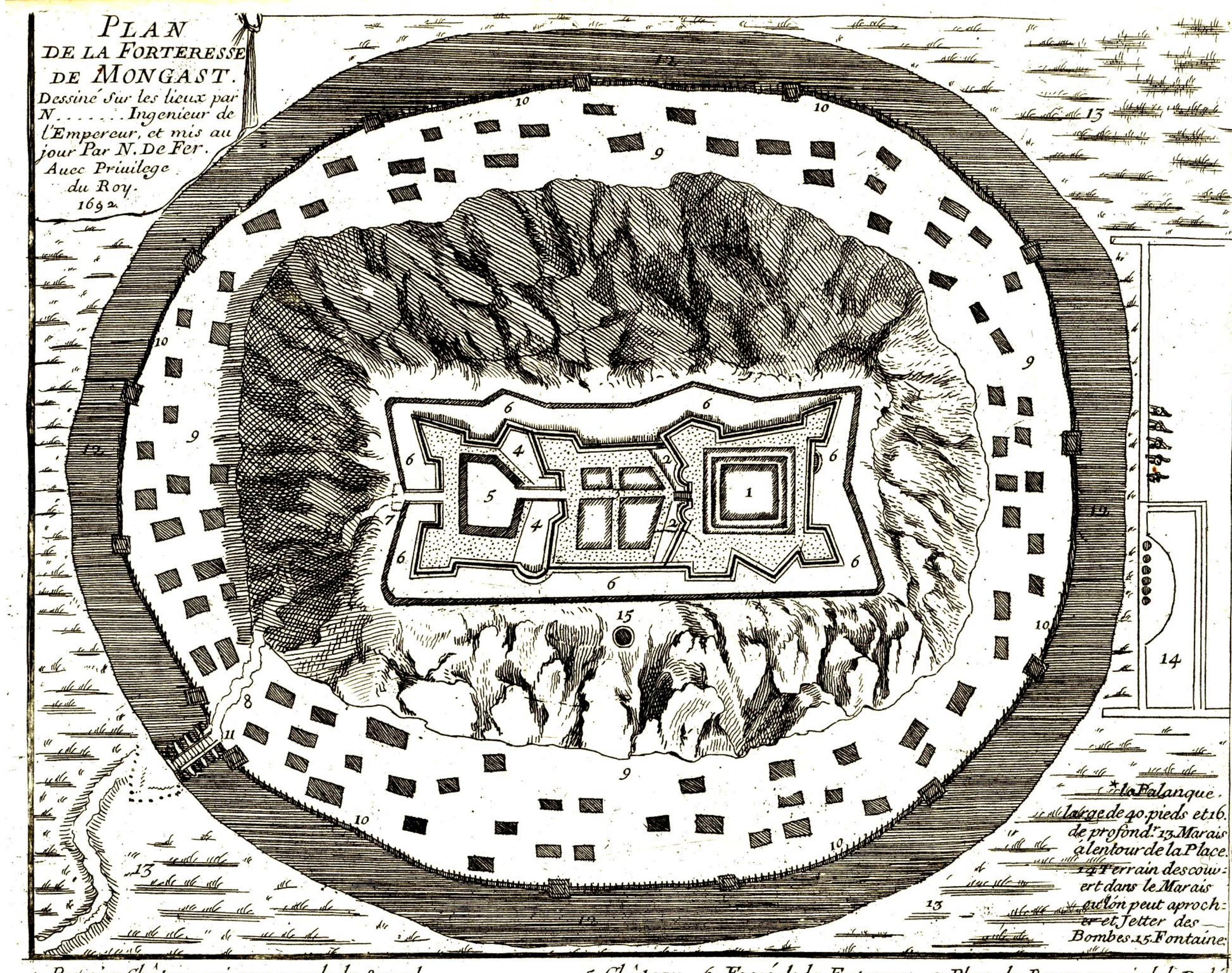
Карта города Москвы (1575). Автор гравюры Франц Хокенберг. В левом верхнем углу — родовой герб баронов Герберштейнов

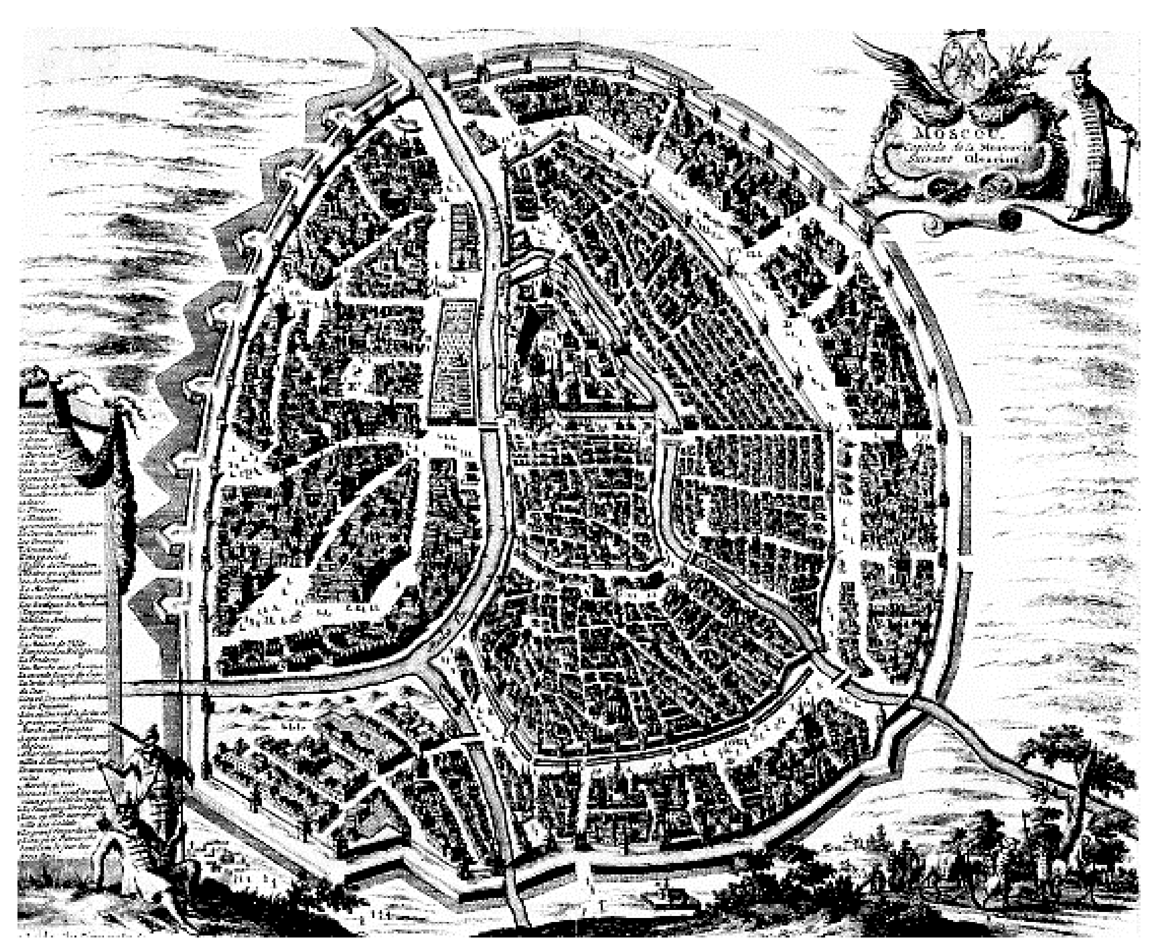
План московского Кремля из «Космографии» Блау (1663)

Изображение крепости Мукачево (1682). Nicolas de Fer

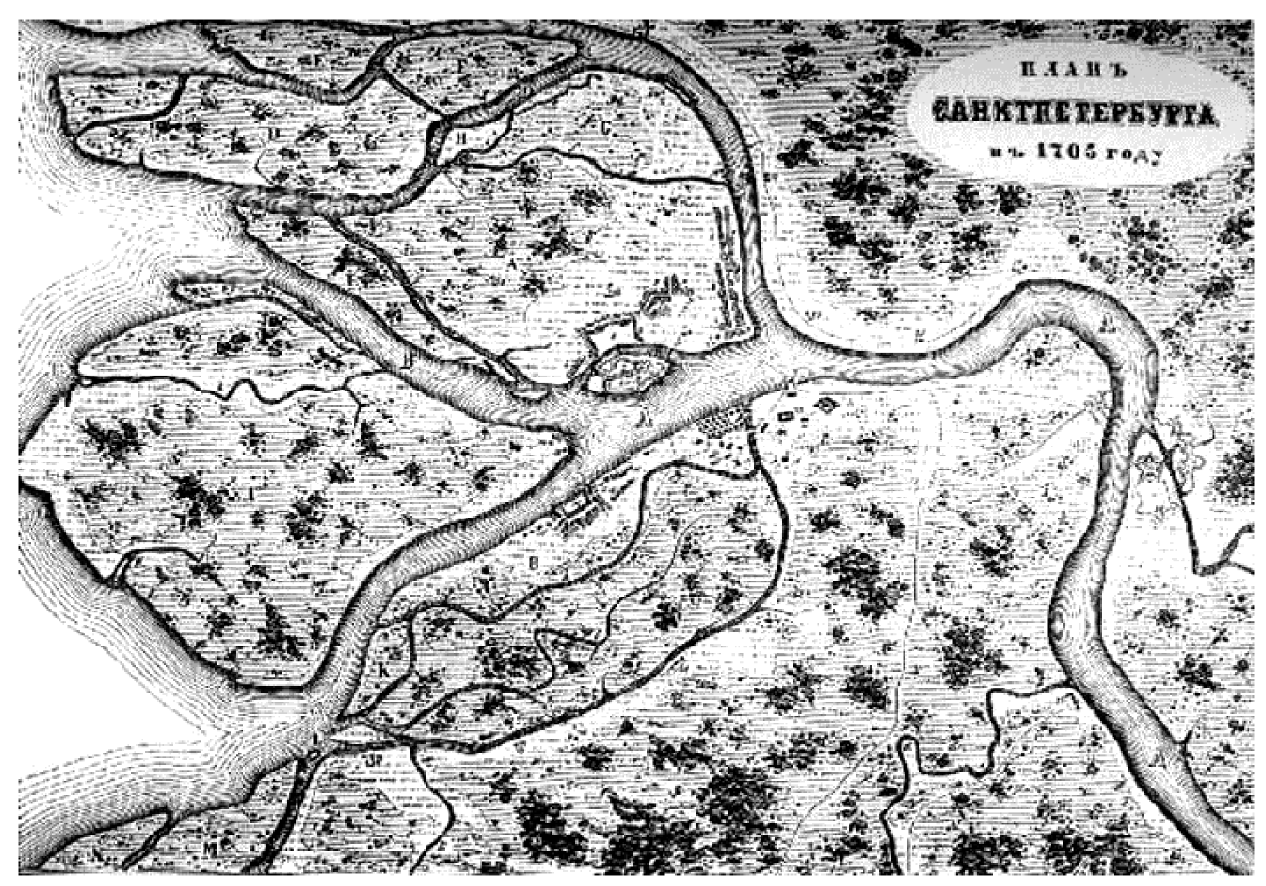
План крепости Мукачево (1692). Nicolas de Fer

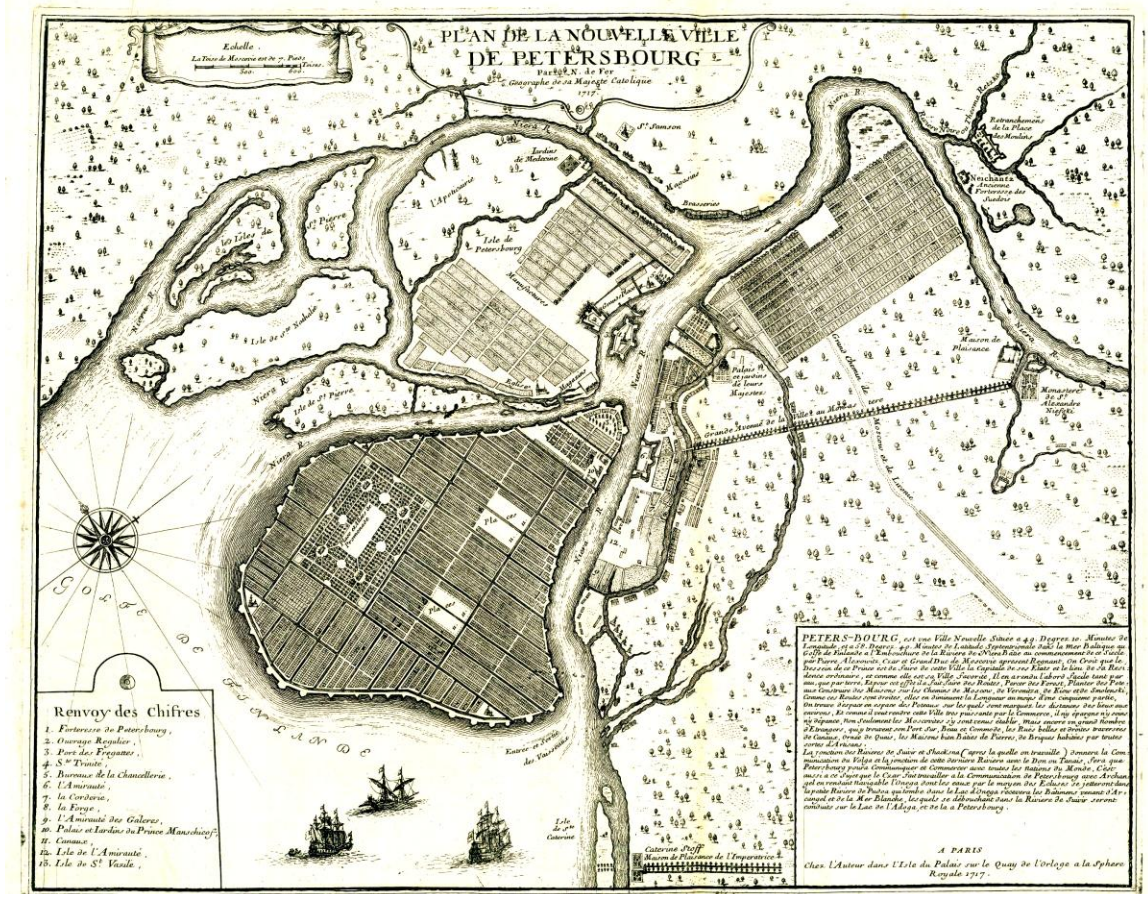
План Москвы (1630)

План Москвы (1678)

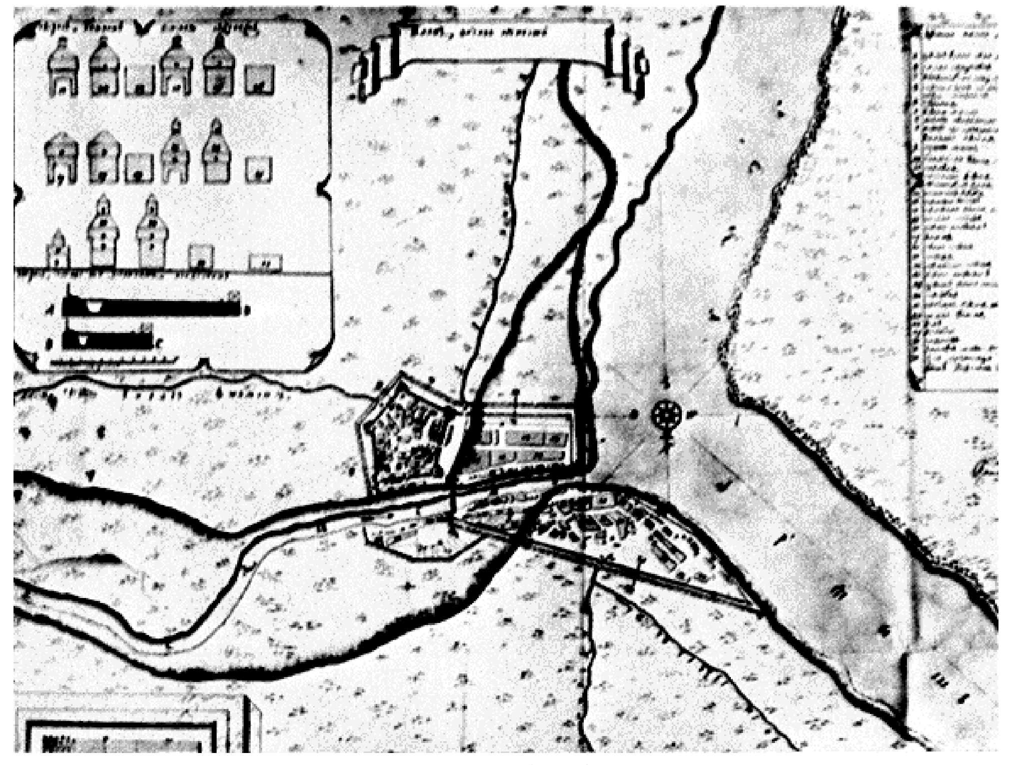

План Петербурга (1705)

План Петербурга (1717). Nicolas de Fer

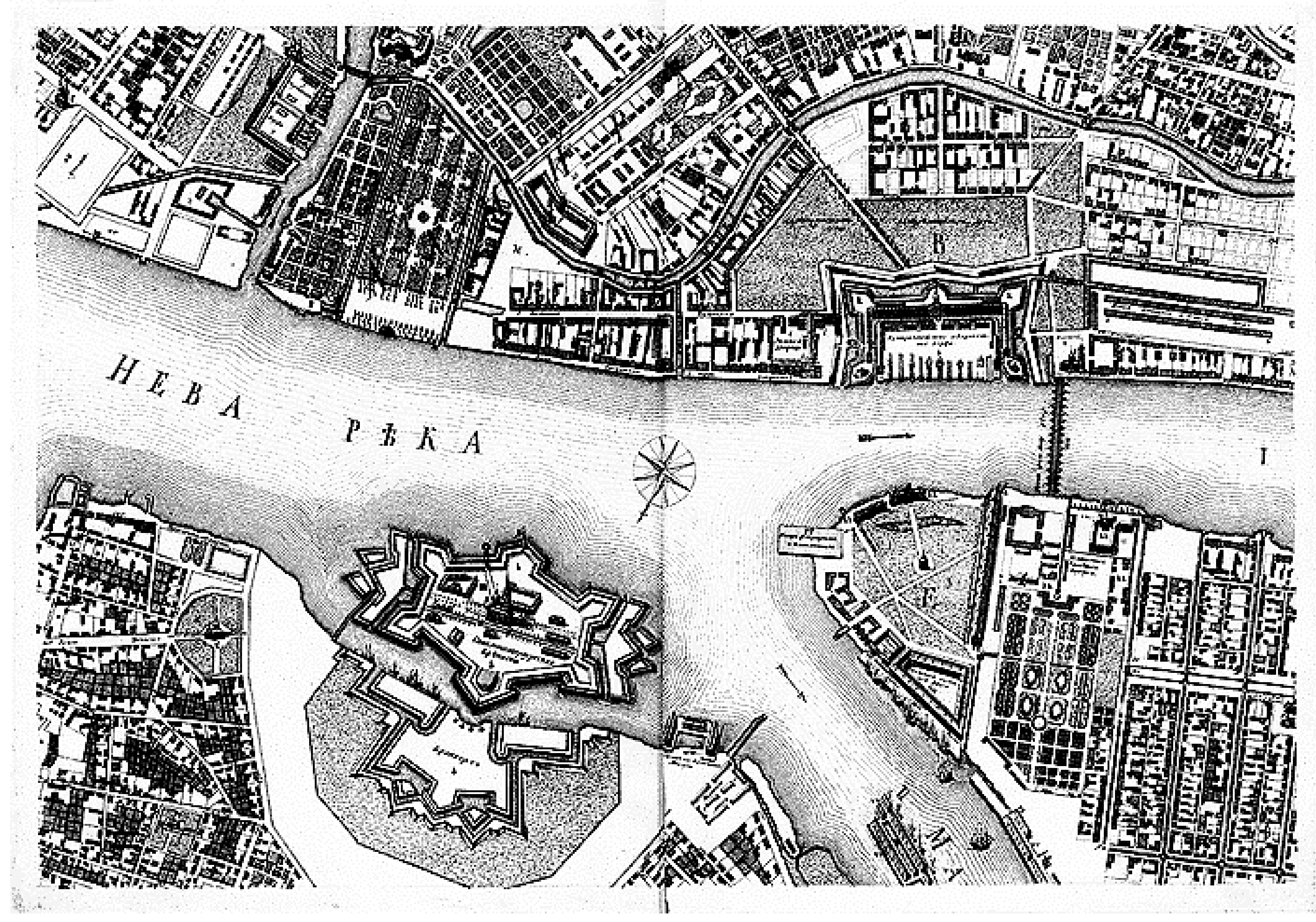
План Петербурга («Топографическое изображение новой русской столицы»). И.-Б. Хоманн (1731)

План Омска (1745)

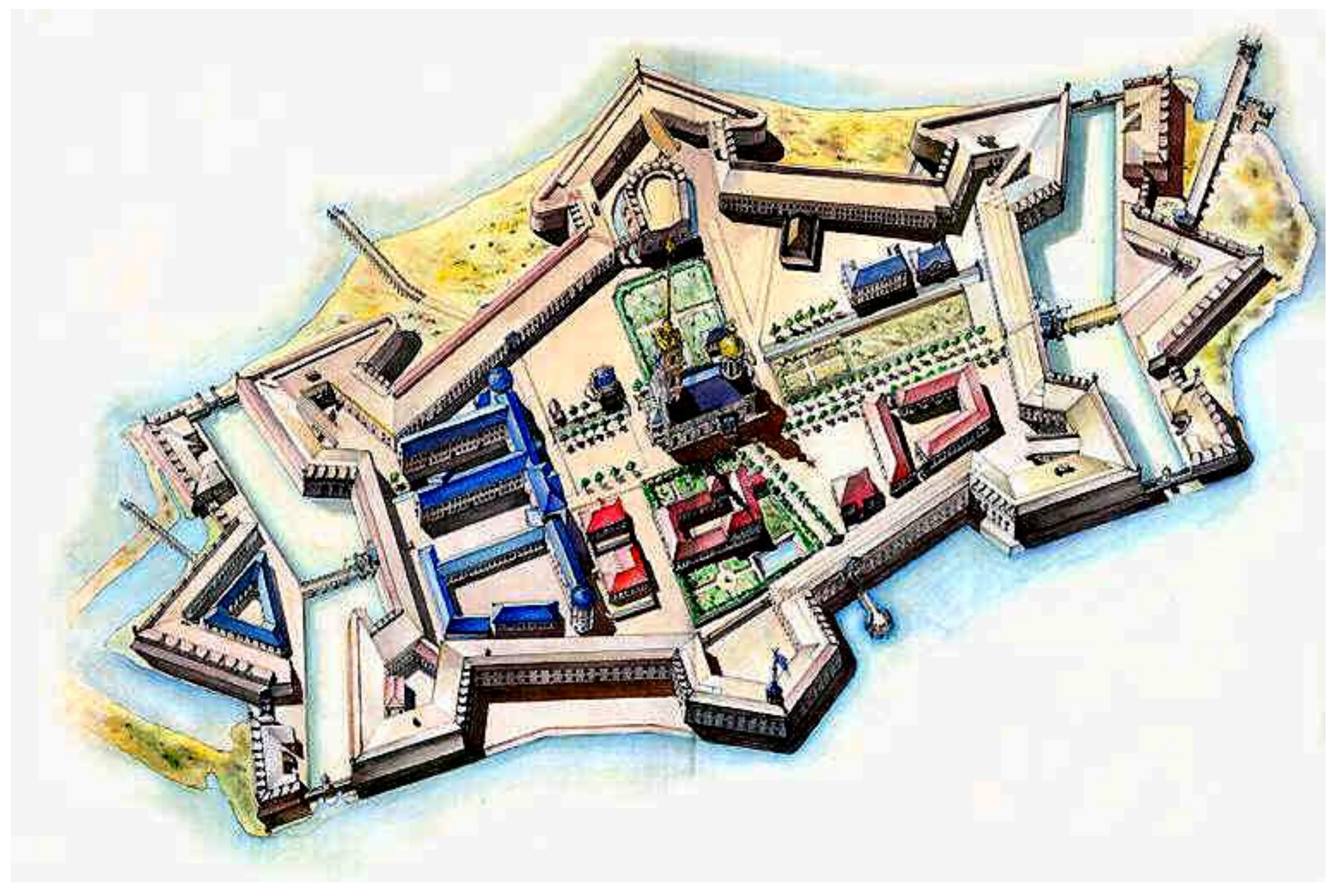
План Петербурга (1737). Автор гравюры на меди Г.-И. Унверцахт

Фрагмент карты Петербурга (1753). Составитель И.Ф. Трускотт, гравёр И. Соколов, художник Махаев

Кроншлот (1750). Общий вид. Homann Heirs

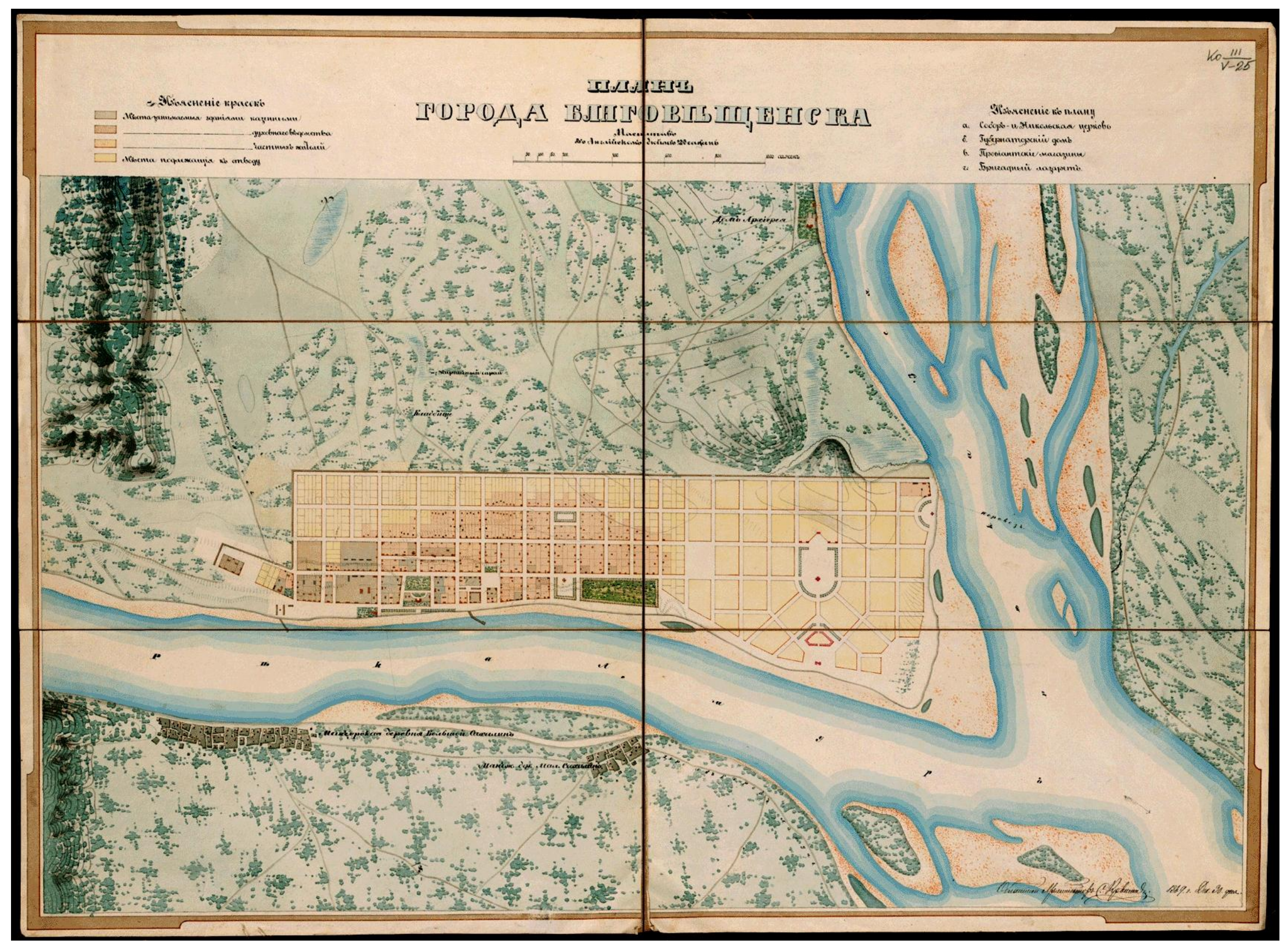
План Петропавловской крепости Петербурга (1800). Вид сверху

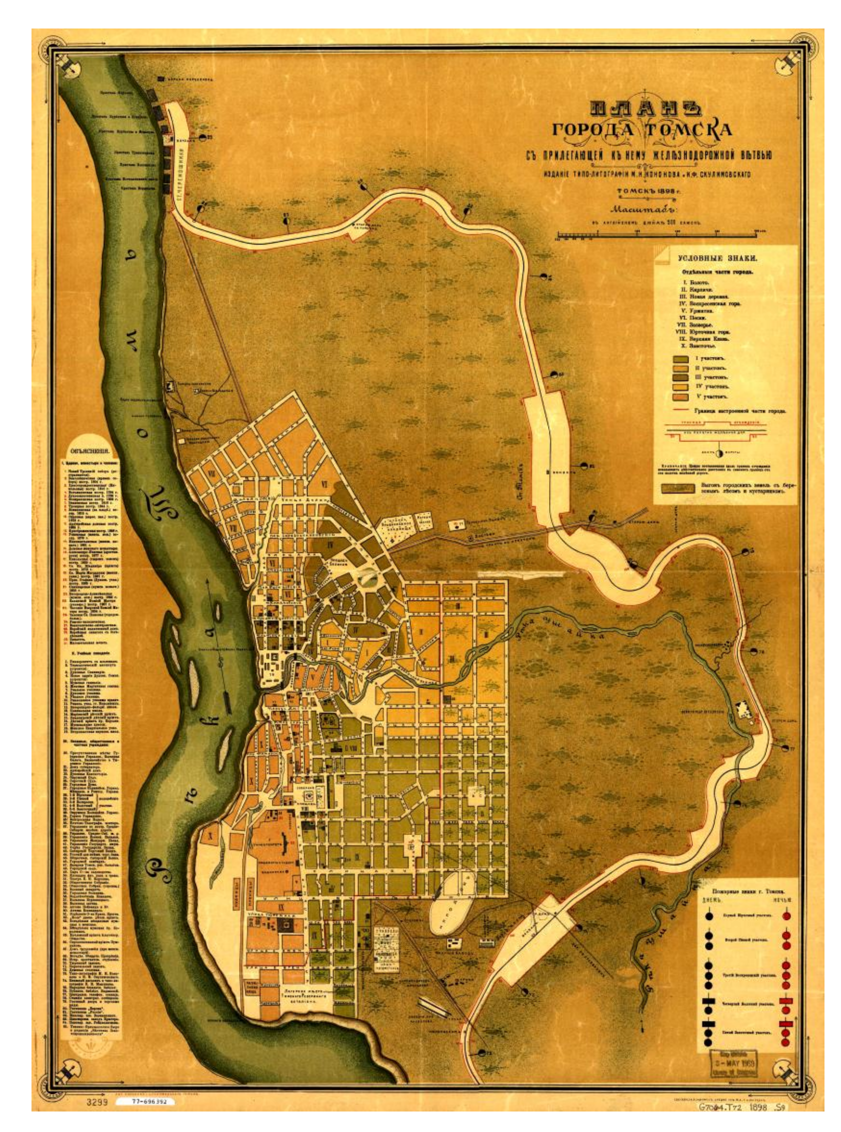
План Кронштадской крепости (1854)

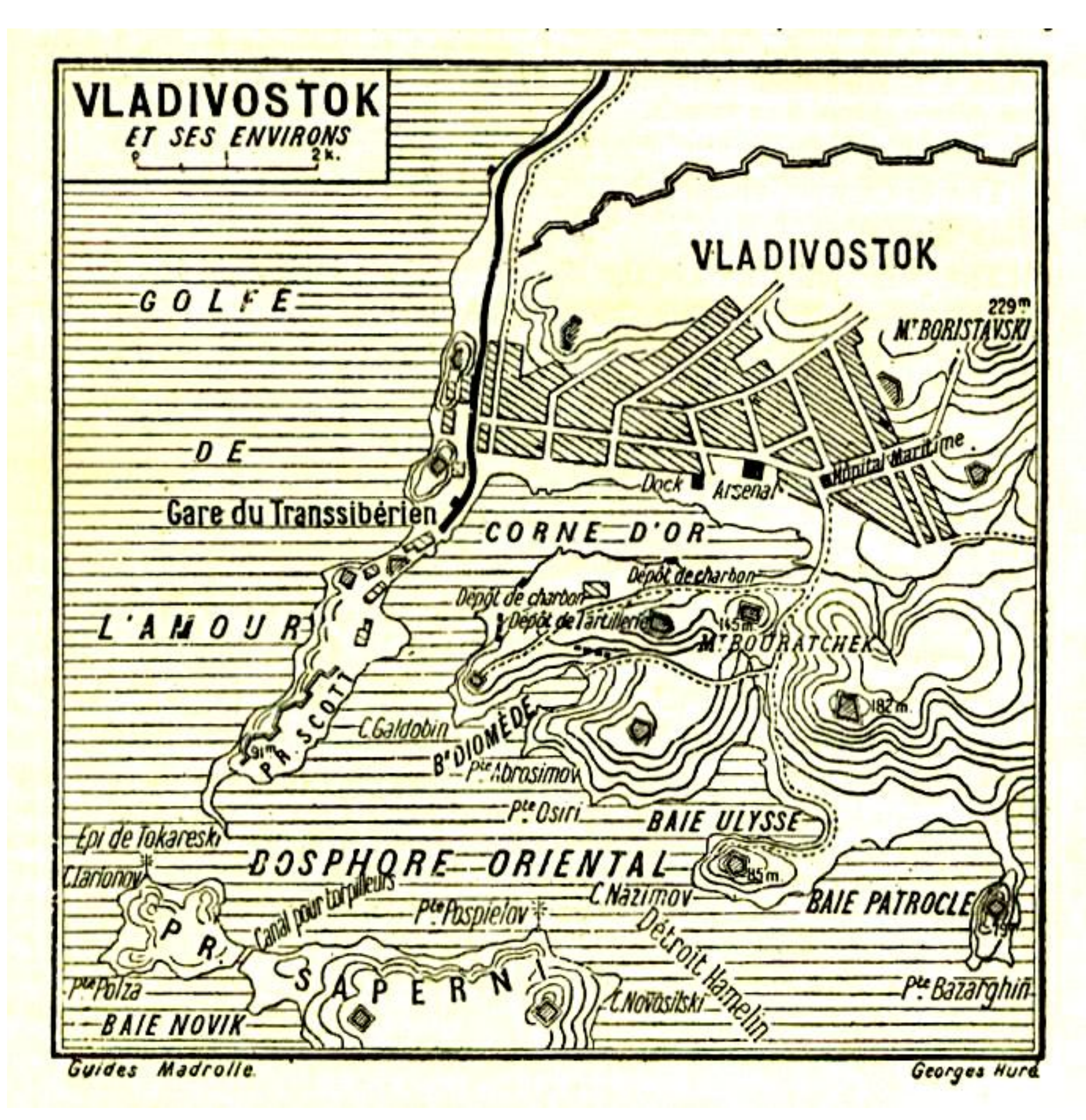
Панорама обороны Севастополя и лагерей противостоящих сторон (1855). Read and Go

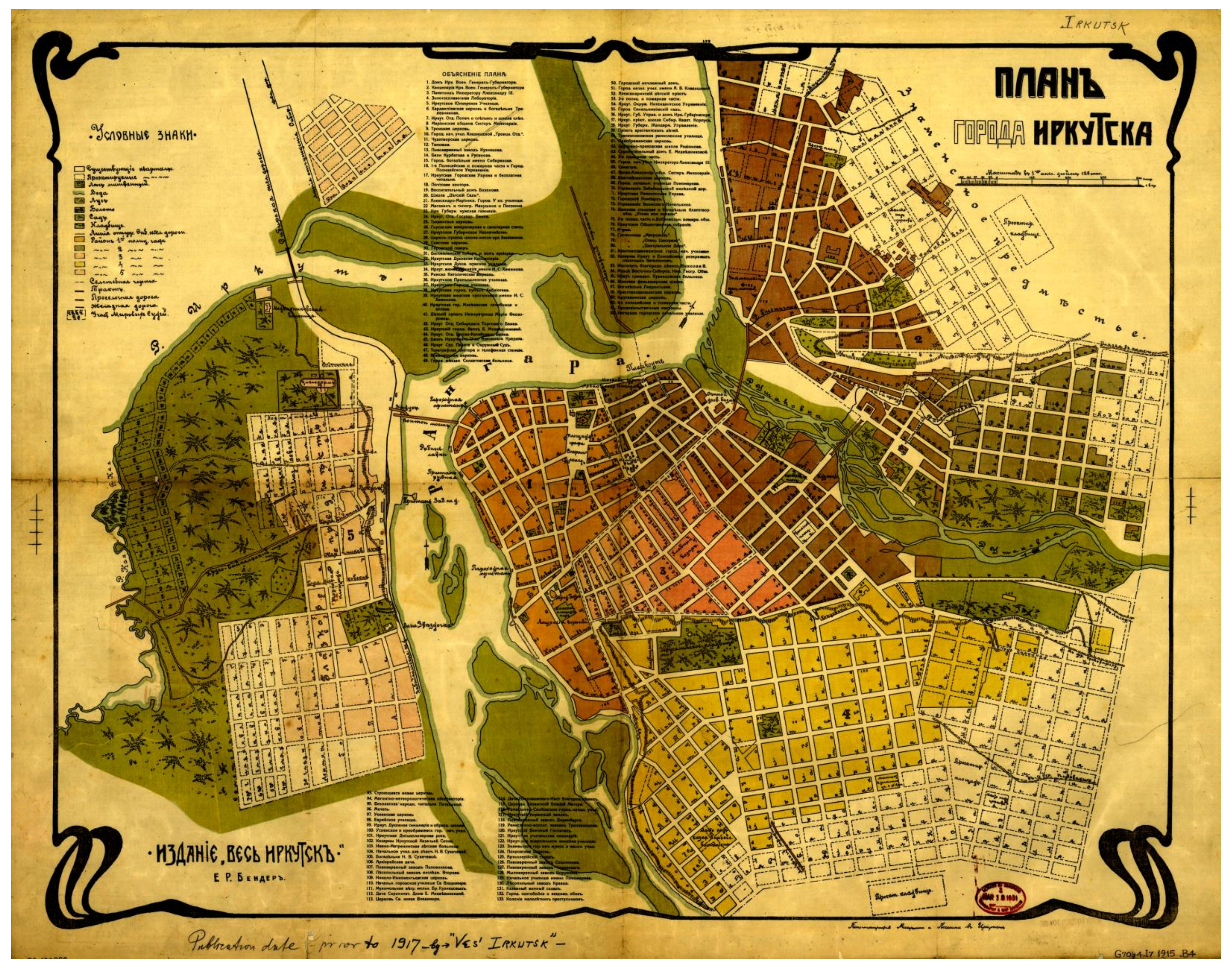
План Благовещенска (1869)

План Томска с прилегающими к нему железнодорожными путями (1892). Издание типолитографии М.Н. Кононова и И.Ф. Скулимовского

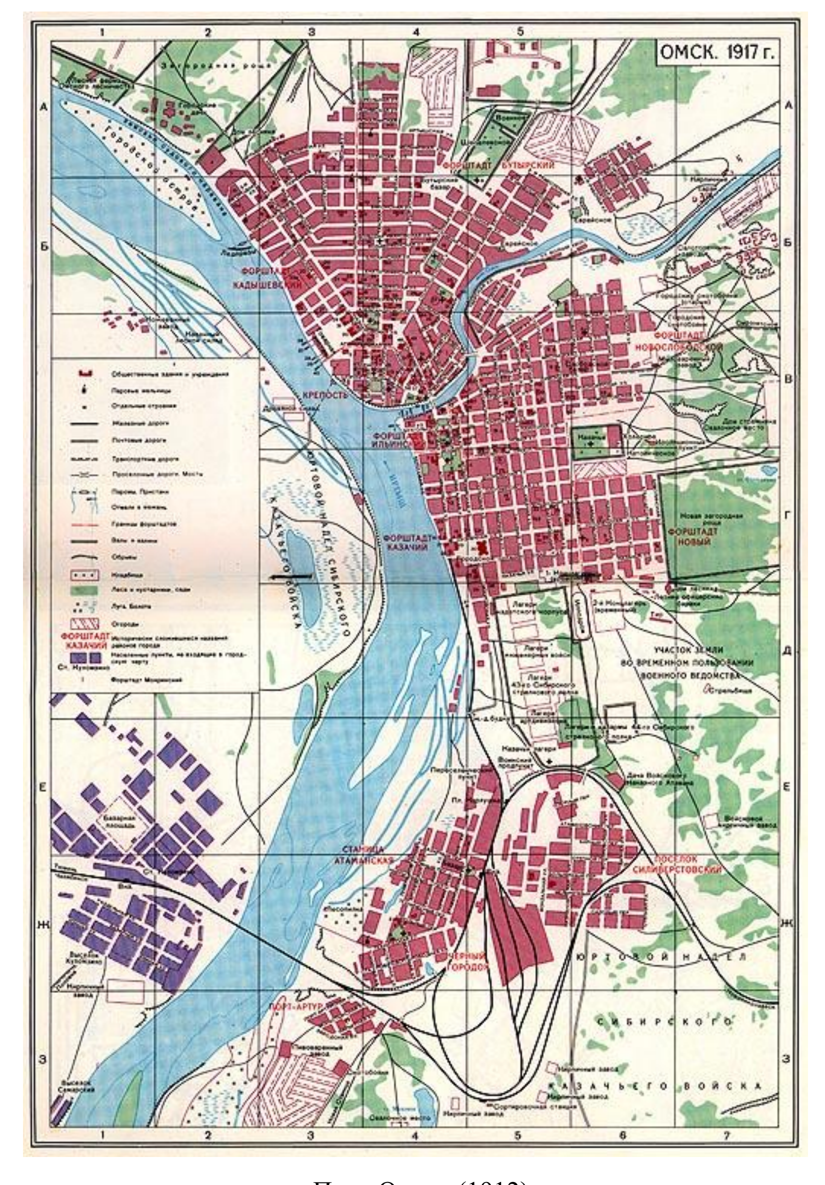
План Владивостока. Из путеводителя Мадролле (1912)

План Иркутска (1915). Е.Р. Бендерь

План Перми (начало XX века)

План Омска (1912)

Схематическая карта Амурской области (1919). Вычертил Живнерев

Карта стран в виде людей и прочих существ: «карта-осьминог» (1877). Из серии «Комические карты войны» Фредерика Роуза (1877). Так виделась европейцам политика России по освобождению славян Балканского полуострова от турецкого владычества

Пример учебно-методической карты в исторической картографии: «И.В. Сталин на фронтах гражданской войны 1918–1920 гг.» (середина XX века)

Сергей Александрович Головин,
д-р ист. наук, профессор кафедры истории

Старинные карты мира, России и Сибири: в 3-х т.
Т. 3: Старинные русские карты России и Сибири

Лицензия ЛР № 040326 от 19 декабря 1997 г.
План университета 2012 г.
Подписано в печать 12.04.12. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Отпечатано на дупликаторе. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 10,23.
Тираж 100 экз. Заказ 2991

Издательство Благовещенского государственного
педагогического университета.
Типография Благовещенского гос. пед. университета 675000,

Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Ленина, 104